

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания

ТЕМИРБОЛАТ КУБАТИЕВ

**ВОСПОМИНАНИЯ ОСЕТИНСКОГО
ЭМИГРАНТА**

Часть I

МОЯ ЖИЗНЬ НА КАВКАЗЕ

Владикавказ 2014

ББК 83.3(0)9

*Печатается по решению Учёного совета
СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А*

**Кубатиев Темирболат. Воспоминания осетинского эмигранта.
Ч.I. Моя жизнь на Кавказе / Пер., предисл., примеч. Г.В. Чочиев.
– Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 424 с.**

ISBN 978-5-91480-223-0

Перевод с турецкого языка,
предисловие и примечания **Г.В. Чочиева**

Автор книги родился в конце позапрошлого века в Северной Осетии в знатной и состоятельной семье. В юности был вовлечен в круговорот послереволюционного гражданского противостояния и в 1922 году навсегда покинул родину. Написанные им на склоне лет в Турции воспоминания проливают свет на многие малоизвестные факты и явления, свидетелем которых ему довелось стать в период жизни на Кавказе. Публикация мемуаров, несомненно, будет способствовать формированию более полного и сбалансированного взгляда на ту противоречивую эпоху.

ББК 83.3(0)9

ISBN 978-5-91480-223-0

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ЧОЧИЕВ Г. В. ТЕМИРБОЛАТ КУБАТИЕВ И ЕГО ХРОНИКА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ НА КАВКАЗЕ.....</i>	5
<i>ТЕМИРБОЛАТ КУБАТИЕВ. МОЯ ЖИЗНЬ НА КАВКАЗЕ.....</i>	9
Приложение	413
Указатель имен.....	419
Указатель населенных пунктов.....	423

ТЕМИРБОЛАТ КУБАТИЕВ И ЕГО ХРОНИКА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ НА КАВКАЗЕ

В последние десятилетия в нашей стране наблюдается общественный и академический интерес к объективному изучению и во многом переосмыслению такой переломной и противоречивой эпохи отечественной истории, как период революций 1917 года и последующей гражданской войны. Очевидно, однако, что полноценное исследование данной проблематики невозможно без ввода в научный оборот ранее недоступных источников, представляющих точки зрения и опыт разных сторон, вовлеченных в противостояние почти вековой давности. За истекшие после начала так называемой «перестройки» годы достоянием известности стали десятки сочинений мемуарного, публицистического и аналитического характера, написанных представителями различных фракций («белогвардейской», «буржуазно-националистической» и т.п.) эмигрантского зарубежья, которые при всем разнообразии содержащихся в них оценок и идейно-политических ориентаций в определенной мере уравнивают доминировавший в течение советского периода односторонний «канонический» взгляд на явления и процессы того времени и существенно обогащают наши представления о причинах, обстоятельствах и последствиях общероссийской смуты конца 1910-х — начала 1920-х годов. Вместе с тем абсолютное большинство подобных материалов исходит от собственно русских по этнической принадлежности либо социальному опыту авторов и описывает преимущественно события, имевшие место в центральных и других «русских» регионах государства. Во всяком случае перипетиям и специфике гражданского конфликта в национальных областях Северного Кавказа посвящено крайне незначительное число русскоязычных публикаций указанного рода, а по Осетии таковых не известно вовсе. Ввиду этого фактически первым вводимым в научный оборот внесоветским источником по социально-политической истории Осетии 1917-1922 годов являются воспоминания очевидца и участника событий тех лет, представителя осетинской традиционной знати Темирболата Иласовича Кубатиева (1896-1985), написанные им в эмиграции в Турции на турецком языке на склоне жизни (после эмиграции имя и фамилия автора мемуаров были зафиксированы в его турецких документах как Демирполад Кубат). Оригинальный рукописный и машинописный варианты данного произведения были переданы нам в конце 1990-х годов сыном мемуариста Айтеком Кубатом, проживающим в Анкаре.

В воспоминаниях Т. Кубатиева получили отражение исторически значимые (в том числе неизвестные и малоизвестные) факты и явления, свидетелем которых автору довелось быть в качестве сначала члена экспроприруемого землевладельческого сословия, затем солдата деникинской Добровольческой армии, участника антибольшевистского повстанческого движения и, наконец, амнистированного властями, но находящегося под их негласным наблюдением гражданина молодой советской республики. Несмотря на определенную и, думается, вполне естественную классово-сословную, идеологическую и политическую пристрастность Т. Кубатиева, его мемуары в целом нельзя назвать тенденциозными. Они нацелены на максимально полное (зачастую фотографически точное) и непредвзятое восстановление хронологической канвы данного отрезка его жизни. Следствием этого является высокая степень их насыщенности событиями, именами, датами и иным фактическим материалом (порой вплоть до излишних на первый взгляд подробностей), почерпнутым исключительно из поистине феноменальной памяти мемуариста и успешно прошедшим проведенную нами выборочную экспертизу на историческую достоверность. Все это выводит рассматриваемый труд за рамки обычного автобиографического повествования и делает его ценным источником по истории Осетии и в целом Кавказа соответствующего периода. При этом географический охват описываемых в тексте событий весьма широк и включает в себя территории современных Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Дагестана, Ставрополя, Грузии и Азербайджана. Несомненный исследовательский интерес представляют также включенные в рассказ наблюдения и свидетельства об этнокультурных и бытовых реалиях эпохи. Кроме того, в мемуарах содержатся краткие, но важные сведения о положении потомков осетинских мухаджиров XIX века в Турции, включая тех из них, кто незадолго до революции реэмигрировал на историческую родину.

В числе недостаточно изученных на сегодня в историографии Осетии и Северного Кавказа вопросов, на которые проливают существенный дополнительный свет воспоминания Т. Кубатиева, можно назвать, в частности, такие темы, как конфликт между традиционной знатью и радикальными социалистами и в целом социально-классовое, политическое и военное противостояние в Осетии; формирование и функционирование осетинских, кабардинских и других этнических горских полков Добровольческой армии; положение и судьба их личного состава после разгрома и бегства в Грузию; деятельность антисоветских вооруженных формирований в Северной Осетии и соседних регионах

в начале 1920-х годов; эмиграция большой группы осетин (военных беженцев из Карсской области и бывших членов антисоветского подполья) в Турцию в конце 1922 года в соответствии с советско-турецким соглашением и др.

Несмотря на чрезвычайно субъективный, порой личностный характер восприятия и изложения автором пережитых им событий и явлений и неоднозначность и спорность целого ряда его суждений и оценок, данный труд осетинского политэмигранта, впервые представляющий в столь развернутой форме взгляд и опыт побежденной стороны в постреволюционном гражданском конфликте в центральнокавказском (и не только) регионе, несомненно, будет способствовать формированию в отечественной историографии более полной и сбалансированной картины той сложной и трагической эпохи.

Около десяти лет назад мы приступили к работе по переводу на русский язык и подготовке к печати воспоминаний Т. Кубатиева, в результате чего свет увидели несколько разделов этого произведения¹. Однако в дальнейшем в силу не зависящих от нас обстоятельств мы, к сожалению, не смогли продолжить его непрерывную публикацию. В 2005 году мемуары были изданы и в Турции Айтеком Кубатом². Эта книга включает в себя как кавказскую, так и значительно меньшую по объему турецкую часть воспоминаний, посвященную жизни Темирболата после эмиграции. Следует отметить, что Айтек Кубат счел необходимым внести в текст источника определенные изменения стилистического (замена некоторых слов и выражений их литературными или более употребительными синонимами, упрощение синтаксиса) и редакционного («хронологизация» сюжетной канвы повествования и его разбивка на главы, исключение «повторов», включение ряда известных Айтеку из устных рассказов отца дополнительных фрагментов и т.п.) характера. Это, несомненно, сделало материал более удобным для восприятия массового турецкого читателя, но в то же время видимым образом отдалило его от оригинальной авторской версии. Мы в настоящем издании полностью следуем аутентичному рукописному варианту мемуаров.

Поскольку автор не придерживается единого принципа передачи турецкой латиницей осетинских фамильных имен (в оригинальном тексте они фигурируют то с осетинскими, то с русскими патронимическими окончаниями, то вообще без таковых, то с турецким показате-

¹ См.: Историко-филологический архив. №№ 4 (2005), 5 (2006).

² Temirbolat Kubat. Muhacirin Hicrandır Ömrünün Yarısı. Derleyen: AYTEK KUBAT. Ankara: KAFDAV, 2005 (362 с.).

лем множественности -lar/-ler, иногда также с другими отклонениями от ныне принятой нормы), мы сочли целесообразным перевести их все в современную официальную «русифицированную» форму. Для личных же имен арабского, тюркского и персидского происхождения, которые в оригинале выступают, как правило, в своих турецких фонетических разновидностях (Омер вместо Умар, Доган вместо Туган и т.п.), нами по возможности были «реконструированы» соответствующие осетинские/общекавказские варианты. Вместе с тем во избежание неточностей и ошибок в необходимых случаях в примечаниях приведены и авторские версии написания собственных имен. Скорректирована также орфография некоторых топонимов. При переводе на русский язык таких терминов родства, как «двоюродный брат/сестра», «дядя», «тетя», имеющих в турецком языке (как и в осетинском) гораздо более конкретный и информативный характер, чем в русском, мы для удобства читателя вынесли их дословную расшифровку в примечания. Там же даны и варианты передачи латиницей русских и осетинских слов и выражений, временами вкрапляемых автором в текст повествования. Все подстраничные примечания принадлежат нам.

Считаем своим приятным долгом выразить благодарность профессору Руслану Бзарову за его стимулирующую роль в принятии нами решения о начале работы над данным проектом и разъяснение значения ряда исторических терминов и реалий, а также Артуру Цуциеву за уточнение написания и местонахождения некоторых топонимов. Естественно, за все ошибки и неточности в примечаниях ответственность несем мы.

Вторая часть этой публикации включает в себя воспоминания Темирболата Кубатиева о послеэмиграционном периоде его жизни.

Георгий Чочиев

ТЕМИРБОЛАТ КУБАТИЕВ
МОЯ ЖИЗНЬ НА КАВКАЗЕ

20.01.1974
Эрзурум

Я, Темирболат, сын Иласа¹ из рода Кубатиевых² племени дигорских баделиатов³, родился в 1896 году в селе Урсдон (Кубатиевском селе), расположенном в дигорском крае Северной Осетии и доставшемся нашим отцам от наших дедов в качестве собственности. Сейчас 1974 год. Я живу в Турции, в Эрзуруме. 15 января мне исполнилось 78 лет. Друзья любят слушать мои устные рассказы о том, как я провел все эти годы, по каким местам водила меня судьба и какие приключения дала вкусить, по какой причине и каким образом я покинул родину и оказался здесь, какую борьбу вел и какие трудности испытал. Им кажется, что рассказывать об этом очень легко. Ведь слова растворяются в воздухе, и слушающие внимают им, словно сну со счастливым концом, требуя продолжать рассказ. Я же никак не могу забыть пережитые мной суровые, полные смертельной опасности мгновения и, повествуя о них, порой внутренне содрогаюсь, как будто вновь вижу перед собой те картины.

В чем сейчас моя цель? Мне уже много лет, но, слава Богу, я не чувствую в себе признаков умственной или физической немощи. Несмотря на столь трудный путь, я совершенно здоров и крепок и с точностью до минуты храню в памяти события прошлых дней. Постараться изложить их здесь — для меня своего рода удовольствие. Посмотрим, справлюсь ли. Может быть, у меня что-нибудь и получится, и тогда мои внуки прочтут на досуге написанное мной. Все равно у меня нет другого дела. И, уж конечно, я вовсе не собираюсь писать книгу.

Темирболат

---

¹ В оригинале: İlyas.

² В оригинале: Kubat.

³ В оригинале: Digori Badelyat.

Наши предки были землевладельцами-феодалами, известными в истории Кавказа как дигорские баделиаты. В Северной Осетии, в Дигории, им принадлежали земли, расположенные между ручьем Крупс и рекой Урух и тянущиеся от реки Терек до самых гор. В середине XIX века русские начали различными методами подчинять себе Кавказ, в одни его области направляя войска, а в других сладкими речами и демонстрацией миролюбивых намерений убеждая хозяев продать им свои земли. В наших краях появление русских произошло вторым способом. Купив часть принадлежавших нам земель и лесов, они частично отвели их под казачьи поселения (станицы), а частично раздали безземельным осетинам-горцам, таким образом под маской приверженцев справедливости сделав первые шаги к осуществлению своих захватнических замыслов. При этом, чтобы задобрить наших предков, русские оставили в неприкосновенности их княжеские титулы. Весьма довольные тем, что сумели продать свои неиспользуемые земли, наши деды жили в условиях этого порядка вещей вплоть до 1917 года, когда в России разразилась революция.

Теперь я перехожу к рассказу о своей собственной жизни.

Я не могу назвать себя образованным человеком. Вся моя учеба свелась к тому, что я закончил русскую начальную школу в Нальчике. Несмотря на мое желание продолжить учиться, старшие не дали мне такой возможности, и я вернулся в наше село. В сущности, умение читать и писать в те времена считалось вполне достаточным, остальное же было не столь важно. После этого я начал празднично проводить дни, не работая, не заботясь о поиске хлеба насущного и проводя время в занятиях верховой ездой и хождении по свадьбам и вечеринкам.

Так продолжалось до 1914 года. Мой старший брат Умар¹ был солдатом запаса. Когда началась Первая мировая война, он, как и все резервисты, был сразу же призван в армию и отправлен поначалу на австрийский фронт в Карпаты.

---

¹ В оригинале: Ömer.

Я стал вторым после отца главой в доме. Однако это мое «старшинство» длилось недолго. Война становилась все более ожесточенной. Русские солдаты тысячами гибли как на турецком фронте, так и в Карпатах, но на их место призывали новых. Мне было тогда всего семнадцать или восемнадцать лет, но я тоже получил повестку и явился в призывной пункт. Должно быть, комиссии я показался чересчур юным, почти ребенком, коль скоро меня отправили назад, сказав, что я могу еще немного погулять. Товарищей же моих пригласили тянуть жребий. В веселом расположении духа я вернулся домой, где все также обрадовались этой новости.

В отличие от других народов России, мы, осетины, становились солдатами по жребию. Я не вижу необходимости рассказывать здесь о причинах этого, поскольку объяснение займет много времени. Как бы там ни было, я еще немного погулял, но набор рекрутов не прекращался, и через некоторое время меня снова вызвали. На этот раз и я тянул жребий, но мне опять повезло: я вытащил большое число. Хотя на тот момент я был свободен, отныне я уже считался солдатом запаса. Меня часто вызывали, но потом отпускали.

Наконец грянул «долгожданный» день. Нас собрали и сообщили, что после непродолжительной подготовки мы будем отправлены на фронт. Я сбежал. Дезертиров, подобных мне, разыскивали и забирали жандармы. Поскольку наш дом находился рядом с лесом, всякий раз, когда я узнавал об их приближении, я убегал в лес — пусть ищут! Однако с каждым днем жандармы наведывались в село все чаще и чаще. Отец, когда они спрашивали его обо мне, отвечал одно и то же:

— Он давно уехал в город. Мы ничего о нем не знаем и сами волнуемся. Возможно, он вступил добровольцем в какой-нибудь другой полк.

Этот ответ звучал довольно убедительно, потому что осетинская молодежь часто поступала таким образом. В осетинских полках было немало отличных ефрейторов. Кабардинские и дагестанские же полки были сформированы недавно. Поэтому наши молодые ребята, будучи более смелыми и в большинстве

своем уже имея опыт лагерной подготовки, вступали в эти полки, где сразу становились ефрейторами, а после проявленных способностей — унтер-офицерами или вахмистрами. Если же они завоевывали еще и медали, то очень скоро становились корнетами. Поскольку потери среди молодых офицеров были велики, их ряды армия пополняла и таким способом. Возможно, жандармы и не верили рассказу моего отца, но, сделав вид, что поверили, уходили.

Вскоре, однако, мне надоело прятаться, и однажды ночью я сел на коня и отправился в расположенное в тридцати километрах от нас село Каражаево¹, где жили братья моей матери. Проведя там около месяца, я вернулся назад. Отец, едва расспросив меня о том о сем, сказал:

— Хорошо, что ты вернулся. На турецком фронте русские строят сухопутную дорогу от Карса до Эрзурума, а также железную дорогу от Сарыкамыша до Эрзурума. Подрядчиком на строительстве дорог является наш Татаркан Бесолов² из Алагира. Он заключил с правительством договор, согласно которому люди, обязавшиеся работать вплоть до завершения строительных работ, подлежат освобождению от службы в армии. За работу возницей на однолошадной телеге дают четыре с половиной рубля в день. Сын твоего дяди виделся с Татарканом и тайно подписал контракт. Ты тоже можешь присоединиться к ним, если захочешь.

Мы вместе с сыновьями дяди снарядили пятнадцать телег и отправились во Владикавказ. У въезда в город мы остановились. Ночью пришли люди подрядчика, прикрепили к нашим телегам номерки, а на гривы лошадей поставили свинцовые пломбы. Получив свои рабочие удостоверения, в июне 1916 года мы двинулись через Дарьяльское ущелье в сторону Тифлиса. Таким образом, мы не только избавились от статуса дезертиров, но и начали со дня отправления в путь получать поденную плату. Через месяц мы достигли Сарыкамыша и поселились в белом па-

---

¹ Каражаево — ныне село Хазнидон Республики Северная Осетия-Алания.

² В оригинале: Tatarhan Besol.

латочном городке близ села Караурган, где до войны проходила русско-турецкая граница¹.

Наша работа была довольно легкой и заключалась в следующем: каждый из нас привязывал три телеги одну к другой, сам садился в первую и, медленно погоняя лошадь, подъезжал к берегу ручья, где находились кучи песка, просеянного работавшими там пленными турками. Затем с невозмутимым видом, не слезая с телеги и перешучиваясь с пленными, отдавал им команду «Загружай!» (мы выучили по-турецки слова «загружай» и «разгружай»), и пленные загружали по очереди телеги, которые отправлялись в обратный путь к строящемуся участку дороги. Здесь другие пленные так же весело их разгружали. После двух-трех ходок звонил колокол, возвещавший об обеденном перерыве. Пищу готовили в большом походном котле, а деньги за еду высчитывали из нашего заработка в начале каждого месяца. Пища была неважная: черный ржаной хлеб, борщ и просяная каша, но со временем мы привыкли довольствоваться тем, что есть. Лошадей кормили соломой, ячменем и сеном, а ночью отводили в окрестные горы, где пасли их по очереди.

Приближалась осень, и стало прохладнее. Однажды вновь пришла моя очередь пасти лошадей. Вечером я сел на коня и, погоняя впереди себя остальных лошадей, поднялся в горы, где стал их пасти, перегоняя с места на место. Наступила полночь. Поскольку раньше в этом месте проходила граница, там сохранились пограничные знаки из цельных камней размером в два кубических метра, установленные на определенном расстоянии друг от друга. Ночь была прохладная, дул ветер. Я сел под одним из камней и вдруг увидел, как на двух высоких холмах, находившихся приблизительно в 150-200 метрах справа и слева от меня, появились две волчьи стаи и начали выть друг на друга. Меня ох-

---

¹ Карсская область, в состав которой входил округ Сарыкамыш, отошла к Российской империи после русско-турецкой войны 1877-1878 годов. По Брестскому мирному договору 1918 года была возвращена Османской империи, однако до 1920 года фактически находилась в составе Армении. Окончательно передана Турции в соответствии с Московским договором 1921 года.

ватил страх. Они словно переговаривались и, как мне казалось, призывали друг друга напасть на моих лошадей. В страхе я постарался собрать лошадей в табун. В какой-то момент вой прекратился, но через некоторое время я заметил, что волки с правого холма приблизились к волчьей стае на левом холме и вскоре сцепились с ними в драке. Естественно, в темноте я не мог их видеть, но их зубы лязгали так, словно они разрывали друг друга на части. При мне не было никакого оружия, кроме кинжала. Я мог лишь кричать во все горло «Э-э-эй, о-о-ой!», но мой голос тонул в скрежете зубов. Спустя довольно продолжительное время звуки, наконец, прекратились. Я же от охватившего меня страха еще раньше взобрался на пограничный камень. Тем временем мои лошади разбрелись кто куда. Я подождал немного и, так как по-прежнему было тихо, спустился с камня и снова собрал лошадей. До утра, однако, было еще очень далеко. Я так и не успел поспать и валился с ног от усталости. Поэтому, надеясь немного отдохнуть, я вновь присел под камнем, но сразу же уснул. Не знаю, как долго я спал, но, когда открыл глаза, лошадей рядом не было. В темноте я стал спускаться к ручьям, подниматься на холмы, но все было напрасно, и я решил, что лошадей разогнали волки.

Рассвело. При дневном свете я смог лучше рассмотреть округу, но лошадей нигде не было. Я отправился в обратный путь. По дороге я нигде не заметил следов от копыт лошадей, зато в дорожной пыли было много волчьих следов, как будто прошло целое стадо овец. Судя по следам, их было не меньше сотни. Какое-то время они шли по дороге, затем свернули налево. Я приблизился к лагерю, с холма осмотрел территорию, но лошадей не было и там. Я снова повернул назад, поднимаясь на каждый холм, спускаясь к каждому ручью, пока, наконец, не обнаружил их спокойно пасущимися в какой-то лощине. Поймав одну из лошадей, я сел на нее, а остальных погнал впереди себя. Пустив табун во весь опор, вскоре я добрался до палаток, но утром того дня мы не смогли выйти на работу. Это был единственный ущерб для нас.

Хотя история с волками на этом закончилась, место, где мы находились, после этого потеряло для нас привлекательность, и

мы начали искать способ вернуться на родину чего бы нам это ни стоило. Это было нелегко сделать, потому что у нас был контракт. К тому же необходимы были соответствующие документы. Но однажды мой двоюродный брат Сафар¹ встретился в Сарыкамыше с каким-то человеком и узнал, что, если дать взятку, то можно получить фальшивые документы для проезда в Тифлис якобы за товаром. Мы так и сделали и однажды рано утром отправились в путь. Нас было трое, и каждый гнал связку из пяти пустых телег. За Сарыкамышем нас остановили казаки и спросили, куда мы направляемся, однако, увидев наши документы, пропустили. Под грохот пустых телег мы пустили лошадей рысью. Там, где нас заставал вечер, мы останавливались на ночлег, а рано утром вновь отправлялись в путь. На двенадцатый день нашего путешествия под вечер мы достигли села Редант, расположенного в семи километрах от Владикавказа на выезде из Дарьяльского ущелья. Здесь я несколько раз плюнул в ту сторону, откуда мы только что приехали, и попросил Бога, чтобы мне никогда больше не пришлось видеть этой страны. Но, видимо, Бог не принял мою молитву. Судьба сложилась так, что именно здесь я закончу свои дни. Значит, все происходит только по воле Аллаха, необходимо верить в это.

Воспользовавшись наступлением темноты, мы оставили телеги в пригороде Владикавказа и пошли в ресторан, где хорошенько поужинали и переночевали, а утром выехали в сторону нашего села. По дороге нам встретились несколько офицеров, наших односельчан, возвращавшихся из увольнения на фронт. После обмена приветствиями они сказали:

— Зря вы приехали, в деревне идут обыски. Вас арестуют и отправят на фронт. Так что будьте осторожны и днем не появляйтесь в селе.

Проведя весь день в пути, мы вошли в село лишь ночью. Зимой, весной и летом мы провели, прячась в разных местах. Так мы прожили вплоть до революции 1917 года.

В результате революции русский царь Николай Романов был свергнут с престола и вместе со всей семьей заключен в тюрьму.

---

¹ В оригинале: Sefer.

На фронтах солдаты бросали оружие и кричали: «Царя долой! Свобода! Земля! Воля!»¹ Рядовые арестовывали и расстреливали своих офицеров. По всей России уничтожали фабрикантов, грабили, сжигали и разрушали заводы, отбирали земли у помещиков², а их самих убивали. Этот пожар перекинулся и к нам. Но все-таки не от русских нам досталось, а от нашего же собственного народа, от своих крестьян, вставших на сторону большевиков. Они давно ждали этих дней, потому что у них не было своей земли. Некоторые из них являлись потомками холопов наших предков, некоторые же переселились к нам отовсюду и, арендовав землю у наших отцов и дедов, обосновались в нашем селе, построили себе здесь жилища. Каждый человек платил нам четыре рубля в год за аренду участка земли, на котором он строил дом и т.п. За аренду полей и пастбищ выплачивалась десятина. Те же, кто не имел возможности арендовать землю, договаривались с нами о работе исполу: мы предоставляли им землю и семена, а они засеивали поля и убирали урожай, который делился затем поровну, так что осенью наши амбары заполнялись доверху. Таким образом, мы, не трудясь, жили на даровщину. Это и стало причиной того сложного положения, в котором мы оказались впоследствии, о чем я напишу ниже.

Народ был нами крайне недоволен и, будь это в его силах, давно бы нас уничтожил. Но государство было на нашей стороне, знатные семьи неизменно находились под его опекой и покровительством. Знать по закону имела больше прав, чем народ. Кроме того, существовало и традиционное деление на классы, в чем также не было ничего приятного для тех, кто не принадлежал к знати. Представителями высшего сословия у нас, дигорцев, являлись баделиаты, у тагаурских, куртатинских и алагирских осетин — алдары и уазданы, а у кабардинцев — пши и уорки. Среднее сословие у осетин составляли фарсаги, которые не являлись рабами, но и сами не имели рабов. Третье же сословие составляли рабы и дети наложниц, называвшиеся у осетин кусагами и кавдасардами. Знатные семьи — будь то осе-

---

¹ В оригинале по-русски: *Çar doloy, svobodo zemlya vole.*

² В оригинале по-русски: *помеşşik.*

тины или кабардинцы — заключали браки только между собой. Вступать же в брак с теми, кого они относили к низшим слоям, было категорически запрещено. Поэтому сословия не рождались и не сближались друг с другом. Низшие сословия питали ненависть к представителям высшего, считая их своими врагами. Революция 1917 года, как я уже отметил, благоприятствовала им, поскольку коммунизм не только упразднил сословия, но и наделил неимущих землей.

Наши крестьяне тоже собрались и создали земельную комиссию. Члены этой комиссии явились к нам, прежним землевладельцам, и сказали:

— Как вам известно, царь Николай свергнут и власть перешла к советскому большевистскому правительству. По всей России провозглашена земельная свобода. Вся земля, ранее принадлежавшая государству либо помещикам, передается народу. Так что и вы должны отдать нам свою землю, которую мы раздадим крестьянам. Наша делегация была избрана народом, чтобы сообщить вам это. Мы хотим знать ваше мнение.

Наши посовещались и ответили, что не могут противостоять огромной России и не возражают против того, чтобы их земли были розданы, как того требует комиссия. Делегация, расточая любезности, выразила удовлетворение таким ответом:

— Поскольку вы отнеслись к нашему требованию с пониманием и подчинились закону, мы со своей стороны также хотим сделать для вас доброе дело, — сказали они. — Вы вправе выбрать из своих земель такой участок, который вы в состоянии обрабатывать собственным трудом, не привлекая издольщиков, батраков и арендаторов. Признаем за вами еще одну привилегию: в отличие от остального населения, которому мы раздаем разбросанные участки в зависимости от количества членов семьи, вам мы предоставим цельные участки. Только покажите те места, которые вам нравятся.

Наши поневоле выразили свое согласие и, поблагодарив комиссию, попросили для себя самые плодородные земли. Делегация не возражала и, заключив таким образом с нами соглашение, с миром ушла.

Все условия были неукоснительно выполнены. Обе стороны старались привыкнуть к новому положению. У нас все обошлось без разбоев, грабежей и убийств, имевших место в других областях России; были лишь отобраны наши земли. Причина этого состояла в том, что в наших селах не было русских, местные же жители были привержены обычаям и традициям и относились друг к другу с уважением. Конечно, вследствие сословного неравенства, о котором я рассказал выше, имелись и озлобленные люди. Их переполняла вековая ненависть к нам, они жаждали мести и при удобном случае готовы были совершить любое злодеяние. Однако они не осмеливались на подобные действия в одиночку или небольшими группами, потому что, хотя мы и были в меньшинстве, но благодаря нашему прежнему образу жизни намного превосходили их в искусстве верховой езды и владении оружием. Они всю жизнь работали в поле и только во время службы в армии получали некоторую воинскую подготовку. У нас же, когда ребенку исполнялось пять-шесть лет, его обучали езде верхом, по достижении восьми-десяти лет — привязыванию к поясу кинжала и пистолета, а затем и обращению с ними. Наши обычаи прививали уважение к старшим и любовь к младшим, мы воспитывались в условиях почти военной дисциплины. Благодаря такому воспитанию те из нас, кто уходили в армию, очень быстро становились ефрейторами и унтер-офицерами. Более того, из тех, кто в Первую мировую войну добровольно или по призыву ушли на фронт солдатами, значительное большинство дослужилось до офицерских званий. Когда произошла революция и на всех фронтах началось массовое дезертирство, наши офицеры и солдаты тоже возвратились домой. Одним словом, мы могли противостоять любой силе, не слишком превосходящей нашу по численности. Поэтому беспорядки пока миновали наше село.

Наступил 1918 год. Наш Осетинский кавалерийский полк вернулся с германского фронта во Владикавказ. Солдаты были измотаны войной и, чтобы обновить личный состав полка и включить в его ряды молодых бойцов, собрали нас, резервистов, а также тех, кто был моложе нас, и разместили по казар-

мам. Ветераны передавали нам своих лошадей, обучали военному делу, но оружие пока не выдавали. После завершения нашего обучения они должны были демобилизоваться. Лошади были превосходно выдрессированы, но из-за проделанного ими длинного пути сильно отощали. Еще до того, как нам передали лошадей, один вахмистр знаком руки подозвал меня к себе и повел в конюшню. Указывая рукой на гнедую лошадь с белым пятном на лбу, истощавшую, но очень красивую, он сказал:

— Смотри, парень, это мой конь. В полку он прославился как герой. Мне очень трудно с ним расставаться, и я не хочу оставлять его первому попавшемуся. Среди молодежи я искал такого, кто знает цену лошадям. Ты мне понравился. Заботься об этом коне так, чтобы я не переживал за него. Его зовут Аст.

Услышав свое имя, лошадь подняла голову от кормушки и повернула ее к хозяину.

— Видал? — сказал вахмистр, поглаживая лошадь, и с грустью продолжил: — Что поделаешь, Аст? Судьбе угодно нас разлучить.

Я принял это предложение, отвел лошадь в сторону, привязал ее и поблагодарил хозяина. Тем временем по приказу остальные солдаты тоже выбрали себе лошадей. Теперь мы целыми днями ухаживали за ними, водили к Тереку на водопой, кормили травой, сеном и ячменем. Оружие и седла нам пока не раздали. Только дозорным на время несения караула выдавалось оружие.

Прошел месяц. Наши лошади набрались сил, окрепли. Однажды ночью мы услышали выстрелы, свидетельствовавшие о том, что где-то происходит перестрелка. Мы выскочили на улицу. Оказывается, ингуши напали на тюрьму и подожгли ее. Когда мы приблизились к месту событий, пожар стал еще сильнее. Языки пламени поднимались высоко в небо, и было светло как днем. Взломана была не только тюрьма, но и двери ближайших магазинов, которые подверглись разграблению. На наших глазах из тюремного склада было унесено большое количество казенной материи. Никогда не забуду увиденную там сцену. Какой-то человек, не оглядываясь, бежал с прижатым к груди толстым ру-

лоном материи. Другому человеку, бежавшему следом, удалось ухватить край материи, и он тянул за нее изо всех сил, забрасывая вытянутую ткань себе за спину, чтобы потом подобрать ее. Рулон в руках бежавшего первым человека вращался, как юла, постепенно разматываясь. Самое интересное было в том, что за вторым человеком тоже бежали люди, которые, отрезав кинжалами от валяющейся на земле ткани куски нужного им размера, тут же убегали прочь. В результате первые двое остались ни с чем. Мы покатывались со смеху, наблюдая эту комедию.

На другой же стороне города перестрелка все еще продолжалась. В конце концов мы выяснили, что ингуши перешли на сторону большевиков. В тюрьмах и так находилось много ингушей. Вдобавок ингуши, проживавшие на правом берегу Терека недалеко от города, объединились с теми, что сбежали из тюрьмы, и, укрепив таким образом свои силы, атаковали казаков, являвшихся сторонниками царя. Бой не прекращался ни на минуту. Ни у кого не было сведений об убитых и раненых.

Мы вернулись в казармы. У нас не было ни оружия, ни офицеров, которые могли бы нами командовать. Мы опасались, что, если ингуши дойдут до того места, где мы располагались, они и нас убьют, приняв за казаков. В нашем отряде было несколько человек из нашей фамилии. Я разыскал троих из них, отозвал в сторону и спросил, что они думают делать. Увидев, что у них нет никакого плана, я предложил с наступлением утра бежать отсюда и вернуться в село.

— На чем? — спросили они.

Я ответил, что знаю, какой длинный путь нам предстоит: не менее сорока-пятидесяти километров. На поезд мы не сможем сесть, там нас поймают. Вывести лошадей из конюшни тоже невозможно. Единственный выход — отправиться рано утром никем не замеченными и пешком выйти за пределы города. Затем, если идти не по главной дороге, а по лугам, переходя из села в село, то за два дня можно добраться до нашего села. На том и порешили. Ушли украдкой в сумерках и кратчайшим путем вышли за пределы города. В самом городе столкновения продолжались. Вскоре рассвело. Мы уже собирались свернуть с главной

дороги, как вдруг впереди нас появился кавалерийский отряд с фургонами, на которых были установлены пулеметы «Максим». Что делать? Пытаться бежать было бессмысленно: все равно далеко не убежишь — ведь те на отличных лошадях, а мы пешие. Я сказал товарищам:

— Ведите себя как ни в чем не бывало и в разговор не вмешивайтесь. Говорить буду я.

Тогда я довольно сносно говорил по-русски. Мы поравнялись. После обмена приветствиями встречные спросили, кто мы и куда направляемся. Я представил себя и своих спутников. Сами всадники оказались родом из казачьей станицы Архонской, расположенной в десяти километрах от города, и знали нашу семью. Я объяснил, что мы только месяц в армии и как новобранцам нам еще не выдали оружие. Я сказал также, что ночью ингуши напали на город и что мы вернемся воевать с ними, как только возьмем в селе своих лошадей и оружие. Они рассмеялись и сказали:

— Вам нет необходимости так утомляться. Идите с нами. Мы сейчас вступим с ними в бой, а так как без потерь и с их, и с нашей стороны не обойдется, вы сможете воспользоваться оружием убитых.

На это я ответил, что все же будет лучше, если у нас будут свои лошади и оружие. Они больше не настаивали и, пожелав друг другу удачи, мы разошлись. Вскоре мы уже проходили через станицу встреченных нами в пути казаков. Перед одним из домов стояла пожилая женщина. Поздоровавшись, я обратился к ней с просьбой продать нам буханку хлеба, так как мы возвращаемся из города с войны и уже два дня не ели. Она тут же пригласила нас войти. Поскольку все мужчины ушли сражаться, в доме были только женщины. Нас посадили за стол, вскипятили воду в самоваре и угостили чаем, хлебом и сыром. Наевшись и согревшись, мы поблагодарили бабушку за гостеприимство и отправились дальше. К вечеру мы добрались до села Ногкау, где жили куртатинцы. Погостив там у родственников, на следующий день мы прибыли в свое родное село, где наконец обрели какой-то покой, где нас никто не разыскивал и где пока не было

никакого правительства. В городе столкновения ингушей с казаками продолжались еще некоторое время, но вскоре и там установилось продолжительное спокойствие.

Тем временем под руководством большевиков комиссии по распределению земли раздавали участки по числу душ в каждой семье. Получившие землю прежде безземельные крестьяне с радостью принимались ее обрабатывать, при этом, естественно, не забывая выражать свою благодарность Ленину и установленному им строю. Мы же старались довольствоваться землей, оставленной в нашем распоряжении. По сравнению с остальным населением наше положение было вполне сносным. Ведь у нас имелось все, что было необходимо в хозяйстве: и орудия труда, и инвентарь, и упряжные животные, и семена для посева. Вначале, пожалуй, было трудно работать в поле, но со временем мы привыкли. Сеяли не столько пшеницу, сколько кукурузу, потому что, хоть с ней и приходилось много возиться, она давала лучший урожай. Большую часть времени мы проводили в поле с мотыгой или за бороной, но мы не жаловались на жизнь и прожили весну 1918 года в гармонии с природой.

Однако некоторые крестьяне нашего села, не сумевшие сорвать на нас злобу и ненависть прошлых лет, вели агитацию против нас.

— В России аристократию, помещиков и богачей арестовали вместе с царем, многих уничтожили, а их имущество и земли присвоили себе. Нам тоже следовало так поступить с баделиатами, — твердили они повсюду. — Ведь их предки использовали наших как рабов, унижали их. И к нам они всегда относились с презрением, не желали с нами родниться и вели себя так, словно являлись представителями другого народа. А что же мы? Ограничились тем, что отняли у них земли. Разве у нас совсем нет гордости? Нужно заставить баделиатов заплатить за прошлые обиды.

Таковыми речами они настраивали людей против нас и стремились собрать вокруг себя сторонников. Сначала мы ничего об этом не знали. Прослышав о злоключениях царя, мы старались вести как можно более скромный образ жизни. Однако против-

ники не унимались и развернули пропаганду против нас уже не только в дигорских, но и иронских селениях. Они устраивали втайне от нас собрания, принимая на них какие-то решения. Их активность нарастала. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Внутри этой группы были люди, все еще любившие нас и искренне привязанные к нам, которые, хотя и не выступали против принимавшихся на собраниях решений, но все же не желали нам зла и поэтому давали знать о происходящем.

Со временем собрания участились, стали более многоязными и приняли форму съезда. Теперь они собирались в селе Христиановском¹, где жили дигорцы-христиане. Оно находилось в восьми-десяти километрах от нашего села на реке Урсдон, берущей свое начало в наших краях. Население его в то время составляло три тысячи дворов. Это были богатые, образованные и культурные люди, весьма успешно занимавшиеся сельским хозяйством. Поскольку они были христианами, с ними мы также не поддерживали родственных или близких дружеских отношений. Это обстоятельство послужило причиной их сближения с нашими недругами. Наши информаторы, о которых я сказал выше, сообщили нам очередные новости:

— Эти люди полны решимости стереть с лица земли весь ваш род. Находящиеся среди них несколько интеллигентов заявляют, что они читали принципы Ленина и устав большевистской партии и что, согласно этим принципам, нельзя причинять вред гражданам, не оказывающим сопротивления большевизму и коммунизму и принявшим новый строй, кем бы эти граждане ни являлись. Они настаивают на том, что призывы к расправе над вами являются ошибочными. Эти интеллигенты говорят также, что баделиаты беспрекословно отдали свою землю и, если на них сейчас напасть, завтра можно оказаться виновными перед законом. Остальной же народ темный, ничего не понимает и лишь ворчит, мол, в чем же тогда смысл революции, если не будет покончено с баделиатами. Их споры еще не закончены, иначе они бы уже давно большими силами

---

¹ Христиановское — ныне город Дигора Республики Северная Осетия-Алания.

напали на вас. Поэтому советуем вам отнестись к ситуации со всей серьезностью.

После таких известий мы тоже собрались, обсудили создавшееся положение и решили, что, если они все-таки нападут на нас, мы должны быть готовы сражаться до последнего человека. У нас было достаточно ружей, пистолетов, сабель и кинжалов. Поскольку наши противники тоже являлись гражданскими людьми, то и у них не было иного оружия. Таким образом, по вооружению мы были равны. В случае столкновения мы рассчитывали на свою сноровку и боевые навыки. По ночам начали дежурить у своих домов. В этом напряженном ожидании прошли дни и месяцы. Мы скошили траву, убрали хлеб. Их собрания все продолжались. Наконец нам стало известно, что интеллигенты, которые были против нападения, покинули собрание, заявив, что не могут взять на себя такую ответственность. Мы даже слышали, что двое из них позже бежали в Грузию.

Через несколько дней после этого последнего собрания утром на рассвете мы увидели, что наше село окружено. Как оказалось, они разместили свой штаб в двух-трех километрах от села, а на холмистой опушке леса выставили дозоры всадников. Их было довольно много, и все было организовано так, словно они собирались штурмовать вражеский город. Впоследствии мы узнали, что в ближайших казачьих станицах они силой собрали людей и, кроме того, притащили оттуда две пушки (казаки, которые так же, как и мы, являлись сторонниками царя, не хотели участвовать в нападении, но вынуждены были сделать это под давлением). Мы заняли позиции и стали ждать начала атаки. Одновременно наши старшие решили направить двух человек в штаб противников, чтобы узнать от их руководства, в чем заключаются их требования. В качестве парламентаров были избраны мои дядя и старший брат. С белым флагом они отправились в путь. Когда они приблизились к штабу, навстречу им выехал всадник и приказал возвращаться назад. Мой дядя сказал, что хотел бы встретиться с их лидерами, но всадник ответил, что у них нет каких-либо особых лидеров, так как каждый из них является лидером, и вновь потребовал, чтобы парламен-

теры возвращались, предупредив, что сейчас начнется артиллерийский обстрел. И действительно, прежде чем наши успели добраться обратно до села, был открыт огонь из орудий, и, чтобы не попасть под него, им пришлось скакать во весь опор. Поскольку село находилось в ложине, снаряды пролетали над нами и падали на лесистый склон позади нас. Лишь один снаряд разорвался в самом селе. Он влетел в заднее окно одного из домов и вылетел через переднее, и, так как в доме никого не было, наши потери свелись к двум разбитым стеклам.

Под вечер они перешли в наступление: казачья кавалерия впереди, остальные — сзади. Ворвавшись в село, они заняли один из домов, в котором находились лишь женщины и девяностолетний старик, сыновья которого были вместе с нами на позициях. Старик, увидев перед собой казаков, с возгласом «Газават!» обнажил висевшую на стене саблю, но казаки опередили его и одним выстрелом уложили на месте. Во время этой же атаки шестидесятилетний Бекир Кантемиров¹ стрелял в нападавших из-под балкона своего дома, но тоже был убит. Появление противника в самом селе лишило нас возможности успешно сопротивляться. Поэтому некоторые, улучив момент, незаметно сбежали. Мы же продолжали стрелять по врагам, которые то отходили, то снова переходили в атаку. В какой-то момент группа пеших противников ворвалась в просторный двор моего дяди. Я открыл по ним огонь из нашего дома, но они в ответ бросили гранату. Я продолжал стрелять, однако попасть в них было практически невозможно, так как они находились вне досягаемости моего оружия. Сыновья моего дяди занимали позицию в своей конюшне. У них имелись десятизарядные маузеры, и, когда нападавшие приблизились к нашей кунацкой, чтобы замолчать меня, один из моих двоюродных братьев — Инал — открыл по ним шквальный огонь. Одного он убил выстрелом в лоб. Находившийся рядом брат убитого с криком «О, мой брат!» склонился над ним и тоже был убит. Остальные решили, что в конюшне есть пулемет, и убежали.

Тела убитых валялись друг на друге. Внезапно крупными хлопьями повалил снег. Стемнело. Никого не было видно,

---

¹ В оригинале: Kandemir.

стрельба прекратилась. Я предположил, что они не решились остаться в селе и вышли за его пределы. Теперь меня интересовала судьба моих двоюродных братьев. Один из них еще утром оседлал своего коня и оставил его в нашей конюшне. Лошадь другого находилась с ними в их конюшне, но они не смогли ее вывести, так как не рискнули после боя открывать ворота конюшни. Выбравшись через ее заднее окно, они пришли к нам. Инал сказал, что убил двух человек и что, если они немедленно не скроются, враги не оставят их в живых. Взяв мою лошадь, они ушли вместе с моим старшим братом. В доме остались только я и мой младший брат Алихан. Всех женщин, детей и стариков мы заранее собрали в доме другого моего дяди, жившего выше нас, и я отправился туда. Там я узнал, что и их сыновья бежали. Таким образом, в деревне не осталось молодых людей, кроме меня и Алихана. Что нам было делать? В конюшне оставались две-три лошади, но не было седел, а на неоседланной лошади далеко не уедешь. Тогда мы решили бежать в лес пешком. Мы положили в сумку два русских караваев, которые днем раньше испекли из белой муки мать и старшая сестра и каждый из которых весил около трех килограммов. Взяли немного сушеного мяса, которое у нас сначала солят, а затем сушат на зиму. Теперь мы стали ждать подходящего момента, потому что изредка доносились звуки выстрелов. Мы не знали, кто и в кого стреляет, но решили, что это наши враги палят в воздух, чтобы запугать нас. Ведь им не было известно, что наши убежали. Тела тех двух убитых братьев все еще лежали во дворе. Забрать их они боялись. В конце концов пришли их представители и обратились к моему пожилому дяде с просьбой убедить своих сыновей не стрелять, пока они не заберут трупы. Дядя, конечно, согласился и, чтобы не дать знать, что его сыновей уже нет в селе, издали громко крикнул, словно они все еще находились в конюшне:

— Инал, не стреляйте! Дайте им унести убитых!

Вскоре звуки выстрелов стали еще реже.

Наше село было вытянуто вдоль реки Урсдон узкой полосой длиной приблизительно в восемь километров и состояло из тысячи с лишним дворов. Прямо напротив нашего дома был мост.

За мостом находился крутой склон, на котором примерно на высоте трехсот метров начинался лес. Мы с Алиханом были готовы. Основная проблема заключалась в том, чтобы взобраться на этот склон. Когда же мы окажемся в лесу, все будет намного проще. Мы взяли ружья и сумку, попрощались с домашними и, сказав «С Богом!», мигом перескочили через мост и начали карабкаться вверх. Из-за белизны снега и лунного света мы боялись быть замеченными с противоположного склона. Страх наш еще больше усиливался, когда мы слышали выстрелы. Добравшись до середины склона, мы оглянулись назад и увидели, что три дома, принадлежавшие двоюродным братьям моей матери, объята огнем. Языки пламени озаряли небо. Эти дома три года назад построили по одинаковому плану три брата. Это были самые красивые дома в нашем селе. Мне стало очень больно, и я заплакал от горя. Слава Богу, в домах уже никого не было. (Эти братья были из рода Тугановых¹. Их звали Амирхан², Исмаил и Асланбек. Асланбек был полковником. Сын Амирхана Алихан впоследствии стал подполковником в турецкой армии. Он умер в Стамбуле в 1954 году.)

Наконец, мы добрались до леса. Снег все еще продолжал идти. В лесу мы вышли на какую-то дорогу, и, только я хотел сказать брату: «Посмотрим, куда нас приведет эта дорога», как вдруг прямо перед нами из-за деревьев выскочил кабан и стал стремительно удаляться от нас. Я схватил ружье и уже собирался выстрелить, но брат остановил меня.

— Что ты делаешь? — сказал он. — Сегодня большевики выставили дозоры. Возможно, сейчас они здесь. К тому же что мы с ним будем делать, если даже убьем?

Он был прав. Через некоторое время дорога закончилась, и после полуночи мы оказались в совершенно девственном лесу. Мы то взбирались на холмы, то спускались в ущелья, толком не представляя себе, где находимся. По моему предположению, нам следовало постоянно идти вправо, потому что, если мы выйдем к Суардону (Соленой Воде), одному из основных притоков

---

¹ В оригинале: Tuğan.

² В оригинале: Emirhan.

протекающей через наше село реки, то мы сможем узнать наше местонахождение и, определив дальнейшее направление движения, дойдем затем до просеки в лесу, принадлежавшем нашей семье, и до лугов, использовавшихся как пастбища. Трава там очень хорошая. Дигорские крестьяне арендовали у нас эти места или пользовались ими на правах издольщиков. Они пригоняли туда зимовать свой скот и держали его там до лета. Везти оттуда траву в село было трудно, поэтому в случае необходимости ее продавали на месте. Земельная комиссия оставила эти земли нам, и сейчас там имелась трава, скошенная нашими издольщиками в прошлом году. Сами издольщики тоже все еще жили там. Комиссия оставила нам эти участки, так как они находились очень далеко от села. Чтобы привезти траву на запряженной волами телеге или санях, надо было в течение целого дня добираться туда, заночевать, и лишь к вечеру следующего дня можно было вернуться назад в село. Крестьяне не могли извлечь из этого пользу, и поэтому земли не были отобраны. Нашей целью сейчас было добраться туда, но мы не знали, где находимся. Спустились в какую-то лощину. Высота снежного покрова изрядно увеличилась, и мы едва передвигали ноги. Брат сказал, что устал. Мы сели передохнуть, отломали по куску хлеба и съели. Сварить мясо мы не смогли, так как второпях забыли взять из дома спички. Под влиянием усталости и недосыпания мы задремали. Вскоре, однако, почувствовав, что начинаю остывать, я проснулся и разбудил брата — не хватало нам еще заболеть! Я сказал ему, что пусть очень медленно, но мы должны двигаться дальше. Мы вышли из лощины. В этом девственном лесу росли грабовые деревья с диаметром ствола не менее метра и высотой более тридцати метров.

Вдруг мы заметили вдалеке костер. Пламя было очень сильным, и нам показалось — возможно, из-за дыма и ветра, — что вокруг огня сидят несколько человек и о чем-то оживленно разговаривают. Внимательно вглядываясь, мы простояли там довольно долго, но так и не осмелились подойти ближе, потому что не были уверены в том, что, блуждая, не вернулись вновь к нашему селу, а люди вокруг костра не являлись дозорными

большевиков. Мы пошли по другому пути и обошли их издалека. На рассвете мы вышли к Суардону и, хотя никогда прежде не видели здешних мест, ориентируясь по реке, могли теперь определить направление.

Довольно трудно описать лес, в котором мы находились. Это были не отдельные рощи, как в Сарыкамыше, а сплошной лесной массив, который начинается в азербайджанском Карабахе и простирается до Азовского моря. Не зная дороги, здесь легко можно заблудиться. Самым важным для нас теперь было узнать, на каком именно отрезке реки мы находимся. На другой ее стороне был отвесный, почти неприступный склон. По моему предположению, если мы поднимемся прямо по этому склону, то за ним мы выйдем к тем лугам, куда направляемся, если же станем обходить его вокруг, то сможем добраться туда только через два дня. Съев на берегу реки по куску хлеба, мы начали взбираться. Хватаясь за стволы и сучья, я поднимался на высоту, равную росту двух человек, а брат с сумкой на плече ожидал внизу. Затем я протягивал Алихану ружье, он хватался за него, и я вытягивал его вверх. Не знаю, как долго мы так карабкались, но под вечер все же достигли вершины. Перед нами теперь открылась довольно ровная местность. Значит мое предположение было верно. С ранней юности и по сей день я редко ошибаюсь в определении направления.

На нашем дигорском языке эти открытые участки в лесу называются ардозами¹. К вечеру мы пришли на ардозу Турумон, принадлежавшую сыновьям Гетагаза Кубатиева² — Заурбеку³ и Хаджитатаркану⁴. Здесь находились крестьяне, пригнавшие сюда на зиму свой скот. Мы не были с ними знакомы, но они тоже были дигорцы. Нас пригласили в хижину и после обмена приветствиями, в соответствии с обычаем, поинтересовались, кто мы и откуда. Я как ни в чем не бывало представил себя и брата и сказал, что мы были на охоте, а на обратном пути реши-

---

¹ В оригинале: Ardoza (осет. диг. æрдозæ «поляна, лужайка»).

² В оригинале: Kubatlardan Getegaz.

³ В оригинале: Saribey.

⁴ В оригинале: Насі Тетархан.

ли взглянуть на наше сено на ардозе Боласта, но с наступлением темноты, опасаясь потерять дорогу, предпочли остановиться здесь на ночлег и побеспокоили их, за что просим прощения.

— Да разве это беспокойство?! — воскликнули они. — Ваш приход для нас большая честь и радость. Добро пожаловать!

Осыпав нас такого рода любезностями, они сказали, что вчера со стороны равнины они слышали звуки оружейных выстрелов, и поинтересовались, не знаем ли мы, что там произошло. Я ответил, что уже три-четыре дня мы на охоте и поэтому ничего не знаем. На самом деле они, очевидно, знали обо всем гораздо лучше нас, но не подавали виду, потому что, хотя они и являлись сторонниками большевиков, к нам они тоже питали уважение. Они угостили нас теплым молоком, а мы поделились с ними белым хлебом, который им очень понравился. Ведь свой хлеб они пекли из кукурузной муки. Показав нам место, где мы могли переночевать, они пожелали нам хорошо отдохнуть и удалились. И действительно, от усталости у нас не было сил разговаривать, глаза слипались. Тем не менее, когда мы вышли во двор по нужде, я сказал брату, чтобы он не спал крепким сном, потому что я не доверяю этим людям. Наше ложе трудно было назвать кроватью. Оно скорее походило на деревянные носилки, на которые сверху постелили чистое мягкое сено. Мы легли и задремали. Утром, когда мы проснулись, нам предложили молоко и хлеб. Позавтракав и поблагодарив хозяев за гостеприимство, мы отправились на свою ардозу.

Ничего похожего на дорогу не было. Мы просто шли по огромному лесу, где не ступал никто, кроме охотников, пастухов и диких животных. Боже, что за красота! Граб, липа, вяз, ясень и другие породы деревьев. Отовсюду доносились разнообразные приятные запахи. Не хотелось даже покидать эти места. Через некоторое время мы добрались до ардозы. Наши издольщики встретили нас радушно. Мы присели у стены хижины лицом к солнцу и стали разговаривать с ними о житье-бытье. Вдруг я увидел, что к нам по засыпанной снегом дороге направляется какой-то человек высокого роста. С любопытством и беспокойством мы стали ждать. Когда человек приблизился, я узнал его.

Это был наш родственник Ибрагим. Мы поздоровались и стали беседовать. При посторонних мы не решались расспрашивать друг друга о происходящем. Мы ведь даже не знали наверняка, известно ли издольщикам что-либо о событиях в селе. Вероятность того, что среди тех, кто напал на нас, были и их близкие родственники, была весьма велика. Но даже если им что-то и было известно, они держали себя так, словно ни о чем не слышали. Мы вели себя так же.

Через некоторое время Ибрагим подмигнул мне и поднялся на ноги. Я тоже встал и пошел следом за ним. Когда мы чуть-чуть отошли, Ибрагим спросил меня — так, чтобы было слышно и остальным, — какое сено принадлежит нам и что мы собираемся с ним делать, добавив, что он пришел сюда с намерением продать часть своего сена. Я ответил, что мы думаем сначала узнать цены, а затем примем решение. Лишь когда мы отошли достаточно далеко, мы, наконец, расспросили друг друга об обстановке в деревне. Но мы знали примерно одно и то же, потому что, как оказалось, покинули село в один и тот же день. Правда, он легко добрался сюда по обычной дороге, а нам пришлось испытать множество трудностей. Ибрагим спросил меня, доверяю ли я этим людям и не могут ли они донести на нас. Я ответил, что не знаю, что думать по этому поводу. Тогда он предложил отправиться на его ардозу, где сейчас живут зажиточные крестьяне, которые против коммунистов и большевиков, и погостить у них, так как там мы будем в большей безопасности. Я принял его предложение. Вернувшись в хижину, я объявил, что мы решили идти вместе с Ибрагимом. Издольщики стали уговаривать нас погостить у них еще немного, однако, поблагодарив их, я сказал, что мы заглянули сюда по пути лишь для того, чтобы проверить наше сено.

— Мы бы, конечно, задержались здесь еще на одну ночь, но Ибрагиму нужно идти, и мы хотим составить ему компанию, — объяснил я причину нашего ухода.

Вежливо попрощавшись, мы выпили предложенный нам на дорогу айран и расстались.

На ардозе Ибрагима нас встретили девять или десять человек, действительно являвшихся противниками коммунизма. Это

было совершенно ясно из их разговоров. Поскольку они вели здесь холостяцкую жизнь, готовить для нас еду принялись молодые парни. Запах варящегося мяса еще сильнее разжег во мне чувство голода. Я уже начал мечтать о сладком сне после ужина, но Ибрагим, снова сделав мне знак, отозвал меня в сторону.

— Я очень беспокоюсь за домашних, — сказал он. — Алихан здесь в безопасности, а мы вдвоем давай вернемся в село и выясним, что там происходит. Наши находятся сейчас в квартале Карагач¹ у Кантемировых². Если нам удастся туда пробраться, мы узнаем что-нибудь о детях, женщинах и стариках. К тому же там осталась моя лошадь, и в случае необходимости мы оба сядем на нее и вернемся сюда. Хотя, по правде говоря, я хочу поехать в куртатинское Ногкау³, потому что все те из наших, кто смог бежать, сейчас собрались там.

Я поддержал этот план, и после ужина мы рассказали о нем остальным. Затем, оставив брата на их попечении, отправились в обратный путь.

Не знаю, как долго мы шли той длинной ноябрьской ночью, но в конце концов вышли к пастбищам семьи Ибрагима. С двух сторон от них рос лес, справа текла речка Бордон. Такие узкие, длинные луга у нас называются словом «соппер»⁴. Там, где кончался соппер, начинался окраинный квартал нашего села — Кора. Дом Ибрагима тоже был в этом квартале. Здесь проживало шесть дворов Кубатиевых⁵ и один двор Абисаловых⁶, и здесь же сливались друг с другом речки Суардон и Бордон. Мы подошли к селу, но входить в него не решались. Собственно, в этом не было и смысла, потому что еще два дня назад все дома были покинуты: их жители перебрались в Карагач к Кантемировым. Тогда мы решили перейти речки вброд и с другой стороны под-

---

¹ Карагач — ныне квартал Фалдон села Карман-Синдзикау Республики Северная Осетия-Алания.

² В оригинале: Kandemirler.

³ В оригинале по-осетински: Kurttati Nokkau.

⁴ В оригинале: sopper. Данное слово не обнаружено нами ни в одном из современных осетинско-русских словарей.

⁵ В оригинале: Kubatlar.

⁶ В оригинале: Abisallar.

няться на холм (тот самый, на который два дня назад мы с братом взбирались, выйдя из села), а затем тем же путем спуститься на террасообразную площадку, с которой все наше село было видно, как на ладони. Там находилось три дома Кубатиевых. Кроме того, квартал Карагач располагался как раз у основания этой террасы, а прямо напротив нее находился наш дом.

Я снял обувь, чтобы перейти речку. Ибрагим же вдруг заявил, что, если он разуется, то больше не сможет одеть свою обувь, так как она у него настолько ветха, что может порваться на части, и тогда ему придется идти по снегу босиком. (Наша обувь сильно отличалась от нынешней. Это были мягкие сафьяновые сапожки. Их шили дома женщины, и они были не очень прочными.) Я посадил Ибрагима себе на спину, и таким образом мы перешли обе речки. Мы бросили взгляд на квартал Ибрагима. Дома были разграблены. Все, вплоть до оконных рам, унесено. Перевалив через вершину холма, мы направились к террасе. Я посмотрел в сторону наших домов. Во дворе моего дяди горел большой костер. В свете его пламени я смог разглядеть нескольких человек. Они были чем-то заняты у огня, но чем именно, мне не удалось разобрать. Впоследствии я узнал, что большевики использовали кунацкую моего дяди как тюрьму. Всех арестованных мужчин независимо от возраста они запирали там. У дяди были очень красивые, крупные и сильные быки. Одного из них они зарезали. Разобрав окружающий двор забор, разожгли из его сухих досок костер. Часть мяса они варили над огнем в большом казане, а из остального жарили шашлыки. Они пребывали в хорошем расположении духа и распевали песни.

Мы подошли уже довольно близко к тому месту склона, где находилась терраса. Между нами и домами было всего каких-нибудь семьдесят метров. Дома здесь стояли близко друг к другу. Мы могли видеть женщин, переходивших из одного дома в другой, но подойти не осмеливались, так как внутри вполне могли находиться большевики. В ожидании прошло немало времени, и мы начали замерзать. Тогда я сказал Ибрагиму, что все-таки подойду ближе и посмотрю, и побежал к среднему из трех домов. Я приложил ухо к двери: изнутри доносилась жен-

ская речь, мужских голосов не было слышно. Следом за мной подошел и Ибрагим. Поскольку дверь была не заперта, мы вошли в дом. Там находились женщины и девушки — наши родственницы. Увидев нас, они обрадовались, поочередно обняли нас, усадили и тут же в страхе и волнении сообщили, что дозорные ушли совсем недавно, но они приходят каждые два часа и спрашивают, не появился ли кто-нибудь из мужчин. Хозяйка дома принесла нам поесть.

— Кушайте, не теряйте времени, — сказала она. — Скоро они опять придут. Так что убегайте быстрее, пока вас не поймали.

Хоть мы и были очень голодны, но заявили, что пришли лишь выяснить, что происходит в деревне. Однако они не знали ничего, за исключением того, что все женщины группами по сорок-пятьдесят человек собрались в домах квартала Карагач на этом берегу Урсдона. Не знали они и того, кто в каком доме находится. Таким образом, я так и не выяснил местонахождения матери и сестер. Мы встали, чтобы идти, но хозяйка дома сказала, что не отпустит нас, пока мы не съедем что-нибудь. Несмотря на голод, аппетита у нас не было, но, чтобы не обидеть женщину, мы подхватили что-то на ходу и, даже не дожевав, выскочили на улицу, а оттуда в одно мгновение добрались до склона. Но что делать теперь? Ибрагим предложил тайком пробраться в квартал Кантемировых, взять там его лошадь и отправиться вместе в Ногкаа. Я не согласился, сказав, что это большой квартал и на улицах там будет много дозорных, которые легко нас обнаружат и схватят. Я считал более разумным вернуться на ардозу, которую мы покинули ночью. Но Ибрагим был настроен осуществить задуманное: освободив свою руку из моей, он начал спускаться по направлению к селу и вскоре исчез в темноте.

Я еще какое-то время постоял в нерешительности и медленно побрел обратно по той же дороге, по которой мы пришли. Перед лесом были заросли кустарника и, когда я дошел до них, оказался прямо напротив нашего дома. Там было несколько больших камней, и, протиснувшись между ними, я посмотрел на деревню. Благодаря лунному свету и белизне снега я видел ее

очень хорошо. Довольно долго я наблюдал, но никто не выглядывал ни из нашего дома, ни из дома дяди. Двери и окна домов были закрыты, зато ворота конюшен распахнуты. Значит они нас вчистую ограбили. Начало светать. Лес был рядом, и я не боялся быть пойманным, но между камнями было холодно, и я начал замерзать. Как поступить? До ардозы очень далеко, к тому же я совершенно не спал и очень устал. Спуститься в деревню и зайти домой? Но там могут оказаться дозорные. Размышляя таким образом, я вдруг вспомнил, что немного поодаль, в кустарниковой чаще, живет двоюродный брат¹ моего отца. Среди кустарников там росло много диких яблонь, груш и других плодовых деревьев. Изредка попадались и большие деревья. Этот человек был очень трудолюбив. Он построил здесь дом и, скрестив различные сорта, собирал хорошие урожаи фруктов. Он дважды был женат, но детей у него не было.

От холода я уже начал стучать зубами и, сказав себе: «Эй, Болат, чего ты боишься? Какой смысл после этого имеет жизнь? Так и так пропадать», пошел к дому старика. Тихонько постучал и стал ждать, опустив палец на курок, так как не мог знать наверняка, кто откроет дверь. У меня отлегло от сердца, когда я услышал голос дяди, спрашивавшего, кто там. Он тоже узнал меня и открыл дверь. Увидев, что я весь дрожу, он со словами «Ах, ты, бедняжка!» ввел меня внутрь, прижал к груди и заплакал. Тем временем пришла его жена и затопила железную печь, от которой в комнате стало очень тепло. Придя в себя, я спросил дядю об обстановке в селе, и он рассказал мне следующее:

— Они запретили нам выходить на улицу. Женщины говорят, что они арестовали всех мужчин — и молодых, и стариков. Ко мне они тоже приходили, но почему-то не забрали, а лишь приказали не выходить на улицу. Вот и сижу дома. Наблюдаю со своего порога за деревней, но кроме ваших домов отсюда ничего не видно. Какой-то человек угнал ваших волов, кто-то — коров, кто-то — лошадей.

— Что с моим отцом? — спросил я.

— Илас иногда выходит из дома, прогуливается перед две-

---

¹ Дословно: «сын тетки по матери».

рю и снова заходит в дом. Больше никого из ваших я не вижу.

В сущности, другого ответа я и не ожидал. Жена дяди разогрела еду и пригласила меня к столу. Прежде чем сесть, я попросил у дяди прощения за беспокойство в столь неподходящий час и сказал:

— Я знаю, что вы не едите в такое время. Поэтому, пожалуйста, ложитесь спать. Один я поем спокойнее.

Он согласился и ушел в свою комнату. Поев, я поблагодарил тетю и предложил ей также идти спать, сказав, что и сам немного отдохну. В тепле я уснул прямо там, где сидел, а когда проснулся и выглянул в окно, было уже довольно светло.

Я вышел за дверь и стал наблюдать за нашим домом. Вдруг я увидел, что из трубы потянулся дымок. Затем открылась дверь, и показался отец, направлявшийся к конюшням. Пригнув голову, я быстро побежал к дому, совершенно не думая о том, правильно ли поступаю. Я перескочил через мост, влетел в дом, сел у печи и стал греться. Когда вошел отец и увидел меня, он удивленно воскликнул:

— Это ты, Мишка?!

(Дома меня называли именно этим именем.)

— Да, — ответил я, вскочив с места.

Он тоже очень волновался за нас. Я рассказал ему о наших приключениях. Затем спросил о матери и сестрах.

— Они перебрались в Карагач, — ответил отец. — Я слышал, что они сейчас в доме Умара¹ Абисалова. Большевики утверждают, что арестовали всех, кроме меня и Тазрета. (Тазрет был младшим братом отца.) Объясняют это тем, что мы никому не причиняли зла. Говорят, что таково их решение и нам нечего бояться. Они также обещают не трогать наших сыновей, если те придут и сдадутся. Не могу понять, что за игру они затеяли. Приходят по четыре-пять раз в день, и все наши соседи или знакомые...

Среди перечисленных отцом имен были и наши молочные братья.

— Мы выросли на вашем хлебе, — говорили они, оказывается, отцу. — Вы знаете, что мы не желаем, чтобы с вами случи-

---

¹ В оригинале: Ömer.

лось что-либо плохое. Мы люди богобоязненные и не причиним вам вреда.

Я внимательно выслушал отца и сказал:

— Не доверяю я им, даже если они говорят искренне. Ведь прошел всего год с тех пор, как мы отдали им землю и заключили соглашение, и вот они сами нарушают его. Интересно, чем они объяснят свои действия? Не верю я их обещаниям, особенно после того, как на своих собраниях они решили уничтожить нас.

Отец согласился со мной и спросил, что я теперь думаю предпринять. Я ответил, что поскольку уже слишком светло и из дома выйти невозможно, то до вечера я отсижусь в погребе, а ночью вернусь на Сурх-Ардозу (Красную Поляну). Спустившись в погреб, я постелил тюфяк и лег. От отца я также узнал, что в тот вечер, когда мы бежали, он, опасаясь ограбления, вынес кое-какие ценные вещи из дома и сложил их в яме в саду, прикрыв ее сверху сеном в надежде, что идущий снег сделает место незаметным. Однако кто-то подсмотрел за ним, и на следующую же ночь вещи исчезли.

Когда у человека тревожно на душе, ему становится не до сна, каким бы невыспавшимся он ни был. Так и я просыпался от каждого шороха в подвале. Ближе к обеду прибыл какой-то конный отряд. Их было около пятнадцати человек. Выстроившись в нашем дворе, они вызвали отца. Я наблюдал за происходившим из маленького оконца в погребе. Они вновь спросили отца, не вернулся ли кто-нибудь из его сыновей, и стали по своему обыкновению уверять его, что нам с их стороны не грозит никакая опасность. Отец в свою очередь заверил их в том, что полностью доверяет им, и обещал немедленно отправить нас к ним в случае, если мы появимся. Для большей убедительности он взял с них слово, что они будут присматривать за нами и не дадут нас в обиду людям с дурными намерениями.

Между тем я был свидетелем живой карикатуры. Было очевидно, что эти большевики под предлогом поиска беглецов заходили в дома с целью обыкновенного грабежа. В нашем селе было много офицеров всех званий вплоть до полковников.

Войдя в их дома, они бесцеремонно рылись в баулах, ящиках, шкатулках и забирали с собой все, что желали, в том числе такие ценные и памятные вещи, как медали и эполеты. Сейчас я наблюдал последствия этой деятельности. Эти люди прицепили медали и эполеты к хвостам и гривам своих лошадей, насмехаясь таким образом над нами. Таков был метод воспитания людей новым режимом.

Под вечер отец в доме моего младшего дяди Тазрета встретился с неким Эльмирзой Баскаевым¹, который, хотя и считался сторонником большевиков, на самом деле был верен нам и являлся надежным человеком. Как рассказал Эльмирза, в эту ночь наши молодые ребята, собравшиеся в Ногкау, намеревались в сопровождении отряда всадников приехать на телегах в Карагач и тайно вывезти оттуда несколько семей, которые должны были быть заранее собраны в одном из домов на окраине квартала. Эльмирза должен был помогать им в этом. Вернувшись домой, отец сообщил эту новость и спросил меня, сказать ли ему Эльмирзе о том, что я нахожусь здесь.

— Скажи, конечно, — ответил я. — Пусть он и меня спасет.

Эльмирза, как он и условился с отцом, пришел вечером около девяти часов. Я уже был готов. Повесил на плечо ружье дулом вниз, удлинив ремень так, чтобы приклад упирался мне в подмышку, сверху одел меховую шубу и сел на коня позади Эльмирзы. Перед тем, как отправиться, он предупредил меня, чтобы я не разговаривал в пути. Мы двигались по длинной грязной улице квартала Карагач. Была кромешная тьма. Будь эта ночь такой же светлой, как предыдущая, мы едва ли смогли бы так свободно ехать посреди улицы, потому что в пути то и дело встречались дозорные и окликали нас: «Кто ты?», на что Эльмирза отвечал: «А ты кто?» Они его сразу же узнавали и начинали обмениваться с ним шутками, после чего мы ехали дальше. Иногда дозорные подъезжали к нам очень близко, но меня так ни разу и не заметили. Наконец, мы добрались до окраины квартала. Женщины и дети, которым предстояло ехать, находились в одном из домов в полной готовности. Вскоре за нами пришли два человека

---

¹ В оригинале: Başıkatay.

и вывели нас наружу. Мы довольно долго шли пешком по полям и холмам, пока, наконец, не добрались до ожидавших нас трех повозок, запряженных каждая парой лошадей, и сопровождавшего их отряда вооруженных с ног до головы всадников. Мой старший брат Умар тоже был в этом отряде, но большинство в нем составляла куртатинская молодежь. Все они превосходно владели оружием, поэтому, появившись перед ними даже целый полк, они смогли бы ему противостоять. Когда женщины и дети были рассажены по повозкам, я тоже сел рядом с одним из возниц — Хасаном Цаликовым. Через несколько часов мы достигли Ногкау. Жители села были готовы к нашему прибытию и, разделив нас на группы, разобрали по домам. Меня повел к себе Хаджимирза Дзаболов¹. Когда я вошел в его кунацкую, я увидел, что там же находятся все мои друзья, чему, естественно, крайне обрадовался. Они тоже были рады видеть меня. Какое-то время мы рассказывали друг другу о приключениях последних дней, затем легли, и я, наконец, хорошо выспался.

Поскольку в селе были люди старше нас по возрасту, мы не могли предпринимать каких-либо действий по своей инициативе и ждали их распоряжений. Так шли дни.

Через село, в котором мы находились, протекает река Ардон, а примерно в пятнадцати километрах от села на другом берегу этой же реки располагается городок Алагир. Более половины его населения тогда составляли осетины, а остальную часть — русские и грузины. Между осетинами и грузинами с давних пор существовали противоречия. После революции здешние русские придерживались нейтралитета, грузины заняли сторону большевиков, а что собой представляли осетины — было непонятно. И вот теперь, пользуясь смутой, они начали выяснять друг с другом отношения. Поскольку осетины были многочисленнее, они окружили грузинский квартал. Грузины же изо всех сил сопротивлялись, ведя огонь из своих домов. Кроме того, они изменили русло протекавшей через их квартал речки, лишив тем самым осетин воды, и стреляли в каждого приближавшегося к воде осетина, будь то мужчина или женщина.

---

¹ В оригинале: Dzanbolati.

После того, как прибывшая из Алагира депутация побывала в доме полковника Угалука Цаликова¹, эти новости сразу же распространились по всему селу. Депутация просила полковника Угалука возглавить и упорядочить военные силы алагирцев, а также — во имя сохранения чести осетин — перебросить туда в качестве подкрепления вооруженные отряды, находившиеся в Ногкау. Как мы поняли из разговоров, жители этого села тоже не любили грузин. Зато они доверяли собравшимся сейчас здесь молодым ребятам из нашего села. Неслучайно полковник пригласил на собрание и наших старейшин, и в результате было принято решение объединиться с алагирцами под командованием полковника Угалука и атаковать грузин.

Тут же начались приготовления. Поскольку во время отсутствия боеспособных мужчин село могло подвергнуться нападению ардонских и кадгаронских большевиков, было решено вывезти всех женщин и детей на телегах в горные села Куртатинского и Карцинского ущелий. Те, кто лишь несколько дней назад прибыли сюда из нашего села в надежде немного отдохнуть, говорили, что попали из огня в полымя. Одновременно шло формирование подразделения, которому предстояло отправиться воевать в Алагир. Все работали не покладая рук. Каждый знал свои обязанности. Мне в числе десяти других человек было поручено перевезти женщин и детей. Почти никто из нас не желал соглашаться на это поручение. Нас задевало, что в то время, как все шли сражаться, мы должны были оставаться среди женщин. Полковник Угалук, однако, произнес речь:

— На войне каждый делает то, что ему поручено. Обязанности не выбирают, а выполняют. Всякая обязанность священна. Что толку от моего командирства, если каждый будет мне перечить. Я приказываю вам сопровождать женщин для обеспечения их безопасности.

После этих слов нам ничего не оставалось, как отправиться вместе с женщинами в путь. К вечеру мы добрались до села Дзуарикау, расположенного у выхода реки Фиагдон из теснины. Поскольку жители этого села происходили, как и ногкауцы, из

---

¹ В оригинале: Oğalık Tsalikkati.

Куртатинского ущелья и принадлежали к одному с ними племени, они преградили нам путь и потребовали, чтобы мы остановились у них погостить. Мы согласились. Нас распределили по домам по десять-двенадцать человек, зарезали баранов и угостили на славу. Утром после завтрака мы снова двинулись в путь. Этот участок дороги был очень каменист, к тому же нам часто приходилось переправляться через реку Фиагдон, которая протекала здесь, извиваясь змейкой. После полудня мы достигли села Гусыра, где находилась развилка дорог. Одна дорога вела в глубь Куртатинского ущелья, а другая — в сторону Карцы. Наша колонна разделилась на две части. Одна продолжила путь вверх по Куртатинскому ущелью, а мы направились в Карцу, куда прибыли лишь вечером. Все остановились у своих родственников.

Спустя три дня, проведенных здесь, нас стало томить бездействие, и, поскольку данное нам задание было выполнено, мы, три всадника, решили вернуться в Алагир на войну. Чтобы добраться туда как можно скорее, мы пустили лошадей вскачь и под вечер уже встретились со своими друзьями. От них мы узнали, что, когда наше подразделение вошло в Алагир, все вокруг выглядело спокойно. Решив, что противник напуган и собирается сдаваться, подразделение по главной улице направилось в сторону центральной площади, чтобы продемонстрировать там свою силу и превосходство. Однако когда оно углубилось в поселок, грузины неожиданно открыли по нашим шквальным огонь из оконных и дверных проемов. Во время этой первой перестрелки погиб сын Гина Шанаева¹, благородный, отважный и красивый юноша, имени которого я сейчас не могу вспомнить, и еще несколько человек было ранено. Мы тоже теперь присоединились к своим товарищам. Наши старались атаковать, но враг не давал подойти близко. По вооружению мы были равны, так как стреляли только из винтовок. Пушек и пулеметов не было ни у той, ни у другой стороны.

Через некоторое время нам стало известно, что из Кадгарона в направлении Ногкау движутся большевистские подразделе-

---

¹ В оригинале: Şanatay.

ления. Полковник Угалук разделил своих кавалеристов на два отряда, сам возглавил тот из них, куда попал и я, и мы выступили навстречу большевикам. Выехав на равнину, мы спешили, и полковник передал свою лошадь одному из своих родственников — молодому парню по имени Алихан. Мы двигались теперь стрелковой цепью. Вскоре завязалась перестрелка с противником, который в несколько раз превосходил нас по численности и благодаря этому стал нас постепенно окружать. Почувствовав это, наши дрогнули и начали бежать. Так как полковник находился в голове отряда, Алихан, ведший под уздцы его лошадь, не осмелился приблизиться к нему и бросился наутек вместе с лошадью. Наблюдавший за этим мой двоюродный брат¹ Махар², который был очень искусным наездником, догнал удиравшего Алихана, забрал у него лошадь и вернул ее полковнику. Полковник был бывалым фронтовым офицером. Как ни в чем не бывало сев на коня и поблагодарив Махара, он с досадой и злостью крикнул по-осетински вслед беглецам:

— Эй, куырттаты лæппутæ! Хъæды бынмæ давынмæ...³ (То есть примерно: «Эй, куртатинская молодежь! Вам бы только воровать у леса, потому что больше вы ни на что не годны».)

Вместе с полковником мы медленно отошли назад и, наконец, скрылись в лесу. Издалека мы видели, как большевики заняли Ногкау и подожгли стога сена. Когда отовсюду стало подниматься пламя, мы решили, что они предали огню все село. Видя это, его жители были вне себя от горя. С наступлением темноты мы отправились в близлежащее село Хаталдон, а часть наших людей осталась ночевать в селе Суадаг. Как обычно, мы разошлись по домам партиями по пять-десять человек. Нас хорошо приняли и накормили ужином. Выставив на всякий случай часовых, мы легли спать.

Высланные нами ночью в сторону Ногкау разведчики не смогли разглядеть в темноте ничего, кроме пламени, и поэтому

---

¹ Дословно: «сын дяди по отцу».

² В оригинале: Mahir.

³ В оригинале по-осетински: Еуу Курттати лепбуте гед бинме давинме...

не сообщили ничего нового. Однако разведчик, вернувшийся утром, рассказал, что враг ушел, спалив только стога сена, все же остальное в селе цело и невредимо. Ногкауцы намеревались немедленно вернуться в родное село, но хозяева настояли на том, чтобы мы позавтракали. Никто, однако, не думал о том, голоден он или сыт: все переживали за свои дома.

Прибыв в село, мы увидели, что дома действительно не пострадали. Зато на улицах валялось много куриных перьев. Значит, они устроили себе угощение из здешних кур. Все разошлись по домам. У нас же не было ни дома, ни двора, и мы с товарищами вернулись в Карцу. С этого дня где нас заставал вечер, там мы встречали и утро.

Однажды я узнал, что арестованные жители нашего села были этапированы во Владикавказ. Среди них был и мой родственник Ибрагим, который несколько дней назад не послушался меня и вернулся в село. Кто-то заметил, как он входил в дом, и донес большевикам. Дом был оцеплен. Вскочив на лошадь, Ибрагим пытался бежать, но был схвачен. Через пару дней пришло новое известие. Ингуши, прослышавшие о том, что наши арестованные односельчане перевезены во Владикавказ, несмотря на то, что сами они являлись сторонниками большевиков, обратились в комитет с просьбой передать им этих осетин на поруки, пообещав, что доставят их в суд в назначенный день, а в случае, если не выполнят обещания, готовы будут сами понести наказание, предусмотренное для арестованных. Так наши стали гостями ингушей.

Нам же самим нечем заняться. Живем за чужой счет, проводим время в кунацких. Но вскоре безделье начало тяготить. По прошествии нескольких дней я решил купить себе отрез ткани на черкеску и навел на этот счет справки в селах Карцинского ущелья. Однако, поскольку в то время почти все магазины были разграблены, найти сколько-нибудь приличную ткань было невозможно не только в городе и поселках, но даже в деревнях. В горных селениях женщины ткали красивую шерстяную ткань, напоминавшую кашемир, но и ее я не обнаружил. Мне лишь сказали, что то, что я ищу, может найтись в селах Куртатинского

ущелья. Я предложил друзьям воспользоваться этим поводом для того, чтобы отправиться вместе туда и своими глазами увидеть прославленные в песнях и исторических преданиях места, в которых мне никогда раньше не приходилось бывать. Друзья, однако, не согласились, не захотев зря утомлять своих лошадей. Я настаивал, говоря, что не знаю никого в той стороне, и просил, чтобы хоть один из них поехал со мной, но все было напрасно. Они лишь посоветовали мне ограничить маршрут двумя-тремя лежащими на основной дороге селами и, если там не удастся найти ткань, не ехать дальше и возвращаться назад. С этими словами они проводили меня в путь.

Доехав до развилки дорог в Гусыре, я свернул в сторону Куртатинского ущелья и, проехав довольно длинное расстояние, прибыл в какое-то село. У въезда в него у стены дома сидели лицом к солнцу трое мужчин и беседовали друг с другом. Я поздоровался. Они тоже приветствовали меня, поднявшись на ноги. Я сказал, что ищу ткань, на что они ответили, что уже многие до меня приезжали за тем же, но возвращались ни с чем, и добавили, что, возможно, мне больше повезет в следующих селах. От них же я узнал, что это было то самое село Даллагкау, которое упоминается в старинной куртатинской песне. Когда я стал прощаться, они сказали мне:

— Ты, похоже, не здешний. Задержись и погости у нас.

Я поблагодарил их за приглашение, но отказался, сославшись на то, что мне предстоит еще побывать в других селах, а затем успеть вернуться обратно. Один из них, желая хоть чем-то мне помочь, сообщил, что впереди находятся села Лац и Харисджин и что в первом из них я вряд ли что-нибудь смогу найти, но во втором в магазине Марзагановых¹, возможно, имеется ткань. Я вновь поблагодарил их, и мы расстались.

Я ехал по проходившей через село дороге. Доехав до его середины, я увидел возвышавшийся за домами холм с очень крутым подъемом, на вершине которого находилось каменное строение, похожее на крепость. На его крыше было свалено огромное количество оленьих рогов, скопившихся здесь, воз-

---

¹ В оригинале: Mirzaganlar.

можно, за многие столетия. Вокруг не было ни души, и поэтому я не смог что-нибудь выяснить об этом строении и рогах. По моему предположению, они были связаны с обычаем, сохранившимся со времен многобожия, когда охотники преподносили рога убитых ими оленей в дар богу охоты. За селом ущелье расширилось, по обеим его сторонам возвышались холмы. На склонах холма, находившегося слева от меня, располагались древние крепости, а рядом с ними — четырехугольные башни высотой в 20-25 метров, имевшие вид широких в основании, но сужающихся к верху усеченных пирамид. У многих башен были обрушены стены или верх. Я думаю, что эти сооружения также относятся к очень старым временам и, возможно, были построены еще до прихода в это ущелье куртатинцев.

Я поехал дальше. Вскоре впереди показалось какое-то село, и через некоторое время я уже был там. На улицах никого не было, лишь из двери какого-то дома выглянул парнишка лет двенадцати-тринадцати. Я подъехал к нему, поздоровался и спросил, как называется это село. Когда он ответил, что это Лац, я поинтересовался, где здесь можно найти кашемировый отрез. Мальчик, подумав, сказал, что здесь живет пожилая женщина, у которой, возможно, есть ткань, и побежал разузнавать. Вскоре он вернулся и, сказав, что бабушка хочет меня видеть, пригласил в дом. Я спешился и, пройдя через несколько дверей, оказался в чистой аккуратной комнате. Женщина лет семидесяти сидела на тахте. Рядом с ней стояла женщина помоложе. Мы пожали друг другу руки, и я сел на указанное мне место. Мальчишка ждал стоя. Пожилая женщина сказала, что по тому, что я спрашивал у ребенка название села, она поняла, что я не здешний. Попросив не счесть ее вопросы бестактными, она поинтересовалась, кто я и откуда. Узнав, что я из Кубатиевых, обе женщины стали выражать мне свое почтение. Затем старуха сделала головой знак молодой женщине и ребенку и, когда те вышли из комнаты, сказала:

— Мы слышали о том, что с вами случилось, и очень огорчены этим. Из рассказа ребенка я поняла, что вы, несомненно, из тех, кто подверглись нападению на равнине, потому что все живущие в этом ущелье знают наше село. Я правильно сделала,

что пригласила вас в дом, и очень счастлива, что вижу вас. Наши мужчины, то есть мои сыновья, ушли на пастбище, чтобы приглядеть за скотом и пригнать лошадей. К вечеру они вернуться. Так что сегодня я вас не отпущу. Познакомьтесь с моими сыновьями, погостите у нас.

Я поблагодарил ее и сказал, что в Карце меня ждут друзья, с которыми завтра мне предстоит ехать в Ногкау, и поэтому я бы хотел только увидеть кашемир, если он имеется. Старуха стала настаивать на своем, но в это время открылась дверь, и в комнату вошла молодая женщина с большим подносом в руках, на котором находились уалибахи¹ (осетинские пироги) из свежего сыра, шашлык из сушеной баранины и маленький графин, до краев наполненный вишневым ликером. Женщина сказала также, что мою лошадь отвели в конюшню и дали ей сена. Услышав это, я стал извиняться за причиненные хлопоты. По правде говоря, хоть я и отнекивался, такой прием мне был по душе. Немного погодя молодая женщина во второй раз вошла в комнату, на этот раз с чашей пива в руках, как будто вишневого ликера было недостаточно. Старуха взяла у нее чашу с темным пенящимся пивом и произнесла:

— Добро пожаловать! Ты принес радость в наш дом.

С этими словами она протянула чашу мне. Я отпил глоток и, как того требовал обычай, вернул чашу. Держа ее в руках, женщина сказала:

— Пусть будут прокляты те, кто поступил с вами так несправедливо! Пусть лишившие вас дома и родины сами останутся без отечества!

После таких довольно длинных проклятий в адрес наших врагов она тоже сделала глоток. Мы стали обедать. Женщина время от времени поднимала чашу с пивом и, сказав несколько слов, протягивала ее мне. Таким образом, я не только наелся, но и хорошенько захмелел. Выпив в дополнение к пиву еще и немного ликера, я попросил разрешения ехать. Тут женщина призналась, что кашемира у них, к сожалению, нет, и начала просить прощения за то, что задержала меня. По ее словам, она просто

---

¹ В оригинале по-осетински: velibah.

не могла смириться с тем, что прибывший издалека путник проедет мимо, даже не погостив в их селе. Я был очень озадачен этим, но сказать было нечего. Поблагодарив хозяев за прием, я ушел.

Теперь, будучи сытым и в подвыпившем состоянии, я готов был ехать куда угодно. К тому же и лошадь моя была накормлена. Я направился в Харисджин и через полчаса был уже в магазине Марзагановых. Внутри было многолюдно. Я поздоровался и спросил про кашемир. Продавец, указав на лежавшую в углу ткань, сказал, что хорошего материала у них не осталось, а имеющийся вряд ли понравится такому молодому человеку, как я, после чего вновь занялся другими покупателями. Мне было известно, что этот человек приходится нам родственником, но знакомы мы не были. Если бы я ему представился, он обязательно пригласил бы меня к себе и оставил на ночь, и я бы, конечно, не отказался от этого. Но было очевидно, что у него нет времени заниматься мной, так как под вечер в лавке собралось слишком много покупателей, и все торопились. Поэтому я лишь спросил его, где я могу найти хорошую ткань. Он указал на находившуюся напротив нас высокую гору и сказал:

— Там находится село Цмити. Если вы сможете туда добраться, то, надеюсь, найдете там у торговца по имени Ахберди¹ ткань, которую ищите.

Я поблагодарил его и вышел. Продавец еще какое-то время стоял и смотрел мне вслед, словно хотел что-то спросить, однако ничего не сказал.

Я сел на коня. Гора, которую показал мне продавец, находилась на моем обратном пути. Я вернулся на дорогу, по которой только что приехал, и, проехав по ней около километра в обратном направлении, оказался на перекрестке дорог, одна из которых вела на Цмитинскую гору. Здесь я задумался, стоит ли мне туда подниматься или нет. «До Карцы далеко, и доеду я туда только к полуночи. Здесь же я никого не знаю. Но, как бы то ни было, это — осетинское село, и кто-нибудь обязательно оставит меня переночевать», — решил я и, повернув налево, начал

---

¹ В оригинале: Akverdi.

взбираться на высокую крутую гору. Наступили сумерки. Я ехал довольно долго, и село должно было быть уже близко, когда вдруг я услышал звук приближающейся телеги, а вскоре показался и темный силуэт человека. Человек тоже меня заметил и, мгновенно сняв с плеча ружье, направил его на меня.

— Эй, кто ты? — закричал он. — Не приближайся, а не то застрелю!

Я остановился и спросил, кто он такой и что я ему сделал плохого, что он хочет меня убить. Он ответил, что не местный и живет на равнине в селе Заманкул.

— Я тоже здесь гость, — сказал я. — Я дигорец, по фамилии Кубатиев.

— Хорошо, коли так, — обрадовался он. — Тогда давай поговорим.

Он подошел ко мне, и мы пожали друг другу руки. Незнакомец спросил, куда и зачем я еду. Я объяснил ему цель моей поездки. Затем он поинтересовался, знаком ли я здесь с кем-либо. Узнав, что я в этих краях чужак и никого не знаю, он предостерег меня:

— Это очень плохо. Они собаки и съедят тебя из-за твоей лошади и оружия, поэтому никому не верь. Правда, есть тут один человек по имени Хаматкан, из фамилии Еловых¹. Стань его гостем. Если же ты думаешь остановиться у других, то лучше сейчас же возвращайся назад.

Я поблагодарил, и мы расстались.

Я въехал в село. Перед садовой калиткой одного из домов беседовали два человека моего возраста. Я подъехал к ним, поздоровался и спросил, где находится дом Хаматкана Елова. Поняв, что я не местный, один из них, должно быть хозяин дома, открыл калитку и пригласил меня войти:

— Пожалуйста, будь нашим гостем, незнакомец, окажи честь.

Поблагодарив его, я сказал, что мне нужен именно Хаматкан. Они попробовали настаивать, говоря, что нет разницы в том, у кого останавливаться, но я не согласился, и молодому человеку, приглашавшему меня в дом, ничего не осталось, как пойти впе-

---

¹ В оригинале: Yeluvate.

реди меня, показывая дорогу. Мы подошли к какому-то загону для скота, и он крикнул старику лет семидесяти, бросавшему животным сено:

— Эй, Хаматкан, встречай гостя!

Старик ответил:

— Всякий гость от Бога. Зови его в дом.

Юноша взял под уздцы мою лошадь, привязал ее к дереву, и мы вошли в калитку. До того дня я не встречал подобного жилища. Оно не было похоже ни на обычный дом, ни на казарму. Это был большой внутренний сад площадью примерно сорок на пятьдесят метров. Где-то в стороне из источника с журчанием текла вода. Посередине находился открытый очаг, в котором ярко горел огонь. Хотя его пламя освещало все вокруг, были зажжены еще и сосновые лучины, и поднимавшийся дым напоминал облако. Над очагом висел огромный котел, в котором что-то шумно кипело. Вокруг огня сидела большая группа мужчин, женщин и детей. Мы подошли, и, как только мой провожатый сообщил, что я гость, все тут же встали на ноги. Мне дали деревянный стул, и я присел и стал греться. Через некоторое время подошел Хаматкан с сыном и обратился ко мне:

— Добро пожаловать, дорогой гость! Прости за нескромный вопрос, но кто ты будешь? Откуда, куда и с какой целью направляешься?

Когда я назвал себя, он сразу же изменился в лице и сказал, что очень расстроен тем, что произошло с нами. Я поблагодарил его за сочувствие. Как оказалось, этот человек был старым солдатом и служил вместе с моими дядями с отцовской стороны. На груди у него красовалась медаль. Он поименно расспросил почти о всех наших старых офицерах, и я рассказал ему о состоянии здоровья живых и о том, когда ушли из жизни остальные. Затем он что-то шепнул своему сыну, и тот вместе с моим провожатым вышли. Мы продолжали беседу. Старик делился со мной своими воспоминаниями, связанными с моими родственниками, а я его слушал. Через какое-то время оба парня вернулись и сделали Хаматкану знак, означавший, что все готово. Как раз в этот момент я задумался о том, в каком углу этой пещеры мне

предстоит спать, но мои размышления прервал сам Хаматкан, предложивший войти внутрь. Открылась еще одна дверь, и мы перешли в другой сад, где стоял красивый дом с балконом. Войдя в него, мы оказались в уютной комнате, в которой горела печь (видимо, молодые люди отлучились для того, чтобы затопить ее) и было очень тепло. Хаматкан немного посидел с нами и ушел, сказав, что оставляет меня с моими ровесниками, чтобы я мог чувствовать себя свободнее.

Парни стали накрывать на стол. Мой провожатый, которого звали Шили, не уходил и помогал хозяину дома. На столе появились различные кушанья и графин с ликером. (По традиции, ликер, араку и пиво в Осетии делают в домашних условиях, и они имеются почти в каждом доме. Однако молодежь араку не пьет, потому что быть пьяным очень стыдно. Молодые пьют в небольшом количестве лишь пиво и ликер исключительно для поднятия настроения. Араку же употребляют только зрелые люди.) За едой и питьем мы разговорились и вскоре были очень рады, что познакомились друг с другом. Они захотели узнать, что происходит в нашей стороне, и я рассказал о наших злоключениях. Немного погодя хозяин сказал, что, поскольку я приехал с дороги, то, вероятно, нуждаюсь в отдыхе, и предложил мне лечь спать, чтобы завтра продолжить беседу. Я ответил:

— Как говорится, гость — овца, а хозяин — волк. Поэтому гость должен повиноваться.

Все засмеялись. В комнате стояла красивая кровать. Они сняли с нее покрывало, под которым было белоснежное постельное белье. Молодой хозяин дома постелил себе тут же на полу. Я попросил Шили вернуться домой, но он ответил, что не уйдет, пока гость не ляжет (так у нас полагалось по обычаю). Когда я лег, Шили пожелал мне спокойной ночи и, добавив, что поговорит с Ахберди и решит вопрос с кашемиром, вышел из комнаты.

В ту ночь я спал очень хорошо. Утром мы хорошенько умылись, оделись и сели завтракать. Пришел и Шили. Хоть он и уверял, что уже позавтракал, мы его тоже усадили за стол. После завтрака выпили немного ликера, и я выразил намерение ехать. Они стали протестовать, настаивая, чтобы я остался еще на день,

потому что их друзья тоже хотели бы со мной познакомиться, но я ответил, что не могу больше задерживаться. Шили сказал, что виделся с Ахберди и тот ждет нас в своем доме. Тем временем о моем предстоящем отъезде сообщили Хаматкану, который также стал этому противиться.

— Да как же так?! — воскликнул он. — В кои-то веки я принимаю в своем доме представителя рода Кубатиевых. Или тебе жаль для меня такого счастья? Остайся еще на один день, тем более что мне есть, что тебе рассказать и что ты потом передашь своим дядям.

Несмотря на все его попытки удержать меня, я извинился и объяснил, что мне непременно нужно ехать. Он продолжал, однако, настаивать, чтобы я остался у них хотя бы до обеда. Тогда к нему подошел Шили и что-то тихо сказал, после чего Хаматкан уступил. Он пожелал мне счастливого пути, попросил передать привет моим родственникам и извинился за то, что они не смогли принять меня, как следует. Мы крепко пожали друг другу руки и расстались.

Ведя лошадь под уздцы, мы пешком дошли до жилища Ахберди. Это был красивый дом с балконом, тянувшимся вдоль всего фасада на высоте метра от земли. Войдя в садовую калитку, Шили позвал Ахберди. Дверь открылась, и перед нами предстал красиво одетый приятный молодой человек, приветствовавший нас словом «Еблагъуæ»¹ (это кабардинское слово, означающее «пожалуйста» или «милости просим», используют и наши осетины). Мы обменялись рукопожатиями, и он пригласил нас войти. Я пытался отказаться от приглашения, сказав, что мне необходимо отправиться в обратный путь как можно скорее, поскольку дни нынче короткие, а дорога предстоит длинная. Но он с улыбкой взял меня под руку и завел в дом, сказав:

— Нельзя уходить с порога. Давайте посидим немного и решим вашу проблему.

Несмотря на то, что это было горное село, дом напоминал городской особняк с креслами и коврами, большим салоном и красивым фортепиано в нем. Как я потом узнал, Ахберди был

---

¹ В оригинале по-осетински: Yeblaġe .

выпускником лицея. Во Владикавказе у него был свой магазин, но, когда в городе начались беспорядки, он переехал в свое село и вынужден был оставить торговлю. Как оказалось, у него тоже не было ткани, но, когда Шили рассказал ему обо мне, он попросил его не говорить мне об этом и привести меня к нему на обед, так как тоже хотел познакомиться со мной: во Владикавказе он знал кое-кого из Кубатиевых и надеялся, что я окажусь одним из них. Ахберди был старше меня на три-четыре года, но мы могли считаться ровесниками. Он перечислил имена своих знакомых из баделиатов, среди которых оказался и мой старший брат Умар, что еще больше нас сблизило. Пока я размышлял про себя о том, как бы побыстрее решить здесь свои дела и отправиться в обратный путь, вошли еще два человека, оказавшиеся родственниками Ахберди.

— Æгас цу, уазæг¹, — приветствовали они меня и пожали руку.

Вскоре нас уже стало шесть или семь человек. Они начали накрывать на стол. Я сказал, что хотел бы уйти, но они лишь рассмеялись и предложили сначала немного перекусить, а потом ехать дальше. Сказав «Еблагъуæ», они усадили меня за стол. Угощаясь вкусной едой, пивом и ликером, мы провозглашали тост за тостом. Когда я в очередной раз заговорил об отъезде, они в один голос обратились ко мне:

— Ну, что ты заладил?! Уедешь, не беспокойся! В эти зимние дни мы в нашем горном селе умираем со скуки. Дел нет. Никто сюда не приезжает. Поэтому твое появление для нас — дар небес. Останься и сегодня. К вечеру придут еще несколько наших друзей. Устроим пирушку и весело проведем время. Поверь, ты нам очень понравился.

— Уверю вас, что вы мне тоже понравились, — ответил я, — и, если бы не ожидающие меня в Карце товарищи, которые будут волноваться, я бы остался здесь до тех пор, пока не надоел вам. У нас ведь нет ни дома, ни пристанища. Кому не захочется вести такую даровую жизнь? Но я хочу, чтобы вы знали, что я никогда не забуду того теплого отношения, которое встретил здесь.

---

¹ В оригинале по-осетински: Æгаʒtsu vazek («Здравствуй, гость»).

Они горячо заверили меня, что даже по этой короткой встрече они поняли, что им никогда не надоеет мое общество, и высказали много других лестных слов в мой адрес. Я снова поблагодарил их и предложил поднять бокалы за здоровье Хаматкана. Мы стоя выпили до дна за Хаматкана, а затем поочередно за здоровье каждого из присутствовавших. Казалось, этому не будет конца. Мы повеселели и стали все больше хмелеть. Наконец, я поднял свой бокал и настоял на тосте за «баркад»¹. Остальные нехотя согласились. Мы выпили и встали из-за стола. Теперь мои знакомые выразили намерение проводить меня до границы села и, как я ни возражал, настояли на этом. Пока мы спорили, к дому верхом подъехали Шили и сын Хаматкана. Лошадь же Ахберди и так была готова. Вчетвером мы двинулись в путь. Переговариваясь, долго ехали вниз по склону. Я несколько раз спрашивал, не достигли ли мы еще границы, но каждый раз получал отрицательный ответ. Когда мы выехали на ровное место, уже начало смеркаться. Я остановился и сказал:

— Теперь я устанавливаю для вас границу, и, если вы меня любите, то не сделаете больше ни одного шага вперед.

На этот раз они уступили. Мы пожали друг другу руки, и я уехал. Проехав какое-то расстояние, я оглянулся и увидел, что они все еще стоят и смотрят мне вслед. Я поднял вверх папаху и помахал им на прощание. Они словно ждали этого и, схватив ружья, выстрелили три раза вверх. Затем помахали папахами и повернули обратно.

Чтобы выехать на главную дорогу, ведущую в сторону Карцы, необходимо было преодолеть лежавший на пути холм. Я подстегнул лошадь и вскоре переехал его. Подъезжая к развилке, я вдруг увидел, что по другой дороге со стороны Харисджина с такой же скоростью, как и я, приближается какой-то всадник. Мы поравнялись у развилки, и я узнал его. Это был мой хороший друг Мухар Басаев² из Ногкау.

---

¹ Баркад (осет. *бæркад* «изобилие», от араб. *баракат*) — заключительный тост в осетинском традиционном застолье.

² В оригинале: *Vasa*.

— Добрый вечер. Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Я приветствовал его и задал тот же вопрос. Он сказал, что возвращается из Харисджина, где у него были дела. Когда же я сказал, что еду из Цмити, он удивленно уставился на меня и спросил, что заставило меня отважиться на такую поездку. Я ответил.

— Молодец! — воскликнул он. — Это большое мужество. Я бы не осмелился отправиться туда один, даже если бы мне давали миллион. Они ведь готовы сожрать человека.

Я ответил на это, что вчера вечером мне сказали то же самое и назвали имя человека, у которого безопасно остановиться, после чего подробно рассказал ему всю историю. Он никак не мог поверить в то, что мне было там оказано гостеприимство, а когда я сказал, что меня еще и с почетом провожали, он внимательно посмотрел мне в лицо, стараясь понять, шучу я или нет. Лишь когда я напомнил, что не в моих правилах говорить неправду, он поверил.

Беседуя таким образом, мы миновали Лац, где днем раньше я был приглашен на обед, о чем я также поведал своему попутчику.

— Ты очень везучий, — заметил он на это.

Продолжая путь, мы подъехали к Даллагкау. Недалеко от того места, где вчера я видел груды оленьих рогов, Мухар слез с лошади и знаком предложил мне сделать то же самое. Затем он снял папаху и пошел пешком, ведя лошадь под уздцы. Я в точности повторял его действия, хотя не мог понять их смысла. Отдалившись от места, где находились рога, Мухар снова надел папаху и сел на лошадь. Я сделал то же самое.

— Возможно, ты не знаешь, — сказал он, — это место называется Дзивгисы Дзуар¹. Оно обладает большой силой.

Значит, традиции, сохранявшиеся со времен многобожия, все еще оказывали влияние на здешнее население. Добравшись до развилки в Гусыре, мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути.

В Карцу я приехал ночью, когда все уже собирались ложить-

---

¹ В оригинале по-осетински: Dzivġisi Dzuar («святилище (села) Дзивгис»).

ся спать. Друзья сказали, что очень волновались из-за меня и думали завтра отправиться на поиски, если бы я не вернулся. Потом они попросили показать купленный мной кашемир. Я ответил, что ткань так и не купил, но зато провел за угощениями часы, полные внимания и доброжелательства.

— Откуда же тебя там знают? — удивились они.

— Не меня, а мою семью и родственников, — ответил я.

Затем я упомянул о том, что люди, которых я случайно встречал по дороге, плохо отзывались о жителях села Цмити, между тем как, по-моему, это самые культурные и приятные люди в мире и очень любопытно, почему они приобрели столь дурную славу. Тогда наш хозяин рассказал нам, что цмитинцы по своему происхождению отличаются от остальных обитателей Куртатинского ущелья. Иными словами, жители всех сел Куртатинского ущелья, кроме Цмити, являются детьми одного племени, в то время как жители Цмити происходят от совершенно другого племени. Испокон веков они не могут ужиться друг с другом. Даже в наши дни между ними часто происходят конфликты. При удобном случае они грабят и даже убивают друг друга и никогда не упускают возможность унижить противоположную сторону словесно. Но к прочим племенам и народам и те, и другие относятся очень хорошо.

Если до сих пор вы терпеливо читали все, что я написал, вы можете спросить, почему о таких простых вещах я пишу в мельчайших подробностях. Это верно. Однако то, что я в свои 78 лет точно могу вспомнить события 56-летней давности, доставляет мне огромное удовольствие. Когда я пишу эти строки, я испытываю волнение, словно заново переживаю прошлое. Кроме того, я очень люблю осетин. Я не знаю, в какой степени там сейчас следуют прежним обычаям, но очень грущу и тоскую о традициях нашего времени, о любви и уважении, проявлявшихся людьми по отношению друг к другу. Где еще сегодня можно встретить примеры гостеприимства, о которых я рассказал выше? В наши дни люди, живущие в одном доме, даже не здороваются друг с другом. Коротко говоря, кавказский человек уникален в своем роде, однако это — злополучная и беззащитная нация.

Почти в каждом доме любого кавказского села есть жилище для гостей — кунацкая — строение из одной комнаты, расположенное на некотором удалении от дома. Дверь в него всегда открыта, а печь готова разгореться в любую минуту. Благодаря этому путник в случае необходимости может легко найти себе ночлег, никого при этом сильно не беспокоя. Так и мы находили пищу и ночлег в кунацких в различных селах, вынужденно ведя праздный образ жизни. Правильнее было бы назвать эту жизнь бродячей. Хозяева домов, где мы гостили, словно у них не было других забот, кроме как кормить нас, несколько раз в день накрывали нам стол. Это нас очень огорчало. Нам было стыдно садиться за стол, а когда мы садились, то порой кусок не лез в горло. Но другого выхода у нас не было. Летом еще можно было бы жить в лесу, питаясь растениями и дичью, но зимой в снег мы могли лишь переезжать из села в село, время от времени возвращаясь на прежние места.

Однажды ранним утром мы, три товарища, покинули Карцу и отправились в Ногкау. Наш хозяин, выбежав вслед за нами, крикнул:

— Куда это вы?

— Не беспокойся, — ответили мы, — сколько бы мы ни блуждали, рано или поздно опять появимся здесь.

Когда мы въезжали в Гусыру, нас, оказывается, заметил издалека Шолох Хадарцев¹, стоявший у своего дома, и стал поджидать нас. После того, как мы приблизились и приветствовали друг друга, он, указывая на дверь, сказал «Еблагъуæ!» Мы поблагодарили его и, хотя действительно искали место, где могли бы провести время, но, как полагается, немного поломались, говоря, что нам необходимо двигаться дальше. Тогда Шолох схватил поводья двух ближайших к нему лошадей и заставил нас слезть с них, сказав, что не допустит, чтобы мы уехали, не погостив у него. Мы вошли в кунацкую, и, когда справились о житье-бытье и немного поговорили, один из моих товарищей шутя заметил хозяину:

— Если уж ты затащил нас в гости и думаешь чем-нибудь угощать, то поторопись. Ведь мы путники.

---

¹ В оригинале: Hadartsa.

— Куда это вы так спешите, уж не в этот ли ад? — спросил Шолох. — По крайней мере два-три дня вы мои гости. Я никуда вас не отпущу. К тому же в доме женщины гонят араку, а ведь эту дрянь не пьют в одиночку. Так что мне вас сам Бог послал. Если вы уедете, где я еще найду таких друзей?

Через некоторое время накрыли стол, принесли выпивку, и мы весело пообедали, понемногу попивая араку. После обеда я поблагодарил Шолоха за угощение и попросил разрешения ехать, но он опять повторил свою клятву не отпускать нас. Подозвав прислуживавшего нам мальчика, он велел ему завести наших лошадей в стойло, расседлать их, напоить и дать дробленую кукурузу и солому. Удостоверившись, что с лошадьми все в порядке, мы успокоились и продолжали пировать, пока не пришло время ложиться спать. Шолох был очень остроумным и приятным собеседником. Он забавлял нас различными историями и анекдотами. Мы вдоволь насмеялись и весело провели ночь.

Утром за завтраком Шолох предложил слегка опохмелиться¹, и наш опохмел продолжился до обеда. Так как мы пили маленькими глотками за разговорами, то, естественно, не пьянели. В полдень мы снова попросили разрешения ехать и на этот раз уже были непреклонны. В конце концов Шолох уступил, и мы попрощались.

К вечеру мы прибыли в Ногкау. Поскольку в этом селе мы уже гостили раньше, там у нас было много знакомых. На этот раз мы остановились в доме детей нашего родственника Дзабе Цаликова². Их было шестеро: пять братьев — Дзарахмат³, Ахмат, Хакясе, Махамат⁴ и Гоци — и одна сестра. Трое братьев были женаты, остальные — холосты. Все они жили под одной крышей и представляли собой большую зажиточную семью. Будучи очень гостеприимными людьми, они имели довольно просторную кунацкую. Почти каждый день у них гостили два-три, а то и

---

¹ В оригинале по-русски: pahmeli.

² В оригинале: Zabe Tselikka.

³ В оригинале: Zerehmed.

⁴ В оригинале: Mehmed.

шесть-семь человек. Семью эту отличала еще одна особенность: почти все они от рождения были туги на ухо. Этот недостаток они унаследовали от своей матери, через которую они как раз и доводились нам родственниками. Их мать была из дигорской фамилии Битуевых¹. В Ногкау у нас были и другие родственники, и периодически, чтобы не надоесть одним, мы переезжали к другим в том же селе. За отсутствием дел мы слонялись, не зная, чем заняться.

Как-то я в очередной раз возвращался из Карцы в Ногкау. К вечеру похолодало, поднялся ветер. Я пустил лошадь рысью и в пяти километрах от Ногкау встретился с хозяином дома глухим Дзарахматом. Завидев меня, он замахал руками, крича:

— Вырезали! Вырезали!

Я не мог понять, кто кого вырезал. Дзарахмат не слышал меня. К тому же дул сильный ветер. Подъехав к нему, я спросил, помогая себе жестами:

— Кого вырезали?

— Они вырезали Христиановское, — ответил Дзарахмат. — Поезжай в село, там все узнаешь. Я оставил лошадей пастись на кукурузном поле и сейчас еду за ними.

Он знаком еще раз велел мне немедленно ехать в село и, подстегнув своего коня, быстро удалился. Я заволновался. Христиановское, известное в настоящее время как город Дигора, было тогда хорошо спланированным красивым селом с тремя тысячами дворов. Его правильная планировка объяснялась тем, что оно не образовалось в результате естественного расширения, как другие села. Земли, на которых оно было расположено, русские в период колонизации Кавказа скупили у наших предков-баделиатов и разделили их на участки с тем, чтобы раздать местным безземельным крестьянам. При этом, учитывая религиозные различия среди населения, одну часть земли они отдали для заселения христианам, а другую — мусульманам. Именно жители Христиановского после революции объединились с нашими крестьянами и напали на нас, подвергнув тому, о чем я уже рассказывал. Они были очень сильны, потому что были мно-

---

¹ В оригинале: Bitute.

гочисленны. Без них наши односельчане никогда бы не отважились на такие действия. Новость, которую сообщил мне Дзарахмат, лишила меня покоя. Кто мог вырезать Христиановское? Я не знал в ближайшей округе силы, способной на это.

Пустив лошадь во весь опор, я за несколько минут домчался до села. Перед кунацкой Дзарахмата и внутри нее собралась большая толпа наших, а также немало местных жителей. Все были в приподнятом настроении. Когда я спросил их, что произошло, мне радостно сообщили, что, по имеющимся сведениям, ночью какой-то казачий атаман занял Христиановское, убив там много большевиков. Однако точной информации ни у кого не было, и поэтому они собрались перед домом, в котором старшие решали, как встретиться и договориться с казачьими силами.

В ту же ночь был создан отряд из 150 человек, в который вошли как наши, так и добровольцы из числа жителей Ногкау. Были среди нас и офицеры, один из которых — поручик Хаджимирза Карабугаев¹ — был временно назначен командиром отряда.

На следующий день стало известно, что казаки заняли и наше село. Получив эту новость, мы произвели необходимые приготовления, и наш кавалерийский отряд под командованием поручика Карабугаева пересек реку Ардон и строем двинулся в направлении Урсдона. За три-четыре километра до села у леса мы заметили ехавший в нашу сторону казачий дозор. Они тоже нас увидели и, внезапно остановившись, начали затем медленно отступать, приняв нас, вероятно, за одну из местных большевистских шаек. Мы тоже прекратили движение и, привязав белый платок к древку ногайки, помахали им в знак мирных намерений. Они остановились, и наш командир поднял вверх свою ногайку, что означало призыв выслать одного человека для переговоров. Как только один из казаков направился к нам, навстречу ему выехал и наш всадник. Встретившись посередине, они обменялись необходимыми сведениями. Согласно информации, полученной нашим послом, перед нами была «Вол-

---

¹ В оригинале: Karabuğa.

чья сотня»¹ — недавно созданное для борьбы с коммунистами подразделение под командованием генерала Шкуро. Наш посол в свою очередь сообщил им, что мы являемся настоящими хозяевами занятого ими села, и подробно рассказал о том, как мы подверглись нападению и, несмотря на все попытки защищаться, не смогли устоять перед численно превосходящим противником. После того, как казачий парламентар доложил об этом своему командиру, они знаками предложили нам приблизиться. Когда мы подъехали, они приветствовали нас:

— Здравствуйте, здравствуйте!² Вы наши братья.

В село мы въехали вместе.

Штаб генерала Шкуро находился в Христиановском. В наше же село он направил отряд во главе с подполковником, который расположил свой штаб в нижней части села. Во дворе штаба находились охранявшиеся казачьими часовыми с обнаженными саблями арестованные большевики из числа жителей нашего села, всего около сорока-пятидесяти человек. У всех были связаны руки, и, кроме того, они были привязаны друг к другу по трое или четверо. Как я потом узнал, каждый ожидал своей очереди, чтобы предстать перед «судом». Их по одному заводили к подполковнику, который, будучи, очевидно, очень жестоким человеком, избивал их, заставляя давать показания. Когда арестованные увидели нас вместе с казаками, они растерялись и стали умоляюще смотреть на нас, как нашкодившие котят, будто желая сказать, что лично они против нас ничего не имеют и в нападении участия не принимали.

Наш командир в сопровождении еще нескольких человек из нашего отряда вошел в штаб подполковника, где они познакомились и детально обсудили положение, после чего подполковник приказал находившемуся там майору отправиться со своим отрядом в наши кварталы села и определить размеры нанесенного ущерба. Мы тоже поехали вместе с ними и показали, какому погрому и разграблению подверглись наши жилища. Был осмотрен каждый дом в отдельности, и составлены соответ-

---

¹ В оригинале по-русски: Volçin Sotni.

² В оригинале по-русски: Izdravstuvuyte, izdravstuvuyte.

ствующие протоколы. Позднее мы узнали, что, когда казаки неожиданно ворвались в деревню, жители растерялись. Несколько человек, пытавшихся бежать, были застрелены на месте. Среди схваченных оказался и человек, который год назад в качестве председателя земельной комиссии заключил с нами соглашение. При обыске у него был обнаружен подтверждавший это документ. Увидев его, казачий урядник выхватил саблю и со словами «Ты коммунист, е... твою мать?!»¹ одним ударом разрубил его надвое, уничтожив таким образом одного из большевистских вожakov. Из справедливо розданной им жителям села земли ему самому досталось лишь два квадратных метра.

Из разговоров с казаками мы начали узнавать о происшедшем в масштабах всей России. Сторонники царя вновь стали спланиваться для борьбы с коммунизмом. Под командованием генерала Деникина, генерала Врангеля, адмирала Колчака и других формировались войска, в первую очередь из бывших царских офицеров и казаков. Казачьи станицы по ночам окружались, и мужчин заставляли присоединяться к этим формированиям. Так были созданы сильные кавалерийские части, которые начали совершать атаки на контролировавшиеся большевиками районы. Арестованных большевиков отправляли в тюрьмы, чтобы впоследствии предать суду. Пытавшихся бежать убивали на месте. Тех же, кто оказывал вооруженное сопротивление, расстреливали без суда и следствия.

И это подразделение, избравшее для себя внушавшее страх название «Волчьей сотни», было сформировано таким же образом. Все в нем от рядового до командира вместо папахи носили на голове уборы из шкур диких животных, что действительно придавало им устрашающий вид. Хотя они и именовались сотней, со временем отряд увеличился и превратился в полк. В полном соответствии со своим названием и внешним видом они приобрели известность своей беспощадностью к врагам и наводили ужас на большевиков, но при этом пользовались любовью всех тех, кто был против большевизма. С приходом этого подразделения в наши края местные большевистские ли-

---

¹ В оригинале по-русски: Ты коммунист уöptivayumat.

деры скрылись в горах и лесах, где еще недавно прятались мы, и создали там шайки. Большевистские органы власти в городах и поселках также были ликвидированы, и наши родственники, арестованные когда-то большевиками и взятые затем ингушами на поруки, были теперь ингушами же освобождены.

Мы снова вернулись в родные места и стали приводить в порядок свои разграбленные и частично разрушенные дома, разыскивать родных — словом, начали заново налаживать жизнь. Наш отряд вместе с «Волчьей сотней» старался обеспечивать общественный порядок. Через некоторое время «волки» предоставили нам делать это самостоятельно, а сами отправились бороться с коммунистами дальше.

Между тем шайки разбойников тоже не сидели сложа руки. По ночам они нападали на села, захватывали наших людей, некоторых убивали. Поэтому мы постоянно их преследовали. В тот период сторонники революции называли себя большевиками или коммунистами, а свою армию — Красной армией. Мы же, их противники, именовались кадетами, меньшевиками, а наша армия — Белой армией, армией Деникина или Добровольческой армией. Россия разделилась на два лагеря, которые беспощадно истребляли друг друга. Непрерывно шло формирование новых подразделений. Из поступавших сообщений мы узнали, что в центре Кабардино-Балкарии Нальчике было создано подразделение под командованием полковника Зора (или Заурбека) Серебрякова, которое уничтожало местных большевиков. Наши созвали собрание. На нем было сказано, что в случае, если наше немногочисленное войско окажется в трудном положении, никто не сможет придти ему на помощь. Поэтому было предложено отправить к полковнику Серебрякову делегацию, которая установила бы с ним связь или, по крайней мере, дала знать о нашем существовании. Все участники собрания согласились с этим предложением. Вопрос состоял в том, кто войдет в делегацию. Ведь предстояла длинная двухдневная дорога. К тому же велика была вероятность встречи в пути с большевистскими силами. Поэтому, хотя, в соответствии с нашими традициями, никто не отказывался, не было и добровольцев: никому не хо-

телось идти на почти верную гибель. Тем не менее, те, кто были выбраны для выполнения этой миссии, не отказались, не желая прослыть трусами. Главой делегации из шести человек был назначен сын моего дяди Махарбек. Мой старший брат Умар также был в ее составе.

Да не будет это сочтено нескромностью, но здесь, коль скоро речь вновь зашла об Умаре, я хочу сказать несколько лестных слов о нем, и, если еще живы люди, знавшие его, они подтвердят сказанное мной. Мой брат был среднего роста, но поистине атлетического телосложения. Он был известен как человек, не знающий страха. Поэтому его всегда выбирали на подобного рода задания, именно с ним друзья предпочитали отправляться в дорогу. Однако на этот раз возникла непривычная для всех ситуация. Не знаю, возможно, у Умара зародилось дурное предчувствие, но он заявил, что не сможет ехать, сославшись на то, что его лошадь хромает на переднюю ногу. Остальные его товарищи также отказались ехать без Умара, сказав, что среди них никто так хорошо не знает дорогу, как он, и, если придется ехать и ночью, малейшая ошибка в лесу может привести их прямо в руки большевиков. Тогда один из присутствовавших на собрании, Аслангери Карабугаев, предложил Умару добраться на своей лошади до села Каражаево, взять там лошадь Аслангери и дальше ехать на ней, а на обратном пути забрать свою лошадь. (Каражаевы¹ были нашими родственниками — дядями с материнской стороны. У них-то Аслангери и оставил свою очень дорогую скаковую лошадь на зиму, боясь, как бы ее не увели большевики.) Брат не возразил, точнее — ничего не ответил. Когда собрание закончилось, он подошел ко мне и шепнул, что совсем не хочет ехать. Вскоре делегация была снаряжена, и они отправились в путь. Мы же продолжали исполнять свои обязанности.

Повсеместно предпринимались усилия по укреплению Добровольческой армии. В Ардоне полковник Дзугаев² сформировал 1-й Осетинский полк. Скрывавшиеся в разных местах

---

¹ В оригинале: Karadzavlar.

² В оригинале: Dzugatey.

офицеры прежнего Осетинского полка извлекали из тайников эполеты и вступали в этот полк. Следует, однако, сказать, что некоторые из этих офицеров после революции, когда царская армия развалилась, перешли на сторону большевиков, потому что последних поддерживали их семьи, не принадлежавшие к знатым родам. Это были те самые люди, которые, как я уже говорил, став солдатами в Первую мировую войну, благодаря дефициту офицеров сумели, научившись немного грамоте и проявив чуточку мужества, войти в доверие к командирам и получить затем офицерские звания. В лучшем случае им удавалось дослужиться до ротмистра. В это смутное время распознать этих подлецов было очень трудно. Их возвращение в полки можно считать в какой-то мере «операцией просачивания», потому что именно они впоследствии изнутри разрушали армию Деникина. Увидев возрождение царской России, эти низкие люди, боясь потерять свои офицерские звания, вновь переметнулись на нашу сторону. Среди них были и такие, которые еще несколько дней назад противостояли нам с оружием в руках. Конечно, нельзя всех их грести под одну гребенку. Некоторые из них действительно были на нашей стороне. Например, полковник Дзугаев, основавший 1-й Осетинский полк, был выпускником военного училища и являлся настоящим офицером. Кстати, не напомнила ли вам эта фамилия одно известное в истории имя? Да, он был родственником будущего главы Советского Союза Сталина-Дзугавили, хоть и не имел с ним ничего общего. (Русские называли Сталина «полуосетином»¹, поскольку его мать была грузинкой и к своей фамилии он прибавил грузинское окончание «швили».)

Вернемся, однако, к нашему рассказу. Сформировав свой полк, полковник Дзугаев отправился в поездку, чтобы найти новые военные силы. Побывал он и в наших селах, где встретился с командиром нашего отряда поручиком Карабугаевым и предложил ему объединиться с его полком. Наш командир обещал подумать. Мы проводили полковника Дзугаева до самой границы наших владений. По возвращении Карабугаев провел собрание, на котором попросил всех высказать свое отношение к данно-

---

¹ В оригинале по-русски: Pol Osetin.

му предложению. Большинство было против присоединения, так как мы не доверяли офицерам полка, вновь вступившим в армейские ряды, и считали, что не сможем с ними поладить. Но самому полковнику мы доверяли.

Мы ждали возвращения нашей делегации из Нальчика, однако шли дни, а она все не появлялась. Учитывая обстановку, мы очень волновались, потеряли покой и сон и целыми днями не отрывали глаз от дороги, надеясь их завидеть. Наконец, они вернулись, привезя с собой печальное известие, которое ни я, ни моя семья не забудем никогда. До Нальчика они добрались целыми и невредимыми. Там их хорошо встретил Серебряков и оставил у себя на несколько дней, в течение которых они обсуждали создавшееся положение. Перед прощанием Серебряков сказал им:

— Как видите, наши силы, созданные мной из жителей Кабардино-Балкарии, все более укрепляясь и не оставляя в своем тылу врагов, с боями приближаются к вашей территории. Продолжайте борьбу и постарайтесь продержаться до нашего прихода. Когда мы соединимся, я надеюсь, что нам с Божьей помощью удастся стереть коммунизм с лица нашей земли.

Обратно делегация решила возвращаться кратчайшим путем через леса. Ехать по нормальной дороге через равнину было опасно, так как расположенные там кабардинские села еще не были зачищены. День уже клонился к вечеру, когда наши преодолели половину пути. По дороге им попадались пастухи с отарами овец. Неожиданно по ним был открыт залповый огонь. Из-за усталости делегация двигалась в разомкнутом порядке, и, растерявшись, ехавшие первыми бросились вперед, а находившиеся сзади поскакали назад. Мой брат Умар оказался в середине строя и был ранен. Когда передние добрались до ближайшего холма и оглянулись назад, они увидели, что брат лежит на земле, а лошадь его убежала. Вскоре брат поднялся и, хромя, добежал до придорожной канавы, откуда начал стрелять по противникам. Но через некоторое время выстрелы прекратились. Его спутники, поняв, что он погиб, продолжили свой путь. Через три часа они прибыли в Каражаево, где рассказали о

случившемся. Большая группа всадников сразу же отправилась на место боя. Всю ночь они искали брата и лишь к утру нашли его тело. Раздобыв каким-то образом телегу, они положили на нее тело, привезли его в свое село и там похоронили. Как они рассказали, балкарские большевики похитили оружие, поясной ремень и прочие вещи брата. Мы так и не смогли узнать, случайно ли было появление грабителей-большевиков на пути нашей делегации или это была заранее устроенная засада. Несколько позже три наших товарища, которые во время перестрелки поскакали назад, также, сделав большой крюк, по другой дороге прибыли в это село.

И снова мне подумалось о том, что если когда-нибудь найдутся люди, которые прочитают эти мемуары, они, возможно, будут недовольны тем, что я слишком подробно излагаю события. Но пусть они не спешат осуждать меня. Ведь беду ощущает лишь тот, на кого она свалилась, и если человек не расскажет о своем горе так, как он чувствует необходимым это сделать, он не находит утешения. Когда я вспоминаю о прошлом, события проходят перед моими глазами в мельчайших деталях, и я не могу сдержать слез. Наш дом в те дни был переполнен людьми. Все женщины, наши родственницы, находились у нас, пытаюсь утешить меня, смягчить мою не затихавшую боль, осушить мои слезы. Но и они не могли себя сдержать и начинали плакать вместе со мной. Ночью они уводили меня в мою комнату, уговаривая немного поспать, и я старался держать себя в руках, пока они находились рядом. Но сон не шел ко мне. Я думал о том, что больше никогда не увижу брата, спрашивал себя, как мне жить дальше, и тихо плакал. После же полуночи, когда я уже не в силах был сдерживаться, мой плач переходил в громкие рыдания. Наконец, мне удалось взять себя в руки, и через некоторое время я вернулся к своим товарищам и снова приступил к выполнению своих обязанностей. Друзья, знавшие о моем несчастье, были печальны. Нам всем было не до разговоров, никто не шутил, не остроловил.

В 1919 году подразделения Серебрякова, занимая одно за другим кабардинские и балкарские села, двигались в нашем

направлении. Мы узнали, что они вошли в село Анзорово на реке Урух¹, считавшееся границей между осетинскими и кабардинскими землями. Почти одновременно из Беслана прибыл 2-й Осетинский полк под командованием полковника Ахтемира² Гутиева, заместителем которого являлся полковник Хаджимирза Шанаев (он умер в 30-х годах в городе Кастамону в Турции), а адъютантом — поручик Казихан³ (Володя) Бесолов. (В 1920 году Казихан бежал в Турцию и работал в Стамбуле председателем действовавшего при поддержке американцев Общества помощи эмигрантам из России. Затем, заболев, он уехал на лечение в Швейцарию, и с тех пор я о нем ничего не слышал. Он был хорошим товарищем, и мы с теплотой относились друг к другу.)⁴ Они создали свой штаб в доме Абдурахмана (Солтана) Карабугаева в квартале Карагач нашего села (Абдурахман умер в 50-х годах в Анкаре).

Через некоторое время в Каражаево вошел со своим отрядом Серебряков, приведя с собой большое количество пленных кабардинских и балкарских большевиков. Около тридцати из них он повесил прямо в селе на диких фруктовых деревьях. Собирались повесить и остальных, но этого не допустила моя овдо-

---

¹ Из трех существовавших в описываемое время сел с названием «Анзорово» — Кайсын-Анзорово, Асламурза-Анзорово и Хату-Анзорово — на реке Урух находилось лишь последнее (ныне село Хатуй Кабардино-Балкарской Республики, в 1920-2004 годах — Старый Урух).

² В оригинале: Akdemir.

³ В оригинале: Gazihan.

⁴ Казихан Бесолов в 20-е годы участвовал в деятельности таких политических формирований кавказской эмиграции в Европе, как Союз горцев Кавказа (Прага, 1923 год) и Народная партия горцев Кавказа (Варшава, 1926 год), время от времени публикуя статьи в их периодических изданиях. Получив стипендию чехословацкого правительства, окончил Пражский торговый институт. В течение некоторого времени являлся военным советником албанского короля Зогу (1928-1939). После Второй мировой войны поселился в Стамбуле. Был одним из учредителей созданного в 1953 году Кавказско-турецкого общества культуры и взаимопомощи.

вевшая семидесятилетняя тетья. Она отправилась к Серебрякову и, по нашему обычаю, бросила к его ногам платок, умоляя прекратить казни в селе. Он отнесся с уважением к ее просьбе. Узнав о том, что 2-й Осетинский полк создал свой штаб в нашем селе, Серебряков отказался от своего намерения двигаться дальше в нашу сторону и вернулся в Нальчик. После этого каждый регион в качестве отдельной автономной области¹ сформировал свои органы власти, избрал своих руководителей и развернул работу по розыску и задержанию вождей большевиков на своей территории. Столицей Кабардино-Балкарии стал Нальчик, а ее главой — генерал князь Тембот Бекович-Черкасский, именовавшийся «правителем Кабарды». Столицей же нашей Осетии был Владикавказ, а главой ее — полковник Бета Хабаев (дигорец из Дзарасте²), известный как «правитель Осетии».

Вскоре организационная работа была завершена почти везде. Наш отряд стал 3-им эскадром 2-го Осетинского полка. Командиром эскадрона стал Абисал Дударов (Слонов³). У меня была возможность оставить службу, но смерть брата разожгла во мне желание мести, я словно жаждал крови коммунистов. Даже сейчас, несмотря на то, что в ходе нашей борьбы я убил многих из них и с тех пор минуло уже пятьдесят с лишним лет, этот огонь все еще не угас во мне. Именно поэтому я добровольно продолжил служить в армии.

В двух часах пути от Каражаева находилось большое село Чикола. Туда по служебным делам приехали мой двоюродный брат⁴ корнет Бурнац и его товарищ, поручик, вместе с несколькими рядовыми. Они остановились в доме кого-то из родственников, где поужинали и легли отдыхать. Кто-то донес об этом большевикам, и те, совершив ночью вылазку из леса, окружили

---

¹ Автономными областями автор называет созданные деникинской администрацией в национальных областях Северного Кавказа «самоуправляемые правительства» во главе с назначенными «правителями».

² Дзарасте (осет. *Дзæрæстæ, Ерастъы*) — осетинское название станицы Чернойрской Моздокского района Республики Северная Осетия-Алания.

³ В оригинале: Slonatey.

⁴ Дословно: «сын дяди по матери».

дом и увели обоих офицеров с собой. Утром нам стало известно о случившемся. Заместитель командира полка Хаджимирза Шанаев с частью сил отправился туда. Я тоже был в составе этого отряда. Полковник Хаджимирза решил остановиться в том же доме, где гостили похищенные офицеры, и взял в качестве компаньона с собой и меня. Он был моим родственником и в какой-то степени покровительствовал мне. Остальные товарищи по пять-десять человек расселились по другим домам. В семье, где мы остановились, были две взрослые девушки. Когда приходило время трапезы, они приносили еду к дверям кунацкой, а дальше мы обслуживали себя сами. В течение двух дней мы обыскивали в селе подозрительные дома и следили за сомнительными личностями.

На третий день объявился похищенный поручик. Мгновенно перед домом, где мы жили и который одновременно служил штабом, собрались сельские жители. Каждый старался обнять и расцеловать поручика, поздравляя его с освобождением. Я не был с ним близко знаком, но тоже поздравил его. Когда поздравления закончились, первый вопрос последовал от старшей дочери хозяина дома.

— А где Бурнац? — спросила она.

Поскольку речь шла о моем двоюродном брате, я тоже весь обратился во внимание. Как только прозвучал вопрос, хорошее настроение поручика улетучилось. Ему словно стало стыдно за свою радость. Он взял себя в руки и тихо сказал:

— Его убили.

Девушки заплакали и вошли в дом, откуда еще долго слышались их рыдания. Я не мог понять причину такого их горя и решил, что, вероятно, они расстроились потому, что офицеры были похищены из их дома, где днем раньше были желанными гостями. Вместе с девушками, однако, украдкой смахивал слезу и старый хозяин дома. Увидев это, я поразился еще больше.

Вечером я обратился к полковнику Хаджимирзе с просьбой позволить мне отправиться утром в Каражаево, чтобы выразить соболезнование моим родственникам. Он разрешил, сказав, что сам бы тоже поехал, если бы позволяли обстоятельства, и

попросил меня извиниться за него и выразить соболезнования от его имени. Полковник приходился двоюродным братом¹ моей матери и ее братьям.

На следующий день после завтрака я сел на коня и отправился в путь. Примерно через два часа я пересек реку Урух и въехал в пределы села. На склоне справа от дороги рос редкий ряд диких яблонь и груш, под каждой из которых лежало по два-три трупа людей, казненных полковником Серебряковым. Видимо, после казни их сняли и сложили под деревьями, ожидая, что кто-то из их родных или товарищей приедет и заберет тела. Однако никто так и не появился то ли из страха, то ли просто ничего об этом не зная. Конечно, мы тоже казнили врагов, но, подержав их определенное время для всеобщего обозрения, снимали тела и хоронили в вырытых местными жителями могилах или же возвращали их родственникам. Я так и не понял, почему трупы этих людей были оставлены в таком виде.

Перед домом моего дяди собралась большая толпа. По обычаю, в зависимости от степени родства все выражали свою скорбь по-разному. Самые близкие родственники рыдали в голос, более далекие тихо плакали. Те же, кто не доводился семье умершего родней, и очень дальние родственники выражали соболезнование молча. Я подошел к дяде, громко рыдая. В соответствии с обычаем, он не плакал. Несомненно, сердце его обливалось кровью, но он не подавал вида. Увидев меня, однако, он не смог сдержать слезу, но тут же незаметно стер ее, сделав вид, будто у него почесался глаз. Через некоторое время он спросил меня, откуда я приехал. Я рассказал, что прибыл из Чиколы, где и узнал об этом несчастье от похищенного вместе с Бурнацем поручика. Я также сообщил, что полковник Хаджи-мирза Шанаев не смог приехать из-за служебных дел, но поручил мне передать соболезнования от его имени. Затем я сказал дяде, что вынужден возвратиться в Чиколу и попросил разрешения ехать.

— Да, тебе надо возвращаться, — ответил он. — Но есть одна проблема. Нам сказали, что он умер. Но где тело? Чтобы

---

¹ Дословно: «сыном тетки по матери».

найти его, нам нужны люди, иначе мы не сможем войти в ту местность, где это случилось. Мы во что бы то ни стало должны получить его тело. Так что скажи Хаджимирзе, пусть он узнает у поручика, где его убили и как туда можно добраться.

К вечеру я вернулся в свое подразделение. Входя в дом, я встретился с дочкой хозяина. Я поздоровался, и она сказала, что, поскольку я отсутствовал за обедом, она оставила мне немного еды, чтобы я не остался голодным. Поблагодарив ее, я сказал, что ездил в Каражаево. Вероятно, мой голос прозвучал неестественно сдавленно, так как я все еще сдерживал плач, и она внимательно посмотрела на меня, словно ожидая дальнейших разъяснений. Когда же я добавил, что Бурнац был сыном брата моей матери и я ездил туда для выражения соболезнования, она, ничего больше не говоря, вернулась в дом.

Я направился в кунацкую, где находились Хаджимирза и Казихан. Когда я вошел, они поднялись и приветствовали меня словами «Цинты цу»¹. Так у нас встречают людей, возвратившихся с траурной церемонии. Я поблагодарил их, и в это время за дверью послышался голос одной из девушек. Она пришла сказать, что меня хочет видеть ее отец. Я последовал за ней. Увидев меня, старый Тази сказал, что ему известно, что я из Кубатиевых, но он хотел бы знать имя моего отца. Я ответил:

— Его зовут Илас.

— Ты сын Фаризат? — последовал еще один вопрос.

Получив утвердительный ответ, он обнял меня и заплакал. Я тоже зарыдал, а вместе с нами жена и дочери старика. Мне сначала было трудно понять причину этих слез, и я решил, что, поскольку я был связан с Бурнацем кровными узами, они тем самым выражали мне свое соболезнование и сочувствие. Однако когда все успокоились, старик с легким упреком сказал мне, что, находясь здесь уже столько дней, я до сих пор ему не представился. Оказывается, Тази был молочным братом моего дяди со стороны матери Аслангери². Я ответил, что слышал о том, что в

---

¹ В оригинале по-осетински: Tsinti Tsu («Ходи по радостным поводам»).

² В оригинале: Aslangiray.

этом селе живет много молочных братьев моих дядей по матери, имена которых она часто упоминала, однако раньше я никогда не бывал здесь, вернее, всегда проезжал мимо, так как никого из них не знал, а если бы знал, то, конечно, остановился бы и навестил их. В разговор вмешалась одна из девушек, сказав, что какое-то чувство с самого начала подсказывало ей, что я их родственник. В завершение Тази сказал, что отныне я могу так же свободно приходить в этот дом, как я прихожу в дом своего отца или Аслангери, и, указав на девушек, добавил, что теперь они мои сестры. Вскоре принесли еду и мы вместе поужинали. Теперь я понял, почему девушки так опечалились, узнав о смерти Бурнаца: ведь они считались его двоюродными сестрами. С тех пор всякий раз, когда я приезжал в Чиколу, я чувствовал себя так же непринужденно, как в своем родном доме.

Вернувшись в кунацкую, я передал Хаджимирзе пожелание моего дяди относительно поиска тела Бурнаца. Он в свою очередь рассказал, что взял показания с поручика и выяснил, где скрывается и чем занимается похитившая наших людей банда, но добавил, что какое-то время нам еще придется оставаться в селе, прежде чем мы отправимся для ее уничтожения. Дело было в том, что до Хаджимирзы дошли сведения относительно того, что некоторые жители села состояли в этой банде и время от времени наведывались в свои дома. Поэтому он установил тайную слежку за этими домами с тем, чтобы в случае появления кого-то из бандитов немедленно получить информацию об этом и, устроив облаву, арестовать их. Именно поэтому Хаджимирза сказал, что нам придется задержаться в селе, но сразу не раскрыл причину своего решения. На следующий день он получил долгожданное известие о том, что один из самых опасных главарей банды объявился в своем доме. Полковник Хаджимирза вручил адъютанту Казихану список с именами пятнадцати кавалеристов, которые должны были немедленно при полном вооружении выехать на выполнение задания. Мое имя тоже значилось в списке.

Не теряя ни минуты, мы сели на лошадей и под предводительством Казихана двинулись вперед. Село имело правильную

планировку и располагалось на плоской местности. Оно было довольно большим, с широкими улицами, скорее подходившими для поселка, нежели для села. По тактическим соображениям мы ехали по главной улице обычным шагом. Дорога была длинной. Вдруг Казихан указал на отдаленный дом и, крикнув, что именно там находится человек, которого мы должны арестовать, подстегнул своего коня. Мы тоже пустили лошадей галопом и вскоре приблизились к цели. Дом располагался внутри большого квадратного двора, обнесенного деревянным забором. Ведущие во двор ворота были отперты. Они были настолько широки, что через них легко могла бы проехать и телега. За домом имелась высокая ограда, за которой росли фруктовые деревья, точнее — целый фруктовый сад. Мы начали окружать дом, и, когда я и несколько моих товарищей огибали его с задней стороны, я вдруг заметил узкий проход, похожий на коридор. Я направил свою лошадь в этот коридор, который вывел меня в задний дворик, где я увидел человека, колотившего дрова у дверей кухни (на Кавказе кухня обычно бывала расположена в задней части дома, и дверь ее выходила в задний двор). Я, конечно же, не знал, что это именно тот человек, которого мы разыскивали, и окликнул его. Тот, поняв, в чем дело, бросил топор на землю, рывком влетел на кухню, схватил ружье и выскочил обратно. Нам было приказано не стрелять, и человек, воспользовавшись нашим замешательством, направил на нас ружье и выстрелил один раз. Затем он с необычайной ловкостью перемахнул через ограду и убежал. Выпущенная им пуля просвистела у уха находившегося позади меня товарища, который был настолько потрясен этим, что чуть было не свалился с лошади. Преодолев забор, человек побежал через фруктовый сад, и, хотя мы открыли вслед ему огонь, попасть не смогли. Перемахнуть на лошади через забор было так же невозможно, как и скакать на ней по густому, как лес, саду. Человек же, перебегая от одного сада к другому, ускользнул из наших рук. От досады и ярости я тогда заплакал. Едва не плачу и сейчас, когда пишу эти строки.

Через два дня мы вернулись в штаб полка, находившийся в Карагаче. Как я уже говорил, полковник Хаджимирза получил от

поручика необходимые сведения. Согласно его рассказу, банда скрывалась в неприступном месте в скалах, возвышавшихся отвесной стеной высотой в 100-150 метров над рекой Урух у входа в Дигорское ущелье в самой узкой части основной дороги. Огромные глыбы камней, которые катили воды Уруха, сталкиваясь друг с другом, производили здесь адский шум, но увидеть саму воду сверху было невозможно. Бандиты сбрасывали в эту пропасть людей, которым они выносили смертный приговор. Если человек падал в воду, его тело могло быть прибито течением к берегу, и тогда еще была надежда его обнаружить. В противном случае найти тело не представлялось возможным. Поручик, однако, точно не знал, был ли Бурнац сброшен в пропасть. Полковник решил отправиться туда всем полком. Мы подготовились и через два дня выступили в путь по той же дороге, по которой некоторое время назад мы с младшим братом бежали от врагов, с той лишь разницей, что на этот раз мы двигались не по лесу, а через лесные просеки и пастбища Кубатиевых и Тугановых.

Мы то углублялись в лесные участки, то вновь выходили на открытые луга. К вечеру, когда мы собирались спуститься с очередной лесистой возвышенности, перед нами вдруг предстала ровная местность. Большинство из нас никогда раньше ее не видели, хотя всем приходилось слышать ее название — Цифгун (Грязный). Здесь жили Хосроевы¹. Это были богатые и умные люди. Они взяли в аренду государственную землю и, хотя формально не являлись ее владельцами, со временем стали гораздо богаче тех, кто имел собственные земли.

Показалось несколько домов, а также какие-то люди, которых, однако, было слишком много для того, чтобы все они могли быть местными жителями. Из-за облачности и наступивших сумерек мы не могли разобрать, кто это были. Они вполне могли оказаться и бандитами, которых мы разыскивали. Остановившись у выхода из леса, мы выслали вперед разведчиков. Вскоре они вернулись и рассказали, что на выезде из леса встретили нескольких всадников. Сначала обе стороны вели себя насто-

---

¹ В оригинале: Hosrota.

женно, но, вступив в диалог друг с другом, поняли, что являются союзниками, и возвратились в свои подразделения. По словам разведчиков, перед нами находился казачий полк под командованием полковника Икаева, который, преследуя большевиков, разместил здесь свой штаб. Немного погодя они пригласили нас к себе, и их командир лично выехал вперед, чтобы встретить нас. Наш полковник, взяв с собой нескольких человек, тоже выехал навстречу. Поскольку раньше полковники не были знакомы, они держались очень степенно, однако, лучше узнав друг друга, отдали нам приказ подтянуться поближе. Мы приблизились, но оказалось, что там совершенно негде укрыться.

Стоял апрель, и погода была пасмурная и прохладная. Зато трава была сочной, и ее вполне хватило лошадям на корм. Мы достали из сумок имевшуюся у нас снедь и совместно поужинали. Затем, завернувшись в бурки, некоторые растянулись прямо на траве, слушая песни своих товарищей, некоторые бродили поблизости, некоторые перешучивались друг с другом или рассказывали истории. Так прошла ночь. На следующее утро мы узнали от нашего командира, что полковник Икаев — наш ардонский осетин. Несколько лет тому назад, во время мировой войны, он простым солдатом сражался в Осетинском полку, но благодаря своей отваге за очень короткое время продвинулся по службе и получил звание корнета. После начала этой смуты он создал сперва небольшой отряд из нескольких казаков, который постепенно разросся, со временем превратившись в полк. В составе этого казачьего полка было много офицеров — выпускников военных училищ, — которые по иронии судьбы воевали под командованием полковника-самоучки. Ко всему прочему Икаев очень плохо владел русским языком. Этот удивительный полк был великолепен во всех отношениях: ухоженные лошади, начищенное оружие и даже свой военный оркестр. Дисциплина также была на высочайшем уровне, и мы не переставали поражаться тому, до какой степени офицеры подчинялись полковнику Икаеву.

Этот полк прибыл сюда за четыре дня до нас. Узнав, что банды большевиков скрываются в этих краях, они разместили здесь

свой штаб. Несколько раз они переходили в наступление на большевиков, но успеха не добились. Узкое ущелье, в котором мы находились, сделав перед самым своим окончанием крутой изгиб, выходило на равнину. Этот изгиб был очень скалистым. Именно в этих скалах и засели большевики. Во время атаки казаки галопом неслись вниз к находившейся по эту сторону от изгиба лощине. Пока они спускались, противник, хоть и стрелял по ним, но из-за дальности расстояния не мог причинить какого-либо вреда. Однако стоило казакам достичь самого изгиба, как большевики открывали по ним шквальный огонь, всякий раз заставляя отступить назад. Тем не менее, казаки долго не позволяли нам атаковать бандитов, считая завершение этой операции делом чести для себя. Мы наблюдали два дня, но они вновь и вновь терпели неудачу. Наконец, они предоставили нам эту возможность, сказав не без иронии:

— Ну-ка, покажите, на что вы способны!

На следующий день уже мы пустили своих лошадей во весь опор вниз к лощине, и на спуске по нам также был открыт огонь. Однако, как только мы оказались в лощине, мы вышли за пределы видимости противника. Сделав вид, что пытаемся укрыться в лощине, мы на самом деле сосредоточились там. В нашем полку было несколько человек, которые прежде чем перебраться в равнинные селения, жили в этих краях и поэтому знали местность, как свои пять пальцев. Им были известны все тропки, огибающие находившуюся перед нами гору. Одним из них был Хаджумар Зекеев¹. (Впоследствии он вместе со мной бежал в Турцию и поселился в селе Каракурт в Сарыкамыше, где и скончался. Он был очень хорошим человеком и надежным другом. Если представится возможность, я еще расскажу о нем.) Хаджумар слыл очень храбрым человеком, и именно ему командир полка, в соответствии с заранее разработанным планом, поручил провести наш эскадрон по козьим тропам в тыл большевиков, чтобы окружить их. Сам командир с остальной частью полка должен был в это время вводить в заблуждение противника отвлекающими атаками. Я чуть не забыл упомянуть еще об одном

---

¹ В оригинале: Hacı Ömer Jeketaу.

обстоятельстве. Когда мы начали наступление, казачий оркестр в качестве дружеского жеста в наш адрес вдруг заиграл марш атаки, который придал нам столько мужества, что мне даже трудно передать это словами. Открытый по нам врагом шквальный огонь воспринимался нами как не более чем жужжание мух. По приказу мы двинулись вперед, а наш командир полка тем временем с определенными интервалами атаковал противника и снова отходил назад. В течение всего пути мы слышали звуки выстрелов. Примерно через три часа наш эскадрон был уже за скалами. Мы сразу же бросились галопом в атаку, однако там, где, по нашим предположениям, должны были находиться большевики, не оказалось ни души, и мы встретились лицом к лицу со своим же полком. Бандиты сбежали, очевидно, разгадав наш план или заметив, что мы обходим их сзади. Единственным нашим трофеем стала усталость. После этого командованием было принято решение отправиться в горные села Дигорского ущелья для преследования противника и прочесывания местности. Икаев же вместе со своим полком вернулся обратно, и мы с ним больше не встречались. Поэтому мне не известно, на каком фронте он воевал и что с ним стало в дальнейшем.

Вдоль правого берега Уруха мы двинулись в глубь ущелья. Слева от нас тянулась высокая скалистая гора. Когда мы прибыли на широкую террасообразную площадку, расположенную на склоне горы недалеко от первого после выхода из теснины села Задалеск, полковник Гутиев приказал нам спешиться, чтобы немного отдохнуть и получить необходимые сведения от местных жителей. Не успели мы слезть с лошадей, как сверху из-за скал послышалось чье-то пение. Мы повернулись в ту сторону, как вдруг оттуда неожиданно раздался выстрел. Пуля оцарапала губу лошади одного из наших товарищей. Лошадь шарахнулась в сторону. Губа, естественно, начала кровоточить. Человек же продолжал петь. Затем выстрелил еще раз и ранил в ногу нашего товарища Асланбека (Абе) Абисалова. Пуля не задела кости, но рана была глубокой. Мы подхватили Асланбека и потащили его за скалы по другую сторону дороги, когда прозвучал еще один выстрел. На этот раз пуля попала в копыто одной из

лошадей. Мы бросились в укрытие, где стрелявший не мог нас видеть, и стали пытаться определить его местонахождение. Между тем, чувствуя себя в полной безопасности, он настолько осмелел, что пел уже во все горло, стреляя каждый раз, когда кто-нибудь из нас высовывался из укрытия. Нам же все не удавалось его обнаружить. Похоже, человек нашел такую щель среди скал, что был совершенно уверен в том, что мы не сможем до него добраться. В конце концов, однако, мы сумели разглядеть ствол его винтовки. Тщательно осмотрев в бинокль местность, командир полка сказал, что можно обойти его сзади, потом взобраться по скалам так, чтобы оказаться над ним, и сделать несколько выстрелов в его сторону, после чего этот сумасшедший, скорее всего, сам сдастся. Добавив, что для этого вполне хватит трех-четырех человек, полковник с улыбкой спросил, есть ли добровольцы на это дело. Первым вызвался мой двоюродный брат¹ Хангери², следом за ним — брат только что раненого в ногу Асланбека Бекмирза и я. Четвертым вышел вперед Умар³ Карабугаев, а за ним еще несколько наших товарищей. Командир окинул взглядом первую четверку и сказал, что нас будет достаточно.

В соответствии с указаниями полковника, мы издали обогнули гору, затем, нащупывая дорогу среди скал, около двух километров взбирались вверх и, наконец, оказались почти на самой вершине намного выше того человека. Повернув там налево, мы начали спускаться вниз по склону. Позже мы узнали, что с этого момента нас начали видеть наши товарищи, и по мере того, как мы приближались к цели, они волновались больше нашего. После довольно длительных поисков мы, наконец, нашли путь, по которому спустился в свою нору этот сукин сын. Пока мы осторожно подкрадывались к нему, он все пел и время от времени стрелял из ружья, что значительно облегчало нашу задачу, помогая идти в правильном направлении. Мы подобрались уже очень близко, но наш путь затрудняли бесформенные

---

¹ Дословно: «сын дяди по отцу».

² В оригинале: Hangiray.

³ В оригинале: Ömer.

скалы. Иногда нам приходилось вновь карабкаться на камни, с которых мы только что спустились. На некоторые скалы было невозможно взобраться в одиночку, и мы сначала поднимали кого-нибудь из нашей группы, а он затем вытягивал наверх остальных своим ружьем. Местами спуск был особенно крутым, и тогда нам приходилось сползать, держась друг за друга. Наши неотрывно следили за нами снизу, и, как они сами потом рассказывали, у них пересохло в горле от переживаний за нас. В конце концов мы оказались на том самом камне, под которым находился человек, однако подойти к входу в скальную щель, где он затаился, можно было только снизу, и, попытайся мы сделать это, он попросту перестрелял бы нас. Сверху мы могли видеть лишь ствол его ружья, но самого человека видно не было, хотя мы отлично слышали его пение. Уставшие, обливающиеся потом, мы следом за богатырем Хангери, держась за камни и ноги друг друга, подобрались, рискуя упасть, к самому краю скалы. Свесившись с него, Хангери проворно схватил оружие человека за дуло и дернул его вверх. Вероятно, человек чувствовал себя здесь в абсолютной безопасности и потому слабо держал винтовку, оказавшуюся теперь в наших руках.

— Выходи! — закричали ему мы.

Не успев понять, что произошло, он мгновенно изменился в лице и лишился чувств на месте. Мы схватили его за руки и ноги и выволокли из пещеры. После нескольких пощечин он пришел в себя, и мы потащили его вниз к наблюдавшим за нами товарищам, которые уже аплодировали нашей победе. Через 20-25 минут мы стояли перед нашим полковником. Сперва он сам, а затем остальные офицеры и солдаты по очереди подходили к нам со словами поздравлений и благодарности и крепко пожимали руки.

У нас в полку находились еще двое задержанных, являвшихся самыми свирепыми бандитами-коммунистами нашего села. (Один из них был сыном Гуди. Их было три брата. До революции всех их разыскивала полиция за дезертирство и разбойничество, но так и не смогла схватить. Теперь, воспользовавшись смутой, они возглавили шайку местных коммунистов. Пока наш полк размещался в селе, они украдкой по ночам приходили в

свои дома. Во время совершенной нашими по доносу облавы на их дом были арестованы средний брат Боби и находившийся с ним его товарищ, которых Хаджумар за ноги вытащил из-под кровати.) Мы думали обменять их на наших людей, попавших в плен к врагу, и поэтому всюду таскали за собой. Но нам так и не представилась возможность сделать это, а они были для нас обузой. Поэтому ночью, после того как был допрошен последний пленник — этот безумный храбрец, — на окраине деревни была сооружена виселица, и под утро все трое были повешены друг рядом с другом. При каждом дуновении ветра они поворачивались из стороны в сторону, словно танцуют, и жители села сбегались поглазеть на это зрелище.

В течение недели, идя по следу банды, мы прочесали все ущелье, включая села наших предков, вплоть до Стур-Дигоры (Большой Дигории). Там мы узнали, что разыскиваемый нами отряд, не останавливаясь, проследовал в направлении находящихся со стороны Грузии лесистых гор, на вершинах которых даже летом не тает снег. Разбившись на несколько групп, мы разошлись в указанных нам местными жителями направлениях и, идя то по ледникам, то по лугам и лесам, прочесали всю местность. В одном месте нам попались пятнадцать-двадцать расседланных лошадей, спокойно щипавших траву. Если их бросили бандиты, то непонятно, куда и как они унесли седла — ведь дальше не было ни села, ни человеческого жилья. Можно было лишь предположить, что они перешли в Грузию. Никого не обнаружив, мы решили вернуться назад. Так нам удалось установить временное спокойствие в этом районе.

По возвращении в село наш полк вновь создал штаб на прежнем месте. Первым делом было проведено собрание, на котором был высоко оценен поступок четверки добровольцев, обезвредивших в горах того человека. В знак признания наших заслуг нам были присвоены звания ефрейторов. Командиры заявляли, что в действительности мы были достойны медалей, но, поскольку в Добровольческой армии медалей еще не было, нас не могли к ним представить. Все присутствовавшие поздравили нас громкими аплодисментами. Мне трудно передать, как я был

счастлив в тот момент. Это повышение послужило примером для всех наших товарищей по полку, которые стали служить с еще большим усердием.

Теперь мы занимались тем, что ловили или уничтожали большевиков и собирали информацию в округе. Вскоре нам стало известно, что часть членов банды, которую мы преследовали до самой границы с Грузией, прибыла в Христиановское, где развернула тайную работу по укреплению местной большевистской организации. Наш командир полка в сопровождении нескольких человек отправился в Ардон на встречу с командиром 1-го Осетинского полка Дзугаевым. Туда же ими был приглашен и командир Кабардинского полка. Как мы потом узнали, на проведенном секретном совещании было решено, что в условленный день, дата которого держалась в тайне, эти три полка на рассвете окружают с трех сторон Христиановское и заставят его жителей выдать большевиков, скрывавшихся в их домах. В случае невыполнения этого требования все село должно было быть прочесано, бандиты и их укрыватели — арестованы и наказаны, а с населения взыскана военная контрибуция. Это решение было известно только офицерам.

Через четыре дня после совещания под вечер нам запретили расходиться по домам, каждый должен был в полной боеготовности ждать дальнейших приказов в своем эскадроне под контролем его командира. Поскольку никто не знал о решении, принятом на совещании, все спрашивали друг друга, что происходит. В полночь прозвучала команда «По коням!» Затем была произведена переключка, после чего эскадронные доложили о готовности своих подразделений. Вдоль реки Урсдон полк двинулся в сторону Христиановского. К утру, когда до села оставалось около двух километров, мы остановились, чтобы установить связь с 1-м Осетинским полком, шедшим с востока, и Кабардинским полком, двигавшимся с севера. На рассвете село было окружено.

Не прекращаясь, моросил дождь, и стоял туман. Нас разделили на небольшие группы, и мы, четверо новоиспеченных ефрейторов, оказались вместе в одной из них. Пытаясь защи-

таться от дождя, мы постелили на землю две бурки, легли на них, а сверху накрылись еще двумя. Невыспавшиеся, уставшие и голодные, мы прилагали огромные усилия, чтобы не заснуть. Я запел историческую песню, сложенную на основе одного из наших дигорских нартовских сказаний — «Нарти Уази фурт маенкъæй Ацæмæз æмæ Агундæ рæсугъд»¹. В то время многие пели эту песню, но либо не полностью, либо путая начало с концом, вследствие чего терялся ее смысл. Махарбек Туганов², являвшийся одновременно и художником, и поэтом, после долгой работы над текстом издал классический вариант песни в виде иллюстрированной книги. Один ее экземпляр — уже не помню, при каких обстоятельствах — попал в мои руки, и, поскольку я всегда интересовался подобного рода вещами, я вызубрил ее от корки до корки. Должно быть, эта книга была напечатана очень маленьким тиражом, так как за всю свою жизнь я не встречал человека, читавшего или хотя бы видевшего ее. Не думаю, чтобы сейчас даже на Кавказе кто-нибудь был способен исполнить ее от начала до конца, потому что, хотя кавказцы и придают большое значение фольклору, я не встречал среди членов приезжающих в Турцию ансамблей людей, знающих ее. А ведь эта песня — целый сценарий, и уже давно следовало бы снять фильм по ее сюжету.

Но продолжу свой рассказ. Пока, лежа под буркой, я распевал песню, а три моих товарища в тон подпевали мне, село было поставлено в известность, что находится в окружении, и из него была направлена делегация к нашему командованию для переговоров. Между тем заместитель командира полка Хаджимирза Шанаев, адъютант Казихан Бесолов и другие офицеры, проверяя посты, подъехали к тому месту, где находились мы. Они не стали нас прерывать и с восхищением дослушали до конца песню, не знакомую им раньше. Затем, по указанию Хаджимирзы, один из ординарцев спрыгнул с коня и, подойдя к нам, стащил с нас бурку. Увидев перед собой наших командиров

---

¹ В оригинале по-осетински: Narti Vazi furt mankay Atsemed eme Aǵunde resugd («Сын нарта Уаза юный Ацамаз и красавица Агунда»).

² В оригинале: Mahir bey Tuǵan.

верхом на лошадях, мы сразу же вскочили и замерли по стойке смирно. Они рассмеялись, и полковник спросил, кто из нас пел. Товарищи указали на меня. Командиры сказали, что никогда раньше не слышали эту песню, но она им очень понравилась и они хотели бы услышать ее еще раз в более подходящее время. Хаджимирза добавил, что она больше похожа на историческое повествование, чем на песню, и спросил, откуда я ее знаю. Когда я ответил, что выучил песню по книге Махарбека Туганова, он поинтересовался, есть ли у меня эта книга сейчас.

— До недавнего времени она была у меня, — ответил я, — но в ходе последних нападений и грабежей куда-то затерялась. Возможно, когда-нибудь она найдется.

Полковник сказал, что в случае, если книга обнаружится, он будет не прочь ее прочитать. Пока мы таким образом беседовали, пришло сообщение, что большевики прорвали окружение на участке, занимавшемся Кабардинским полком, и бежали. Мы вошли в село и, хоть и арестовали после тщательных поисков несколько человек, своей основной цели не достигли, так как их главари успели скрыться. Мы лишь зря вымотались и ни с чем вернулись в наше село.

Через несколько дней наш полк был переведен в село Даргкох (Каккадур), где проживали осетины-христиане. Своей школой, церковью и благоустроенными домами Даргкох больше походил на современный городок. 4-й эскадрон нашего полка был сформирована из молодых парней этого села. Почти все они были грамотны. К тому же многие участвовали в мировой войне и являлись уже опытными солдатами. Эскадронным у них был мой двоюродный брат ротмистр Асланбек Кубатиев. Мы с ним были ровесниками и близкими друзьями и при встрече постоянно обменивались веселыми шутками. Я называл его домашним именем Мамек. Он отличался от других наших офицеров. Будучи очень серьезным и дисциплинированным при исполнении служебных обязанностей, в остальное время он шутил со своими солдатами и ел только вместе с ними, несмотря на настойчивые приглашения его друзей-офицеров и даже полковников. Подчиненные не садились без него за стол и без-

гранично уважали и любили его. Несколько унтер-офицеров, как ангелы-хранители, неотступно следовали за ним, готовые защитить от любой опасности. Хотя сам я служил в 3-ем эскадроне, в свободное время я обычно шел в 4-й эскадрон Асланбека. Завидев меня, он приветствовал меня словами:

— Ну, здравствуй, храбрец! Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо, мой вахмистр, — отвечал я, и тут же унтеры рядом с ним обнажали сабли и под общий смех гонялись за мной, крича:

— Ты что, вздумал издеваться над нашим командиром?!

Наш полк размещался на большой площади перед даргокской церковью. Согласно плану командования, ночью мы должны были погрузиться в вагоны на местной станции и отправиться в городок Святой Крест¹. Сельские жители решили в подтверждение своего гостеприимства устроить в честь нас прощальный пир. По всей церковной площади были расставлены длинные столы, на вертелах жарились молочные ягнята. Столы ломились от разнообразной еды, пива и араки. Кроме того, в соответствии с обычаем, каждый дом прислал по курице и по три наших национальных священных пирога-уалибаха, без которых не обходятся молитвы и добрые пожелания. Сельский священник обратился к нам с длинной речью на осетинском языке.

— Ваш путь полон опасностей, — сказал он. — Но это путь, украшенный героическими подвигами ваших предков, которые с победами возвращались из походов, а если проигрывали, то предпочитали достойную смерть бесславной жизни. Героизм — это бесценное наследие, доставшееся вам от предков. Да хранит Бог всех вас — от командира до простого солдата — от вражеской пули и других угроз! Дай вам Бог мужества и сил!

После каждой фразы священника присутствовавшие кричали громовое «А-амме-е-ен!» По сей день эти раскаты иногда гремят в моих ушах. После молитвы все — и мужчины, и женщины — пировали до самого вечера, время от времени возобновляя молитвы и пожелания. Наевшись досыта, мы попрощались с хозя-

---

¹ Святой Крест — ныне город Буденновск Ставропольского края.

евами и ночью отправились на станцию. Разместившись по вагонам, под утро мы тронулись в путь. Поезд часто останавливался, и нам приходилось подолгу ждать на различных станциях. К вечеру первого дня мы прибыли в Прохладное, где и было решено заночевать. Офицеры заняли здание вокзала, а в зале ожидания устроили своеобразную вечеринку с танцами. Ввиду отсутствия гармошки полковник Хаджимирза Шанаев сам, заменяя в одиночку целый оркестр, напевал мелодию танца, называемого у нас лезгинкой или же чеченским танцем, а в Турции известного как танец шейха Шамиля. Другие офицеры по очереди искусно исполняли этот танец. Мы тем временем ждали в вагонах вместе с нашими лошадьми. Через некоторое время, однако, меня и моих товарищей тоже позвали в зал и, усадив напротив нашего угрюмого командира полка Гутиева, попросили исполнить песню «Уази фурт Ацаэмæз»¹, что мы и сделали несколько раз с перерывами. Песня им очень понравилась, и благодаря этому мы тоже приняли участие в вечеринке. С тех пор офицеры взяли за правило брать меня на все посещаемые ими увеселения.

К утру мы снова отправились в путь и под вечер прибыли в Святой Крест. Ночь провели в вагонах, а утром следующего дня выгрузились из них, так как железнодорожная линия здесь прерывалась. Пересев на своих лошадей, мы доехали до вытянутого вдоль берега Кумы большого красивого села Левокумское, где и разместились. Дальше не было ни города, ни села. Только калмыцкая степь простиралась перед нами до самого Маныча. Калмыки вели здесь кочевой образ жизни, разводя огромные стада крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов. Ничего похожего на земледелие не было. Вместо хлеба они употребляли курут².

Между Святым Крестом и Астраханью действовала конная «летучая почта»³. На время пребывания нашего полка в Левокумском для обеспечения связи и других нужд нами была создана и вторая, более короткая линия «летучей почты» от Левокум-

---

¹ В оригинале по-осетински: Vazi Furt Atsemed («Сын Уаза Ацамаз»).

² Курут — высушенное кислое молоко.

³ В оригинале по-русски: Letuŕey Post.

ского до одной большой усадьбы, также расположенной на пути из Святого Креста в Астрахань. Так как я был ефрейтором, меня назначили начальником этой почты и, выделив четырех солдат в мое подчинение, отправили в ту усадьбу. Усадьба была очень большой и богатой. На ней имелись свой мукомольный завод, несколько красивых зданий, а также лошади, коровы и более тысячи голов овец. Но нас особенно заинтересовали три дочери хозяина, одна краше другой, и девушка-служанка лет семнадцати-восемнадцати. До нас усадьбу заняли большевики. Они объявили о конфискации всего имущества, но не успели воспользоваться им, так как наше появление вынудило их бежать. Хозяин усадьбы от радости, что вновь обрел нажитое добро, и в знак признательности нашему полку согласился предоставить нам пищу и ночлег. К тому же наше постоянное пребывание там обеспечивало ему безопасность от банд большевиков, которые приходили по ночам и требовали деньги и продовольствие. Нам были приготовлены пять пружинных матрацев в комнате с застекленным балконом, где также имелись стол и несколько стульев. Девушка-служанка застелила матрацы ослепительно белыми простынями и принесла самовар с чаем. Она же по утрам будила нас и заправляла кровати. К тому времени на столе нас уже ждал завтрак в чистой посуде: чай, молоко, сыр и хлеб. В обед нас потчевали отварным мясом ягненка, белым хлебом и супом, на полдник — снова суп, а вечером — то же, что и в обед. Одним словом, сплошное удовольствие. Я занимался тем, что записывал время отправления и прибытия почтовой корреспонденции и по очереди давал поручения своим товарищам.

Мы очень быстро подружились с дочками хозяина. Они повели меня прогуляться на мукомольную фабрику и, видимо, желая найти тему для разговора, подробно рассказали о том, что после революции, потеряв работников, они сами научились при необходимости запускать эту мельницу, однако из-за проливных дождей, выведших из строя водопровод, сейчас она не функционирует, так как ее некому починить. Я в свою очередь рассказал о своем знатном роде и о тех трудностях, которые нам пришлось испытать после революции. Эта история их

очень тронула, и они передали ее своему отцу, который после этого стал здороваться со мной и относиться более сердечно.

Вечерами в хорошую погоду мы с девушками выходили на прогулки, сидели в саду и беседовали. Все сестры питали ко мне дружеские чувства, однако старшая из них явно испытывала нечто большее и, по-моему, была влюблена в меня. Заметив это, младшие стали постепенно отдаляться от нас. Когда по вечерам мы сидели вместе, они под каким-либо предлогом вставали и уходили вместе со служанкой, оставляя меня наедине со своей сестрой. Во время прогулок они шли либо впереди, либо намеренно отставали, предоставляя нам возможность побыть вдвоем. Вскоре их старшая сестра привязалась ко мне еще больше, не выходя, впрочем, за рамки приличия. Так продолжалось около пятнадцати дней. Наш полк, однако, должен был передать свои полномочия в этом районе казачьему полку, и в один день мы получили приказ сдать дела их посту связи, прибытие которого ожидалось на следующий день, и возвращаться назад. Во время нашей последней встречи девушка не могла скрыть своего горя по поводу моего отъезда, и в результате о наших взаимоотношениях стало известно всем, от домочадцев до кучера. Конечно, мои товарищи тоже догадались обо всем. Один из них, куртатинец Ибрагим, являвшийся большим острословом, поддразнивал меня:

— Как ты можешь уехать и оставить девушку? Это большой грех — заставлять женщину плакать. Коли она так привязалась к тебе, бери ее с собой.

Но все когда-нибудь заканчивается. Так и те несколько замечательных дней завершились грустным расставанием. Наутро мы выехали в путь, и вскоре были в Левокумском.

По возвращении в свое подразделение мы узнали, что несколько дней назад половина нашего полка под командованием полковника Хаджимирзы Шанаева, двигаясь в авангарде, в двухстах километрах от Левокумского вступила в бой с большевиками, которые, понеся большие потери, обратились в бегство, бросив на поле сражения тела своих убитых. Однако, понимая, что большевики отступили лишь для того, чтобы соединиться со

своими более крупными силами, Хаджимирза Шанаев вызвал на подкрепление остальную часть полка, к которой принадлежали и мы. Таким образом, уже на следующий день после возвращения из усадьбы нам предстояло отправиться в поход.

В нашем распоряжении оставалось еще полдня, и мы с товарищем-куртатинцем решили прогуляться по главной улице Легокумского, тянувшейся через весь поселок почти на пять километров. По дороге нам встретился адъютант командира полка поручик Казихан (Володя) Бесолов. Обрадовавшись встрече со мной, он сказал:

— Это наша последняя ночь в Легокумском, и мы решили по этому случаю устроить вечеринку. Но в этом городишке совсем нет выпивки, так что живо найди выход из положения.

Сунув мне в руку пятьдесят рублей, он быстро удалился, не слушая моих отговорок о том, что я только что приехал и не знаю здешних мест. Мой товарищ, однако, успокоил меня, шепнув, что ему известно одно место на противоположном конце поселка, где продается спиртное. Мы вернулись в подразделение, взяли бурдюк емкостью в десять-двенадцать литров, именуемый «купри»¹, и, сев на лошадей, отправились к дому, где торговали вином. Там посреди комнаты стояла бочка вместимостью не менее двухсот литров, возле которой сидел человек с желтоватой бородой. В руке у него был шланг, который он использовал в качестве сифона. Поскольку при наполнении каждого очередного сосуда ему поневоле приходилось делать глоток из шланга, в момент нашего появления он сидел, уставившись в потолок слегка окосевшими от выпитого глазами. Я протянул ему бурдюк, но он вдруг заявил заплетающимся языком, что не возьмет желтых денег, подразумевая банкноты, напечатанные большевиками.

— Ты наполняй, а уж мы заплатим тебе красными деньгами, — ответил я.

Когда же бурдюк был полон, я вручил ему желтые деньги. Он попытался протестовать, но я огрел его разок нагайкой и сказал:

---

¹ Осет. *къупури/къупури* «бурдюк».

— Как это не возьмешь?! Ведь это ваши большевистские деньги!

Мы вышли на улицу, не обращая внимания на его бормотание, и с вечерними сумерками вернулись в подразделение.

Увидев вино, офицеры сразу же воодушевились и, так как еда была давно готова, немедленно сели за стол. Меня тоже посадили рядом, сказав, что я должен обязательно спеть и мне от них никуда не деться. Я попробовал возражать, ссылаясь на больное горло, но на это они ответили:

— Выпей пару глотков вина, и все пройдет.

На мое заявление, что вино я не пью, они лишь рассмеялись. (Дело в том, что наши муллы при каждом удобном случае твердили нам, что пить спиртное, в особенности вино, запрещено. Поэтому вплоть до того дня я действительно не пил ни капли вина и, более того, даже ни разу не притрагивался к бутылке с вином.) Они наполнили бокал, и, чтобы я не мог удрать, один из офицеров схватил меня сзади за руки, а остальные силой открыли мне рот и стали вливать в меня вино. Хотя мне удалось частично его выплюнуть, что-то я все-таки проглотил.

— Теперь уж что случилось, того не изменишь. Хоть один глоток, хоть тысяча — все равно грех, — сказали они и сунули бокал мне в руку.

После нескольких выпитых бокалов мы запели песни, и веселье разгорелось.

Между тем все это время мои друзья ждали меня на улице. Наконец, они решили попросить адъютанта Казихана войти в комнату и уговорить командиров отпустить меня. Когда я вышел, товарищи, словно изнывая от невыносимой жажды, потребовали немедленно вести их туда, где продается вино. По ночным пустынным улицам мы мигом съездили туда и обратно и еще какое-то время повеселились уже в своем кругу. Зато утром мы едва нашли в себе силы подняться. Во рту пересохло, и ужасно болела голова. Но, взяв себя в руки и собравшись, мы отправились в путь по бескрайней калмыцкой степи.

Как я уже говорил, калмыки очень грязные люди. Они живут в юртах и ведут кочевой образ жизни. Земледелие отсутствует,

но скотоводство весьма развито. Должно быть, растущая в степи редкая, странного вида трава очень питательна, ибо скот там довольно упитанный. Вытекающая из скважин вода соленая и мутная, и из-за ее скудости калмыки почти не моют даже руки и лицо. Своими раскосыми глазами и широкими скулами они напоминают китайцев. Женщин очень трудно отличить от мужчин по той причине, что последние не имеют растительности на лице и к тому же, подобно женщинам, носят длинные волосы, которые Бог знает, как давно были заплетены в косы, и теперь из-за отсутствия всякого ухода спутались и дурно пахли. У калмыков было очень много лошадей, в большинстве своем цвета золота восемнадцатой пробы. Изредка попадались гнедые и светло-серые лошади, но белых и вороных я не встречал ни разу. Ростом их кони ниже венгерских, но выше киргизских, то есть они средних размеров. Мы слышали, что табуны некоторых калмыков насчитывали более тысячи лошадей. Верблюды двугорбые. Иногда калмыки запрягали их в немногочисленные, плохо скроенные четырехколесные повозки. Коровы коричневые, белые или пестрые с растущими в стороны рогами, концы которых слегка загнуты назад. Почти у всех коров рога были совершенно одинаковы, словно выпущены на одной фабрике. Это были очень красивые животные. Овцы — лилово-красные, похожие на анатолийских, но более крупные.

Вот по этой степи мы ехали в мае 1919 года. Самой большой проблемой для нас была нехватка воды. Стояла довольно жаркая погода, расстояния же между колодцами были значительны. Пожалуй, больше людей страдали лошади. Колодезную воду мы пили сами и поили ею лошадей, но часто ее оказывалось недостаточно, чтобы удовлетворить потребности огромного полка. В таких случаях мы обвязывали веревками своих товарищей и опускали их в колодец, где они черпали флягами соленую и от грязи густую, как айран, воду до тех пор, пока она сочилась со дна. Иногда, когда мы вглядывались в даль, нам казалось, что к вечеру мы доберемся до зеленого леса, но всякий раз выяснялось, что это был всего лишь мираж.

Ввиду того, что наш полк был добровольческим и не имел

четкого руководства, в нем ощущался недостаток дисциплины и порядка. Отсутствие единства проистекало и из того, что каждый вступил в полк со своим оружием, амуницией и конем. Лишь в Левокумском нам впервые раздали новое однотипное вооружение. Оно было прислано нам в качестве помощи англичанами в соответствии с соглашением, заключенным ими со сторонниками царской власти. В этом соглашении говорилось также о помощи обмундированием и деньгами, но до нас она так и не дошла. Не имел наш полк и транспортных средств. Поэтому в Левокумском мы конфисковали двадцать четырехколесных повозок вместе с волами, на которых и перевозили боеприпасы и провиант.

Когда мы добрались до середины степи, у нас оставалось хлеба всего на пару дней. Вскоре закончился и этот запас. В имевшемся у нас походном котле варить было нечего. Мы выходили из положения следующим образом. Поджаривали ячмень, пока он не становился темным, затем растирали его в порошок и варили в котле. Полученное варево разливали во фляги и пили на завтрак вместо кофе без хлеба. Вскоре нам стало известно, что вслед нам направлены две полные съестных припасов повозки. Эта весть нас несказанно обрадовала, однако прибывший провиант состоял из пролежавших не менее десяти лет на складе ржаных сухарей, в которых высохли даже черви. Но мы ели, не обращая внимания ни на черствость, ни на червей. Зато вокруг паслось много овец, и, хотя наш командир запретил нам отбирать безвозмездно скот у населения, никто его не слушал. Несколько бойцов вылавливали из стада самого крупного ягненка и быстренько резали его. Другие тем временем разводили костер из досок сломанных телег, брошенных бежавшими большевиками. Затем мы нанизывали мясо на ружейные штыки, жарили его и ели. Однако из-за отсутствия хлеба и соли такая еда не доставляла удовольствия. Во рту оставался неприятный привкус, и, не доев мясо, мы закапывали его в песок.

Однажды на марше мы увидели вдалеке большое красивое здание. Поскольку посреди степи это одинокое строение выглядело весьма странно, пять всадников, в том числе и я, на-

правились к нему, чтобы разузнать подробности. Из окон дома за нами наблюдало множество подростков в возрасте пятнадцати-двадцати лет с длинными, заплетенными в косы волосами. Почти все они были одеты в красные сатиновые штаны и длинные рубахи. Вид у всех был очень опрятный. Мы спросили по-русски, кто они такие, но ответа не последовало. Тогда я знаком руки подозвал одного из них. Он вышел, а с ним еще пятеро или шестеро. На мой вопрос, мальчики они или девочки, один из них ответил:

— Толмач нету¹.

Так калмыцкие дети пытались объяснить нам, что не знают по-русски. После моих повторных расспросов они, наконец, поняли, о чем я их спрашиваю, и, расхохотавшись, убежали. Мы так и не выяснили, что это было за здание, но скорее всего — школа-интернат для девочек или монастырь.

Мы продолжили путь. Наши лошади были ослаблены. Через некоторое время я заметил, что с моей происходит что-то неладное: она раскачивала головой не так, как обычно, и шаг ее стал странным. Я незаметно отделился от эскадрона, слез с лошади и медленно повел ее под уздцы. Никто не придавал значения тому, что я отстал, потому что так делали все, чтобы справиться нужду. Я же шел не спеша, надеясь, что, если лошадь немного отдохнет, то вновь придет в себя. За это время полк ушел довольно далеко. Лошадь стала рыть носом землю, спотыкаться и неожиданно упала на колени. Я ударил ее разок кнутом, но напрасно. Она лежала на земле и судорожно терла нос о землю. Казалось, что она вот-вот околеет. Я огляделся по сторонам. Вокруг не было ни одной души. Меня охватил страх, когда я подумал о том, что я буду делать один в этой степи, если лошадь моя сдохнет. Даже если я встречу калмыков, неизвестно, как они себя поведут по отношению ко мне. Я посмотрел на лошадь — бедняга корчилась в конвульсиях.

Внезапно мне вспомнился один случай из детства. Когда мне было лет двенадцать, такое же произошло с одной из на-

---

¹ В оригинале по-русски: Толмач нету.

ших лошадей. Отец тогда сказал, что у нее что-то с «тогувза»¹, и спас бедное животное, быстро сделав ему операцию на носу. Видимо, я тогда очень внимательно следил за действиями отца, коль скоро сумел теперь в точности повторить их. Достав из кармана ножик и шило, которые всегда носил с собой для починки седельной сбруи, я засунул палец в ноздрю животного и нащупал там удлинённый, как рог, хрящ, конец которого был загнут. Потом я разрезал хрящ ножом, проткнул его шилом, вывел окончание наружу и срезал под самое основание. То же самое я проделал и с другой ноздрей. Началось кровотечение. Лошадь фыркнула, встрепелась и подняла голову. Какое-то время она посидела и, еще несколько раз фыркнув, поднялась. Я выпустил еще немного крови, затем присыпал надрезы землей, и кровотечение прекратилось. Лошадь непрерывно фыркала и вздрагивала. Я подождал некоторое время, потом взял ее под уздцы и медленно пошел. Вскоре моя лошадь оправилась, я сел на нее и не спеша поехал. Когда же она вновь обрела прежнюю прыть, я подстегнул ее и к вечеру догнал полк, уже расположившийся на ночлег. Мои товарищи были обеспокоены моим отсутствием. Когда же я рассказал, что произошло, они поздравили меня с успешной операцией возгласами «Браво!»

Весь следующий день мы вновь провели в пути, а когда вечером расположились на ночлег, командир полка сообщил нам, что завтра мы прибудем в местечко Утта, где соединимся с другой половиной полка, сражающейся с коммунистами под предводительством полковника Хаджи Шанаева, а через два дня и сами вступим в бой. Он также сказал, что нам необходимо поменять сильно истощившихся за время пути лошадей и в соответствии с договором, достигнутым нашим правительством с калмыками, мы можем приобрести у них лошадей, плата за которых будет внесена позднее.

Прослышавшие об этом калмыки постарались отогнать свои табуны как можно дальше от дороги. Поэтому, разбившись на

---

¹ В оригинале по-осетински: тогувза. Осет. диг. тогувзæ «храп, храпки» (нижняя и средняя часть перенося у животных).

группы по три-пять человек, мы разъехались в разные стороны, разыскивая лошадей за образуемыми ветром и оттого постоянно меняющимися свое положение барханами. За одним из таких барханов наша группа из трех человек обнаружила несколько юрт, перед одной из которых к колышку были привязаны две великолепные лошади. Когда мы подъехали ближе, навстречу нам вышли три калмыка, отвечавшие на все наши вопросы классическим «Толмач нету». Мы начали было сами отвязывать лошадей, но тогда они позвали из юрты ребенка лет тринадцати-четырнадцати, который, как можно было понять по его чистой красивой одежде и ученической фуражке, был школьником. На хорошем русском языке он подтвердил, что ходит в школу в Святом Кресте и может послужить нам переводчиком.

— Старшие просят, чтобы вы не забирали этих лошадей, потому что они принадлежат военным, прибывшим сюда из Ставрополя по служебным делам. Но мы поможем вам в ваших поисках. Вон там имеются лошади гораздо лучше, — сказал он.

Мы уже собрались двинуться в указанном ими направлении, но один из калмыков опять что-то произнес. Ребенок перевел его слова. Оказалось, что в знак признательности нам за то, что мы не тронули лошадей их гостей, они хотят угостить нас аракой. Я поинтересовался, откуда в степи, где не растут фрукты и отсутствует земледелие, может взяться арака.

— Мы делаем ее из молока, — ответил ребенок.

Никогда раньше я не видел и не слышал подобного. Мои товарищи спешили, однако я посоветовал им не входить в юрту, поскольку всякое могло случиться. Тогда калмыки вынесли нам араку в вырезанном из дерева графине и разлили ее в такие же деревянные пиалы. Я знаком предложил им выпить сначала самим. Поняв, в чем я их подозреваю, они рассмеялись и отпили первыми. После этого и я попробовал прозрачную, очень крепкую жидкость, пахшую молоком. Опрокинув по пиале араки и сразу от этого захмелев, мы поблагодарили калмыков и отправились в сторону юрт, о которых они нам рассказали.

До места мы добрались уже в сумерках и действительно увидели там несколько прекрасных лошадей, среди которых выде-

лялась одна, чуть выше других ростом. Я подбежал к ней, сунул руку ей в рот и к своему удивлению обнаружил, что у нее нет коренных зубов. «Это жеребенок, у него еще даже не выросли коренные зубы», — подумал я. Тут же сняв седло со своей прежней лошади, я оседлал жеребенка и сел на него верхом. Мне понравилось, как он гарцевал. Тем временем и мои друзья выбрали себе по лошади. Мы не очень сильно удалились от места, где расположился полк, и я предложил товарищам заночевать здесь, поскольку в темноте мы не разглядели хорошо всех лошадей и, чтобы не ошибиться в выборе, утром не мешало еще раз взглянуть на них. Кроме того, наши старые лошади могли здесь вдоволь попасться. Товарищи приняли предложение. Проснувшись ни свет ни заря, я с нетерпением направился к своему жеребенку, и что же я увидел?! Лошадь, которую я принял в темноте за жеребенка, оказалась старой кобылой. Между тем поднялись и мои товарищи, одному из которых тоже не понравилась выбранная накануне лошадь.

— Я не могу показаться в полку с такой лошастью, засмеют, — сказал я.

После короткого совещания мы решили, что довольный своим новым конем товарищ вернется в полк, ведя в поводу наших старых лошадей, а мы с другим товарищем отправимся дальше искать себе хороших скакунов.

Вскоре после того, как мы расстались с товарищем, нам среди песчаных холмов встретился какой-то калмык на лошади. Увидев нас, он в страхе остановился. Я знаком подозвал его и велел спешиться. Он слез и что-то сказал, показывая туда, откуда ехал. Вскоре за барханом с указанной им стороны показался еще один всадник, однако, завидев нас, он сразу же исчез. Я свистнул, но он не появлялся. Тогда я выстрелил в воздух, и, видимо, испугавшись, он снова показался на вершине бархана. Я сказал товарищу:

— Если лошадь человека на холме окажется лучше лошади этого человека, то она будет моей, а ты возьмешь себе эту. В противном же случае я возьму себе лошадь этого калмыка, а для тебя мы найдем другую.

Товарищ согласился. Конь первого встреченного нами человека был неплох, около четырех лет от роду, буланый, с круглыми боками. Но лошадь приблизившегося к нам второго калмыка просто поразила меня. Это была трехгодовалая кобыла золотистого цвета с широкой грудью. Ее круп был совершенно круглым, а верхняя часть хвоста словно уложена в специальную выемку. Она была отлично сложена, имела прямые стоячие уши и необычайно красивую форму головы. Пожалуй, это прекрасное животное заслуживало кисти выдающегося художника. В глазах обоих калмыков читались страх и растерянность. Я знаками отдавал им команды, которые они выполняли настолько четко, насколько могли меня понять. Когда на лошадях поменяли седла, я сказал второму калмыку, что он может садиться на мою старую лошадь и ехать. Он, дрожа, вновь повторил привычное «Толмач нету». Скорее всего, он боялся, что мы заберем его в солдаты. Лишь когда я жестами объяснил ему, что он волен отправляться на все четыре стороны, он повеселел и, забыв от радости об отобранной лошади, отдал мне честь, вскочил на мою старую кобылу и ускакал прочь. Затем мы посадили на лошадь и отпустили восвояси и другого калмыка, который так же быстро исчез из вида.

По возвращении в лагерь все, словно на конском рынке, стали сравнивать своих лошадей. Увидевший меня первым адъютант командира полка поручик Казихан сразу же одобрил мой выбор.

— Все привели лошадей, но, ей-богу, ни одна из них не сравнится с лошадью Темирболата! — громко произнес он.

Это привлекло всеобщее внимание, и остальные офицеры также стали подходить и рассматривать мою кобылу, не скрывая своего восхищения. В полку у нас, правда, была еще одна великолепная лошадь, но к ней никто не мог приблизиться. Это был конь четырнадцати лет, тоже цвета золота, но несколько крупнее моей кобылы, с длинным хвостом и иссиня-черной гривой. Это дикое животное никогда не знало узды, и его держали лишь как самца-производителя. Ни один человек не осмеливался подойти к нему ближе, чем на трид-

цать метров. Попал же он к нам следующим образом. Одному калмыку — опытному и искусному наезднику, пасшему табун лошадей — заплатили немного денег, и он, набросив на шею этому жеребцу метров с 20-25 аркан из конского волоса, притащил его в полк. Но и сам табунщик не рисковал близко подходить к своему подопечному, который иногда бросался и на него. В таких случаях калмык ловко ударял хлыстом о землю, и под воздействием этого звука животное на какое-то время успокаивалось. В конце концов пастуху велели забрать коня, что он и сделал.

Между тем в наш полк прибыли на фэзтоне три хорошо одетых калмыцких господина. Наш полковник сел вместе с ними, и они проехали по лагерю, чтобы осмотреть взятых нами у калмыков лошадей и установить их стоимость. Все трое гостей очень хорошо говорили по-русски. Я заметил, что, указывая на мою лошадь, они обменялись друг с другом какими-то фразами. Как я потом узнал, один из калмыков, имея в виду мою кобылу, заявил:

— Мы не можем отдать этого жеребенка и подобных ему. Ему всего два с половиной года, и он не пригодится вам в военных действиях. К тому же будет жаль, если такое животное погибнет.

Вскоре по эскадронам был оглашен приказ: всем бойцам продемонстрировать комиссии обеих своих лошадей — и старую, и новую. Мы с товарищами отправились выполнять распоряжение, но в строю меня разыскал наш полковник Ахтемир Гутиев и, показывая на моего красавца-скакуна, сказал:

— Парень, этот жеребенок еще не стал лошадейю и поэтому не подойдет нам на войне.

— Еще как подойдет! — возразил я. — Я уже испытал его. Он очень хорошо выдрессирован.

Тогда полковник спросил:

— Сколько, по-твоему, ему лет?

— Три, — ответил я.

— Ошибаешься, ему только два с половиной, и нам придется его вернуть.

С этими словами он протянул руку, чтобы взять мою лошадь за поводья, однако, видя, что я не собираюсь их отдавать, он резким движением выхватил их у меня. Кровь хлынула мне в голову. Не сознавая, что делаю, я сорвал с головы моей старой измученной лошади с раной на спине удила, которые я держал другой рукой, и ими хлестнул бедное животное, попав ему прямо по больному месту¹. Лошадь взметнулась и шарахнулась в сторону полковника, слегка задев его. Полковник рассердился не на шутку. С кнутом в руке он двинулся на меня, и тут же моя рука непроизвольно скользнула к рукоятке оружия, висевшего у меня на поясе. Не знаю, что тогда подумал полковник о моих намерениях, но, остановившись, он сказал стоявшим рядом с ним офицерам:

— Не поступи так этот юнец, не прояви невоспитанность, я отдал бы ему самую лучшую из новых лошадей.

В ответ я бросил:

— Не нужна мне ваша лошадь, оставьте ее себе! Я не простой солдат, а доброволец. Завтра меня здесь больше не будет. Я возвращаюсь, чтобы вступить в другой полк.

После этого я вышел из строя, собрал седельную сбрую своего коня и сел в стороне.

Я был очень расстроен. Лошадей тем временем по очереди проводили перед комиссией, определяя их стоимость. Примерно через час полковник прислал мне довольно неплохую лошадь, но я отказался ее взять и вновь заявил, что завтра уезжаю и убью любого, кто помешает мне это сделать, даже если это будет мой отец, и что, пока я жив, никто не сможет отобрать у меня мое оружие. Товарищи по одному подходили ко мне, пытаюсь успокоить. Спустя некоторое время адъютант Казихан привел еще одну лошадь, и снова я не принял ее. Наконец, меня окружили мой родственник ротмистр Асланбек Кубатиев и его друзья и стали, стараясь поднять мое настроение, рассказывать разные истории. В заключение Аслан обратился ко мне с такими словами:

---

¹ Выше автор писал, что отдал свою старую лошадь встреченному в песках калмыку взамен отобранного у него жеребенка.

— Стыдно так упрячиться из-за какого-то жеребенка. Или ты ищешь предлог для того, чтобы не воевать? Тогда знай, что ничего у тебя не получится. И так уже вчера наш двоюродный брат корнет Махамат¹ Кубатиев уехал в Святой Крест, якобы за одеждой. Если и ты теперь сбежишь, что люди скажут о нашей фамилии? Или тебе все равно? И ты считаешь, что домашние примут тебя после этого?

В результате он убедил меня отказаться от моего намерения. Я согласился взять вторую лошадь, но затаил в душе ненависть к командиру полка. Размышляя о предстоявшем завтра бое, я даже задумал при удобном случае убить его, подстроив все так, чтобы никто не усомнился в том, что он погиб от вражеской пули. Сейчас я думаю: неужели я в самом деле смог бы так поступить? Однако, вспоминая обуревавшую меня тогда злость к полковнику Гутиеву и свое восхищение тем жеребенком, прихожу к выводу, что все-таки смог бы. Хотя с тех пор и минуло 55 лет, я по сей день не могу забыть то необыкновенное животное, подобного которому я не встречал больше в своей жизни.

Между тем оценочная комиссия завершила работу. Мы отдали калмыкам своих старых лошадей и стали считать, что выплатили им часть долга. Когда и кто заплатит оставшуюся часть, ведал лишь Аллах, но калмыки демонстрировали понимание ситуации.

На следующий день мы оседлали своих новых лошадей и продолжили поход. Теперь мы проезжали места наиболее ожесточенных боев, ведшихся с большевиками нашим полком и 1-ым Сунженским казачьим полком. Большевики бросили на поле сражения множество трупов своих товарищей. Повсюду в степи и на обочинах дорог валялись обобранные мародерами совершенно нагие тела, вздувшиеся под воздействием солнца и ставшие оттого похожими на бурдюки. К вечеру мы соединились с нашим полком, который цепью растянулся по степи непосредственно напротив вражеских позиций. Правее занимал позиции 1-й Сунженский казачий полк. Когда мы подъехали к штабу, навстречу нам вышли полковник Шанаев и его подчи-

---

¹ В оригинале: Muhammed.

ненные. Мы крепко обнялись и расспросили друг друга о жизни. После этого они описали нам ход сражения. Согласно этому рассказу, большевики отступали, ежедневно оставляя за собой горы трупов, что мы и сами видели по пути. Затем, собравшись с силами, они вновь переходили в наступление, но опять несли потери и отходили назад. Наши же вплоть до того дня не потеряли ни одного человека. Более того, не было даже раненых. В день нашего приезда тоже произошло яростное сражение, в результате которого большевики в очередной раз были вынуждены отступить. В данный момент обе стороны отошли на свои позиции для восстановления сил, но сражение могло возобновиться в любую секунду, так как противники находились довольно близко друг к другу и вполне могли предпринять внезапную атаку или ночной налет. Поэтому все оставались в окопах. Мы же, вновь прибывшие, отпустили лошадей поpastись и немного отдохнули.

Когда стемнело, прозвучала команда собраться. Нам было приказано сменить посты на позициях и во время дежурства громко не разговаривать, не спать и не курить. Указав на находившиеся перед нами искусственные холмы из песка и земли, командиры сказали нам, что враг расположился за этими барханами и нам надо быть максимально осторожными. Разделившись на группы по два-три человека, мы сменили посты на позициях.

В течение всего дня стояла изумительная погода. На небе не было ни облачка. Дождя же после отбытия из Левокумского мы вообще не видели. Но примерно в полночь погода неожиданно испортилась. Наступила кромешная тьма, поднялся буран, а следом как из ведра полил дождь. От этого ливня нас не спасали даже бурки. Мы промокли до нитки и едва стояли на ногах, тесно прижавшись друг к другу и дрожа от холода. К утру дождь прекратился, и, когда взошло солнце, мы сняли одежду, отжали ее, встряхнули и снова одели. Пока мы пытались обсохнуть и согреться на солнце, справа от нас завязалась перестрелка между большевиками и передовым отрядом казачьего полка. По приказу полковника нас вызвали в штаб. Вернувшись, мы застали

наш полк готовым к выступлению. Мы тоже оседлали лошадей, и полк двинулся вперед.

Вода после ночного ливня спала. Наш путь к линии фронта пролегал теперь по зеленой долине. Издалека доносились звуки выстрелов. Вдруг совсем близко раздались пулеметные очереди, заставившие нас вздрогнуть. Полк остановился, и наш эскадронный, обернувшись, отдал приказ:

— Кубатиев! Есиев! Вдвоем вперед на разведку — марш!

Я тут же подстегнул коня, но он и ухом не повел. Есиев уже скакал во весь опор далеко впереди меня, а я все еще хлестал кнутом своего коня, безуспешно пытаюсь заставить его сдвинуться с места. Видя это, ротмистр с досадой сказал:

— Да оставайся ты! Твоя лошадь не стоит и ломаного гроша. Пусть едет кто-нибудь другой!

Но я не желал сдаваться и попросил находившегося рядом товарища потянуть мою лошадь за поводья и вывести ее за пределы строя. К счастью, товарищу это удалось, и после этого лошадь довольно резво поскакала. Я догнал Есиева, и, преодолев возвышавшийся перед нами холм, мы увидели вражеские линии. Большевики и дислоцировавшийся правее нас казачий полк находились лицом к лицу, внимательно следя из своих окопов друг за другом. Я отправил товарища обратно в полк доложить обстановку, а сам снова отъехал за холм. Должно быть, разведке большевиков удалось определить местонахождение нашего полка и направление его движения, так как они заняли позицию прямо напротив, явно ожидая нашего появления.

Вскоре весь полк подошел к тому месту, где находился я. Наш командир, изучив положение и установив ширину образованного большевиками фронта, сказал, что сейчас самое подходящее время для перехода в наступление. По его приказу три из наших эскадронов спешили и рассыпались стрелковой цепью, а четвертый, скрываясь за холмами, двинулся в левую сторону. Пока наши всадники обходили врага справа, заходя ему в тыл, мы, пешие, должны были напасть на него спереди и тем самым отвлечь на себя внимание. Затем предполагалось

атаковать противника с обеих сторон и таким образом разбить его.

У нас имелось новое вооружение, которое, как я уже сказал, поступило из Англии и было роздано нам в Левокумском. Хотя за нами следовали фургоны, груженные боеприпасами, наш командир почему-то жадничал и разрешил выдать лишь по шестьдесят патронов на бойца. Как бы там ни было, сразу по завершении раздачи мы перешли в наступление. Разойдясь по равнине, мы залегли в зеленой траве напротив противника и открыли огонь. Командир полка наблюдал за нами, стоя метрах в десяти сзади и отдавая команды. Наш эскадрон расположился на крайнем правом фланге. Правее меня находились еще шесть-семь бойцов, а левее, в двух-трех шагах впереди — командир нашего взвода корнет Мирза Дзаболов¹. Командир полка регулярно повторял приказ:

— По правому краю по одному вперед марш!

Мы вставали, пробегали несколько шагов, снова падали на землю и продолжали стрелять. Противник, однако, отвечал таким огнем, что казалось, будто мы находимся посреди пчелиного роя. Вражеские пули с издевательским свистом и жужжанием проносились над нашими головами, сбивая поверх их траву, которая сыпалась прямо на нас. Не знаю, как другие, но я в какой-то момент вдруг вообразил себя героем. Чувство страха напрочь исчезло, а в голове засела шальная мысль: «Видать, пока мне не суждено умереть, я не умру! Иначе отчего эти пули не попадают в меня?» За счет такой храбрости мы изрядно продвинулись вперед, но большевики при этом не отступили ни на шаг, словно решили умереть там все до последнего человека. Их пулеметы не умолкали ни на секунду. Между тем у некоторых из наших бойцов закончились патроны, и они стали кричать остальным, что им нечем стрелять. Я тоже крикнул, что я без патронов, и Туган Туганов², стрелявший правее меня из легкого ручного пулемета, бросил мне пятнадцать штук. (Туган Туганов впоследствии вышел в отставку из турецкой армии

---

¹ В оригинале: Mirza Dzanbolat.

² В оригинале: Doğan Tuğantay.

в звании полковника кавалерии. Сейчас он живет в Анкаре, в квартале Бахчелизвлер. Он мой друг и в то же время кузен моей матери.)

Тем временем наш полковник вновь отдал команду:

— Справа по одному вперед марш!

Никто, однако, не сдвинулся с места. Я крикнул товарищам:

— Почему вы не встаете?

На это крайний справа боец (не могу сейчас вспомнить его имени, но он был сыном Касболата Тезиева¹ из Ногкау, и мы были приятелями) ответил:

— Ты что, не видишь, что творится? Пули жужжат, как пчелы.

Тут же, однако, находившийся недалеко от меня корнет Мирза поднялся и побежал вперед. Увидев это, я крикнул в ответ крайнему справа:

— Эй, ты, сукин сын! Видал? Думаешь, пули летят только в тебя?

С этими словами я тоже бросился вперед, хотя очередь до меня еще не дошла. Когда я был в двух шагах от корнета и уже пригнулся, чтобы упасть на землю, я вдруг услышал резкий щелчок, и в это же мгновение мне показалось, будто кто-то стегнул меня кнутом по левому плечу. Мне сразу вспомнилось, что за нами находится командир полка, который с позавчерашнего дня был зол на меня, и я подумал, что это он догнал меня и ударил за то, что я поднялся раньше времени. Я решил проучить этого человека, но когда обернулся, чтобы выстрелить в него, увидел, что он стоит далеко от меня. Только тогда я понял, что ранен. Ощупав правой рукой плечо, я крикнул, что меня ранили. Услышавший это корнет обернулся, собираясь бежать ко мне. Я крикнул:

— Не вставай, ничего страшного.

Но он не послушался и в считанные секунды оказался возле меня. Вражеские пули сыпались на нас градом. Кровь, сочившаяся из раны, выступила на плече моей шерстяной гимнастерки, и я чувствовал, что рука понемногу немеет. Между тем подоспели и товарищи из задней линии, намереваясь поднять меня и

---

¹ В оригинале: Tezi.

вынести из-под пуль. Хотя я и просил их не вставать, чтобы в них не попали из-за меня, они все равно подняли меня на ноги.

— Тогда возьмите мое оружие, а я побегу сам, — сказал я.

Но и это было невозможно: мы находились под шквальным огнем и к тому же порядком удалились от своих позиций. Когда, наконец, мелкими перебежками нам удалось отойти немного назад, товарищи отвязали привязанную к моему поясу каску, а руку подвязали к шее. Затем они позвали наших, и те привели лошадей, на которых меня доставили туда, где находились кучера. Там же были и два врача. Указав на меня, товарищи сказали им, что привезли раненого. Бросив на меня взгляд, врачи заявили на это, что ничем не могут помочь, поскольку у них нет ни ваты, ни бинтов. Я не выдержал и закричал:

— Тогда что вы здесь делаете?! Зачем вы сюда приехали?

После этого они сняли с меня гимнастерку и, увидев на плече немного засохшей крови, сказали:

— Ничего страшного. Похоже, пуля лишь оцарапала плечо. Не стоит преувеличивать.

— Что же это за царапина, если я не могу пошевелить рукой? — возмутился я.

В ответ они признались, что и сами ничего не могут понять. Тем временем привезли еще десять-пятнадцать раненых. Среди них был и мой корнет, немногим раньше сам прибежавший ко мне на помощь. Его рана была весьма серьезной.

Как я затем узнал от товарищей, вскоре после моего ранения 4-й эскадрон нашего полка, обойдя противника, открыл по нему огонь с тыла. Враги впали в панику и уже подняли белый флаг, но среди коммунистов, находившихся вблизи наших окопов, оказались знавшие наш язык. Из наших криков они поняли, что у нас заканчиваются боеприпасы, и, естественно, доложили об этом своему командованию. В результате готовый капитулировать враг вновь осмелел и возобновил ураганный огонь. Так из-за неразумного решения нашего недалекого и скупого командира мы покинули поле боя побежденными. Нас, раненых, разместили в запряженных волами повозках, принадлежавших транспортному подразделению и предназначавшихся на самом

деле для перевозки боеприпасов. Оказывается, в тот день много раненых было и в казачьем полку, сражавшемся справа от нас. Встретившись с ними в условленном месте, мы совместно продолжили путь по степной дороге.

Относительно моего ранения толком ничего не было ясно. Единственное, что я знал точно, это то, что моя левая рука и часть тела совершенно онемели. Я не чувствовал боли и не мог пошевелить рукой, но ходить мне это не мешало. Вместе с другими бойцами, получившими похожие раны, я шагал пешком рядом с повозками. Как среди наших, так и среди казаков было немало шутников, и мы шли по степи, весело смеясь и разговаривая. Через два дня мы добрались до медицинского пункта. Здесь имелись пара строений и несколько палаток, а персонал состоял из фельдшера, медсестры и их помощника, делавшего перевязки. Нас по очереди осмотрели и оказали первую помощь, кому-то наложив повязки на раны, кому-то смазав их йодом. У меня под левой лопаткой обнаружили припухлость, причину возникновения которой, впрочем, определить не смогли. После этого нам предложили ехать дальше.

Еще через пять-шесть дней ночью мы прибыли в Левокумское. Переночевав там, добыли хлеба и других продуктов и, наконец, наелись досыта. Усадьбу, где раньше располагался наш почтовый пост, мы миновали без остановки. Иначе я обязательно заглянул бы туда повидать своих подруг.

К вечеру не помню уже какого дня пути мы добрались до Святого Креста и направились прямо к больнице, персонал которой встретил нас весьма радушно. Однако нас было так много, что они растерялись, не зная, куда и как нас всех положить, потому что свободных кроватей было недостаточно. Тяжелораненых кое-как разместили, а нам сказали:

— Извините, но для вас мест нет. Правда, в офицерской палате есть еще одна койка, но ведь у вас же вши, не так ли?

— Как же без них-то?! С фронта идем, — смеясь, ответил один казачий урядник.

Остальные предпочли промолчать. Тогда я вышел вперед и сказал:

— У меня нет вшей. Если хотите, можете проверить.

Попросив прощение у других раненых, доктора провели меня в палату, удостоверились в правдивости моих слов и затем уложили на отличную чистую кровать. А уж как устроились прочие товарищи, не могу знать... («Ну и хвастун! — может подумать читатель. — У стольких людей имеются вши, а у него их нет. Все грязные, а он один чистый?» Нет, я вовсе не был чистым. Просто мое тело не берет вошь. Раньше, когда мы проводили целые дни в лесу, мои товарищи снимали одежду у огня и вытряхивали в него вшей. У меня же их никогда не бывало.)

На следующий день после завтрака меня осмотрели. Шишка под лопаткой сильно вздулась. Доктор сказал, что там застряла пуля и мне предстоит ехать во Владикавказ на поезде, отправляющемся после обеда. И действительно, как только мы пообедали, санитары разместили тяжелораненых на имевшихся в ограниченном количестве повозках, а мы сложили свои вещи в одну повозку и пешком двинулись на станцию. Поезд прибыл вовремя. В толпе на станции мне встретился кучер с той самой усадьбы, где когда-то был наш пост. Он расспросил меня о житье-бытье, и я рассказал все как есть, а затем поинтересовался, что он здесь делает. Кучер ответил, что привез Веру с матерью погостить к родственникам.

— Так значит, Вера здесь? — спросил я.

Почувствовав мое волнение, кучер сказал:

— Вера очень огорчится. Их дом далеко, а до отправления поезда осталось совсем немного. Боюсь, не успею, а то бы съездил и привез ее. Да она бы и сама прибежала, если бы знала, что вы здесь.

Я попросил передать Вере, что обязательно навещу их на обратном пути.

— Когда она узнает, просто с ума сойдет, — добавил кучер.

— Почему? — спросил я.

— Да разве вы не знаете? Она же вас очень любит. Нам всем об этом известно.

Я сделал вид, что не верю этому, и стал всячески опровергать его слова. Но когда он начал клясться и божиться,

стараясь убедить меня в своей правоте, это мне пришлось по душе.

Время пролетело незаметно. Наступил момент отправления поезда, и мы расстались.

Через два дня после полудня мы уже были во Владикавказе. Побродив до вечера по городу, мы явились в больницу и сдались на милость врачей. Утром после осмотра доктора сказали, что обнаружили у меня в спине под лопаткой большевистскую пулю, которую собираются извлечь хирургическим путем. По всей видимости, пуля была выпущена с дальнего расстояния и, когда попала в меня, уже потеряла скорость. Пройдя через плечо и не задев других костей, она уперлась в лопатку, где и застряла. За последние дни рана снаружи затянулась, хотя сильно распухла. Но на тот момент она не слишком беспокоила меня. Поэтому доктора решили провести сначала неотложные операции, а мою перенесли на три дня, временно подвязав мне руку бинтом к шее.

По утрам я выходил из больницы и до самого вечера гулял по городу. Здесь у меня было немало родственников, и многих из них я встречал на улицах. Вскоре о моем ранении уже знали не только в городе, но и в нашем селе. Десятки людей приходили проведать меня, но, не найдя в больнице, уходили. Некоторые потом встречались мне в городе.

Через три дня в операционной хирург спросил меня:

— Ты, что ли, Кубатиев? А знаешь ли ты Гулчуко Кубатиева?

Я ответил, что это мой дядя, и он продолжил:

— Гулчуко один из моих лучших друзей. Похоже, что ты тоже не из трусливых. Молодец! Но смелость бывает разная.

После этих слов он улыбнулся. Мы с находившейся там медсестрой тоже заулыбались. Затем он поинтересовался, нужен ли мне морфийный наркоз. Услышав отрицательный ответ, он выразил свое одобрение, сказав, что смелость должна быть именно такой, и добавил, что, поскольку я отказываюсь от наркоза, во время операции мы будем беседовать. На самом деле я отказался от морфия не из-за смелости, а совсем по другой причине. В первое же утро моего пребывания в больнице на соседнюю

койку уложили только что прооперированного больного. Это был крупный человек с приятной внешностью. Полежав некоторое время, он, будучи еще спящим, неожиданно начал пытаться встать на ноги. Четыре здоровенных санитаров старались удержать его, но он увлекал за собой и их, и они еле сдерживали его. Эта борьба длилась до полудня. Затем человек обессилел и вскоре, захрапев, забылся во сне. После увиденного я решил не соглашаться на морфий, боясь больше не проснуться.

Меня положили на операционный стол лицом вниз, и медсестра села мне на спину. Хирург смазал опухоль каким-то средством, которое, вероятно, частично обезболит участок тела вокруг раны. Затем тупым ножом он рассек опухоль и, должно быть, сразу увидел пулю, потому что тут же потянулся за пинцетом. Когда он резал, я почти не чувствовал боли. Зато потом мне пришлось натерпеться. Остроконечным пинцетом хирург захватывал пулю, но как только начинал извлекать ее, она соскальзывала обратно в рану. После четырех или пяти неудачных попыток он, наконец, вытащил ее и вложил мне в руку.

— На, спрячь и не теряй. Это тебе подарок коммунистов. Сохрани, чтобы показать внукам, — сказал он.

Острый конец белой никелевой пули слегка загнулся в сторону, остальная же ее часть была блестящей. Я действительно продырявил конец пули, продел в него цепочку и какое-то время носил, но потом потерял.

Пару дней я пролежал на больничной койке, а потом опять по утрам после перевязки стал выходить в город и бродить до вечера, пока не подходило время сна. Рана затянулась лишь через месяц. После выписки мне дали десятидневный отпуск, и я уехал в родное село.

Одновременно с моим приездом в село нашей семье из Нальчика поступило извещение с вызовом по поводу передачи вещей моего погибшего брата Умара. Как я уже рассказывал, Умару было поручено установить связь с Серебряковым, находившимся тогда в Нальчике. На обратном пути он попал в засаду, устроенную балкарскими большевиками, и был убит. Теперь же Серебряков отправил своих жандармов за личными вещами,

оружием и седлом Умара, предупредив жителей балкарского села, что в случае отказа они будут наказаны и принуждены заплатить компенсацию в гораздо большем размере. В извещении говорилось, что желательно, чтобы в качестве истца при этом присутствовал и наш представитель. Мой отец был уже стар, к тому же тогда ему нездоровилось (у него была грыжа, и он не мог ездить верхом). Кроме меня ехать было некому. Пробыв, таким образом, в селе лишь два-три дня, я с извещением и кое-какими другими документами вернулся во Владикавказ. Уладив необходимые формальности в больнице, я отправился в центральную комендатуру, где получил разрешение на поездку в Нальчик с условием, что вернусь в свое подразделение в течение недели.

После окончания в 1908 году нальчикской начальной школы мне не приходилось там бывать. За минувшие с тех пор одиннадцать лет город заметно изменился. Например, была проложена железная дорога, открыта гимназия. Появился также довольно большой осетинский квартал. Хотя город разросся, его улицы сохранили свой прежний вид, и мне нетрудно было в нем ориентироваться. Устроившись в гостинице, я вышел побродить по городу и освежить свои детские воспоминания. Подобно тому, как во Владикавказе была учреждена Осетинская автономная область под председательством полковника Хабаева, в Нальчике была создана Кабардино-Балкарская автономная область во главе с генералом князем Темботом Бекович-Черкасским. Для борьбы с коммунистами была сформирована Кабардинская дивизия, в составе которой находилось шесть кавалерийских полков. Как и у нас, безземельный народ здесь поддерживал коммунистов. В упомянутые же кавалерийские полки вступили князья, уорки¹ и зажиточные люди из простонародья. Командиром дивизии являлся генерал Мудар Анзоров. Он был женат на Фузе Кубатиевой и таким образом приходился нам зятем.

И вот во время прогулки по улице мне пришло в голову, что следовало бы навестить Фузу. Она очень обрадовалась моему визиту, стала расспрашивать о родственниках, односельчанах, и я подробно рассказал ей обо всем, что знал. Наш зять со сво-

---

¹Уорки — традиционное дворянское сословие в Кабарде.

ей дивизией находился тогда на фронте в районе Царицына, будущего Сталинграда. Перед прощанием Фуза сказала, что ждет меня в гости в любое время, и посоветовала, если я хочу встретить кого-либо из знакомых, заглянуть вечером в расположенный в парке клуб. И действительно, придя туда вечером, я встретил своих двоюродных братьев¹ — подполковника Хаджумара Мистулова и ротмистра Саладина Туганова², служивших вместе в 5-ом Кабардинском полку. Увидев меня у дверей клуба, они переглянулись и почти в один голос произнесли:

— Мы вроде слышали, что этот человек ранен и лежит в больнице. Что же он здесь делает?

Они провели меня к своему столику и, усадив, засыпали вопросами: действительно ли я был ранен, как сейчас себя чувствую, зачем приехал сюда и тому подобное. Получив ответы, они поинтересовались, где я остановился. Когда я назвал гостиницу, они сказали:

— Сейчас же сходи и забери оттуда свои вещи. Мы остановились в «Чашке чая»³ и попросили поставить нам в номер третью кровать для таких гостей, как ты, а деньги, которые гость должен был бы платить за проживание, тратим на выпивку. Так что не выбрасывай на ветер свои деньги.

Они засмеялись, и я принял их предложение.

Завтрак в гостинице нам приносили прямо в постель. После этого мои двоюродные братья уходили на службу, а я занимался своими делами, которые, однако, все никак не заканчивались. Село убийц моего брата находилось в балкарских горах. Жандармы уже отбыли к старейшине той местности, вместе с которым они должны были отправиться в село, взыскать с его жителей установленную компенсацию, а затем передать ее мне. Мои первоначальные планы несколько нарушались.

Днем я один гулял по городу, иногда заглядывая к Фузе, а вечера проводил в компании друзей по комнате. Ужинать мы ходили в клуб, где собирались представители кабардинской,

---

¹ Дословно: «сыновей теток по отцу».

² В оригинале: Selahattin Tuğantay.

³ В оригинале по-русски: Çaşka çay.

балкарской и русской знати и офицеры с семьями. По воскресеньям в клубе устраивались развлечения. Оркестр, состоявший из военных музыкантов, играл танцевальную музыку, желающие танцевали. Одним словом, прекрасное местечко. Вообще-то я не имел права находиться там и тем более сидеть за столом без особого разрешения. По законам того времени, рядовым солдатам запрещалось заходить в заведения, которые посещали офицеры или где они обедали. Если это все-таки необходимо было сделать, какой-нибудь офицер должен был попросить разрешение у самого старшего по званию офицера в зале, который, впрочем, не всегда давал добро и даже мог указать пришедшему за разрешением на дверь. Поэтому офицеры, имевшие невысокий чин, редко осмеливались на такого рода просьбы. Но я был спокоен, потому что сидел за столом подполковника Хаджумара Мистулова, и наслаждался жизнью, которая после фронта казалась мне еще более красочной.

Вокруг меня было много моих бывших школьных друзей. Каждый день я встречал кого-нибудь из однокашников. Кто-то стал офицером, кто-то чиновником, а кто-то, как я, никем не стал. Все они шикарно одевались на отцовские деньги, праздну проводили время и именовались князьями и господами, будучи на самом деле обыкновенными бездельниками и дармоедами. Едва завидев, я сразу же их узнавал, но они почему-то затруднялись признать меня, и когда я обращался к ним по имени или прозвищу, удивленно смотрели на меня.

— Ну что? Не вспомнил осетинскую свинью? — говорил я наконец.

И только после этих слов они меня узнавали и радостно кидались на шею. Да, в школьные годы я был полным ребенком с румяным и круглым лицом. Половину учеников в школе составляли дети из русских, а половину — из кабардинских и балкарских знатных семей. Я был единственным осетином, здоровым и сильным, и колотил всякого, кто попадался мне под руку.

Однажды вечером, когда мы, как обычно, сидели в клубе, в зал вошел поручик, которого я сразу же узнал. Проходя мимо

нашего стола, он приветствовал моих товарищей, и те пригласили его сесть с нами. Когда он сел, Хаджумар сказал:

— Познакомьтесь, это мой двоюродный брат Кубатиев.

Мы встали и пожали друг другу руки. Он представился как Абезиванов. Я подмигнул Саладину и обратился к поручику:

— Уважаемый Исмаил Абезиванов, вы действительно меня не узнали или только делаете вид, что не знаете, потому что старше меня по званию?

Исмаил растерянно посмотрел на меня, а другие удивленно наблюдали за нами обоими, не понимая причину моего фамильярного тона. Исмаил клялся, что не помнит меня. Тогда я улыбнулся и сказал:

— Господин поручик, в 1905 или 1906 году вы учились в школе напротив, находясь на полном платном пансионе. Я же жил в доме своего зятя. В том году выпало очень много снега. В одно холодное зимнее утро, после завтрака, вы стояли в дверях школы и грызли кусок выданного вам черного хлеба. Когда я с холода собирался войти в здание, вы начали меня дразнить: «Хук-хук, осетинская свинья идет, хук-хук!» Сделав вид, что не замечаю вас, я наклонил голову и направился к двери. Проходя мимо вас, я заехал кулаком прямо вам в нос. Кровь брызнула фонтаном и окрасила снег в ярко-красный цвет. Ну что, вспомнили?»

— Ей-богу, все так и было! — воскликнул он и, поднявшись, крепко меня обнял.

Остальные друзья весело засмеялись.

— Ты, однако, сильно изменился, у тебя уже нет того выражения лица, — заметил поручик.

— То есть ты хочешь сказать, что он лишился своего свинства? — пошутил Саладин, а подполковник Хаджумар пожелал узнать, что произошло дальше. И я продолжил:

— Исмаила отвели к школьному врачу, который наложил ему повязку. Ему также дали один выходной, и, таким образом, он оказался в выигрыше. Меня же отвели в учительскую и заставили давать объяснения. Плача, я рассказал, каким оскорблением и обидам ежедневно подвергался, но, несмотря на это, меня

признали виновным и в качестве наказания велели до вечера стоять в углу учительской комнаты без еды и питья. В полдень прозвенел звонок на обед и все, кроме меня и дежурного учителя, ушли. Ноги мои затекли, колени дрожали, и я продолжал плакать. Но учитель был чем-то занят и, если даже слышал, как я шмыгал носом, делал вид, что ничего не замечает. Я проплакал до двух часов дня, пока это не надоело учителю. Он повернулся ко мне и сказал: «Ладно, ступай. Только выходи через заднюю дверь и иди окольным путем, чтобы тебя никто не увидел». Услышав это, я пулей вылетел через заднюю дверь, словно боялся, что учитель погонится за мной. Чтобы никому не попасться на глаза, я пошел через ту часть заднего сада, куда зимой никто не заглядывал. Снег доходил мне до пояса и забился в сапоги, но я не возвращался, следуя указанию учителя идти окольным путем. Когда я, наконец, выбрался оттуда, пот катил с меня градом, но теперь возникла другая проблема: как показаться дома? Ведь я почти весь промок, и кто знает, как рассердится тетя, увидев меня! С низко опущенной головой я вошел в дом. Услышав скрип двери, тетя крикнула из комнаты: «Темушка (так меня называли домашние), ты где был? Почему так поздно?» Я не смог издать ни звука. Тетя вышла в прихожую и, увидев меня в таком виде, отвесила звонкую оплеуху, решив, что я промок, катаясь на санках с друзьями. Я заплакал, но не осмелился сказать, что был наказан. Муж тети преподавал религию в нашей школе. Оказывается, когда я начал задерживаться, он пошел в школу и, естественно, все выяснил. Когда через некоторое время он вернулся, я получил несколько оплеух и от него. Затем они переодели меня, накормили, и на этом вся история закончилась.

Пока я рассказывал, мои друзья весело смеялись. В ту ночь было рассказано много подобных историй. В следующие дни я встретил еще немало друзей детства, и мы освежили в памяти события прошлых лет.

Между тем срок моего отпуска истек, а дело по-прежнему оставалось нерешенным. Отправившись в центральную комендатуру, я объяснил ситуацию, и разрешение продлили еще на неделю. Вечером, когда я встретился со своими двоюродными

братьями, они сообщили, что оставляют меня одного, так как их 5-й полк получил приказ об отправлении на фронт. В тот же вечер они забрали вещи из гостиницы и отбыли в свои подразделения.

Теперь в Нальчике оставался только 6-й полк, и после ухода друзей я подумал: а что, если и мне попроситься в этот полк? Служба есть служба — какая разница, где ее нести? К тому же после инцидента с лошадью у меня сложились неважные отношения с командиром нашего полка, и, если теперь он придерется к моему опозданию, я опять могу не сдержаться.

Следующим вечером я повстречался с поручиком Ибрагимом Келеметовым, балкарцем, и рассказал ему о своем намерении. Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Я это устрою. Есть тут у нас один солдат поневоле. Я так его называю, потому что он был призван на военную службу насильно. Он мой односельчанин, довольно богатый человек. А призвали его потому, что у него нет взрослого сына. Каждый день он приходит ко мне, плачет и жалуется: «Я стар, к тому же плохо вижу. Сделай для меня доброе дело. Иначе кто присмотрит за моей семьей?» Пожалуй, завтра я обо всем расскажу командиру полка, и вместо того человека мы возьмем тебя. У него есть отличная лошадь, седло и кабардинская бурка. Я поставлю ему условие, чтобы все это он отдал тебе, а также немного денег в придачу, на которые ты угостишь нас в «Чашке чая» коньяком.

Я согласился, и на следующий день Ибрагим повел меня к командиру. Узнав суть дела, полковник сказал:

— В таком случае мы демобилизуем того человека, признав его инвалидом. Пусть получает свой увольнительный билет и уходит.

Затем он повернулся ко мне и спросил, умею ли я читать и писать. Я ответил утвердительно, и он продиктовал мне текст записки, предназначавшейся командиру 2-го эскадрона ротмистру Жидаеву. В ней говорилось: «Вместо находящегося в вашем подчинении пожилого и слепого рядового направляю ефрейтора, который и доставит вам это письмо. Прошу повесить его в звании до унтер-офицера».

Ибрагим взял записку, мы вышли и отправились к ротмистру домой. Он вместе с женой сидел за столиком в саду. Увидев нас, они поднялись. Ибрагим протянул записку ротмистру, и он, предложив нам сесть, принялся ее читать. Между тем его жена смотрела на меня так, словно кого-то во мне узнала. Дочитав записку, ротмистр сказал:

— Так значит, вы дигорец и Кубатиев.

Я подтвердил, и его жена тут же поинтересовалась, не знаю ли я Диссагет Кубатиеву. Когда я ответил, что это родная сестра моего отца, она заметила, что я очень похож на сына Диссагет — Тулата¹. Действительно, мне не раз говорили о нашем сходстве. Моя тетя была замужем за полковником Асланбеком Мистуловым. У них было шесть сыновей и одна дочь. Все сыновья стали офицерами. Самым старшим из них был прославившийся своей храбростью генерал Эльмирза. Затем следовали полковник Асламирза², подполковник Хаджумар (о нем я уже рассказывал), майор Дзан³, поручик Тулат и, наконец, самый младший — мой ровесник корнет Гина (его фотография до сих пор хранится в нашем альбоме). Оказывается, ротмистр и его жена были, как и Асланбек Мистулов, родом из села Дзарасте. Более того, семья жены ротмистра проживала по-соседству с Мистуловыми. Хозяйева угостили нас чаем, сказав много лестных слов. Затем мы с Ибрагимом попрощались с ними и вернулись в подразделение.

Узнавший о своем увольнении полуслепой бедолага, не раздумывая, отправился домой вне себя от счастья. Нам же достались его конь, седло, бурка и около трех тысяч деникинских рублей. Вечером мы вчетвером с друзьями посетили «Чашку чая». Не помню, писал ли я о том, что это было великолепное место, где прислуживали красивейшие девушки. Мы пробыли там до полуночи, разговаривая и не спеша попивая коньяк (я говорю не спеша, потому что у нас считалось постыдным проявлять жадность к выпивке).

---

¹ В оригинале: Devlet.

² В оригинале: Aslanmirza.

³ В оригинале: Can.

Утром я явился в свой новый эскадрон, где кроме меня был еще один унтер-офицер, кабардинец. Подозвав его, ротмистр сказал мне на нашем языке:

— Ты пока так управляйся, а потом мы что-нибудь придумаем.

Затем он по-русски обратился к унтер-офицеру:

— Вот тебе помощник, с ним вы вместе будете руководить эскадром. Смотрите, работайте хорошо.

Мне было понятно, что командир не хочет обижать своего подчиненного.

Унтер-офицер построил эскадрон, чтобы вести его на учения. Когда он уже собрался дать команду «Марш!», я напомнил о необходимости сделать перекличку, но он ответил, что в том нет нужды, так как он всех солдат знает в лицо. День мы провели на учениях. Улучив момент, он подошел ко мне и признался, что не умеет читать и писать. По возвращении я взял лист бумаги и, собрав эскадрон, составил список бойцов. На следующее утро я выстроил эскадрон по росту, сделал перекличку и мы снова отправились на учения, но уже боевым строем. Вскоре там появился и ротмистр Жидаев и какое-то время наблюдал за нами. А вечером после учений мой напарник подошел к ротмистру и попросил его назначить недавно прибывшего осетина, то есть меня, настоящим унтер-офицером, а его самого — моим помощником. Ротмистр пытался его переубедить, говоря, что он своей работой заслужил эту должность, но кабардинец настаивал на своем, и ротмистр в конце концов уступил. Как потом он мне рассказал, этот человек вообще не имел звания унтер-офицера, но до революции служил в Кабардинском полку рядовым и благодаря этому знал хотя бы команды «Налево!» и «Направо!» Остальные же были спустившимися с гор пастухами. Поэтому за неимением лучших его и назначили на эту должность.

Так я стал унтер-офицером. Одновременно я занимался и собственным делом. Примерно через неделю меня, наконец, вызвали и передали личные вещи брата и деньги. С разрешения ротмистра я отвез все это домой. Когда спустя несколько дней я вернулся обратно, в расположении полка было пусто. Через

некоторое время из своего кабинета вышел командир полка. Увидев меня, он сказал:

— А-а, Кубатиев? Приехал? Ты, наверное, ничего не знаешь. Полковник Серебряков погиб в бою. Сейчас сюда везут его тело. Все подразделения направляются на станцию для участия в траурной церемонии. Наш полк только что отбыл. Так что садись быстрее на коня и возглавь свой эскадрон. Я подъеду позже.

На этом мы расстались.

Я уже рассказывал о полковнике Серебрякове. Он создал первую в Кабарде военную организацию для борьбы с коммунистами. Именно с ним отправился налаживать связь мой брат, когда был убит. И тогда, и сейчас имя этого полковника вызывает у меня любопытство. Он был кабардинцем, а его настоящие имя и фамилия были Заурбек Даутоков. Незадолго до отправления на фронт он женился на Люсе, дочери балкарского князя Хаджимирзы Мисакова. Впоследствии, когда наша армия была вынуждена отступить, Люся вместе с отцом уехала в Стамбул, где вышла замуж за бывшего президента Северо-Кавказской Республики¹ Пшимахо Коцева². Здесь она поменяла свое имя, и стала называться Нефисет. В 1954 году я побывал у них в гостях в Стамбуле, и мы долго беседовали. Не так давно мне стало

---

¹ Северо-Кавказская Республика (официальное название — «Республика Союза Горцев Кавказа») — государственное образование, декларировавшее свою независимость 11 мая 1918 года и претендовавшее на территории бывших Дагестанской и Терской областей, Черноморской губернии, Сухумского округа и часть территорий Кубанской области, Ставропольской, Тифлисской и Елисаветпольской губерний. Было официально признано Османской империей. Высшим органом исполнительной власти в этом формировании являлось так называемое Горское правительство. Просуществовало в том или ином виде вплоть до окончательного установления советской власти в регионе.

² Пшимахо Коцев (Косок) (1887-1962) — представитель кабардинской знати, известный на Северном Кавказе адвокат. В 1918-1919 годах занимал последовательно посты министра внутренних дел, премьер-министра и президента Северо-Кавказской Республики. После ее падения эмигрировал в Турцию.

известно, что несколько лет назад скончался Пшимахо Коцев, а два года назад умерла и госпожа Нефисет. Да упокоит Аллах их души! Они были замечательными людьми.

Вернемся, однако, к похоронам Серебрякова. Прибыв на станцию, я увидел, что там собралась большая часть жителей Нальчика, а также все военные подразделения, которые только были в округе. Раньше мне никогда не приходилось видеть столь многочисленных похорон. Вскоре прибыл поезд. После того, как гроб с телом покойного был извлечен из вагона, его некоторое время несли на плечах, а потом поставили на лафет. Народ искренне скорбел. Сквозь толпы плачущих людей, стоявших по обеим сторонам главной улицы, мы вместе с кортежем добрались до моста через речку Нальчик. Затем, перейдя мост, мы прибыли на кладбище кабардинского села Брамта¹. Здесь был совершен религиозный обряд, военные подразделения сделали три залпа в воздух, и тело предали земле. Я испытывал чувство удовлетворения от того, что успел на похороны этого мужественного человека и отдал ему последний долг. Упокой Аллах его душу!

Наступил август 1919 года. Наш полк получил приказ отбыть в город Кизляр, расположенный на равнине недалеко от Каспийского моря. Окрестности его покрыты зарослями кустарника и странного растения, именуемого «деревом боли». Это жерди высотой в 2,5-3 метра и толщиной не более десяти сантиметров, образующие здесь целый лес. Земля в этих краях очень плодородна, и по пути мы встречали множество виноградников. Большинство населения города составляли армяне. Евреи и русские были в меньшинстве. Обилие винограда способствовало развитию виноделия. В виноградниках виднелись большие погребки с рядами бочек вместимостью по полтонны каждая. Производимое вино на поездах отправлялось во всех направлениях, благодаря чему здешний народ процветал. Описанные мной выше леса сменялись бескрайними камышовыми зарослями, простиравшимися до самого Каспийского моря.

---

¹ Брамта — ныне поселок Вольный Аул, пригород Нальчика.

В сельской местности вокруг города проживали в основном казаки, поддерживавшие царя. Здесь же, в камышниках, скрывались банды коммунистов, часто совершавшие нападения на казачьи станицы. Для борьбы с ними мы и прибыли сюда. После двух проведенных в кизлярской казарме дней эскадроны нашего полка были направлены в разные места. Нашему эскадрону было приказано выдвинуться в большую станицу, расположенную недалеко от тех самых зарослей. Тогда же меня произвели из унтер-офицеров в вахмистры, вследствие чего в полку еще больше усилился дефицит унтер-офицеров. Перед нашим отправлением в путь нам в качестве подкрепления прислали из Горско-Моздокского казачьего полка восемь урядников, один из которых был направлен в наш эскадрон. Поскольку они только что прибыли, им предоставили двухдневный отдых, после которого они должны были присоединиться к нам.

Мы выступили в дорогу и, проехав двадцать километров, прибыли в станицу, протянувшуюся по обеим сторонам широкого шоссе почти на пять километров. В селе не было ни души. Во время своих вылазок бандиты не просто грабили, но еще и заставляли жителей грузить на телеги отнятое у них имущество и везти его до определенного места в камышах. Там их принуждали разгружать телеги, и только после этого отпускали. Два дня назад произошло очередное нападение, после чего терпение казаков иссякло, и они приняли решение покинуть станицу. Хотя все дома были пусты, в расположенных позади их садах и виноградниках было полно фруктов и овощей, а кроме того — повсюду разгуливало невероятное количество гусей, уток и кур. Мы разместились в домах в центре села и, отведя лошадей в конюшни, напрямик направилась в сады и виноградники.

Был у нас один товарищ из Турции по имени Хасан. Во время мировой войны он попал в плен к русским, а теперь служил в нашем эскадроне добровольцем. Я увидел, что он, сев в саду по-турецки, что-то подбирает с земли и ест. На мой вопрос, что это такое, Хасан ответил:

— Перец.

Он уплетал его как ни в чем не бывало, словно ел фрукты.

— И что, не жжет? — поинтересовался я.

— Это сладкий перец, он не жжет, — ответил он и, сорвав еще один, протянул мне.

Я взял и, подражая ему, засунул его весь в рот и начал жевать. Вдруг у меня во рту запылал огонь.

— Ах, чтоб тебя! — крикнул я и замахнулся на него плетью.

Но Хасан, засмеявшись, убежал.

Два дня мы провели, отдыхая и налаживая работу кухни. На третий день мы вместе с ротмистром Жидаевым, взяв с собой двадцать пять всадников, отправились искать следы и места пребывания банд коммунистов. Мы глубоко забрались в заросли и уже начали беспокоиться, найдем ли обратную дорогу. Однако, продвинувшись еще немного вперед, мы вдруг оказались перед довольно большой усадьбой, в которой имелись один маленький, аккуратно построенный домик с черепичной крышей и пять больших, размером с казарму, зданий, за которыми рос виноградник площадью примерно в 20-25 дёнюмов¹.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнули мы, но ответом была тишина.

Мы приблизились к маленькому домику с недавно выкрашенными масляной краской и оттого ослепительно сверкавшими окнами и дверьми, но он был пуст. Два из остальных пяти строений также оказались пустыми. Вероятно, это были конюшни. Три других здания были заполнены тюками с шерстью. Скорее всего, хозяин усадьбы был либо торговцем шерстью, либо владельцем очень большого числа овец, шерсть которых и была здесь сложена. Надо полагать, он сбежал отсюда из страха перед большевиками и не решался вернуться и забрать свое имущество. Не встретив, таким образом, ни души и ничего не выяснив, мы покинули усадьбу. Через два-три километра избранная нами дорога привела нас к большому озеру со сплошь порос-

---

¹ Дёнюм — старинная турецкая мера площади, равная приблизительно 1000 кв. м.

шими густым камышником берегами. Осмотрев все вокруг, мы обнаружили лишь лодку, привязанную веревкой к камышам, и по приказу ротмистра вытащили ее на берег, но в ответ опять не услышали ни звука. Выбравшись из камышей, мы повернули назад и через какое-то время заметили среди зарослей луг со скошенной травой, уложенной в стожки, расставленные на определенном расстоянии друг от друга. На лугу уже успела взойти свежая трава, достававшая нам до колена. Мы попасли там своих лошадей, одновременно разослав на разведку в разные стороны несколько человек. Вскоре они возвратились, так никого и не встретив. На этом наше задание в тот день закончилось, и мы вернулись в станицу.

Недавно назначенный в наш эскадрон казачий урядник тоже присоединился к нам. В течение нескольких дней мы таким же образом продолжали разведку местности. На седьмой или восьмой день нашего пребывания в станице ротмистра вызвали в Кизляр, и на время своего отсутствия он передал эскадрон под наше с этим унтер-офицером попечение. Перед отъездом он дал мне следующие указания:

— Завтра опять поезжай с 25 всадниками к тому месту, где мы нашли лодку, и посмотри, не произошли ли какие-нибудь изменения. Если все будет по-прежнему, заночуйте там, только, конечно, не в камышах, а поближе к дороге. Возможно, они ею пользуются по ночам. Если увидите кого-нибудь, постарайтесь незаметно проследить, куда они пойдут. Без большой необходимости не атакуйте и не открывайте огонь. Можете даже просто последить за ними издали и выяснить маршрут их движения. Этого будет достаточно.

На следующий день после полудня мы с урядником взяли с собой половину эскадрона и отправились к озеру. Лодки на месте не оказалось, но в камышах вольно паслись три крупных красивых лошади: две гнедые и одна серая. Вокруг и на этот раз не было видно ни души. Взяв найденных лошадей под уздцы, мы направились к лугу, о котором я говорил выше, и там, выбрав невидимое с дороги место, стали пасти коней. Воспользовавшись этой передышкой, я положил седло на спину серой лошади и

сел на нее верхом. Немного погарцевав на ней и заставив ее выполнить кое-какие команды, я убедился в том, что она очень неплоха. Поэтому я решил взять ее с собой в Нальчик, а затем, как только подвернется подходящий случай, переправить домой в село.

Приближался вечер. Мы достали из сумок наши пайки и подкрепились. Когда уже стало смеркаться, я обвел взглядом округу и вдруг понял, что для ночлега нами выбрано неудачное место. Мы были на виду, но при этом не могли знать, что происходит в окружающих зарослях, и нас могли попросту перестрелять, как куропаток. Я тихо велел товарищам поймать своих лошадей. На их вопрос о причине такого решения я плетью очертил в воздухе круг, указывая на окружавшие нас кустарники и камышовые заросли. Недалеко от места нашей стоянки с этого луга наружу вела небольшая просека, и я хотел сказать, что будет правильнее, если мы выйдем через нее на открытое пространство. Но в тот самый момент, когда я указал плетью на этот проход, по нам из камышей был открыт огонь, словно мой знак был воспринят кем-то как команда стрелять. Оказывается, мы и в самом деле были окружены. По нам стреляли со всех сторон, но по интенсивности огня было понятно, что основные силы врага находятся в камышах. Товарищи разбежались в разные стороны, лоя своих лошадей. Я скомандовал «По коням!», так как ничего другого, кроме бегства, нам не оставалось. Лошади двух наших бойцов метнулись к камышам, откуда велся самый сильный огонь, и их пришлось посадить позади себя другим товарищам.

Мы поскакали на ту небольшую равнину, о которой я говорил. Когда мы собрались вместе, я приказал бойцам рассчитать по порядку, предполагая, что мы понесли серьезные потери: ведь по нам стреляли с очень близкого расстояния. Но я ошибся. Мы недосчитались лишь одного человека, личность которого в темноте сразу не смогли установить. Остальные были целы и невредимы. Не было даже ни одного раненого, хотя враг был совсем близко и мы представляли собой превосходную мишень. Или стрелявшие пожалели нас и вели огонь в воздух, или же они не умели стрелять и в темноте палили, как придется. По

прошествии нескольких часов после нашего бегства с лужайки оттуда все еще доносились звуки выстрелов. Так продолжалось до полуночи, и мы не понимали, кто в кого стреляет. Мы отправили в станицу трех конных связных, чтобы вызвать на подмогу оставшуюся там половину эскадрона, а сами расположились на ночлег. Не желая повторять прежнюю ошибку и становиться мишенью для врагов, на этот раз мы разбились на группы по два-три человека и так дождались утра.

Должно быть, ротмистр Жидаев завершил свои дела в Кизляре раньше времени, и посланные нами связные встретились с ним еще на подъезде к станице. На рассвете ротмистр с остальной частью эскадрона прибыл к месту нашей ночевки, и уже я сам подробно доложил ему ситуацию. Затем мы направились в заросли, чтобы еще раз там все осмотреть, но не успели войти в них, как увидели бегущего нам навстречу человека, который, потрясая кулаками, кричал:

— Эй, вы, трусы! Какого черта удрали и бросили меня здесь одного?!

Это был тот самый турок Хасан, который угостил меня горьким перцем. Оказывается, когда по нам открыли огонь, его лошадь бросилась в заросли, и он, как мог, отстреливался от врагов, пытаясь сбить их с толку. Когда же у него закончились патроны, он, чтобы не быть обнаруженным, снял с шеи белый черкесский башлык и сунул его себе за пазуху, а затем спрятался среди зарослей в высокой, годами не кошенной траве. После прекращения огня враги еще долго искали его, громко ругаясь, и покинули местность буквально за десять минут до нашего появления. Я отдал Хасану найденную днем раньше на лугу лошадь, на которую ему пришлось сесть без седла.

Тем временем рассвело, и мы продолжили движение. Разведчики, посланные нами к берегу озера, где находилась лодка, вернулись, не заметив ничего подозрительного. Однако, когда они уже приближались к нам, из камышей по нашему отряду внезапно началась сильная стрельба. Поскольку мы находились на узком пространстве и не видели противника, чтобы открыть ответный огонь, нам пришлось развернуть лошадей

обратно. Скакавший передо мной рослый унтер-офицер, балкарец, вдруг подпрыгнул на коне, словно резиновый мяч, на полметра вверх и упал на землю. Пока несколько наших товарищей стреляли по месту, откуда велся огонь, двое других спешили и, уложив раненого на свои бурки, потащили его, как на носилках. Так мы отступили до самого луга, где заняли позиции и начали отстреливаться. Ротмистр отправил двух бойцов в ближайшее село за телегой для унтер-офицера, а мы, оторвав куски ткани от его белья, как могли перевязали рану. Пуля прошла сквозь седло и разнесла бедняге причинное место. Примерно через час подъехала подвода, и мы отправили раненого в госпиталь в Кизляр.

Эти бои с небольшими промежутками длились пятнадцать дней. Враги несколько раз предпринимали атаки на нас и на ближайшие села, но всякий раз нам удавалось отбить их. Затем начальство, видимо, сочтя, что наш эскадрон устал, прислало на смену ему другой. Мы же вернулись в Кизляр, где жизнь была совсем не такой плохой.

Командира нашего полка звали Адам Адамович Костенджи¹. Это был человек крупного телосложения и приятной внешности, происходивший из знатного сербско-югославского рода. Был у нас в полку также бухгалтер Магомед Бичерахов из моздокского дигорского села Дзарасте. Поскольку мы считались земляками, а также из уважения к моей фамилии, он вел себя со мной любезно и вежливо. Однажды Бичерахов подошел ко мне и немного смущенно сказал:

— Я от полковника. Он тебя очень любит и не хочет обижать, но у него есть к тебе просьба.

Услышав это, я очень удивился: уж не совершил ли я какую-

---

¹ В оригинале: Kostenci/Köstenci. Фамилия явно передана автором в искаженном виде. Если указание на южнославянское происхождение данного лица верно (в чем нет причин сомневаться), то в качестве правильной формы можно предполагать «Костанич» или «Костандич». Менее вероятен вариант «Костанди» (известная в России фамилия греческого происхождения). Ввиду неясности оригинальной версии мы вынуждены сохранить в русском переводе авторское написание в транслитерации кириллицей.

нибудь ошибку, коль скоро полковник не желает меня огорчать, да еще и о чем-то просит.

— Надеюсь, что к добру. Полковник, которого я знаю, не просит, а приказывает. Говори все, как есть, не таи, — ответил я на нашем языке.

Оказалось, они искали честного человека, которому можно было бы доверить заниматься вопросами снабжения полка провиантом. В голову им пришла моя кандидатура, но они опасались, что я не соглашусь на эту работу, поскольку она относилась к разряду тыловых, и потому просили меня. Бичерахов довольно долго убеждал меня, говоря, что все знают о моей храбрости, что я смогу получить повышение в звании и на этой службе и что благодаря этому меня будут ценить выше, чем моих товарищей. Затем он добавил, что нельзя игнорировать то сложное положение, в котором оказался полк, и что я единственный человек, способный добросовестно забирать продукты со склада. В заключение он настоятельно посоветовал мне не отказываться, поскольку был уверен в расположении ко мне полковника. Когда я сказал, что готов взяться за это дело, Бичерахов поблагодарил меня, пожал руку и удалился. Немного позже он по указанию полковника передал мне ключи от складов, где хранились продовольствие, обмундирование и вооружение, и сказал, что я могу выбрать себе в помощники столько человек, сколько посчитаю нужным. Я взял двух человек: казачьего урядника и рядового-кабардинца.

Порученное мне дело действительно оказалось не из легких. Я каждый день ездил на станцию и, если прибывал вагон с сеном, соломой или ячменем, принимал груз и переправлял его в амбар. Я также забирал для нужд полка все, что находил на казенных складах: продукты, одежду, табак. Поскольку наш полк постоянно менял место дислокации, у нас не было перевозочных средств, что представляло серьезную проблему. Я объяснил положение полковнику, и он предложил использовать для перевозки грузов любые встреченные на улицах пустые транспортные средства, а в случае необходимости отбирать их силой. Для этого он разрешил мне взять дополни-

тельно двух всадников. Мы тут же приступили к реализации этого совета, задерживая главным образом телеги крестьян, привозивших на базар товары для продажи. Вскоре меня уже знали все владельцы телег и, едва завидев издали, тут же пустились в бег.

Однажды я остановил три телеги. Их хозяева заявили, что я могу забрать телеги и делать с ними, что захочу, но сами они не собираются работать на нас грузчиками. Оставив повозки, они ушли. Я не сомневался, что они вернуться, и потому ждал. Так и случилось, однако вместе с ними пришел и какой-то военный из центральной комендатуры, куда они пожаловались на меня. Мне пришлось пройти с ним в комендатуру. Комендант спросил, кто я такой.

— Вахмистр Кубатиев, 6-й Кабардинский кавалерийский полк, — ответил я.

Он поинтересовался, на каком основании и по чьему распоряжению я совершаю противозаконные действия, насильно заставляя работать случайно подвернувшихся мне крестьян. Мне пришлось объяснить, что из-за постоянного пребывания в походах наш полк не имеет собственных транспортных средств и потому мы вынуждены были прибегнуть к такой мере, а полномочия на нее я получил от полковника Костенджи.

— Почему Костенджи отдает незаконные приказы вместо того, чтобы обратиться ко мне? — произнес комендант, расхаживая взад-вперед по комнате.

Затем, остановившись, он неожиданно рассмеялся и обратился к крестьянам:

— Земляки! Помогите на этот раз нашему вахмистру выполнить его работу. Конечно, вы не обязаны это делать, но тем самым вы сослужите службу армии. Будьте уверены, что это больше не повторится.

После этих слов комендант повернулся ко мне и попросил передать моему командиру, чтобы тот не счел за труд заглянуть к нему для решения этого вопроса.

— Слушаюсь, — ответил я.

Закончив в тот день дела, я зашел к своему командиру и передал ему привет и просьбу коменданта, на что полковник, улыбаясь, сказал:

— Bravo, Кубатиев! Но комендант прав. Завтра же пойду и поговорю с ним.

На следующий день он встретился с комендантом и получил от него заверение, что нам будут предоставляться транспортные средства других подразделений. Теперь мы каждое утро сообщали по телефону в центральную комендатуру о количестве требующихся нам повозок, и их без промедления нам присылали. Благодаря этому моя служба значительно упростилась. Полковник тоже был доволен и при каждой встрече демонстрировал свое расположение ко мне, высказывая удовлетворение моей работой. Однажды, когда я, как обычно, принес к нему на подпись список требующихся нам товаров, он выдвинул ящик стола, извлек оттуда пачку денег и протянул мне:

— Возьми это, Кубатиев, спрячь и смотри, не трать на коньяк.

Со всей серьезностью я взял деньги и хранил их в отдельном кармане своего портмоне. С того дня прошло довольно много времени, но полковник больше не заговаривал о деньгах. В конце концов я рассказал об этом случае нашему бухгалтеру, и он разъяснил мне ситуацию:

— Полковник тебя очень любит. Он знает о твоём трудолюбии и ищет путь для повышения тебя в офицеры. Он очень сожалеет, что не может вознаградить тебя, и поэтому сказал мне, что иногда будет выдавать тебе из полковой кассы деньги на расходы. Опасаясь, что ты не согласишься, он велел тебе их спрятать. Если ты вздумаешь вернуть деньги, это будет очень некрасиво. Так что пойдем лучше куда-нибудь и устроим себе на них пирושку. Что скажешь?

Я принял это предложение.

Как-то в другой раз я встретил полковника, направляясь на обед в казарму. Подозвав меня к себе, он спросил, куда я иду, а затем предложил:

— Пойдем, пообедаем сегодня вместе.

Я удивленно посмотрел на него, но он сказал:

— Идем, не отставай!

Полковник пошел впереди, и мы пришли в офицерский клуб. Как я уже говорил, в подобные заведения вход нам был запрещен. «Уж не собирается ли полковник посадить меня около дверей? — мелькнуло у меня в голове. — Если так, то не соглашусь ни за что, уйду, чего бы это мне ни стоило». За столиками по двое-трое сидели офицеры. Когда мы проходили мимо, они вставали, приветствуя полковника, и он отвечал им тем же. Чем дальше мы продвигались, тем большие чины приветствовали его. Естественно, при этом они с недоумением поглядывали на меня, словно спрашивая, что нужно здесь простому вахмистру. Мне было не по себе, но ничего не оставалось делать, как следовать за своим командиром. Когда мы проходили мимо длинного стола, за которым сидели семь или восемь седобородых полковников, они поднялись и стали приглашать его к своему столу. Приветствовав их, полковник указал на меня и сказал:

— Вахмистр Кубатиев из знатной семьи. Он самый работающий, честный и храбрый солдат моего полка. Я его очень люблю. Если вы позволите ему сесть за ваш стол, мы сядем, если нет — я тоже не сяду.

— С удовольствием позволим, — ответили они и, обменявшись со мной рукопожатиями, уселись на свои места.

Я тоже сел. Были подняты бокалы и провозглашены тосты за здоровье. Сказанные полковником обо мне лестные слова, видимо, слышали и сидевшие за соседними столиками, и, когда после обеда мы выходили из клуба, многие офицеры улыбались мне и выражали искренние симпатии. Впоследствии, когда я встречал этих офицеров, они неизменно сердечно отвечали на мои приветствия. После этого полковник еще не раз водил меня с собой обедать в клуб.

Полковник и наш ротмистр-дигорец были соседями по дому и частенько вместе сидели в расположенном перед домом саду. Нередко к ним заглядывали и другие офицеры. Тогда они заказывали легкие спиртные напитки и подолгу беседовали. Время от времени они приглашали присоединиться к ним и меня.

Часть нашего полка квартировала в одном из близлежащих сел. Командиром там был майор Лалаев, армянин по происхождению и большой любитель выпить. Полковник недолюбливал его. Однажды этот Лалаев подошел ко мне и попросил одолжить ему мой дедовский серебряный кинжал и саблю. Оказывается, вечером он собирался на бал, который должен был состояться в кизлярском женском лицее. Я согласился, и мы обменялись нашим оружием.

Через несколько часов меня вызвал полковник. Войдя в его комнату, я увидел, что там же сидит и ротмистр Жидаев. Полковник рассказал мне о том, о чем мне уже было известно — что в женском лицее будут увеселения и бал и что они идут туда. Затем, указывая на ротмистра, он сказал:

— На них я не надеюсь. Они сваятся с ног раньше меня. Поэтому ты пойдешь на бал вместе с нами в качестве моего телохранителя. Если вдруг, когда мы будем уходить, меня начнет покачивать от выпитого, то поддержишь меня. А пока иди, оденься как положено и возвращайся сюда.

Я сказал, что, к сожалению, одолжил свое оружие Лалаеву, так как не предполагал, что окажусь в числе участников вечера.

— Это ты зря сделал, — ответил полковник. — Он напьется и может потерять твои вещи. Ну, да теперь ничего не поделаешь. Так что иди и готовься.

Когда я выходил из комнаты, ротмистр крикнул мне вслед по-дигорски:

— И ради Бога сбрей эту свою чудную бороду! На кого ты похож с ней?

Действительно, тогда была мода брить щеки, оставляя нетронутым подбородок. Я тоже последовал ей. Но со временем моя бородка стала слишком длинной и к тому же росла немного криво, придавая мне странноватый вид. Ротмистр как-то даже сравнил ее с веником со сломанной рукояткой, чем всех рассмешил.

К вечеру я переоделся, чисто выбрился и вернулся к командиру. Полковник еще днем послал в лицей своего человека и, как и подобало его статусу, зарезервировал большой стол в лучшей части зала. Точнее, он выкупил билеты, поскольку все места

были номерные, а их стоимость варьировалась в зависимости от места. За подаваемые же во время бала напитки и закуски необходимо было платить отдельно. К нашему приходу зал был уже полон. Полковник с ротмистром двигались к заказанному столу, а я следовал за ними. Вдруг меня схватил за руку Лалаев, сидевший за одним из крайних столиков, и начал уговаривать стать его гостем. Я ответил, что приглашен сюда полковником, но он настаивал на своем. Моих возражений он даже не слушал и все повторял:

— Мой стол будет накрыт не хуже, чем у полковника. Вот увидишь, какой стол я накрою для тебя.

Видя это, полковник сделал мне знак, чтобы я остался. Я сел. Теперь Лалаев стал рассыпаться в любезностях в мой адрес и, не зная, как угодить, то и дело подзывал официантов и предлагал мне заказать, что я пожелаю, несмотря на то, что стол и так уже ломился от блюд. Я отвечал, что на столе достаточно еды, но тогда он сам заказывал первое пришедшее ему в голову блюдо. Вскоре на столе тарелки с кушаньями лежали одна на другой, и, если бы официант принес еще хотя бы один стакан, его просто негде было бы поставить. Лалаев явно соревновался с полковником. Мы стали понемногу пить, но я, помня о том, что мне нельзя пьянеть, лишь пригубливал бокалы. Лалаев же был давно пьян. Почти каждого, кто проходил мимо нашего стола и приветствовал нас, он хватал за руку и пытался усадить рядом с нами, заплетаящимся языком предлагая выпить. Я сел так, чтобы видеть полковника, Лалаев же сидел к нему спиной. В какой-то момент полковник, краем глаза наблюдавший за нами, что-то сказал одному из официантов, после чего официанты стали обходить наш столик стороной, несмотря на все призывы Лалаева. Неожиданно он спросил:

— Кубатиев, у тебя есть деньги?

Я ответил, что нахожусь здесь в качестве гостя полковника и потому не взял с собой денег.

— Не обижайся, но я хотел попросить у тебя взаймы, — сказал он. — Возможно, моих денег не хватит, чтобы расплатиться. Но ты не волнуйся. Я оставлю им в залог вот это.

С этими словами он вытащил из кармана большой золотой крест. Твердя, что его стол во что бы то ни стало должен быть богаче полковничьего, он еще несколько раз безуспешно попытался подзвать к себе официантов, после чего поднялся и шатающейся походкой направился к буфету. Однако, видя его приближение, все буфетчики попрятались, и Лалаеву пришлось довольно долго топтаться перед стойкой. Пользуясь этим, полковник сделал мне знак, означавший «Исчезни!» Я немедленно встал и перешел в соседний зал, где танцевала молодежь. Там было очень многолюдно, и, стоя в дверях, соединяющих два зала, я наблюдал за Лалаевым. Ему удалось-таки стащить из буфета две тарелки с закуской и кое-как добраться с ними до своего стола. Не обнаружив меня там, он положил тарелки на стол и стал оглядываться по сторонам, а затем направился в танцевальный зал, где находился я. Словно играя с ним в догонялки, я был вынужден пару раз станцевать в глубине зала. Не найдя меня, Лалаев опять вернулся к столику. Я видел, как он схватил за рукав очередного проходившего мимо офицера и стал насильно усаживать его рядом с собой. Вдруг между ними завязалась драка, однако подбежавшие офицеры сразу же разняли их. Лалаев вытащил из ножен мою саблю, но офицеры вырвали ее у него из рук. Тогда он схватился за кинжал. Офицеры отняли и его. В конце концов они вытолкнули Лалаева на улицу. Некоторое время он колотил кулаками дверь, а затем нашел другой вход и вновь оказался в зале. Теперь он напоминал промокшую кошку, так как, пока мы веселились в помещении, снаружи, оказывается, шел сильный дождь. Лалаев попробовал было напасть на своих обидчиков, но они опять выставили его за дверь, на этот раз окончательно.

Мои дедовские сабля и кинжал тем временем переходили из рук в руки за столом, где сидели казачьи офицеры. Они рассматривали серебряную отделку на рукояти, оценивали качество стали, и по всему было видно, что оружие им очень нравится. Наконец, один из них, казачий ротмистр, забрал у других обнаженное оружие и, держа его в руке, встал из-за стола. Я подошел к нему и сказал, что являюсь истинным хозяином этих вещей и

поэтому он может отдать их мне. Ротмистр посмотрел на меня с недоверием, и я продолжил:

— Я могу забрать оружие и в любое другое время. Сейчас я подошел только для того, чтобы зря не утруждать вас поисками его владельца. Наш полковник здесь, и он знает положение.

Мы разыскали полковника. Получив от него подтверждение, ротмистр вернул мне мое имущество. Веселье продолжалось до поздней ночи. Когда дождь прекратился, все разошлись. На следующий день Лалаев прислал мне ножны от сабли и кинжала. От дождевой воды кожа на них слегка облезла, а деревянные части потрескались. Лалаев еще некоторое время служил вместе с нами, никем не любимый и одинокий. Затем его перевели в другое место.

Кажется, я слишком подробно описал этот малозначительный случай. Когда человек пишет воспоминания не по плану, а, подобно мне, следуя хронологии событий и не процеживая их с точки зрения важности, он зачастую не отделяет нужное от ненужного, интересное от неинтересного. Поскольку в памяти одно событие вытекает из другого и все они связаны в одну неразрывную цепь, бывает трудно разорвать эту канву повествования и выдернуть из нее лишние звенья. Я знаю, что допускаю такие ошибки, и сам огорчаюсь им.

Со временем я еще лучше освоил свои обязанности и служил еще успешнее. Круг моих знакомств стал намного шире. Работу я обычно заканчивал к полудню и шел или в казино, или в компанию казачьих урядников. И там, и там меня принимали как своего. Мы проводили время в разговорах, а, когда подворачивалось спиртное, устраивали пирушки. Одним словом, мне грех было жаловаться на жизнь. Кстати, по поводу спиртного. Урядники обложили своего рода данью окрестные поместья. Однажды они взяли с собой в такой «поход» и меня. Дело было осенью. Нас было четверо. С собой мы забрали два небольших бочонка объемом 20-25 литров каждый. В винограднике кипела работа — шел сбор нового урожая. Свисавшие с лоз иссиня-черные грозди весили не меньше полутора килограммов. Персиковые деревья, росшие рядом, ломались под тяжестью плодов, каждый из которых тянул

как минимум на полкилограмма. Мои друзья-казаки подошли к хозяину. Поздоровавшись, они сказали ему:

— Нас прислал командир полка. От него вам большие приветы. Сегодня в полку будет вечеринка, и полковнику нужно немного вина для пробы. Если понравится, он купит большую партию.

— Конечно, конечно, — закивал головой хозяин-армянин и повел нас в погреб.

Мне никогда раньше не приходилось бывать в винном погребе. Увидев уложенные рядами бочки, я разинул от удивления рот.

— По какому принципу разложены эти бочки? — спросил я хозяина.

Он поглядел на меня и затем, указывая на казаков, сказал:

— Они вот знают толк в вине. А ты, похоже, не казак. Но ничего, сейчас поймешь, по какому принципу.

С этими словами он направился к ближайшему ряду и вытащил пробку из одной из бочек. Казак сделал глоток и, поморщившись, покачал головой.

— Это же однолетнее вино. Такое нам не подходит.

— Ну, вы и черти, — со смехом сказал хозяин и повел нас к другой бочке, стоявшей несколькими рядами глубже.

На этот раз казаки остались довольны. Пока они наполняли один из бочонков, хозяин растолковывал мне:

— Каждый год до сбора нового урожая мы отодвигаем старое вино назад, а молодое ставим впереди. По возможности мы стараемся не трогать задние ряды и продавать вино из средних. Твои товарищи и вправду разбираются в вине. То, что я дал им попробовать вначале, было однолетним, а это, которое они сейчас наливают — пятилетнее.

Тем временем мои друзья наполнили наш пробный бочонок. Когда хозяин уже затыкал его пробкой, они вдруг сказали:

— А как же наша доля? Что же мы, с пустыми руками вернемся к сослуживцам? Они ведь засмеют нас, если увидят нас с пустым бочонком.

— С каким еще пустым бочонком?! — изумился хозяин. — Он же полон.

— Полон-то полон. Только он предназначен для офицеров. А наш бочонок болтается на спине у лошади на дворе.

Хозяин опять рассмеялся.

— Ладно. Только скажите мне правду: сюда еще когда-нибудь вернутся наши армянские большевики?

— Да нет, не бойся! Наши вот-вот возьмут Москву! — в один голос ответили мы.

— Ну, раз так, несите свой бочонок. Только нальем из другой бочки.

Мы опять хором запротестовали, и он был вынужден и второй бочонок наполнить пятилетним вином. Словно этого было недостаточно, мы набили вещмешки персиками из сада и ускакали.

Кто знает, сколько раз мои приятели рассказывали эту или подобные ей небылицы другим виноделам? В действительности командир полка и знать ничего не знал об этом. Эти урядники вместе снимали квартиру. Хозяева дома готовили им еду, а они в ответ угощали их вином и в результате прямо-таки побратались друг с другом. Я тоже сдружился с ними и почти каждый день проводил свободное время в их компании. Как-то нам довольно долго не представлялась возможность отправиться в виноградники. Между тем без вина нам уже трудно было представить наш досуг. Однажды ко мне на службу заглянул один из этих урядников. Как обычно, он попросил мяса, а затем сообщил, что они раздобыли вино и ждут меня после работы в гости. Я внимательно посмотрел на него, пытаюсь понять, шутит он или нет. Смеясь, он сказал:

— Нам теперь нет необходимости ездить в виноградники. Вообще-то в этом и раньше не было нужды, но мы вовремя не додумались. Есть другой источник. Совсем рядом. Вино отменного качества и к тому же в неограниченном количестве.

Я сказал, что не дам мяса, если он не раскроет мне тайну, и урядник продолжил, весело похохатывая:

— Источник обнаружил и обеспечил наш горнист урядник Шутов. Ты знаешь его, белобрысый такой, коренастый. Он знатный вор, а хорошее вино чует за версту. Так вот, он отследил, что

виноделы привозят на станцию и складывают там вино, предназначенное для отправки в другие губернии. По его словам, туда ежедневно прибывает до ста телег с винными бочками. А погружается раз в неделю содержимое лишь двадцати-тридцати телег, да и то если найдется свободное место в товарных вагонах, так как поезда перевозят в первую очередь людей и боеприпасы. Следовательно, источник с каждым днем становится все обильнее.

Бочки на станции я тоже видел. Они стояли рядами на обширной территории, огороженной забором из колючей проволоки, а вокруг прогуливались охранники.

— Ну, допустим, с источником все ясно, — сказал я. — Но как можно оттуда что-нибудь украсть?

— А ты послушай и тоже посмейся, — покатываясь со смеху, ответил урядник. — Вчера ночью Шутов взвалил на плечо маленький бочонок и, прихватив с собой кусок шланга и какой-то самодельный прибор для вскрытия бочек, отправился на станцию. Сторожа находились со стороны дороги и вокзала. Он подполз к забору с противоположной стороны и, приподняв колючую проволоку, проник на охраняемую территорию. Затем он аккуратно выкатил наружу пару небольших бочек, и сам выполз следом. Продырявив своим инструментом одну из бочек, он засунул в отверстие шланг и отпил из него. Вино ему понравилось, поэтому он не стал дегустировать содержимое второй бочки. Наполнив там и свое пузо, и прихваченный из дому бочонок, он тем же путем вернулся назад. Мы еще спали, а он разбудил нас криком: «Подъем, паршивые сони! Стыдно дрыхнуть, когда в доме такое вино!» Мы все повскакали и немедленно отведали вина. Оно и в самом деле отличное. Никто из нас еще не пил такого. Так что ты запасись теперь наперед мясом. А сегодня не заставляй нас долго тебя ждать. Заканчивай поскорее работу и к нам. К тому времени и мясо будет готово.

Мы посмеялись. Я написал на имя полкового шеф-повара записку, чтобы тот выдал уряднику любой кусок мяса, какой он пожелает, и мы расстались. Поскольку эти урядники жили на съемной квартире, свое довольствие они получали сухим пайком.

В тот день как назло я задержался на службе довольно долго, но все же, пусть и с опозданием, отправился в гости к урядникам. Они какое-то время ждали меня, но затем, предположив, что я повстречал полковника и тот забрал меня обедать с собой, сели за стол без меня. Мы извинились друг перед другом. Перед ними стояла большая кастрюля с супом. Хозяйка дома принесла мне ложку, а друзья быстренько всучили в руку наполненную вином жестяную кружку. Отпив несколько глотков, я зачерпнул из кастрюли немного супа. Он оказался холодным и довольно невкусным.

— Что вы положили передо мной этот холодный суп? — сказал я. — А где мясо?

— Сейчас будет! — воскликнула хозяйка и побежала на кухню.

Пока она там возилась, приятели заставили меня сделать еще несколько глотков из кружки, чтобы я сравнялся с ними по количеству выпитого. Вскоре в дверях появилась хозяйка с большим подносом в руках, на котором красовался целый поросенок.

— Что это?! — вскричал я.

Казаки, не понимая причину моего смятения и все еще думая, что оказывают мне честь этим угощением, растерянно ответили:

— Поросенок¹.

— И этот суп из него?

— Да, — съезжившись, тихо произнесли они.

Ярость охватила меня. Я вытащил из ножен саблю, но прежде чем я успел встать, все восемь урядников бросились от меня врассыпную. Я стал гоняться за ними, изрыгая ужасные ругательства. Наконец, поняв, что не смогу их догнать, я остановился и крикнул:

— Ничего! Вы все равно придете ночевать сюда. Я не буду Кубатиевым, если не перережу вас всех в постели. Свины!

Весь оставшийся день их нигде не было видно. Даже ночью они не пришли ни домой, ни в казарму от страха. Вместо этого

---

¹ В оригинале по-русски: Parasönok.

они забрались на балкон дома, где жил командир полка, и легли там на деревянном полу вповалку. Поскольку заснули они очень поздно, то и утром не смогли вовремя проснуться. Когда же утром полковник вышел на свой балкон и увидел их там спящими в обнимку, он, конечно, был крайне изумлен и тут же громким окриком разбудил их. Увидев перед собой командира полка, они вскочили и замерли по стойке смирно. Полковник потребовал объяснений столь странного поведения, и урядники рассказали ему о случившемся накануне. После этого полковник послал одного из них за мной. К этому времени я уже был на ногах и приводил в порядок свою лошадь. Увидев издалека одного из моих вчерашних приятелей, нехотя приближающегося ко мне с опущенными плечами и поникшей головой, я все понял. До дома полковника мы шли молча.

— Кубатиев, я не ожидал от тебя такого, — не скрывая раздражения, сказал командир полка.

— Меня вынудили к этому, — ответил я.

Он поинтересовался причиной, и я продолжил:

— Ваше благородие! Как вы знаете, я мусульманин. Наша религия запрещает нам употреблять в пищу свинину. Лично я не только не ем, но не выношу даже вида этого животного. Вчера утром они попросили у меня мясо и пригласили к себе на обед. Я распорядился выдать им говядину. Думая, что они приготовили еду из этого мяса, я попробовал предложенный мне суп. Но, оказывается, он был из свинины. Узнав это, я вышел из себя. Заверю вас, что такое больше не повторится. Я прошу прощения.

Теперь полковник разозлился на урядников. Те же стали оправдываться, говоря, что поскольку все живущие в их краях осетины христиане, они считали, что и я принадлежу к ним, и что в их действиях не было никакого злого умысла. Полковник потребовал, чтобы мы немедленно помирились и служили в дружбе и согласии. Обращаясь к казакам, он сказал, что вопрос религии очень деликатный вопрос и сейчас они должны извиниться передо мной, а в дальнейшем даже в шутку не позволять себе ничего подобного. Мы обнялись, пожали друг другу руки и стали еще более близкими друзьями, чем прежде.

В первой неделе ноября поступил приказ о возвращении полка в Нальчик. Мы выдвинулись на станцию и погрузились в вагоны. Лошадей и боеприпасы разместили в товарных вагонах. Украденные горнистом Шутовым четыре бочки с вином мы спрятали в вагоне, везшем сено. Кроме того, с нами ехала еще одна бочка, принадлежавшая нашим командирам. Была ли она добыта «методом Шутова» или за нее были уплачены деньги, я не знаю. Поезд тронулся после полудня. Всю ночь мы пили вино, а примерно в десять утра прибыли в Нальчик. Командир полка вместе с другими офицерами отправился в центральную комендатуру, чтобы решить вопрос нашего размещения в казармах или на квартирах. Перед этим они созвали всех унтер-офицеров и поручили нам заняться разгрузкой вагонов. Примерно за час мы выгрузили из поезда провиант и боеприпасы, вывели лошадей и стали ждать вестей от командиров. Шли часы, но к нам никто не приходил. Между тем время перевалило за полдень, а личный состав все еще был голоден. Остальные унтер-офицеры попросили меня съездить в город, чтобы найти полковника и выяснить положение дел. В Нальчике было очень холодно. Накануне выпал снег, и снегопад мог возобновиться. Если квартир найти не удалось, нам предстояло снова загружаться в вагоны. Для людей это, конечно, не было проблемой, но загнать в поезд лошадей было довольно сложно.

Я вскочил на коня и пустил его иноходью. Мой вороной пудей промчался по главному проспекту. Поднявшись на верхний этаж офицерского казино, я обнаружил там полковника за обедом. Я подошел и приветствовал его. Он предложил мне сесть и перекусить, но я отказался и сообщил ему, что эшелон разгружен, а полк ожидает дальнейших приказов под открытым небом. Полковник объяснил, что пока не удалось найти в городе ни свободных казарм, ни свободных жилых кварталов, но что центральная комендатура продолжает поиски и, как только они увенчаются успехом, ему об этом будет доложено. Я сразу подумал о том, что скорее всего искать жилье придется нам самим, так как едва ли центральная комендатура станет сильно утруждать себя ради нас. Чтобы не откладывая заняться реше-

нием этого вопроса, я попросил у полковника разрешения идти и поехал в направлении одной из городских окраин.

Вдруг сзади послышался чей-то голос:

— Темирболат, Темирболат!

Это был Абдурахман Карабугаев. (Имя Абдурахман он взял в Турции. На Кавказе его звали Солтаном¹. После эмиграции в Турцию он был зачислен в турецкую армию и дослужился до полковника кавалерии. Это был достойный офицер. Его уже нет в живых. Он покончил жизнь самоубийством, причина которого осталась невыясненной. На Кавказе он был поручиком во 2-м Осетинском полку.)

— Куда это ты так несешься? — спросил он. — По посадке в седле я сразу понял, что это скачет не балкарец, а кто-то из нашей дигорской молодежи, вот и поехал за тобой.

Я спешился. Мы обнялись и расспросили друг друга о жизни и службе. Он сказал, что приехал в Нальчик в командировку вместе с поручиком Хаджимирзой Карабугаевым и что они остановились в гостинице, находящейся всего в двадцати метрах от того места, где мы стояли. Он стал приглашать меня в гостиницу, но в этот момент оттуда как раз вышел Хаджимирза. Я обнялся и с ним. Глядя на меня, Хаджимирза сказал:

— Настоящий вояка! Только что это? Ты все еще унтер-офицер? Почему тебя до сих пор не произвели в офицеры? Куда смотрит твой командир? Те, кто в твоём присутствии от смущения не смели раскрыть рот, уже давно надели офицерские эполеты.

На эти любезности я ответил, что начальство прилагает усилия для моего повышения в звании, и рассказал о том, в каком положении сейчас находится наш полк. Затем, сказав, что мне надо срочно найти жилье для сослуживцев, я попросил их отпустить меня и удалился.

Понимая, что искать свободные квартиры в самом городе бесполезно, я решил попытать счастья на окраинах и поехал в квартал, расположенный в нижней части течения речки Нальчик. Мне надо было найти квартального старосту, поскольку жители, наученные предыдущим опытом, явно не желали гово-

---

¹ В оригинале: Sultan.

рить мне правду. Например, они уверяли меня, что у них уже расквартирован целый батальон, который куда-то отбыл утром, но непременно вернется назад вечером. Врали, однако, они не слишком убедительно, а женщины при этом даже пересмеивались друг с другом, из чего я сделал вывод, что дело обстоит прямо противоположным образом. Позднее я узнал, что таким способом они сумели выпроводить не одного такого унтера, как я. Разыскав в конце концов старосту, я припер его к стене и велел честно ответить, есть ли в самом деле в квартале войска. Я рассказал ему, что мой полк находится на станции под открытым небом, а для большей убедительности пригрозил забить его до смерти кнутом, если он вздумает лгать. Этот аргумент возымел действие, и староста признался, что квартал свободен. Дав ему информацию о численности личного состава и лошадей и приказав все подготовить к нашему приходу, я отправился к полковнику и доложил ему обстановку. Полковник остался чрезвычайно доволен моими действиями.

— Что бы я делал без тебя? — воскликнул он, выражая мне свою благодарность.

— Вы не беспокойтесь, я расселю полк, — сказал я и попросил разрешения идти.

Пока я ехал на станцию, вновь начал понемногу сыпать снег. Когда же полк добрался до выбранного мной квартала, стало уже совсем темно, а снег пошел большими хлопьями. Мы разместили людей по домам группами от четырех до восьми человек. Почему-то во время этого процесса многие хозяйки просили и даже настаивали, чтобы я поселился у них. Не обращая на это внимания, я за каких-то два с половиной часа расселил весь личный состав. В конце концов остались лишь казачий урядник и я. Как говорится, опоздавший ночует на морозе. Нам досталась самая неухоженная, маленькая и бедная развалюха. Ту ночь мы вынуждены были провести в ней, почти не сомкнув глаз.

Утром я поехал к полковнику и ротмистру и сообщил им о положении дел. Полковник вместе с другими офицерами прибыл в наш квартал и лично осмотрел все дома, где рас-

положились его подчиненные. Затем, повернувшись ко мне, он сказал:

— Спасибо тебе. Все отлично. Вот только твой дом мне что-то не нравится. Почему ты выбрал для себя худшее из того, что было? Ты считаешься администратором. Не просто считаешься, а на деле являешься им. Так что тебе полагается самое лучшее жилье. Вон сколько кругом превосходных домов.

— Я был уверен, что в любом случае смогу найти себе приличное жилье, и хотел в первую очередь устроить товарищей. Когда же их расселил, остался только этот дом. Но если мои товарищи довольны, это не беда. Завтра я отыщу себе другую квартиру, — ответил я.

На следующий день я действительно отправился искать себе новое жилище. Для начала, правда, я заглянул в гостиницу к Абдурахману (Солтану) и Хаджимирзе, с которыми повстречался двумя днями раньше на улице. Мы немного побеседовали. Они предложили вместе пообедать, но я отказался, сказав, что мне надо идти. Через некоторое время я встретил своего старого друга Маштай (его еще звали Паша) Суншева из балкарских князей. (Маштай затем эмигрировал в Турцию и поселился в Самсуне, где и умер. Его старший брат был женат на Ханифе, дочери моего двоюродного брата¹ Бекира Зурапова. Ханифа была свояченицей упомянутого мной выше командира Кабардинской дивизии генерала Мудара Анзорова.) Он обрадовался моему возвращению в Нальчик и выразил надежду, что теперь мы будем видеться чаще. Я упомянул в разговоре, что нуждаюсь в квартире.

— Тут недалеко квартировал один мой товарищ, — ответил Маштай. — Три дня назад он съехал. Давай посмотрим. Может быть, там еще никто не поселился.

Дверь дома нам открыла красивая девушка. Маштай, словно не зная о том, что его товарищ съехал, спросил, где он. Девушка ответила, что он уехал. Когда же Маштай поинтересовался, кто занял место его друга, девушка сначала немного растерялась, но затем, видимо, догадавшись о цели нашего визита, собралась и сказала:

---

¹ Дословно: «сына тетки по отцу».

— Утром приходил какой-то ротмистр. Уходя, он велел никого не впускать сюда. Я думаю, он вернется сегодня или завтра.

— А ротмистр был русский или кавказец? — задал я вопрос.

— Кавказец, — не колеблясь, ответила она.

— Вот и ладно. Это наш ротмистр. Мы ищем квартиру для него.

Не дав девушке ничего ответить и поставив ее перед свершившимся фактом, мы удалились. Не теряя времени, я погрузил вещи в телегу и вскоре вместе с двумя солдатами вновь подъехал к воротам своего нового жилища. В дверях появилась та же девушка, но прежде чем она успела опомниться, солдаты стали заносить вещи в коридор.

— Что происходит? — изумленно спросила она.

Я ответил:

— Мы привезли вещи упомянутого вами давеча ротмистра. Сам он прибудет завтра. Вы пока освободите комнату, а мы чуть позже съездим за еще одной партией вещей.

Тут девушка подняла шум:

— Да мы и сами живем в тесноте! С трудом помещаемся. Не можем мы вам уступить целую комнату!

На ее крик из внутренних комнат выбежали ее мать и две старшие сестры и тоже стали, как могли, препятствовать нашему вселению. Через открытую дверь я вошел в комнату и начал передавать находившиеся там стулья и прочие вещи в коридор солдатам. Видя безвыходность своего положения, хозяйева стали сами помогать нам выносить мебель. Когда в комнате остались лишь диван и стол, хозяйка нерешительно поинтересовалась, каково семейное положение ротмистра, количество его вещей и будет ли он возражать против того, чтобы диван и стол остались на своем месте, поскольку ей их просто некуда девать.

— Это не проблема, так как у ротмистра нет ни семьи, ни мебели, — ответил я. — Он собирался купить мебель на рынке, но если вы дадите ему еще хотя бы один стул, то, наверное, избавите его от этой необходимости.

Девушки мгновенно принесли обратно три из только что вынесенных из комнаты стульев, за что я от души поблагодарил их.

После того как мое водворение закончилось, я стал искать место, где можно было бы привязать мою лошадь. Выяснилось, что хозяин дома является фаэтонщиком и держит своих лошадей под навесом в заднем саду. Я отвел туда своего коня, а солдаты насыпали перед ним сена и овса.

Теперь я мог войти в свою комнату и отдохнуть. Сев на один из стульев и положив ноги на другой, я стал с удовольствием осматривать свое новое жилище. Вдруг в неприкрытую дверь заглянула та самая красивая девушка и бросила мне с откровенным упреком:

— Ну и где же ротмистр? Я придумала про него, желая отделаться от постояльцев. Но вы оказались слишком хитры и сами вселились к нам.

— Если бы к вам поселился ротмистр, вы, наверное, были бы более счастливы, — ответил я. — А унтер-офицера вроде меня вы, по всей видимости, не считаете достойным жить в вашем доме. Между тем я не простой унтер. Честь моей семьи гораздо выше любых чинов. Я представитель знатного осетинского рода, и вы можете быть уверены, что я не причиню вам ни малейшего вреда.

Девушка покраснела и сменила тему:

— Вы первый осетин, которого я знаю. Я слышала, что осетины храбрые люди.

Наша беседа продлилась довольно долго, а ее мать все это время издали наблюдала за нами с нескрываемым раздражением. Вечером вернулись с работы и хозяин с сыном. Увидев меня, они сразу же все поняли, и на их лицах тоже изобразилось неприкрытое недовольство. Не поздоровавшись, они хмуро прошли мимо и заперлись в своей комнате. Утром, встретившись в коридоре с хозяйкой, я пожелал ей доброго утра, но она вновь что-то холодно буркнула в ответ. Я не выдержал и обратился к ней:

— Тетенька, я вижу, что вы злитесь на меня из-за того, что я занял вашу комнату. И то, что семья у вас большая и вы сами с трудом помещаетесь в доме, я тоже знаю. Из-за отсутствия места наш полк сейчас расселился группами по три-пять человек во

многих таких домах, как ваш. Я не собираюсь хозяйничать у вас. Завтра выйдет приказ, нас переведут в новое место, и дом опять станет вашим. Если бы я не занял комнату, здесь все равно поселились бы казацки урядники, возможно, втроем или вчетвером, и вам было бы причинено еще большее беспокойство.

Почувствовав, что женщина немного смягчилась, я добавил:

— Тетенька, можно попросить вас об одном одолжении?

— Говорите.

— Я отвечаю в полку за продовольственное снабжение. Свою долю я могу брать сухим пайком. Вы ведь в любом случае готовите себе еду. Если заодно вы будете в отдельной кастрюле варить мясо, которое я буду приносить, то у меня будет чистый бульон на обед. А то я не могу есть из общего котла. Я бы даже приносил больше, чем нужно мне, чтобы вы тоже могли воспользоваться.

— Приносите мяса столько, сколько надо вам. Я буду ставить его на огонь. А мы не нуждаемся, — сухо ответила женщина.

Словно не замечая ее недовольства, я каждый день приносил мясо, а она варила его в одной и той же кастрюле и в полдень молча клала передо мной. Иногда я встречался и с ее дочерьми, и мы обменивались короткими приветствиями. Однако мужчин я почти не видел. Они уходили из дома рано утром, когда я еще спал, и возвращались поздно вечером. Я слышал их голоса, но в комнату ко мне они не заглядывали. Пару раз я встретил отца, но он лишь покосился на меня и, не здороваясь, прошел мимо. Девушки, возможно, и были не прочь поболтать со мной, но из-за оказанного мне в первый день холодного приема не решались подойти ко мне. Да и я не гонялся за ними. Я никогда не был ловеласом и, если бы даже захотел приударить за ними, вряд ли это у меня получилось бы.

Зима была в самом разгаре. В дополнение к сильным холодам началась эпидемия тифа. С фронта непрерывным потоком везли больных. Их заносили в госпиталь через главные ворота еще живыми, а спустя какое-то время выносили через задние ворота мертвыми. Ежедневно умирало по тридцать-сорок человек. Однажды полковник прислал мне записку. В ней

говорилось, что мой двоюродный брат¹ подполковник Хаджи Мистулов лежит в госпитале и разыскивает меня. Я сразу же сел на коня и поехал в госпиталь. В больнице творилось невообразимое столпотворение. В каждой палате лежало не поддающееся счету число людей, причем почти все были при смерти. В офицерской палате я нашел Хаджи Мистулова. Издали завидев меня, он повеселел. Я подбежал к нему, чтобы обнять, но он оттолкнул меня:

— Ты с ума сошел? Сильно не приближайся. Эта проклятая болезнь заразна. Того и гляди, заболеешь.

Но я не послушался и обнял его.

— Так или иначе, болезнь настигнет и меня. Не все ли равно, заразишь меня ты или кто-нибудь другой? Скажи-ка лучше, как ты отыскал меня.

— Я не знал, что ты здесь, — ответил Хаджи. — Мне было известно, что ты уволился и уехал. Один мой товарищ случайно увидел тебя на улице и рассказал мне. Он выяснил, что ты служишь в 6-ом полку. Тогда я написал записку твоему командиру, и вот ты здесь. Как видишь, все просто.

Мы рассмеялись. Я сказал Хаджи, что могу навещать его хоть каждый день, и спросил, не надо ли ему чего-нибудь принести.

— Это как раз и есть моя большая проблема, — ответил он. — Деньги у меня имеются, а вот купить в городе то, что я хочу, не могу. Больничную же еду есть невозможно. Так что сходи, пожалуйста, в «Чашку чая», где и с тобой мы не раз сживали, и принеси оттуда чего-нибудь поесть. Деньги возьми вот отсюда.

Он указал на ящик стоявшей у изголовья кровати тумбочки. Я сказал, что у меня тоже есть деньги, и напомнил, что обеспечиваю продовольствием целый полк. Хаджи с улыбкой ответил:

— Нет, так не пойдет. Я за чужой счет жить не привык. И куда, скажи, я тогда дену собственные деньги? Кого мне на них кормить? Ведь у меня не плачут по углам дети.

(Этих Мистуловых было пять братьев, в том числе один генерал. Несмотря на продвинутый возраст, никто из них не был женат.)

---

¹ Дословно: «сын тетки по отцу».

После этого я каждый день или сам носил Хаджи из ресторана обеды, или же с кем-либо посылал их ему.

Как-то вечером, когда я один сидел в своей комнате, в дверь постучались.

— Войдите, — сказал я.

Дверь открылась, и в комнату, улыбаясь, вошла младшая хозяйская дочка. Я удивился и подумал про себя: «К чему бы это? Надеюсь, все в порядке». Встав, я предложил ей стул, но она отказалась:

— Благодарю вас, я не сяду. Если у вас есть время и если это вас не побеспокоит, то мой отец хотел бы поговорить с вами.

— Пожалуйста, пусть заходит. Приходите хоть всей семьей, — ответил я.

Девушка ушла и через пару минут вернулась вместе с отцом. Это был человек примерно пятидесяти лет с длинной седой бородой. Прежде чем войти, он попросил у меня прощения за беспокойство.

— Что вы? — ответил я. — Я тут скучаю в одиночестве без собеседника. К тому же я считаю, что человек не должен сторониться других людей. Так что всегда жду в гости.

Хозяин согласился со мной. Рассказав, что он много и допоздна работает, возвращается домой уставшим и, поужинав, сразу же ложится спать, он извинился за то, что до сих пор не смог пообщаться со мной. После того как мы немного поговорили о том о сем, он обратился ко мне:

— Хочу попросить вас об одном одолжении. Буду очень рад, если вы согласитесь. Завтра у моей младшей именины. Вечером у нас соберутся ее друзья, чтобы повеселиться. Эта комната самая большая в доме. Точнее говоря, другие комнаты не подходят для приема гостей. Я прошу вас предоставить завтра вечером комнату в их распоряжение на несколько часов. А мы с вами в это время посидим и побеседуем в моей комнате. Если захотите спать, мы постелем вам на моей кровати.

— О чем речь? — сказал я. — Разве я похож на человека, способного омрачить праздничный вечер такой милой девушки? Если надо, я могу переночевать и в гостинице, это не проблема.

Услышав это, девушка просияла от радости, а ее отец категорически отверг мое предложение о гостинице.

Когда следующим вечером я вернулся со службы, из моей комнаты уже была вынесена почти вся мебель, но зато поставлено в ряд множество стульев. Меня провели в другую комнату, где был накрыт небольшой стол с разнообразными блюдами и выпивкой. Мы с хозяином сели друг напротив друга и, сделав несколько глотков из наших бокалов, стали разговаривать на разные темы. Тем временем собрались подруги и друзья именинницы. Вскоре до нас стали доноситься звуки гармонии. Судя по мелодиям, молодежь танцевала. Чтобы шум не побеспокоил меня, хозяин плотнее прикрыл дверь и вообще старался, как мог, угождать мне. Ему было явно невдомек, что мне было бы гораздо приятнее находиться с молодежью, да и ему самому в этом случае не пришлось бы напрасно утруждать себя. После того, как мы второй раз подняли бокалы, хозяин сказал:

— Простите, но я до сих пор не знаю вашего имени.

Я назвал свое имя и фамилию.

— Так вы осетин? — с удивлением воскликнул он. — Господин князь¹ Кубатиев! Простите меня! Я думал, что вы обычный кабардинец, а то бы давно уделил вам должное внимание. Кубатиевых я знаю очень хорошо. В молодости мы вместе с друзьями изготавливали бочки и бадьи в ваших лесах и подолгу оставались в ваших селах. Вам ведь принадлежат Кора, Урсдон, Карагач и Синдзикау, не так ли?

— Верно. Я сам родом из Урсдона, — ответил я.

Мой собеседник перечислил имена всех старейшин нашего рода, которых только смог вспомнить. Затем он заново представил меня членам своей семьи. Наше общение стало непринужденным, а спиртное только способствовало веселому расположению нашего духа. Время было уже довольно позднее. Хозяин, наконец, заметив, что я совсем не стар, спросил, не хотел ли бы я присоединиться к молодежи. Я ответил, что предоставляю этот вопрос на его усмотрение. В результате мы переместились в мою комнату. Хозяин представил меня гостям, и я пожал всем по

---

¹ В оригинале по-русски: Gaspodin knyaz.

очереди руки. После этого именинница с улыбкой обратилась ко мне:

— Если не возражаете, давайте потанцуем.

— Могу ли я возражать против того, чтобы потанцевать с такой красивой и утонченной девушкой, как вы? — ответил я.

— Но проблема в том, что я не умею танцевать и боюсь, что это будет выглядеть смешно.

— Но ведь надо же когда-то попробовать, чтобы научиться! — рассмеялись отец и дочь.

Девушка, взяв меня за руку, потянула в середину комнаты, где мы присоединились к вальсирующим парам. Увидев вскоре, что мои шаги вполне ритмично попадают в такт музыке, она прошептала мне на ухо:

— Вот так-то вы не умеете?

Мы танцевали довольно долго, пока не устали. Когда же мы остановились, прекратили играть и музыканты. В комнату начали заносить заранее накрытые столы. Я предложил хозяину вернуться в его комнату, чтобы не мешать молодежи веселиться. Он внимательно посмотрел мне в глаза и спросил:

— Что это ты? Неужели спать захотел?

— Нет, конечно, — ответил я. — У нас свадьбы длятся целую неделю, так что мне не привыкать бодрствовать допоздна. К тому же я люблю веселье. Просто я не хочу смущать молодежь.

Однако молодежь, слышавшая этот диалог, в один голос запротестовала против моего предложения. Девушки заявили, что хотят, чтобы я остался в их компании и, кроме того, что вовсе не находят меня старым. (Среди местных русских редко можно было встретить холостяка в возрасте 23 лет. Соответственно, и женатого человека, независимо от его возраста, они не относили к молодежи.)

— Конечно, я молод, потому что не женат. Но я еще могу влюбиться, — сказал я, и все рассмеялись.

Были наполнены бокалы. Мы чокнулись и выпили за собравшуюся молодежь. Все были счастливы, шутки сыпались одна за другой. Из разговоров девушек между собой я понимал, что

пришелся им по душе. Хозяин, поглаживая бороду и подмигнув сидевшим вокруг меня девушкам, спросил:

— Интересно, а кто больше всех понравилась господину Кубатиеву?

Я ответил:

— Ей-богу, они все одна краше другой. Мне все понравились. Спросите-ка лучше у них, нравлюсь ли я им. Если да, то я буду считать себя счастливым.

Так в шутках прошел ужин. Столы убрали, и опять заиграла музыка. Какое-то время мы еще потанцевали, а затем началась игра в колечко, в которую я никогда раньше не играл. Все сели в круг, держа ладони у груди, словно что-то в них пряча. Именинница зажала в кулаке кольцо и стала по очереди обходить присутствующих, засовывая руку с кольцом между их ладоней и сразу же ее вытаскивая. Дойдя до меня, она оставила кольцо у меня в ладонях и пошла дальше. Когда круг был завершен, она раскрыла свои ладони, села на место и громко спросила:

— У кого кольцо?

Все переглянулись и стали угадывать имена. После третьего неправильно названного имени именинница встала и крикнула:

— Амура, за мной!¹

Поскольку я не понимал смысла этих слов (так же, как не понимаю его сейчас), девушке пришлось, глядя на меня, повторить их несколько раз, но я как ни в чем не бывало продолжал преспокойно сидеть на месте, несмотря на смех окружающих. Наконец, она обратилась ко мне:

— Почему вы не встаете? Покажите кольцо и подойдите ко мне.

Сделав то, что она сказала, я спросил:

— И что же будет?

Все расхохотались, а именинница объяснила мне, что, по правилам игры, мы должны теперь поцеловаться. Ответив, что это самое чудесное и самое верное правило, которое мне когда-либо приходилось встречать, я поцеловал девушку.

— Теперь уже ты должен обойти всех и положить кольцо

---

¹ В оригинале по-русски: Amura zamnou.

в руки кого-нибудь из девушек, — продолжила она знакомить меня с игрой. — Если мы не отгадаем, кто это, то ты выиграл.

Я оставил кольцо в руках приглянувшейся мне высокой красивой девушки. Не знаю, правда ли гости не догадались, кто моя избранница, или решили подыграть мне, но в результате я поцеловался и с ней. Игра продлилась еще некоторое время. В полночь все разошлись. Таким образом, я урвал у судьбы один восхитительный вечер.

Через несколько дней меня вызвал командир полка. В кабинете рядом с ним сидел наш бухгалтер Бичерахов. Полковник предложил мне сесть и сказал:

— Кубатиев, тебя ценю не только я, но и весь полк. Все взоры обращены на тебя. Я говорю это потому, что собираюсь дать тебе новое задание. Наш бухгалтер завтра отправляется во Владикавказ, чтобы привезти оттуда девять миллионов рублей. Я предложил ему выбрать для себя нескольких сопровождающих из людей, которым он доверяет. Но он говорит, что ему достаточно одного Кубатиева и никого больше не надо. Что скажешь? Отважись на это дело?

— Мой командир, я всегда старался быть достойным вашего доверия и готов выполнить любое ваше поручение, — ответил я. — Можете быть уверены, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы в целостности и сохранности доставить эти деньги сюда. Я скорее умру, чем позволю кому бы то ни было притронуться к ним.

Перед тем как отправиться в путь, я навестил в госпитале Хаджи. Я сообщил ему, что еду в командировку во Владикавказ на два дня и спросил, есть ли у него какие-нибудь просьбы.

— У меня лишь одна просьба, — сказал он. — Распорядись, пожалуйста, чтобы не забывали приносить мне еду.

Я дал соответствующее указание своему денщику.

На следующий день мы прибыли поездом во Владикавказ и расположились в гостинице. Бичерахов был утомлен дорогой, и я попросил его разрешить мне самому погулять по городу. Немного пройдясь по улицам, я заглянул к одному из моих родственников. Там мне очень обрадовались. Мы сели, и во время

беседы хозяева спросили меня, нахожусь ли я во Владикавказе в отпуске. Не подумав, я опрометчиво ответил, что прибыл в командировку. Больше того, от распиравшей меня гордости я выболтал и цель моего приезда. Хозяин вытаращил на меня глаза и переспросил, правда ли то, что я сказал. Увидев, что я оскорблен его вопросом, он поверил мне и после этого взволнованно сказал:

— Такая удача не каждому выпадает. Давай что-нибудь придумаем.

— О чем вы? — спросил я.

— Я соберу группу из наших. Завтра на бесланской станции мы нападём на вас, легко раним тебя и твоего товарища, заберем сумку и скроемся. А потом разделим деньги.

Немного послушав эти рассуждения, я перебил собеседника:

— Вы меня неправильно поняли. Вы старше меня по возрасту и поэтому должны лучше меня понимать некоторые вещи. То, что из огромного полка именно мне доверили это задание, является для меня предметом гордости, и я не променяю это доверие ни на какие богатства. Я поделился этой радостью с вами как со своим близким, надеюсь, что вы испытаете гордость за своего родственника, доказавшего свою порядочность, и поздравите меня. Но хочу вам сказать, что если завтра мне преградит путь кто бы то ни было — хоть вы, хоть мой родной отец — я без колебаний всажу ему в лоб пулю. Будьте уверены в этом так же, как в том, что вас зовут ... (я назвал его имя).

Хозяин дома сокрушенно покачал головой, воздел руки вверх и произнес:

— Вот таковы мы! Аллах дает нам прямо в руки, а мы не ценим этого.

— Аллах дал эти деньги не нам, — возразил я. — Они предназначены для пропитания полка. И пока я жив, никто не присвоит себе даже их малую толику.

С этими словами я вышел. Я искренне раскаивался в своей болтливости, в результате которой я сначала подверг своего родственника искушению, которого он не выдержал, а потом нанес ему обиду. Я вернулся в гостиницу и лег, но сон не шел ко

мне. В душу закрались сомнения: этот человек сам не решится на безрассудный поступок, но что, если он расскажет о моем задании еще кому-нибудь?

Утром мы встали рано. Я ничего не сказал бухгалтеру о происшедшем накануне, так как он мог разволноваться и это еще больше осложнило бы положение. За завтраком я лишь предложил ему поскорее отправиться в банк, чтобы избежать очередей и успеть вовремя вернуться в Нальчик. Он согласился со мной. До этого он никогда не бывал во Владикавказе и не знал города. Хотя до банка можно было добраться по главным улицам, я решил идти круглым путем, чтобы по дороге не повстречаться со знакомыми. Бухгалтеру же я сказал, что этот путь короче. Получив деньги, мы отправились прямо на вокзал и вскоре сидели в купе одиннадцатичасового ростовского экспресса. Через несколько минут поезд тронулся. Я встал в дверях купе и стал внимательно наблюдать за обстановкой. Наибольшая опасность нам могла угрожать во время пересадок в Беслане и Прохладном, особенно в Беслане, где нам с ночи могли устроить засаду. В итоге, однако, мы доехали до Нальчика без происшествий. Когда мы сдали деньги в штаб полка, у меня словно свалился с плеч тяжкий груз. Полковник, поздравляя нас, сказал:

— Пока вы отсутствовали, я волновался не меньше вашего. Вы, может быть, и поспали, а я не сомкнул глаз.

«Эх, знали бы вы о моей болтливости, — подумал я в душе, — переживали бы вдвое сильнее и сна бы лишились на неделю».

После этой поездки я заболел тифом и слег в постель. Правда, постелью это назвать было трудно: ватный тюфячок и легкое одеяло. Чем больше я лежал и ворочался в кровати, тем быстрее терял силы. На второй день ко мне пришел Бичерахов вместе с каким-то молодым человеком, на груди которого красовались четыре медали. Передав мне пожелания выздоровления от полковника, он сказал:

— Вот, хочу представить тебе героя большой войны¹ Ванко Галаева. Как видишь, он успел собрать все медали от первой до четвертой степени. С четырьмя товарищами он добровольно

---

¹ Имеется в виду Первая мировая война.

вступил в наш полк. Командир полка направил его тебе в помощники. Галаев нам не чужой. Он дигорец из нашего села. Есть еще одна новость для тебя. Мы завершили формальности, необходимые для твоего производства в офицеры. Скоро я лично надену на тебя эполеты поручика, и все девушки будут бегать за тобой.

Мы рассмеялись, но, видимо, у меня это не очень хорошо получилось, так как я был очень слаб. Заметив это, бухгалтер сказал, что доложит о моем состоянии полковнику и попросит, чтобы тот прислал мне врача. Они ушли.

Через некоторое время в мою комнату вошли два санитары и сказали, что полковник приказал им отвезти меня в госпиталь. Я отказался и, несмотря на их настояния, был непреклонен. С того момента, как я заболел, хозяева дома перестали заглядывать ко мне. Под вечер ко мне зашел денщик и сообщил, что меня хочет проведать женщина, проживавшая неподалеку на той же улице. Я не возражал. Войдя в комнату, соседка пожалела мне скорейшего выздоровления, а затем задала несколько вопросов, касающихся моего состояния: есть ли у меня температура и тому подобное. После этого она сказала, что мне обязательно надо показаться врачу. Я рассказал ей, что чуть раньше отказался от предложения лечь в госпиталь, поскольку хорошо знаю существующее там положение и то, что там не хватает сиделок и больной может умереть от жажды, так как ему никто не подаст воды.

— Если уж суждено умереть, то лучше здесь в одиночестве, чем в больничной толчее, — добавил я.

Женщина выразили надежду на мое скорое выздоровление и удалилась. До нашего отбытия в Кизляр в ее доме квартировали мои товарищи, и она знала меня с тех пор. Теперь же, не встречая меня на улице в течение нескольких дней, она решила справиться обо мне у моего денщика и от него узнала о моей болезни. Уходя, она, оказываясь, сказала ему:

— Мне очень жаль Кубатиева. При виде его постели просто сердце разрывается. В ней даже здоровый замерзнет и заболеет. К тому же комната очень холодная. Я не посмела ему предло-

жить, но у меня нет сейчас квартирантов, и я могла бы сдать ему комнату. У меня в доме горит русская печь, все комнаты теплые, постели чистые.

Когда денщик передал мне слова женщины, я не раздумывая отправил его к ней, чтобы передать, что я с благодарностью готов принять это предложение. Вскоре они оба вернулись, перенесли мои вещи, а затем на новую квартиру перебрался с помощью денщика и я сам. Дом действительно оказался очень теплым, а постель — чистой и мягкой. Сменив нательное белье, я растянулся в постели с чувством невероятного облегчения.

На следующий день полковник вновь прислал бухгалтера, чтобы убедить меня перебраться в госпиталь под надзор врачей. Я попросил Бичерахова передать ему мою благодарность и сказать, что я предпочитаю умереть в чистой постели, чем в госпитальной грязи. После обеда меня пришел навестить сам полковник с доктором. Им тоже понравилось мое жилье. Доктор осмотрел меня и дал какие-то лекарства. Еду, как я уже сказал, я получал сухим пайком, а моя новая хозяйка готовила лучше, чем прежняя. Собственно, кроме бульона, я ничего и не мог есть.

Несмотря на улучшившиеся условия, однако, здоровье мое ухудшалось. Через три дня я впал в кому. Как мне потом рассказала моя хозяйка, об этом сообщили полковнику, и он вскоре пришел вместе с тремя врачами. Один из докторов поинтересовался, сколько времени я болею, и денщик ответил, что идет уже двенадцатый день. Когда мне измерили температуру и пощупали пульс, на лицах врачей появилось выражение безнадежности. Они посоветовались друг с другом, и главный из них произнес:

— Если больной не умрет в течение двух часов, возможно, его удастся спасти.

Вместе с полковником они стали ждать. По прошествии двух часов меня повторно осмотрели и сказали:

— На данный момент он выкарабкался. Через два-три часа обследуем его еще раз.

Они ушли и вернулись под вечер. На этот раз их заключение было еще более обнадеживающим.

— Хотя больной пока без сознания, угроза, похоже, миновала, — сказали они. — Сегодня не тревожьте его, а завтра начните понемногу капать в рот куриный бульон и продолжайте так до тех пор, пока он не придет в себя.

Полковник дал моей хозяйке денег со словами:

— Если понадобится, купите курицу на базаре. Мясо отдайте своим детям. Коль скоро вы сделали однажды добро, придется вам делать его и дальше. Мы вам все оплатим.

В последующие дни полковник еще несколько раз навещал меня вместе с врачом. Несмотря на то, что мне с каждым днем становилось все лучше, слабость не покидала меня. Мои друзья-дзарастовцы тоже перебрались в дом, где я находился, и поселились в его второй половине у другой хозяйки, так что скучать мне не приходилось. По вечерам они собирались у меня, пили вино, пели, шутили, а иногда танцевали наши народные танцы, стремясь развеселить меня и отвлечь от мыслей о болезни.

Приезжавшие в Нальчик по делам родственники, узнав о том, что я болен, тоже навещали меня. Один из них, оказываясь, пришел ко мне в тот самый день, когда я боролся со смертью. Увидев меня в безнадежном состоянии и услышав диагноз врачей, он по возвращении во Владикавказ, рассказывая обо мне родственникам, высказал предположение, что я вряд ли выживу, а скорее всего уже умер. В результате слух о моей смерти, передаваясь из уст в уста, докатился до нашего села. Никто, однако, не решался объявить об этом моим домашним. В тот период тиф свирепствовал на Кавказе. Некоторым, подобно мне, удавалось победить болезнь, но большинство заболевших погибало: люди только и ходили от дома к дому, выражая соболезнования родным умерших. Наконец, другой мой родственник, побывавший у меня уже после того, как я начал идти на поправку, по возвращении в наши края с удивлением услышал разговоры о моей смерти и решил разобраться в деле. Выяснив, что этот слух распространился уже давно, он сообщил всем, что это ошибка, что он виделся со мной два дня назад и что я поборол болезнь.

Постепенно силы возвращались ко мне. Я стал подпевать моим друзьям во время наших ночных собраний, а потом понемногу и пить с ними спиртное. Наши хозяйки тоже участвовали в этих вечеринках и даже танцевали с нами наши народные танцы. Время от времени я исполнял для них лезгинку, которая им очень нравилась. Через денщика я навел справки и о моем двоюродном брате Хаджи Мистулове. Я с радостью узнал, что он тоже победил тиф и уехал в отпуск на родину. Вскоре я начал выходить на улицу. Не знавшие о моей болезни знакомые при встрече удивленно смотрели на меня и говорили, что думали, что я куда-то надолго командирован, а то бы они непременно меня проведали. Особенно изумлялись представители кабардинской и балкарской знати.

— Где ты был? Отчего так похудел? Что случилось? — спрашивали они.

— Я побывал на том свете, но вернулся оттуда, — отвечал я.

После этого они восклицали:

— Ей-богу, мы ничего не слышали! Знай мы о твоём положении, разве не пришли бы навестить тебя, разве не поддержали бы, как могли?

Я смеялся в ответ:

— Ладно, ладно. Знаю я ваше гостеприимство. Единственного осетина в вашем полку не уберегли, отправили в загробный мир. Но я не остался там, вернулся, потому что меня и там поместили вместе с вашими. Они и там плохо обо мне заботились, как и вы. Окажись я среди осетин, представляю, каких бы барашков мне зарезали, какие столы накрыли и какую араку налили.

Мои собеседники покатывались от хохота, а при следующих встречах шутили:

— Так, говоришь, у осетин даже мертвые гостеприимны? Режут гостю барашков и потчуют аракой?

В январе 1920 года я все еще находился в отпуске по болезни. В один из дней я нанес визит полковнику.

— Наконец-то ты пришел в себя! — радостно встретил он меня. — Если желаешь, можешь отпороть эти унтерские эполе-

ты и пришить вместо них поручичьи. Все равно на днях поступит приказ о твоём повышении.

— Благодарю вас, — ответил я. — Но лучше я сделаю это после приказа. Ведь если он вдруг не придет, опять менять эполеты будет очень некрасиво.

— Ты прав, но я уверен в его поступлении.

Дзарастовцы были очень добрыми и приятными молодыми людьми. Мы относились друг к другу с большой теплотой и старались во всем поддерживать друг друга. Как-то во время одной из наших вечеринок в комнату вошел взволнованный помощник нашего бухгалтера Костя Гурджибеков и сообщил:

— В Нальчике творится нечто невообразимое. Приезжает командующий Кавказской армией генерал Эрдели, и в его честь в лицее будет дан бал. Я ходил за билетами, но мне сказали, что они закончились. Как жаль! Я бы очень хотел попасть на этот бал.

Один из его земляков возразил ему:

— А есть ли нам смысл идти туда? Кто там нас знает, и кому мы будем интересны? Там соберутся одни знакомые, а мы, как чужаки, простоим в сторонке. Надо знать свое место. Нам там делать нечего.

Видя, что Костя горит желанием попасть на бал, я заинтересовался у него, кто продает билеты. Он ответил, что у входа в лицей он встретил нескольких человек, украшавших зал, которые и сказали ему, что билетов не осталось.

— Они тебя просто отшили, — вмешался в разговор мой помощник Галаев.

— Зачем им было меня отшивать? Я ведь готов был заплатить им деньги!

— Ты-то готов был заплатить, да, видимо, они не готовы продавать билеты каждому желающему, — с усмешкой сказал Галаев. — Иначе все нальчикское мужичье набьется туда, и генералам не хватит места.

Эти слова вывели Костю из себя.

— Хорошенько посмотри на меня и выбирай слова! — заносчиво ответил он. — Я не какой-то там мужик!

Эта выходка Кости рассмешила всех нас. Сам Костя тоже засмеялся. Дзарастовцы вообще были красивыми людьми и к тому же умели со вкусом одеваться. Костя же был одним из самых больших щеголей среди них и был очень уверен в себе. Поэтому он так рвался на бал.

— Не будь я болен, я бы тоже ходил туда, — вырвалось у меня.

Услышав это, Костя вцепился в меня:

— Стану твоим рабом, только походи со мной! — взмолился он.

В душе мне и самому очень хотелось пойти, но я решил не много поломаться перед товарищами.

— Ты с ума сошел? — возразил я Косте. — Мне по улице пройти трудно, а ты про бал.

Окружающие тоже стали урезонивать его:

— Пощади человека! Он же опять свалится в постель, если потащится с тобой до лица, не говоря уже о танцах. Стоит ли оно того?

Но Костя не унимался:

— Я возьму извозчика. Если Темирболат почувствует себя на балу плохо, отправлю его домой тоже с извозчиком.

— Что ж, в таком случае не будем больше спорить, — сказал я. — Думаю, Костя не бросит меня и вызовет извозчика, если мне станет нехорошо.

Когда мы приблизились к входу в лицей, я узнал в двух молодых людях, проверявших билеты, своих приятелей-кабардинцев. Они тоже меня заметили.

— О-о, добро пожаловать! — приветствовали они меня.

— Если вы не изыщете нам два билета, то, видимо, зря мы к вам пожаловали, — пошутил я.

Они переглянулись, и один из них сказал, подмигнув, другому:

— Мне кажется, в этом огромном зале должно быть хотя бы два безбилетника.

— Я тоже так думаю. Мы не можем отправить обратно этого осетина.

Я сделал вид, что мне ничего не известно об отсутствии билетов, и деланно запротестовал:

— Нет-нет, так не пойдет! Без билетов мы не войдем.

— Да кто же теперь посмеет требовать у тебя билет? — последовал ответ. — Ты ведь завтра опять обвинишь нас в негостеприимстве.

Взяв меня за руку, они втолкнули меня внутрь. Естественно, Костя следовал за мной. Внутри было очень многолюдно. Я сразу же обнаружил немало знакомых, с которыми обменялся приветствиями. Некоторые подходили ко мне, чтобы справиться о моем здоровье. Изумленный Костя не удержался и спросил, как мне удалось обзавестись здесь таким количеством знакомых. Я рассказал, что учился в начальной школе в здании, расположенном в заднем дворе лица, и многие из людей, с которыми я поздравлялся, были моими одноклассниками. Кроме того, я объяснил, что состою в родстве со многими кабардинскими и балкарскими князьями, поскольку они женаты на женщинах нашего рода.

В зале все сидячие места были уже заняты. За рядами стульев на небольшом пространстве тоже толпились люди, причем настолько плотно, что стоявшие сзади оказались буквально припечатаны к стене. Мы с Костей примкнули к этой массе, пытаясь через головы и спины стоявших впереди нас разглядеть происходящее на сцене. Вскоре под звуки молитвенной части известной как «шейх Шамиль» классической мелодии¹, исполненной военным оркестром, был поднят занавес. Как только молитвенная часть завершилась и темп мелодии ускорился, на сцену первым вышел мой давний знакомый Гасанилов, командир Дагестанского полка, и продемонстрировал превосходное сольное исполнение танца, собрав бурные аплодисменты. Косте явно не терпелось последовать его примеру.

— Эх, после этого полковника должен был бы танцевать я! — сокрушался он. — Тогда бы все увидели, что такое настоящий танец!

---

¹ Имеется в виду хорошо известная лезгинка, именуемая в Турции и других странах Ближнего Востока «танцем шейха Шамиля» (Şeyh Şamil dansı).

Однако на сцену вышли кабардинские и балкарские князья с позолоченными и инкрустированными слоновой костью кинжалами и саблями самых разных моделей и даже кремневыми длинноствольными пистолетами и исполнили вместе с красивыми элегантными женщинами наши национальные танцы. После нескольких парных кавказских танцев на сцене начали вальсировать русские офицеры со своими дамами. Пока я наблюдал за танцующими, ко мне пробрался сквозь толпу мой командир эскадрона в прежнем полку поручик Хаджимирза Карабугаев. Обняв меня за плечи, он сказал:

— Я увидел тебя издалека и еле пробился сюда. Что ты здесь делаешь?

Поскольку он был старше меня по возрасту, я молча вытянул руки по швам. Взяв меня под руку, Хаджимирза сказал:

— Давай перейдем в другой зал. Наши танцы исполняются там. Генерал Эрдели тоже перешел туда. Сегодня вечером ты должен показать все свое мастерство, чтобы кабардинская и балкарская молодежь поняла, как надо танцевать.

С этими словами он потянул меня к дверям. Как ни старался я отказаться, ссылаясь на недавнюю болезнь, Хаджимирза был непреклонен.

— Даже если я буду знать, что ты прямо здесь отдашь Богу душу, я не отстану от тебя, — требовательным тоном обратился он ко мне. — Уж очень сильную ревность пробудили во мне эти люди. Надо сбить с них спесь. И не забывай о чести нашего племени!

В качестве последнего спасительного средства я указал на своего товарища Костю:

— Это наш дигорец из Дзарасте. Он танцует лучше меня.

(Я здесь вовсе не хочу хвалиться, но мои танцы действительно всем очень нравились.)

— В таком случае будете танцевать оба, — ответил Хаджимирза и потащил нас в соседний зал.

Что до моего товарища, то он только и ждал такой возможности. Незадолго до этого он чуть ли не взмолился, обращаясь ко мне:

— Прошу тебя, придумай что-нибудь, чтобы я смог станцевать! Клянусь Святым Николаем¹, что я сделаю это лучше любого из здесь присутствующих. Дай мне сколько угодно кинжалов, хоть сотню. Увидишь, я их всех всажу в пол.

(Дзарастовцы, видимо, по оставшейся с языческих времен привычке, имели обыкновение клясться различными боже-ствами.)

Мы прошли по соединявшему два зала коридору. В конце его за столиком сидела приятная барышня, продававшая дополнительные билеты для входа в этот зал. Поручик купил нам билеты, и мы вошли внутрь. Здесь было еще многолюднее. Фандыр (аккордеон) играл мелодию кафы (медленного танца), под которую по очереди выходили танцевать кабардинские юноши. (Кабардинцы редко исполняли чеченский динамичный танец, а их женщины практически никогда не делали этого. Балкарцы же, подобно осетинам, танцевали как медленные, так и быстрые танцы.) Шедший за нами поручик все время подталкивал меня и Костю вперед. Кабардинцы же, видя во мне гостя, один за другим вежливо уступали нам дорогу со словами «Проходи, Кубатиев», в результате оставаясь позади нас. Разумеется, все те, кто пропускал нас вперед, так или иначе знали меня. Двигаясь таким образом вперед, я не заметил, как оказался прямо перед генералом Эрдели, невольно встретившись с ним взглядом. Щелкнув каблуками, я по-военному приветствовал его.

— Вольно, не беспокойтесь², — сказал он.

Являясь командующим Кавказской армией, генерал носил наш национальный костюм. Не знаю точно, но скорее всего он происходил из казаков³. Это был человек высокого роста и приятной внешности, обращавший на себя внимание своей серой черкесской, кинжалом и саблей.

---

¹ В оригинале: Nikgola.

² В оригинале по-русски: Volno-nebezpokooytes.

³ Генерал Иван Георгиевич Эрдели (1870-1939), один из основателей Добровольческой армии, происходил из дворян Херсонской губернии, предки которых переселились в Россию из Венгрии в XVIII веке.

Зал был полон рвавшейся танцевать молодежи. Наш поручик Хаджимирза тем временем подозвал к себе человека, руководившего танцами в этом зале, и попросил его, чтобы тот велел гармонисту играть лезгинку и пригласил к танцу меня, выбрав для меня хорошую партнершу из числа балкарских девушек. Когда музыка плавно перешла в лезгинку, распорядитель подошел к нам и, сперва приветствовав генерала и испросив у него разрешение, обратился ко мне:

— Господин Кубатиев, вас просят на танец.

Естественно, я беспрекословно вышел в круг и постарался исполнить танец как можно лучше. Наградой мне стали аплодисменты. Поручик и Костя остались стоять в толпе. Хаджимирза не танцевал ни разу в жизни, однако обожал смотреть, как танцуют другие. Немного погодя он вывел на танец и Костю. Я сказал распорядителю, что Костя будет танцевать с кинжалами, и его помощники вонзили в пол не меньше пятнадцати кинжалов. Костя, не отклоняясь от ритма танца, искусно собрал все кинжалы, а затем по очереди всадил большую их часть в пол в два ряда на расстоянии примерно десяти сантиметров друг от друга. Из последних шести кинжалов четыре он зажал между зубами и, в такт музыке ударяя двумя оставшимися в его руках друг о друга, словно акробат, ловко прошел, прыгая на кончиках пальцев одной ноги, между ранее всажеными в пол кинжалами. В результате рекордсменами этого бала стали мы, осетины. Окружающие подходили к нам, чтобы поздравить и выразить свое восхищение.

Из лица мы вышли далеко за полночь и, конечно, не смогли найти извозчика. Нам пришлось пешком пересечь Нальчик из одного конца в другой. На следующий день наши приятели попробовали подтрунивать над нами:

— Ну-ка, признавайтесь, через какую оконную дыру вы наблюдали за этим балом?

Костя ответил:

— О чем вы говорите? Клянусь Святым Николаем, Кубатиев пользуется в этих краях таким авторитетом, что ему были оказаны большие почести, чем самому генералу Эрдели.

Мы все весело рассмеялись.

Я полностью выздоровел и продолжал службу в ожидании приказа о производстве в офицеры. Галаев помогал мне. Как и в период болезни, после ужина ко мне в комнату обычно заглядывали мои друзья-дзарастовцы. Порой же я сам шел к ним в гости. Чтобы поднять настроение, мы выпивали немного спиртного, но никогда не напивались допьяна. Время мы коротали, рассказывая анекдоты и смешные истории, а иногда танцуя наши национальные танцы. Дзарастовцы, как и я, были хорошими танцорами, и мы часто соревновались в исполнении тех или иных фигур. Они были особенно искусны в движениях ногами. Эти встречи в какой-то степени поддерживали наш дух, так как ежедневно до нас доходили самые противоречивые известия и мы не знали, каким из них верить. Газеты писали о все новых победах нашей армии (Добровольческой или Белой Армии, иначе говоря — армии Деникина), о большом количестве захваченных пленных, о занятых населенных пунктах, о слабости противника и скором уничтожении коммунизма. Однако в народе распространялись вовсе не такие отрадные слухи.

Был февраль 1920 года. Однажды, прохаживаясь по рынку, я встретил свою родственницу Фузу, жену командира Кабардинской дивизии генерала Мудара Анзорова. Увидев меня, она сердито обратилась ко мне на нашем языке:

— Ты что, как дурак, разгуливаешь здесь?! Я думала, ты уехал на родину.

Решив, что она упрекает меня за то, что я давно не навещал их, я начал было извиняться, но она, оглядевшись по сторонам, сказала приглушенным голосом:

— Нечего извиняться. Лучше поскорее возвращайся домой. Ты, как видно, ничего не знаешь об обстановке. Вчера я получила письмо от Мудара. Пока никому не говори, но он пишет, что наша армия развалилась и нам, наверное, придется бежать из Нальчика. Он велел мне немедленно начать упаковывать ценные вещи. Я уже начала приготовления, но часть имущества придется бросить здесь. Я жду только следующего его указания,

чтобы отправиться во Владикавказ. И ты здесь не задерживайся. Езжай в село. Там хотя бы будешь рядом с родителями.

Я поблагодарил ее, и мы расстались. По дороге я размышлял, как мне быть. Если я попрошу у полковника отпуск, он, скорее всего, не откажет мне, так как я еще ни разу у него не отпрашивался. Однако на чем ехать — на коне или поезде? Если по дороге имеются шайки разбойников, то путешествовать в одиночку верхом опасно. Если же отправиться поездом, коня придется оставить здесь, а на это мне трудно решиться, тем более что и дома мне нужна будет лошадь. Так и не придя ни к какому решению, я добрался до дома. Товарищам я не осмелился ничего сказать. Я знал, что стоит мне хотя бы намекнуть им, они тут же впадут в панику и сбегут. Ведь по сравнению со мной они здесь были чужаками и никого в городе не знали.

Чтобы не выдать своего беспокойства, я вновь вышел на улицу и на этот раз встретил Мусу Абисалова. Он был из села моей матери — Каражаева — и доводился мне родственником. После объятий и приветствий он рассказал мне, что только что приехал, свою лошадь оставил на постоялом дворе и через два дня собирается возвращаться обратно. На мое предложение погостить у меня Муса сперва ответил отказом, но после моих уговоров, дабы не обижать меня, согласился. Мы забрали его лошадь и привязали ее рядом с моей. Затем я попросил у хозяйки еще одну постель для гостя, которую она немедленно принесла.

— Боюсь, отныне я буду чаще приезжать сюда, раз ты оказываешь мне такие почести, — сказал Муса.

Я поинтересовался у него, встречаются ли по дороге разбойники. Он ответил, что ему они не попадались и от своих знакомых он также ничего о них не слышал.

— Почему тебя это беспокоит? — спросил он.

— Если позволят, хочу взять отпуск и съездить домой. Давно там не был. Все не решался, так как не знал, в каком положении сейчас дороги, — объяснил я.

— Опасаться нечего. Я доставлю тебя к твоей матушке целым и невредимым, — заверил меня со смехом Муса.

Вечером после работы я повел его к своим друзьям-дзарас-

товцам. Им было приятно познакомиться с еще одним дигорцем, и они предложили нам остаться у них поужинать. Мы не возражали. Был накрыт стол, раздобыли, разумеется, и спиртное, и завязалась беседа. Я заметил, что Муса очень быстро нашел общий язык с моими друзьями, и стал с ними что-то увлеченно обсуждать. В какой-то момент он повернулся ко мне и сказал:

— Как чисто говорят они по-дигорски! Я просто восхищен.

И действительно, дзарастовцы, где бы они ни находились, никогда не говорили друг с другом по-русски, пользуясь исключительно родным языком. Говорящему по-русски они немедленно делали замечание:

— Чего ради ты отказался от нашего красивого языка и перешел на язык этих голодранцев?

Они моментально подбирали или изобретали соответствия для не имеющих в нашем языке слов и решительно отвергали утверждения о недостаточности его словарного запаса. При этом все они окончили русскую школу, имевшуюся в их селе и воспитавшую немало будущих генералов. Мы же говорили на родном языке в самой примитивной форме, при малейшем затруднении в изъяснении вставляя в свою речь по несколько русских слов. Между тем, в отличие от их села, наше находилось вдали от русских поселений, а наши предки не знали по-русски ни одного слова. Да и образованных людей среди нас было не так много, как среди них. Можно даже сказать, что их у нас не было совсем. Вот потому-то Муса и был так восхищен моими товарищами. Единственное, что ему показалось неправильным, это то, что они, говоря обо мне, называли меня — видимо, исходя из правил грамматики — не «сыном Кубада» (Кубадий фурт¹), а «сыном Кубадов» (Кубадти фурт²).

— Получается, будто ты сын всех Кубадов, — со смехом сказал он мне.

Впоследствии при каждой нашей встрече Муса тоже в шутку обращался ко мне таким образом.

На следующий день мы с Мусой отправились к нашему бух-

---

¹ В оригинале по-осетински: Kubadiy furt.

² В оригинале по-осетински: Kubatti furt.

галтеру Бичерахову. Познакомив его с моим спутником и немного побеседовав, я сообщил, что хочу воспользоваться положенным мне отпуском.

— Да разве сейчас время уходить в отпуск?! — воскликнул он. — Мы со дня на день ждем приказа о вашем производстве в офицеры. Я лично должен надеть на тебя эполеты, а потом мы хорошенько посидим и отметим это событие. А ты собрался уезжать.

Я ответил, что успею вернуться раньше поступления приказа. Слушавший нас Муса, решив, что мы разыгрываем друг друга, заметил:

— Интересно вы шутите.

— Какие шутки? Мы говорим серьезно, — сказал Бичерахов. — Разве Кубатиев не рассказал вам, что наш командир полка давно направил в центр представление о присвоении ему звания поручика? Ответ вот-вот должен придти, и нет сомнений в том, что он будет положительным. Не знаю, с какой стороны знаете этого юношу вы, но у нас в полку такой всего один.

Мусе, похоже, было приятно слышать это. Я же продолжал убеждать Бичерахова в том, что отпуск не помешает мне получить повышение.

— Если мне суждено быть поручиком, то я в любом случае им стану, а нет — так и горевать нечего. Дороги в наших краях опасные. Ехать в одиночку я не решаюсь. Коль скоро у меня появился попутчик, я хотел бы воспользоваться этим и съездить домой. Объясните, пожалуйста, полковнику мое положение. Если он позволит, я поеду, — настаивал я.

— Ну, раз так, пойдём к полковнику вместе, — предложил Бичерахов и завел нас в кабинет.

Полковник встал, приветствуя нас. Я представил ему своего родственника Мусу. Он усадил нас, и после короткого обмена фразами Бичерахов изложил ему мою просьбу. В ответ полковник повторил возражения и доводы, которые чуть раньше высказал мне сам Бичерахов.

— Я говорил ему то же самое, — вмешался бухгалтер. — Но он утверждает, что сейчас на дорогах беспокойно и что он не

всегда сможет найти себе такого спутника, как Мусабек. При этом Кубатиев обещает скоро вернуться.

Полковник взглянул на меня и спросил:

— Через сколько дней?

— Двадцати дней достаточно, — ответил я.

Он тут же отдал распоряжение Бичерахову оформить мне отпуск на двадцатидневный срок. Думаю, полковник понимал, что я не вернусь через двадцать дней, ибо не мог не быть в курсе положения дел на фронтах. По существу мы оба знали, что Добровольческая армия развалилась, но чтобы окружающие ничего не заподозрили, делали вид, что верим в то, что говорим. И то, что я едва ли успею стать офицером, тоже было ясно нам обоим.

— Когда отправляетесь в путь? — спросил полковник.

— Через два дня, — ответил я.

Показав Бичерахову на стоявший в кабинете пружинный матрац, полковник сказал:

— Там под матрацем остались две бочки кизлярского вина. Заберите одну, соберите друзей и повеселитесь сегодня вечером в честь моего единственного Кубатиева. У меня гости, но если удастся отправить их пораньше, я тоже к вам загляну ненадолго.

Я поблагодарил его. Между тем Муса на нашем языке подсказал мне, чтобы я попросил полковника дать нам побольше боеприпасов для защиты от шаек разбойников по дороге. Я перевел, и полковник без колебаний подписал ордер для складской службы на выдачу мне ящика патронов.

Когда мы пришли на склад, урядник со смехом спросил:

— Кубатиев, ты в отпуск собрался или на фронт? Как ты будешь тащить столько патронов?

— Ты их выдай, а как тащить, я сам решу. Все, что останется, я по возвращении сдам обратно, — ответил я.

Муса был вне себя от радости. Однако когда мы попытались поднять ящик, я понял, насколько прав был урядник, и сам задал тот же вопрос Мусе.

— Ты с ума сошел?! — удивился он. — Во что бы то ни стало

мы должны забрать патроны. Половину положим в твою сумку, половину — в мою.

Мы так и поступили. Было немного тяжело, но ничего другого не оставалось.

Вечером наше застолье затянулось допоздна. В каждом тосте мои товарищи расхваливали меня, вознося чуть ли не до небес. Муса не верил своим ушам. Когда все разошлись, он с удивлением сказал:

— Да ты тут, оказывается, очень важный человек, а мы про это и знать не знаем. Если я расскажу нашим все, что здесь слышал о тебе, никто ведь и не поверит.

— А ты не рассказывай, — ответил я. — Все когда-нибудь заканчивается. Закончилось и это.

Конечно, Муса не понял, что я имел в виду.

Утром я рассказал Мусе о своих планах на день. В десяти километрах от Нальчика находилось село Кошироково¹, где проживала моя двоюродная сестра² Кошерхан. Ее муж Пшимахо Кошироков недавно умер. Я уже ездил туда выражать соболезнование, однако если бы сейчас, перед отъездом на родину, я вновь не навестил сестру, дома меня наверняка бы осудили. Муса тоже пожелал ехать вместе со мной. Кошерхан очень обрадовалась нашему визиту. Уступив ее уговорам, мы заночевали там, а наутро, после завтрака, выехали обратно в город.

После обеда я зашел попрощаться к полковнику. Перед тем, как отпустить меня, он достал из кармана деньги и, сунув их мне в руку, сказал:

— Я хотел купить тебе какой-нибудь подарок, но не смог найти время, чтобы сходить на рынок. купишь себе что-нибудь сам от моего имени на память.

Хоть я и отказывался, он настоял на своем. Как и при всяком расставании, мне было очень грустно.

Когда мы с Мусой вышли на улицу, намереваясь идти домой, нам встретился Аскербек Темирканов из балкарских князей. Его

---

¹ Кошироково — ныне село Кенже Кабардино-Балкарской Республики.

² Дословно: «дочь дяди по отцу».

мать была Кубатиева, и, таким образом, он приходился нам родственником.

— Ты все еще здесь, дядя¹? — удивленно спросил он меня. — Разве ты не знаешь, что сюда приближаются большевики?

Я не произнес ни слова, но Муса был изумлен. Аскербек поинтересовался, когда мы намереваемся ехать, и, узнав, что завтра утром, сказал:

— Местные большевики объединились со скрывавшимися в лесах шайками. Они создали организацию во главе с Назиром Катхановым и еще одним кабардинцем — Калмыковым — и после развала фронтов на равнине перешли к действиям. Сегодня стало известно, что они заняли Анзорovo, а затем вошли в Аргудан. Менее чем через два дня они будут здесь, потому что нет серьезной силы, которая могла бы противостоять им. Соппротивление им пытаются оказывать только ополченцы, но остановить большевиков они не в состоянии и лишь сдерживают их продвижение, чтобы дать нашим возможность выиграть время. Мы, несколько семей, отправили сегодня детей и женщин поездом во Владикавказ, а сами думаем ехать завтра верхом через Эльхотово. Нас десять-двенадцать человек. Если и вы к нам присоединитесь, мы станем немного сильнее и даже в случае возникновения в пути каких-либо препятствий легко их преодолеем.

Мы согласились и договорились встретиться на следующий день в доме Хаджимирзы Мисакова.

Как я уже говорил, Хаджимирза Мисаков был тестем полковника Заурбека Серебрякова, на похоронах которого я побывал. После гибели полковника, когда его вдова Нефисет осталась одна, ее отец переехал в дом зятя. Так что место встречи мне было известно. Утром в условленное время мы явились туда.

---

¹ В оригинале: *dayı* («дядя со стороны матери»). В осетинской традиции принято всех детей женщин своей фамилии называть племянниками (букв. «сыновьями сестры» *хæрæфырт*) независимо от степени реального родства и возраста. Соответственно, все члены материнского рода считаются дядями или тетками по матери (букв. «братьями матери» *мады 'фсымæр* или «сестрами матери» *мады хо*).

Дом был довольно большим и красивым. За ним находился фруктовый сад, где к деревьям были привязаны несколько оседланных лошадей. Поскольку было дождливо, хозяева лошадей накрыли седла бурками. Мы с Мусой последовали их примеру и вошли внутрь. Там находилось человек пять. Остальные еще не подъехали. Хаджимирза как хозяин дома и самый старший член группы сидел выше всех. Впрочем, другие были не намного моложе его. Когда мы вошли, все встали. По очереди почтительно пожав им руки, мы отошли в сторону, однако они настояли на том, чтобы мы сели рядом с ними. По одному или по два подходили наши спутники. В конце концов собралось шестнадцать человек. Комната, где мы находились, была, по всей видимости, столовой. Посередине стоял длинный стол, но мы сидели не за столом, а на некотором расстоянии от него у стены. Кто-то из присутствовавших сообщил, что все в сборе, и предложил не терять времени двинуться в путь. Хаджимирза, однако, поднял вверх руки и возразил:

— Не будем спешить! Дорога нам предстоит дальняя. Отправляться в нее с голодным желудком неправильно. Немного перекусим, а потом поедем.

Некоторые из гостей попытались с ним спорить, но вынуждены были уступить.

Несмотря на то, что женщины днем раньше уехали из дома, установленный в нем порядок не был ни в чем нарушен. Возможно, в надежде на скорое возвращение хозяев всем слугам, от повара до садовника, было велено оставаться на местах и продолжать выполнять свои обязанности. Вскоре на столе были разложены вилки, ножи, салфетки, поданы вареные и жареные блюда, выстроены бутылки со спиртным. Одним словом, настоящее застолье! Старшие заняли свои места. Мы же с Мусой как младшие (мне тогда было 23 года, а Мусе — не больше 26) остались, в соответствии с нашими традициями, стоять. Нам предложили сесть, но мы отказались. Тогда Хаджимирза сказал:

— Так нельзя. Хотя вы значительно моложе нас, вы здесь гости. К тому же нам предстоит совместное путешествие. Сейчас нет необходимости так строго следовать всем обычаям. Будем

относиться друг к другу как ровесники. Наступит время, когда мы сможем вновь во всей полноте соблюдать наши адаты.

Все единодушно поддержали его, и мы с Мусой сели. Из находившихся за столом Аскербек Темирканов и Асланбек Шакманов владели нашим дигорским языком, так как их матери были Кубатиевыми. Обращаясь ко мне, они называли меня дядей или братом матери. Поскольку мать Мусы была балкаркой, он тоже понимал их язык. Ввиду этого все присутствовавшие, кроме меня, общались друг с другом по-балкарски, издавая характерные для этого языка звуки наподобие «алган-болган», а обращаясь ко мне — поневоле переходили на русский язык.

Перед нами были расставлены полные рюмки с ликером. Хаджимирза, подняв свой бокал, пожелал всем нам удачной дороги. Немного погодя, встав, он пожелал каждому из нас здоровья и благополучия. Гости тоже встали и все, за исключением меня и Мусы, взяли в руки свои бокалы. Наше поведение не ускользнуло от глаз Хаджимирзы, и он потребовал, чтобы мы последовали примеру остальных. Мы ответили, что не пьем.

— Я знаю, что вы не пьете, — обратился он к нам. — Но, как я уже сказал, с этого момента мы все друг другу товарищи и спутники. С этим согласны все присутствующие. От этого напитка мы не опьянеем, он лишь придаст нам храбрости в случае необходимости. Поэтому мы и в пути иногда будем пропускать по стаканчику. Ведь в таком небольшом количестве его пьют даже женщины.

Поскольку мы продолжали отказываться, Аскербеку пришлось сделать нам строгое замечание по-дигорски:

— Не ведите себя, как дети! Не вынуждайте старших стоять за вас.

Только тогда, покраснев, мы подняли рюмки и, когда все выпили, сделали то же самое, после чего Аскербек, смеясь, шепнул нам:

— Будто я не знаю, что вы пьете, как свиньи.

Когда очередь дошла до третьего тоста, Хаджимирза, вновь поднявшись на ноги, произнес:

— Друзья! Если позволите, я хочу поделиться с вами одним

соображением. Мы решили отправиться в путь, и да благословит нас Аллах! Наши лошади сильны. Наше оружие может на сегодняшний день считаться превосходным. Все мы, слава Богу, выглядим здоровыми. По виду человека трудно определить, храбр он или труслив, но не думаю, чтобы среди нас были робкие люди. Помимо этого, мы как здешние люди хорошо знаем местность и сумеем выбраться из самого трудного положения. Однако, как вам известно, живущие рядом с нами кабардинцы называют нас «балкар кушха», а вас (он указал на меня и Мусу) — просто «кушха»¹. Если сейчас мы тихо уедем отсюда, чего только они не будут говорить нам вслед! Правитель Кабарды князь Бекович-Черкасский сейчас находится на своем рабочем месте и хладнокровно ожидает развития событий. В здании лица появилось какое-то военное подразделение, но я не знаю, кто это такие и откуда прибыли. С другой стороны, банда Назира Катханова будет здесь если не завтра, то послезавтра обязательно. Вчера вечером они заняли Докшоково², а к настоящему времени, возможно, пало и Мисостово³. С учетом этого я предлагаю, прежде чем ехать, еще раз встретиться со здешними командирами и выяснить их намерения. Если они собираются бежать, мы к этому и так готовы и ничего не потеряем. Если же они думают сопротивляться, нам следует пересмотреть наше решение, потому что, если кабардинцы будут воевать и к тому же одержат победу, после этого нам не будет спасения от их языка. Они только и будут говорить о том, как сбежали трусливые кушха, и на это у них будет полное право. Так что давайте сейчас сядем на лошадей и поедем прямо к лицу, чтобы выяснить, что за подразделение там находится и какова его цель. Если они намерены сражаться, мы тоже должны присоединиться к ним.

Большинство присутствовавших стало возражать, ссылаясь

---

¹ Кабард. *къущхъэ* «горец» является также традиционным наименованием осетин и балкарцев.

² Докшоково — ныне село Старый Черек Кабардино-Балкарской Республики.

³ Мисостово — ныне село Урвань Кабардино-Балкарской Республики.

на то, что для успешного сопротивления не осталось сил и поэтому правильнее было бы, не теряя зря время, покинуть город. Несколько человек, впрочем, поддержали точку зрения Хаджимирзы. Спор затянулся, поскольку каждая из сторон выдвигала свои доводы. Разумеется, мы с Мусой как младшие не вмешивались в разговор. Наконец Хаджимирза сказал:

— Коль скоро мы не можем договориться, у меня есть следующее предложение. Находящийся здесь юный Кубатиев — самый младший из нас. К тому же он наш гость. Я оставляю принятие решения ему. Какую сторону поддержит он, так мы и поступим. Согласны?

Все в один голос крикнули:

— Согласны!

Я встал, чувствуя, как мое лицо от волнения заливается краской, и обратился к ним с просьбой освободить меня от этой ответственности, говоря, что я не могу знать того, чего не знают они, однако готов ценой собственной жизни выполнить любой их приказ.

— Не стесняйся, говори, как думаешь! — вновь хором сказали они.

Поскольку я никак не мог преодолеть смущение, Аскербек опять сделал мне замечание по-дигорски:

— Не будь ребенком! Все ждут тебя. Скажи что-нибудь.

Тогда я ответил:

— Я думаю так же, как и Хаджимирзабек, потому что если завтра положение изменится, мы действительно от стыда не сможем показаться на глаза кабардинцам и вынуждены будем уехать отсюда.

Все зааплодировали, и решение было принято. Подняв еще по одной рюмке, мы вышли из дома, сели на лошадей и военным строем двинулись вперед.

У всех членов группы ножны и эфесы сабель сияли позолотой или серебром. Лошади были породистыми и ухоженными. Нас вполне можно было принять за подразделение почетного караула. Впереди, естественно, ехал наш предводитель Хаджимирза, за ним в соответствии с возрастом рядами по три челове-

ка следовали остальные. На одной из улиц мы остановились перед особняком с балконом. Хаджимирза постучал кнутовищем по балконной двери, и когда появился хозяин, почти приказным тоном сказал ему:

— Немедленно седлай коня и выходи!

По-солдатски почтительно ответив «Слушаюсь!», человек через пять минут выехал верхом при полном вооружении из двора и занял свое место в строю. Таким же образом мы сделали остановки еще перед несколькими домами. В результате менее чем через час нас было уже 28 человек — целый кавалерийский взвод. Когда мы двигались по главному проспекту Нальчика в направлении лица, находившийся в переднем ряду Асланбек Шакманов, обернувшись, позвал меня:

— Подъезжай-ка ко мне поближе, брат моей матери!

Я подстегнул коня и поравнялся слева с первой шеренгой. Асланбек велел мне подъехать еще ближе и сказал:

— Сейчас ты должен спеть эту прекрасную песню народа моей матери — песню о герое Хазби.

Ехавший чуть позади нас Аскербек, услышав это, воскликнул:

— Ей-богу, самое время!

Отделившись от своего ряда, он тоже догнал нас и занял позицию слева от меня. Взяв таким образом меня с двух сторон в тиски, они сказали:

— Давай, пой, а мы будем тебе подпевать.

(Балкарцы исполняют свои песни так же, как и мы, осетины: один человек поет, а несколько вполголоса ему подпевают.)

— Только не вздумай ломаться, негодник! — предостерег меня Аскербек. — Я ведь однажды видел, как ты вместе с товарищами пел эту песню на какой-то вечеринке. Так что запевай!

Мне ничего не оставалось, как начать петь. Вскоре все ехавшие сзади тоже стали подпевать голосом. Прохожие удивленно смотрели на нас, а когда мы приблизились к лицу, те, кто находились в нем, начали выглядывать из окон, пытаясь, видимо, понять, кто мы такие.

Начавшийся утром мелкий дождь все еще продолжался.

Мы въехали в сад перед лицеем и, когда приблизились к зданию, увидели, что во всех окнах установлены пулеметы — тяжелые «Максимы» и легкие «Льюисы», полностью готовые к бою. Хаджимирза знаком подозвал молодого офицера, стоявшего у входа в лицей среди наблюдавшей за нами группы людей. Тот немедленно подбежал и по-военному приветствовал нашего предводителя.

— Кто в здании самый старший командир? — спросил Хаджимирза.

— Полковник Анофиров¹, — ответил офицер.

— Не могли бы вы попросить вашего полковника выйти наружу, если это его не затруднит? — сказал Хаджимирза.

— Есть! — ответил офицер и удалился.

Полковник, оказывается, наблюдал за нами из окна верхнего этажа. Вскоре молодой офицер вернулся и обратился к нам:

— Господа, полковник сказал, что если вопрос, который вы желаете обсудить, может быть решен быстро, то он сейчас спустится. В противном случае, дабы не мокнуть под дождем, он просит вас не счесть за труд подняться к нему наверх.

Хаджимирза приказал нам спешиться. Мы привязали наших лошадей по две-три друг к другу, накрыли седла бурками и вошли в здание. Нас провели в большой зал.

— Добро пожаловать! — сказал нам полковник Анофиров и поздоровался за руку с несколькими из наших старших.

Жена полковника тоже находилась в зале. Нам было предложено сесть, однако Хаджимирза ответил, что у нас нет времени сидеть и что мы прибыли сюда лишь для того, чтобы прояснить несколько обстоятельств, в частности: какому военному соединению принадлежат собранные здесь силы и намерены ли они противостоять врагу.

— Как вы знаете, — продолжил он, — после разгрома Добровольческой армии местные большевики и бродившие по

---

¹ В оригинале: Анофiров. Несомненное авторское искажение. Вероятно, должно быть «Ануфриев», «Анферов» или что-либо подобное. Из-за неясности правильной формы мы оставляем эту фамилию в авторском написании в транслитерации кириллицей.

лесам банды объединились под командованием Калмыкова и Катханова и наступают на Нальчик. Возможно, сейчас они уже добрались до села Клишбиево¹ в десяти километрах отсюда. Мы хотим, чтобы вы знали, что если находящаяся здесь группировка готова оказать серьезное сопротивление, мы будем сражаться рядом с вами. В конце концов наши противники — всего лишь бандиты. Но если ваши люди не собираются воевать и думают сдать, мы вместе с вами сдаваться не будем. Если же вы планируете бежать, то мы, как вы сами видите, уже готовы в дорогу.

— Благодарю вас, господа! — с чувством произнес полковник Анофиров и, встав на ноги, еще раз пожал руку Хаджимирзы.

Затем он добавил:

— Я знаю, что ваши благородные предки были героически защитниками и хранителями этих гор, и не сомневаюсь, что вы являетесь их достойными наследниками. Формирование, которое вы здесь видите, составлено из людей, которые после разгрома нашей армии потеряли свои подразделения и, будучи чужими в этих краях, не знали, куда им идти. Правитель Кабарды и Балкарии князь Бекович-Черкасский тоже находится здесь. С целью обеспечения его охраны я временно назначен командиром этой группы. Одновременно занимаюсь реорганизацией и упорядочением этих сил. Все они принесли присягу на верность, поклявшись, что не поддадутся ничьему влиянию и до последней капли крови будут сражаться вместе со мной. В Нальчике, кроме нас, есть остатки и других частей. Они, как и мы, готовятся к сопротивлению.

— В таком случае считайте и нас своими солдатами. Мои спутники просят вас принять командование над ними, — сказал Хаджимирза.

— Что вы! Это для меня большая честь, — ответил полковник Анофиров. — Давайте лучше совместно займемся организацией имеющихся в нашем распоряжении сил и немедля приступим к работе. Как вы относитесь к такому предложению?

---

¹ Клишбиево — ныне село Нартан Кабардино-Балкарской Республики.

Наши старшие единодушно выразили согласие и сразу же включились в эту деятельность. Среди личного состава преобладали офицеры и унтер-офицеры, рядовые же были в меньшинстве. Естественно, все независимо от звания рассматривались как солдаты. Были сформированы новые эскадроны и назначены их командиры. Нашу группу укрепили и превратили в 1-й эскадрон, названный Горской сотней. По случайному совпадению, назначенный нашим командиром казачий ротмистр носил фамилию Горскин. В течение одного дня вся организационная работа была завершена.

В тот день на календаре значилось 29 февраля 1920 года (13 марта по новому стилю). То, что еще утром предполагал Хаджимирза, произошло: к вечеру банда Назира Катханова заняла Клишбиево, и расстояние между нами и противником сократилось до десяти километров. Ночью они вполне могли предпринять неожиданное нападение на Нальчик. Полковник распорядился создать отряды для ночного патрулирования города. В течение десяти-пятнадцати минут этот приказ был выполнен. Меня назначили командиром группы, которая должна была отправиться на станцию. Всю ночь не переставая шел дождь со снегом. Грязи было по колено. Стояла кромешная тьма. Мы даже не слезали с лошадей. Казалось, этой ночи не будет конца. Тем временем полковник Анофиров, вступив в контакт с остатками других подразделений и изучив их состояние, решил, что они останутся на месте, а наш вновь сформированный полк до рассвета выдвинется в направлении Клишбиева и при первой же встрече с врагом вступит в бой. Эту новость за два часа до наступления утра принесли нам посыльные, сказав, что мы должны немедленно возвращаться в лицей. По прибытии туда мы обнаружили, что остальные группы тоже уже вернулись, все подготовительные мероприятия завершены и полк готов к выступлению. Подразделения заняли свои места в строю, и мы двинулись в путь.

Когда мы достигли немецкого поселения Колонка в трех километрах от Нальчика, начало понемногу теплеть. Земля почти везде была присыпана снегом, но кое-где виднелись участки зе-

ленной мартовской травы. Из-за тумана солнца пока не было видно. Мы ехали по проселочной дороге вдоль левого берега речки Нальчик. Клишбиево же находилось на правом берегу. Вскоре мы были напротив села. Поскольку местность здесь была ровной, речка разлилась довольно широко, примерно на один-полтора километра, потеряв, разумеется, при этом глубину и скорость и образовав местами небольшие островки. В самом глубоком месте вода доставала лишь до колена лошади. Всего же между нами и селом было не менее двух километров. За садовыми оградями ближайших к берегу домов мы могли разглядеть группы вооруженных людей и привязанных там же лошадей. Значит, и они приняли меры, опасаясь ночного налета с нашей стороны. Несомненно, они тоже нас видели. Полковник приказал нам остановиться и спешиться, а затем вместе с двумя офицерами объехал эскадроны, в последний раз проверив их готовность. В этот момент вдалеке показался всадник, державший в поднятой руке лист бумаги и быстро приближавшийся к нам.

— Не стрелять! — крикнул полковник. — Посмотрим, что за новости он везет.

Однако, прочитав послание, полковник сказал, что не намерен отвечать на него. Парламентер тут же развернул коня и стремительно ускакал. Когда он исчез из вида, полковник, приподнявшись на стременах, обратился к нам:

— Друзья, господин Назир Катханов предлагает нам сложить оружие и сдаться в плен. В противном случае его силы атакуют нас. Готовы ли вы сейчас сдержать данное вами слово чести?

— Да! — последовал единодушный ответ.

Полковник продолжал:

— Друзья мои! Среди вас могут быть сожалеющие о данной клятве. Если такие имеются, я освобождаю их от необходимости ее выполнения. Пусть никто меня потом не обвиняет. Желющие уйти могут сделать это немедленно. Есть переменявшие свое решение или колеблющиеся?

Все промолчали.

— В таком случае сдержим наше слово! — призвал полковник. — Будем биться до последней капли крови! Кто отступит,

тот будет достоин презрения. Смирно! По коням! 1-й Горский эскадрон, рассыпаться стрелковой цепью!

Наш сотенный рассредоточил бойцов на определенном удалении друг от друга. То же сделали и командиры других подразделений. Когда все заняли свои места, полковник дал команду «В атаку!» Первой перешла в наступление наша сотня. Не обращая внимания на воду, камни и щебень, мы галопом широкой цепью устремились к противоположному берегу. Хотя оттуда по нам было сделано несколько залпов, мы их даже не слышали, так как сами постоянно стреляли. Преодолев половину пути, мы увидели, что наших врагов охватила паника и успевшие вскочить на лошадей начинают спасаться бегством. Мы решили преследовать их, но они на какое-то время исчезли в селе. Село это было вытянуто вдоль берега примерно на пять-шесть километров, но ширина его не превышала и двухсот метров. Перед селом протекала речка, а позади него тянулось широкое пастбище. Когда мы добрались до пастбища, то увидели, что справа от него на довольно большом расстоянии находится лес, а слева, насколько мог охватить глаз, раскинулась равнина с разбросанными на ней селами. Оказывается, в тылу бежавшей от нас кавалерии располагались довольно многочисленные пешие силы большевиков. Видимо, от замешательства они вместо того, чтобы скрыться среди домов, побежали следом за всадниками по открытой местности. Конечно, мы легко догнали эту группу, и балкарские князья, мои родственники, начали искусно действовать своими богато отделанными дедовскими саблями, одним ударом укладывая на землю настигнутых врагов. Мой двоюродный брат Аскербек Темирканов находился немного впереди меня. Очертив в воздухе дугу своей саблей, он нанес ею по затылку бежавшего перед ним большевика удар такой силы, что голова несчастного тут же скатилась на землю, а туловище еще какое-то время продолжало по инерции бежать. Я не смог сосчитать, сколько шагов сделало это обезглавленное тело, прежде чем упасть в траву, но думаю, что никак не меньше десяти. Никогда в жизни мне не приходилось видеть ничего подобного.

Пока мы добивали пехотинцев, 2-й эскадрон преследовал кавалерию. Вскоре перед нами не осталось пеших противников, и наш ротмистр приказал нам собраться вместе. Оглядевшись в наступившей тишине вокруг, мы увидели то, чего не замечали чуть раньше в горячке сражения: на свежеснеженном снегу валялись сотни окровавленных бездыханных тел. Помимо этого, наши товарищи взяли в плен около 25 большевиков, пытавшихся спрятаться на сельском кладбище. Весь бой продолжался около двадцати минут. Когда сделали перекличку, выяснилось, что эскадрон потерял одного рядового — князя Наврузова. Из остальных бойцов никто не был даже ранен. Ротмистр поручил нескольким нашим товарищам доставить в Нальчик пленных, которые, как мы потом узнали, были расстреляны по приказу Бекович-Черкасского в загородном имении князя Атажукина. Остальная же часть подразделения отправилась на помощь гнавшемуся за большевистской кавалерией 2-му эскадрону. Вскоре мы нашли его бойцов на склоне какого-то холма. Им не удалось добиться цели, так как большевики на равнине рассыпались в разных направлениях и их преследование затруднилось. Лишь ротмистр Михаил, установив на вершине холма «Максим», время от времени открывал по большевикам дальний огонь. (В 1927 году я встретил этого Михаила на Эрзурумском военном заводе, где мы вместе проработали немало лет. Затем он переехал в город Эскишехир.)

Делать было больше нечего, и всем разрешили отдохнуть. Один из товарищей предложил мне:

— Пойдем, Кубатиев, взглянем на убитых нами большевиков. Посмотрим, что это за люди.

Мне тоже было любопытно, и я согласился. Товарища звали Навруз Суншев. Он был из балкарских князей, и мы знали друг друга еще с начальной школы. Увиденная нами картина была весьма тягостной. У некоторых трупов был раскрыт череп, у других разрублена грудная клетка. Часть большевиков была еще жива и корчилась в предсмертных судорогах. Лицо одного из убитых показалось мне знакомым, но у него была тяжелая рана головы и я не был уверен в своем предположении. Навруз

спешился и, пошарив в его карманах, обнаружил там дореволюционное военное удостоверение на имя унтер-офицера 1-го Осетинского полка Сафара¹ Караева.

— Все ясно, — сказал я. — Этот человек из нашего села. Из тех большевиков, которые после революции обобрали нас до нитки. Спасибо тебе, Навруз.

— За что ты меня благодаришь? — удивился он.

Я ответил:

— Как знать, возможно, это ты убил его. Но даже если это не так, все равно ты привел меня сюда. Иначе разве я встретился бы со своим земляком?

Каждый год 14 марта, когда я отрываю очередной листок календаря, я вспоминаю описанное выше сражение у села Клишбиево, словно в рубрике «Эта дата в истории». Потому что во время того памятного завтрака в доме Хаджимирзы Мисакова право принятия решения о том, как нам поступать — бежать или сражаться, — было предоставлено старшими мне, а само сражение выиграли прежде всего люди, сидевшие тогда за тем столом. Вот поэтому я считаю себя в какой-то степени творцом этого события. Да и тогдашние мои товарищи называли меня автором нашей победы.

После этого успеха наша Горская сотня была переведена в авангард. Теперь настала наша очередь занимать села. Полк задержался в Клишбиеве, но наш эскадрон на следующий же день продолжил путь в направлении Мисостова, куда отступила большевистская конница. Нам предстояло пройти десять-пятнадцать километров. Мы двигались мимо края леса, прочесывая долины и овраги. Войдя в село, мы обыскали все дома, но не нашли ни одного большевика. Как сказали нам местные жители, большевики, не задерживаясь, проследовали дальше. Мы заночевали там же, а через день нас догнал и наш полк. По имевшимся у полковника данным, большевики сосредоточились в селе Кайсын-Анзорово², откуда ими было начато их наступление и

---

¹ В оригинале: Sefer.

² Кайсын-Анзорово (Кайсыново) — ныне село Анзорей Кабардино-Балкарской Республики (с 1920 по 1993 год — Старый Лескен).

где они теперь готовились к оказанию нам сопротивления. Едва встретившись с нашим эскадроном, полковник отдал приказ двигаться вперед. Мы как авангард тронулись первыми, а за нами последовала остальная часть полка. Не останавливаясь, мы прошли через село Аргудан, откуда до Кайсын-Анзорова оставалось примерно восемь-десять километров. (Неподалеку от Кайсын-Анзорова имелось также село Хату-Анзорово¹.) Справа от дороги возвышались лесистые склоны. Впереди находился выступающий из леса, словно язык, высокий гребень без единого дерева, почти разделивший равнину надвое. Скорее всего он служил пастбищем. На этот гребень из глубины ущелья вела довольно крутая дорога. С вершины же гребня можно было попасть в село по такому же крутому спуску. Стремясь застать большевиков врасплох, мы торопились и двигались без рекогносцировки местности. В результате, едва оказавшись на вершине, мы столкнулись с большевистской конницей. Как и в Клишбиеве, враги скрывались в кустарниках за местным ручьем и, увидев нас, сразу же открыли залповый огонь. После мгновенного замешательства мы развернулись и поскакали назад, но на сей раз подверглись обстрелу засевших в лесу пеших большевиков. Не останавливаясь ни на секунду, мы благополучно вернулись в лощину, по которой приехали.

Мы допустили большую ошибку, полагая, что встретим большевиков только в Кайсын-Анзорове и не ведя поэтому разведку окрестностей. Большевики же планировали окружить нас с тыла, но, к счастью, благодаря нашему смелому поведению и необученности противника нам удалось без потерь добраться до проходившей по дну лощины дороги. Характер местности был неблагоприятен для наступательных действий с нашей стороны. Справа большевистская пехота периодически пыталась перейти в атаку, но всякий раз наши пехотинцы ответным огнем загоняли ее обратно в лес. Конница оставалась на своих позициях. Штаб полка спешился и расположился в лощине.

---

¹ Хату-Анзорово (Хатуево) — ныне село Хатуей Кабардино-Балкарской Республики (с 1920 по 2004 год — Старый Урух).

Приближался вечер. Наш ротмистр, сидя верхом, рассматривал дорогу, тянущуюся вниз по равнине от Анзорова до какого-то другого села. На дороге был виден человек в запряженной парой лошадей пустой телеге, удалявшейся от села. Обернувшись и увидев меня, ротмистр сказал:

— Кубатиев, у тебя лошадь хорошая. Догони-ка его и приведи сюда!

Я пустил коня галопом и уже приближался к телеге, как вдруг, случайно взглянув направо, обнаружил, что большевистская конница, обогнув гребень сзади, стремительно скачет с шашками наголо в нашу сторону. Тут же развернув коня, я помчался к полковому штабу. Увидев полковника, я издали, указывая кнутовищем на направление, крикнул:

— В атаку идут!¹

Полковник на мгновение растерялся, затем, посмотрев туда, куда я показывал, и заметив головы огибающих холм всадников, проревел:

— По коням садись! У-у-р-р-а-а!²

Когда весь полк, вскакивая по приказу на коней, хором повторил этот брошенный полковником клич, большевики, словно получив оплеуху в левую щеку, вдруг повернули своих коней направо и обратились в бегство. Мы же, стреляя им вдогонку, стали их преследовать. Добравшись до плоскости, они, как и два дня назад, разбились на небольшие группы и рассеялись в разные стороны. Уже наступали сумерки. Некоторые из бежавших, настигнутые пулей, падали с лошадей на землю. Под некоторыми были убиты или ранены лошади. И тех и других наши, догнав, приканчивали ударом сабли или выстрелом из ружья.

Наш эскадрон преследовал большую группу большевиков, бежавшую в направлении Анзорова. Было уже довольно темно, когда мы поняли, что оставили село позади. При этом, увлекшись погоней, мы потеряли из вида нашего ротмистра и часть нашего эскадрона. Я принял на себя командование оставшейся группой. Поскольку обстановка в Анзорове была нам не извест-

---

¹ В оригинале по-русски: *Vi ataku idut.*

² В оригинале по-русски: *Po konyam sadis, üüürrraaa.*

на, я счел целесообразным вернуться в Аргудан. В кромешной темноте мы двигались, с трудом находя дорогу и то и дело наталкиваясь на человеческие и лошадиные трупы. Было ясно, что в этот день мы нанесли коннице большевиков не меньшие потери, чем их пехоте под Клишбиевом. Добравшись наконец до Аргудана, мы обнаружили там весь наш полк. Значит, мое решение идти туда было правильным. Товарищи рассказали нам, что вплоть до наступления темноты пехота большевиков вела сражение с нашей, но затем противник отступил. Все, кого я встречал, выражали свои поздравления в связи с тем, что мне удалось вовремя заметить атаку вражеской кавалерии. «Не успеешь ты доложить об этом в штаб, большевики бы нас всех перебили в той ложине прежде, чем мы смогли бы оправиться от неожиданности», — говорили они.

Было принято решение заночевать в Аргудане, а наутро двинуться в Анзорovo, которое считалось логовом коммунистов. Многие уже с ночи начали строить планы на завтрашний день. «Лошадь моя ослабла. Там много хороших коней, подыщу замену», — говорили одни. «А я пройду по домам большевиков и пограблю их так же, как они грабили нас. Заберу все, что найду: деньги, золото, драгоценности», — вторили другие. Мы разошлись по домам сельчан и, не раздеваясь, легли спать кто в жилом помещении, кто в хлеву, кто под навесом. Утром, позавтракав добытой у местных жителей нехитрой снедью и приведя в порядок лошадей и вооружение, мы стали ждать приказа о выступлении.

Пока мы ждали, один из товарищей сообщил мне, что меня вызывает к себе Хаджимирза Мисаков. Я направился в кунацкую указанного мне дома и, войдя внутрь, увидел сидевших там Хаджимирзу, Асланбека, Аскербека и еще нескольких человек их ранга. Поздравив меня со вчерашним успехом, Аскербек сказал:

— Вечером мы были у полковника и только о тебе и говорили. Он хочет с тобой познакомиться. Пойдем, я представлю тебя ему.

Мы пошли. Когда Аскербек представил меня полковнику, тот, встав, обратился ко мне:

— Примите мои поздравления. Вы спасли мой полк от большой беды и заслуживаете поощрения, но сейчас, к сожалению, условия не позволяют нам наградить вас. Кроме того, я слышал, что именно вы явились причиной присоединения к нашему полку этой добровольческой Горской сотни. Вы и представить себе не можете, как мне было приятно узнать об этом. Ведь не будь вашего подкрепления, я с имевшимися у меня силами не смог бы предпринять это наступление и, скорее всего, встречал бы господина Катханова в том лицее. Если наша армия продержится, я не забуду ваших заслуг. Скажите мне лишь ваше имя и ваш адрес.

Занеся в записную книжку мои полные имя и адрес, он еще раз поблагодарил меня и пожелал здоровья и дальнейших успехов. Мы вернулись в кунацкую, где Аскербек передал мой разговор с полковником Хаджимирзе и его собеседникам. Они одобрили мое скромное поведение и сказали, что гордятся мной.

Между тем команда о выступлении запаздывала. Наконец, поступил приказ построиться на дороге у выезда из села. Все подразделения заняли свои места. Через некоторое время прибыл наш полковник, приветствовал нас и, вопреки всеобщему ожиданию, скомандовал:

— Налево — марш!

Все были удивлены. Ведь мы ждали приказа о движении в противоположном направлении, на Анзорово. Однако приказы не обсуждаются, и мы отправились обратно в сторону Нальчика. Преодолев немалое расстояние, мы дошли до развилки, где свернули направо, на дорогу, ведущую в сторону равнины. Когда мы добрались до села Нижнее Кожоково¹, прозвучал приказ остановиться и спешиться. Все озадаченно спрашивали друг у друга, что происходит и куда движется полк, но никто ничего не знал. Некоторые товарищи, ссылаясь на то, что я в неплохих отношениях с офицерами, попросили меня выяснить ситуацию. Полк расположился на сельском пастбище. Люди разошлись в разные стороны и отдыхали, расстелив на земле бурки. Я стал

---

¹ Нижнее Кожоково — ныне село Нижний Черек Кабардино-Балкарской Республики.

прохаживаться между различными группами, чтобы встретить кого-либо из знакомых. Заметив нескольких знакомых офицеров, я медленно приблизился к ним. Один из них окликнул меня:

— Что, загрустил, Кубатиев? И куда это ты собрался такой?

— Просто прогуливаюсь, — ответил я.

Они позвали меня к себе и предложили сесть рядом.

— Не хочу мешать вашей беседе, — вежливо отказался я, но они рассмеялись и сказали:

— Да садись, поболтаем! Вчера ты, можно сказать, спас нас. Неизвестно, где бы мы сейчас были, если бы не ты.

— Это всего лишь случайность, — возразил я. — Ничего особенного я не сделал, так что хватит говорить об этом. Скажите лучше, куда мы сейчас направляемся и чего здесь ждем.

Один из офицеров ответил:

— Мы идем в ваши края.

— Но дорога в наши края лежит через Анзорovo, а мы пошли в противоположном направлении, — удивился я.

— Верно, но ведь ты знаешь, что большевики бежали в вашу сторону. Поэтому мы сейчас собираемся пройти через Эльховские ворота и выйти им в тыл, — ответили они.

Это объяснение показалось мне не слишком убедительным, но коль скоро наши командиры приняли такое решение, то так тому и быть. Я не стал больше задавать вопросов, а когда вернулся к своим друзьям, передал им то, что слышал.

Близился полдень, а полк все еще находился на пастбище у въезда в село. Муса, который приехал в Нальчик по личным делам и не успел вовремя вернуться домой, тоже постоянно был с нами, поневоле став солдатом-добровольцем. Тем временем в селе начали резать животных и варить мясо в котлах, желая оказать нашему полку гостеприимство. В этом селе у меня тоже жила двоюродная сестра¹, вышедшая сюда замуж три или четыре года назад. Хоть она и считалась молодой невесткой, но лет ей было тогда уже за сорок. В молодости ей никто из ее женихов не нравился, а в зрелом возрасте она вышла за своего ровесника, жителя этого села вдовца Пшимахо Казанчокова.

---

¹ Дословно: «дочь дяди по отцу».

Раз уж я оказался здесь, мне следовало навестить ее. Я сказал об этом Мусе, и, поскольку он тоже не виделся с Асей со времени ее замужества, охотно изъявил готовность сходить к ней вместе со мной. Объяснив положение ротмистру Горскину, я попросил его отпустить нас в село. Он разрешил нам отлучиться только на час, так как не знал точного времени отправления полка.

Как и другие кавказские села, Кожоково состояло из расположенных вдоль дороги на определенном расстоянии друг от друга домов. От одного конца села до другого было примерно четыре-пять километров. Мы с Мусой сели на коней, въехали в село и, хотя не знали адреса, посредством расспросов нашли нужный дом. Наш зять Пшимахо встретил нас очень радушно. Проведя нас в комнату, он сообщил приятную новость жене. Вскоре прибежала и сестра. Обняв нас, она сказала, что знала о моем пребывании в Нальчике, и упрекнула за то, что я до сих пор не навещал ее. Мы сели и немного поговорили. Зять наш время от времени выходил наружу и вскоре вновь возвращался. Почувствовав, что они озабочены тем, как бы получше угостить нас, я сказал, что у нас мало времени, и попросил их не беспокоиться и отпустить нас. К тому же выяснилось, что, опасаясь грабежей, которые могли устроить проходившие днем раньше через село большевики, они спрятали по укромным местам посуду и теперь испытывали из-за этого некоторые неудобства. Невзирая на их уговоры и предложение испросить для нас у нашего командования отсрочку на наше возвращение, мы настояли на своем и, слегка перекусив и выпив чаю, тепло попрощались с хозяевами и вернулись в полк.

Придя в лагерь, мы обнаружили, что жители села доставили нам большое количество хлеба, вареного мяса и прочей еды, а также много сена для лошадей. Вскоре выяснилось, что провести эту ночь нам предстоит здесь же. Было довольно прохладно, если не сказать холодно. Мы, молодые бойцы, легли спать, подложив под головы седла и укутавшись в бурки. Поскольку одеты мы были достаточно тепло, сильно мы не замерзли. Пожилые же, разумеется, ночевали в кунацких в селе.

Утро выдалось солнечным. После завтрака нам приказали приготовить коней. Не успели мы их полностью снарядить, как вдалеке показался очень большой отряд. Колонна была настолько длинной, что конца ее мы не могли разглядеть. Все замерли в напряженном ожидании, и, лишь когда командир отдал приказ подготовиться к встрече правителя, все стало ясно. За день до этого мои друзья-офицеры на всякий случай дали мне неверную информацию, хотя сами, конечно, были в курсе происходящего. Не зря я им тогда не поверил. На самом же деле, как теперь выяснилось, предыдущим утром после того, как я был представлен полковнику, к нему из Нальчика от князя Бекович-Черкасского прибыли два гонца. По распространившимся в полку сведениям, в послании правителя Кабарды говорилось следующее: «Наша армия везде потерпела поражение и отступает. Возможности для сопротивления практически исчерпаны. Поэтому не продвигайтесь дальше вперед, чтобы не нарушать связь. Отойдите в Нижнее Кожоково и ждите нас там. Во избежание паники и дезертирства среди личного состава пока не разглашайте эту информацию. Мы выступим сегодня ночью». Теперь все стало очевидным.

Пока колонна приближалась к нам, мы завершили приготовления, и все подразделения вновь заняли свои места. В первом из подъехавших фаэтонов находился князь Бекович-Черкасский с женой и дочерью. За ними следовали другие экипажи с женщинами и детьми, а далее — большое количество всадников. Это были остатки Кабардино-Балкарской дивизии, бежавшие от большевиков. Экипаж генерала остановился, он вышел и вместе со свитой направился к нам. Прозвучала команда «Направо равняйся!», были произведены все положенные воинские церемонии, после чего нам было приказано приблизиться к генералу и образовать вокруг него кольцо. Из произнесенной им речи стало ясно, что он был детально осведомлен обо всех наших действиях в последние дни. Поздравив полк с успехом, он добавил:

— В моем сердце всегда будет жить в качестве особого, незабываемого воспоминания героизм Горской сотни.

Затем он продолжил:

— Дети мои! Теперь я хочу описать вам то положение, в котором мы находимся. Наша армия на всех фронтах разбита. Мы отступаем. Оставаться здесь и оказывать сопротивление бессмысленно. Поэтому я предполагал отойти на Кубань, однако, по последним полученным данным, там ситуация тоже начала ухудшаться. Я принял решение отойти в сторону Владикавказа. Мотивы этого решения следующие. Командующий Кавказской армией генерал Эрдели сейчас находится во Владикавказе. Мы обсудим положение с ним, а также с правителем Осетии и его командирами и, если удастся сформировать значительную силу, постараемся оттуда перейти в контрнаступление, потому что географическая обстановка там для этого более благоприятная. Если же мы не сможем переломить ситуацию, то и в этом случае нам необходимо идти во Владикавказ, так как оттуда мы можем через Дарьяльское ущелье уйти в Грузию, которая на сегодняшний день является наиболее безопасным местом. Таково на данный момент мое мнение. Если у кого-то есть лучшее предложение, прошу высказаться.

Мы все в один голос крикнули:

— Верно!

— Тогда, дети мои, я хочу сказать вам еще вот что, — продолжил генерал. — Никто не знает, как далеко нам предстоит идти и когда мы сможем вернуться. Возможно, это случится через неделю, но возможно и то, что мы больше никогда не увидим эти места. При необходимости нам придется перейти границу и искать убежище в соседних странах. Последующее раскаяние не принесет пользы. Поэтому я не хочу, чтобы кто-то меня из-за этого решения обвинял и проклинал. Если сейчас здесь присутствуют наши соотечественники, не опасющиеся большевиков, уверенные в том, что им ничего с их стороны не грозит, я прошу их не идти с нами из чувства дружбы и солидарности, а вернуться к своим семьям. Мы будем благодарны им за проявленное ими до сегодняшнего дня усердие и пролитою во имя нашего дела кровь. Если нам суждено вернуться, я не сомневаюсь, что они вновь будут вместе с нами.

После этих слов вперед вышла группа из восьми балкарцев. Они заявили, что никого не боятся и готовы остаться с нами, но лишь при условии, если мы намерены продолжать войну. Генерал поблагодарил их за службу. Они подошли к нему, поцеловали его руку, затем попрощались с другими товарищами и уехали. Все они принадлежали к средним и низшим балкарским сословиям, но большевиками не являлись, поскольку были довольно состоятельны.

Знатные жители Кожокова пришли проводить нас. Поблагодарив их и попрощавшись, мы медленно двинулись в путь. Первым шел наш полк. Одно за другим мы проезжали кабардинские села. Впереди ехали верхом полковник Анофиров и его жена, следом за ними — наша Горская сотня. Госпожа Анофирова на всех фронтах и во всех сражениях неизменно находилась рядом с мужем. Она была отличной наездницей и, подобно своему мужу, носила черкеску, которая ей очень шла. Это была красивая стройная женщина чуть выше среднего роста с зелеными глазами и светлыми волосами. Поскольку волосы у нее всегда были собраны под папахой, издали все принимали ее за мужчину. У нее было несколько комплектов кавказского костюма. Иногда она одевала черную черкеску, черную папаху и черный бешмет. Иногда на ней были серая черкеска из местной шерстяной ткани, серая же папаха и черный бешмет. Временами же ее можно было видеть в полностью белом костюме. В соответствии с модой того времени, она носила сапоги на высоком каблуке из лучшего материала. Наряд дополняли револьвер и кинжал, придававшие ей вид заправского кавалериста.

Проехав немалое расстояние, мы во второй половине дня приблизились к станции Александровской, представлявшей собой довольно большое поселение. Было решено разместиться там на ночлег. Поэтому еще километров за пять-шесть до станции полковник приказал ротмистру Горскину отправить туда в качестве квартирьеров трех всадников, чтобы те предупредили местного старшину о приближении дивизии и о том, что с нами находится правитель с семьей. Кроме того, надо было известить

старшину о необходимости заранее приготовить корм для наших лошадей, за который командование дивизии обещало заплатить. Ротмистр, оглянувшись назад, крикнул:

— Кубатиев! Возьми двух человек и подъезжай сюда.

Вместе с двумя ближайшими ко мне товарищами я подъехал к командиру. Полковник, заметив меня, рассмеялся:

— Опять ты?

Потом, обращаясь к своей жене, он продолжил:

— Это тот самый Кубатиев, который позавчера спас нас от беды.

Он представил меня жене, и она, приветствовав меня кивком головы, сказала, что наслышана о моем поступке. Затем ротмистр передал мне содержание приказа полковника, и мы с товарищами рысью поскакали в станицу. Разыскав старшину, мы сообщили ему «радостную» весть. Бедняга, узнав, какое бремя на него свалилось, стал растерянно бормотать, что не представляет, где и как он разместит целую дивизию.

— Не бойся! Это не та дивизия, которую ты знаешь. Там лишь ее остатки. От силы наберется два полка, — объяснил я ему положение.

Немного успокоившись, старшина сказал:

— Ладно, пусть едут. Что-нибудь придумаем.

Оставив нас, он ушел и вскоре вернулся с семью-восемью станичниками. Вообще казаки были на нашей стороне и ненавидели коммунистов. Жили они хорошо, потому что и женщины, и мужчины были очень трудолюбивы, занимаясь в основном земледелием. Все они жили в хороших домах с правильной планировкой, черепичными крышами и просторными дворами. Под вечер мы вместе со старшиной и его помощниками встретили нашу дивизию у въезда в станицу. Правителя, генералов и командиров разместили по лучшим домам. По мере своих возможностей хозяева старались оказать нам гостеприимство, обеспечив нас едой, а наших лошадей сеном. У всех на устах был один вопрос: «Что сейчас происходит? Вы бросаете нас на милость большевиков и убегаете или еще есть надежда на успех?» Наши командиры отвечали им в духе

утреннего обращения к нам правителя. Слегка приободренные, казаки в ответ говорили:

— Если вы в самом деле возобновите сопротивление, немедленно известите нас об этом. Все, кто в нашей станице способны держать в руках оружие, будут в вашем распоряжении. По меньшей мере мы выставим один полностью оснащенный кавалерийский полк. Найдем и вооружение, даже пулеметы.

Наши благодарили их, обещали сделать все, что в их силах, и вновь и вновь рассказывали об одержанных несколько дней назад под Клишбиевом и Анзоровом победах, желая тем самым поддержать дух казаков. Те были счастливы и то и дело кричали:

— Да здравствуют наши кабардинские братья!

Так мы просидели до полуночи, а многие и до зари. Утром, слегка подкрепившись, мы стали готовиться к продолжению пути. Наше командование попросило у старшины счет, намереваясь возместить понесенные казаками убытки, однако старшина заявил, что его односельчане приняли решение отказаться от компенсации.

— Так не бывает, — попробовали настаивать наши.

— Бывает, бывает, — ответил старшина. — Ведь если завтра сюда придут большевики, они задержатся тут не на одну ночь, а на столько, на сколько пожелают, и при этом и не подумают платить. Вы наши братья и должны знать, что мы всегда готовы сражаться плечом к плечу с вами против них. Так что уж лучше пусть достанется вам, а не им. Ешьте на здоровье! Станица у нас большая, и если разделить расходы поровну на количество дворов, то большого убытка никому не выйдет.

Мы от души поблагодарили станичников и попрощались.

Миновав еще несколько кабардинских селений, мы к полудню достигли знаменитой своими арбузами станицы Змейской, расположенной недалеко от Эльхотова и считавшейся границей между Осетией и Кабардой. Меня и двух моих друзей опять назначили квартирными. На сей раз речь не шла о ночевке. Мы планировали лишь часовую остановку у въезда в село и хотели купить два воза сена для лошадей. Старшина с готовностью согласился. Когда подошла дивизия, он вместе с уважае-

мыми станичниками и несколькими недавно вернувшимися с фронта офицерами вышли встречать наших генералов и командиров. После радужных приветствий и здесь были заданы вопросы о создавшейся обстановке и о том, что мы намерены делать дальше. Естественно, наши командиры повторили то, что уже говорили в предыдущем селе. В ответ их заверили, что, как и другие казаки, местные жители полностью нас поддерживают и готовы снарядить не менее четырехсот оснащенных оружием и обмундированием всадников. Затем депутация пригласила нас остаться погостить в селе до утра, за что генерал выразил ей свою благодарность.

Нашей самой большой проблемой тогда была нехватка табака. Некоторые из наших товарищей, быстренько пройдясь в станице по лавкам, купили какое-то количество сигарет, однако его, разумеется, не могло хватить на всю дивизию. Заметив наше затруднение, старшина обратился к нам:

— Идемте, я вам найду столько табака, сколько пожелаете!

Он отвел нас в большой магазин. Не знаю, частный он был или государственный. Возможно, это был табачный склад или даже маленькая табачная фабрика. В помещении за прилавками стояли несколько продавцов — как мужчины, так и женщины. Они весело начали отпускать каждому подошедшему столько пачек, сколько тот просил. Вскоре, однако, полки опустели, и находившиеся позади нас товарищи, испугавшись, что им ничего не достанется, стали напирать на передние ряды. Хотя продавцы успокаивали нас, уверяя, что сигарет хватит на всех, их почти никто не слушал. Толчея не прекратилась даже после того, как из запасника вынесли большие корзины с пачками сигарет. В какой-то момент в этой сутолоке мне удалось приблизиться к прилавку и попросить у продавщицы тридцать пачек. Засмеявшись, она спросила:

— Ты что, лавку собрался открыть?

Я ответил, что в нынешнем положении нам вряд ли еще скоро представится возможность добыть табак. Не споря с этим, женщина вручила мне сигареты. Однако в тот самый момент, когда я протягивал ей деньги, под натиском толпы я вдруг по-

скользнулся и, увлекаемый окружающими, упал довольно далеко от прилавка. Рука продавщицы повисла в воздухе, так и не получив платы. Поднявшись, я попытался дотянуться до нее, но безуспешно: чем больше я старался пробиться вперед, тем дальше толпа оттесняла меня назад.

— Заплатите потом, — сказала она наконец с улыбкой и продолжила свою работу.

Я не собирался сдаваться, но внезапный голос снаружи заставил меня прекратить эти усилия: кто-то из товарищей извещал, что меня срочно вызывает к себе ротмистр. Я был вынужден выйти и поспешить к нашему лагерю. На подходе к нему путь мне преградил Аскербек.

— Темирболат, брат моей матери! — встревоженно сказал он мне. — На этот раз тебя хотят послать квартирмейстером в Ардон. Смотри, не будь глупцом! Ни за что не соглашайся! Мы вступаем в Осетию, и с этого момента ты можешь в любом месте и в любое время столкнуться с теми из наших врагов, которые тебя хорошо знают. Скажи это ротмистру. В случае необходимости я поддержу тебя.

Он отошел, и я направился к ротмистру. Как и предупредил Аскербек, сотенный велел мне срочно отправляться в Ардон.

— Ваше благородие! — обратился я к нему. — Как вы знаете, мы сейчас должны перейти границу Осетии. В Ардоне половину жителей составляют казаки, а половину — осетины. Казаков я не опасюсь, но большинство здешних осетин поддерживают большевиков и враждебно настроены к знатным фамилиям. Некоторое время назад они напали на нас, и между нами произошли столкновения, в которых погибло немало людей с обеих сторон. Поскольку мы не раз встречались друг с другом в стычках, они легко узнают нас, а мы их. Где бы мы ни столкнулись, мы обязаны мстить друг другу. Если вы мне приказываете, я, конечно, поеду, но боюсь, что это принесет вам вместо пользы вред.

Внимательно выслушав меня, ротмистр ответил:

— Я как-то об этом не подумал. Спасибо, что предупредил. Мы пошлем туда кого-нибудь другого.

Все это время Аскербек стоял неподалеку спиной к нам, но не вмешался в разговор, видимо, оставшись доволен моим поведением. Ротмистр же, оглядевшись по сторонам, бросил взгляд на унтер-офицера Умара¹ Шакманова и возложил выполнение задания на него и двух других бойцов. (Умар Шакманов позднее в том же 1920 году бежал вместе с группой офицеров через Поти в Трабзон и участвовал в войне за независимость в Турции. Впоследствии, насколько я знаю, он преподавал русский язык в военном училище.)

Тем временем прозвучал приказ о подготовке к маршу, и у меня больше не осталось времени, чтобы сходить в магазин и расплатиться. Я лишь успел разыскать отведшего нас туда старшину и, рассказав о происшедшем, передал ему стоимость тридцати пачек сигарет.

— В такой толчее это немудрено, — сказал он. — Если бы даже ты не заплатил, ничего страшного бы не случилось. Но раз для тебя это важно, я передам твои деньги по назначению, не волнуйся.

Я поблагодарил его, и мы расстались.

Из-за этой истории с покупкой сигарет отправление дивизии сильно задержалось. Лишь с приближением заката мы преодолели Джулатский проход. Через какое-то время показался Ардон, но подошли мы к нему только в сумерках. Между тем от нашего посыльного Умара Шакманова не было никаких известий, хотя он должен был встречать нас у въезда в поселок. Колонна остановилась, и мы стали ждать. В ближайшей к нам части поселка жили осетины, а за ними — казаки. Было уже довольно темно. По пробивавшимся сквозь окна отблескам света мы могли догадаться, что в домах горят лампы. Через некоторое время из глубины поселка стали доноситься ружейные выстрелы. Они то усиливались, приобретая почти характер залпового огня, то становились одиночными, то полностью замолкали. Полковник Анофиров крикнул:

— Кубатиев, ты где?

Я подъехал к нему.

---

¹ В оригинале: Ömer.

— Что там творят твои осетины? Возьми с собой одного человека, и поезжайте к крайнему дому. Выясните, что за стрельба, — приказал он.

Я окликнул Мусу, который почти не отлучался от меня, и мы вместе приблизились к дому. На стук рукояткой кнута в дверь никто не ответил. Я крикнул в окно, и немного погодя показался пожилой осетин, который, однако, не имел ни малейшего представления о происходящем. Точно так же нам ничего не удалось узнать и в соседних домах.

Тем временем стрельба усилилась. Мы подождали еще некоторое время, гадая, кто и с кем мог вести столь ожесточенное сражение. Правда, огонь больше походил на односторонний, ответных выстрелов слышно не было. Внезапно полковник Анофиров проревел:

— Горская сотня — за мной!

Подстегнув своих лошадей, мы следом за командиром скакали по широкой улице и вскоре оказались перед церковью. Стрельба продолжалась, но нам ничего не было видно. Мы разыскали церковного сторожа. На наш вопрос, где местный старшина, он ответил:

— Старшины больше нет. Сегодня здесь установилась большевистская власть. Так что теперь у нас вместо старшины комиссар.

Полковник приказал позвать комиссара, и через некоторое время сторож вернулся с каким-то человеком.

— Куда делись три наших посыльных? — спросил полковник.

— Я их не видел, — ответил человек, называвший себя комиссаром. — Но слышал, что сегодня три каких-то человека разыскивали старшину, а узнав, что старшины нет, уехали. Вот все, что я знаю.

— Ладно. А что это за стрельба? — поинтересовался полковник.

— Ей-богу, не знаю. Может, против нас, а может — против вас. Сейчас народ делает, что вздумается.

Услышав это, полковник сурово произнес:

— Ты немедленно сделаешь так, чтобы пальба прекратилась. В противном случае по одному моему знаку артиллерия откроет огонь и к утру я сравняю ваш поселок с землей.

Комиссар побежал к церкви, что-то сказал сторожу и вернулся. Зазвонил колокол, и в темноте в разные стороны забегали силуэты каких-то людей. Вскоре звуки выстрелов стали стихать. Из некоторых домов слышался женский плач. Похоже, угроза полковника была воспринята серьезно.

Командир полка сказал находившимся рядом с ним подчиненным:

— Здесь ночевать нельзя. Поедем дальше.

Когда выстрелы окончательно стихли, он обратился к комиссару:

— Мы заночуем в казачьем квартале. Если до утра не найдутся наши посыльные, а вернее — если ты сейчас же не найдешь и не отправишь их следом за нами, утром ты своими глазами увидишь, во что мы превратим этот квартал. А потом мы позаботимся и о тебе лично.

После этой угрозы полковник дал колонне команду «Марш!» Мы покинули Ардон и, несмотря на ночь, продолжили путь. Вскоре откуда-то из темноты слышались стоны и крики.

— Кто такие? — крикнули в ответ наши.

Оказалось, что это были трое наших квартирьеров. Узнав нашу группу, они звали нас на помощь. Умар Шакманов был ранен, и стоны исходили от него. Выяснилось, что, не обнаружив старшину на его месте, они опрометчиво сказали находившимся там людям: «За нами едет Кабардинская дивизия. Ночевать она будет здесь. Сделайте необходимые приготовления!» Услышав это, те со словами «Ах, вы, подлые деникинские собаки!» двинулись на них с оружием. Поскольку путь назад был отрезан, квартирьеры, чтобы не попасть в плен, вынуждены были бежать вперед. При этом Умар был легко ранен в ногу. После этого большевики, стремясь напугать дивизию и заставить ее проследовать мимо поселка, стали непрерывно стрелять в воздух. Товарищи перевязали чем-то ногу Умару, уложили его на повозку, и колонна двинулась дальше.

За полночь мы достигли маленького казачьего поселения — Архонского хутора. За ним располагалась большая станица Архонская, но во избежание неприятных неожиданностей командиры не рискнули входить в нее ночью, приняв решение поднять на ноги хуторян. Спросонья бедняги сперва испуганно смотрели на нас, решив, что подверглись очередной большевистской экзекуции, однако, поняв, в чем дело, пришли в себя. Во всех домах были зажжены лампы и поставлены на огонь самовары. Лошади получили сено, а нас по пять-десять человек разобрали по домам и, чем могли, угостили. Как и в других станицах, нам было задано много вопросов о происходящем, на которые последовали те же ответы и те же заверения. На рассвете мы уехали. Как и в предыдущих селах, жители отказались взять с нас плату за постой.

В полдень мы подошли к Архонской. Эта станица была намного больше других, а население ее — весьма богато. Поскольку большинство моих сослуживцев ездило во Владикавказ поездом, они здесь никогда раньше не бывали и теперь не могли скрыть своего изумления. Действительно, улицы в этом маленьком городке были прямыми и широкими, здания с балконами выстроены по единому плану. В центре находилась большая церковь с просторной площадью. Там наша дивизия сделала остановку. К нам начали подходить станичники, приглашая к себе в дома, однако мы, чтобы успеть вовремя добраться до Владикавказа, не могли позволить себе продолжительный отдых. В станице было много вернувшихся с фронта офицеров разных званий. Они тоже беседовали с нашими командирами на ставшую уже привычной тему. Оказывается, наш командир дивизии еще до своего отправления из Нальчика послал во Владикавказ передовую группу офицеров, чтобы они заблаговременно подготовили там для нас места. Сразу после их прибытия по городу, окрестным поселкам и деревням распространился слух, якобы Кабардинская дивизия направляется для защиты Владикавказа от большевиков. Поэтому для архонцев мы не были неожиданными гостями. Они нас с нетерпением ждали.

Во второй половине дня мы приблизились к Владикавказу. Возвращавшиеся из города домой сельчане, уступая нам дорогу, отгоняли свои повозки к обочине, останавливались и провожали нас взглядом. Заметив среди этих людей моих двоюродных братьев¹, я отделился от строя и подъехал к ним. Увидев меня перед собой, они слегка опешили от неожиданности. Мы обнялись, я коротко рассказал им то, что мне было известно о положении, и поскакал догонять колонну.

Когда мы были уже на самой окраине города, в небе появился разведывательный самолет, разбрасывавший какие-то листовки. Часть их ветер отнес в нашу сторону, и некоторые из товарищей поймали в воздухе несколько штук. Листовки радостно сообщали жителям города, что Кабардинская дивизия идет оборонять Владикавказ. Мы горько над этим посмеялись: в то время как мы ехали сюда в надежде на собственное спасение, кто-то, оказывается, рассчитывал на нашу помощь. Какая прискорбная картина!

Во Владикавказ мы вошли по расположенному на левом берегу Терека Михайловскому проспекту. Затем, доехав до железного моста в верхней части города, мы перебрались на противоположный берег и выехали на самый большой в городе Александровский проспект. По нему мы торжественным маршем, словно на параде, стали вновь двигаться вниз. Толпы собравшихся на тротуарах людей глазели на нас. Временами слышались аплодисменты. То и дело меня окликали по имени знакомые. Я останавливался и обменивался с ними приветствиями. Все спешили задать один и тот же вопрос: «Правда, что вы пришли защищать город?» Я коротко отрезал: «Да» — и ехал дальше. Добравшись таким образом до расположенного в нижней части города деревянного моста, мы пересекли Терек и опять оказались на Михайловском проспекте. Затем, повернув вверх, мы поднялись в молоканский квартал, где нас расселили по домам, в которых нам предстояло какое-то время квартировать.

Молокане в своем большинстве были извозчиками, и в их дворах имелись хорошие навесы и стойла. Поэтому для нашего

---

¹ Дословно: «сыновей дяди по отцу».

кавалерийского полка этот квартал подходил как нельзя лучше. Устроившись, я вышел на улицу и прошелся по расположенным на главном проспекте кондитерским, в которых раньше любили сидеть наши родственники, но все заведения были закрыты. Тогда я заглянул в пару знакомых домов, чтобы разузнать новости. Когда я собрался уходить, было уже довольно темно. Хозяева настойчиво просили меня остаться у них до утра, говоря, что в такое время только сумасшедший может выйти на улицу, так как ингушские большевики часто совершают по ночам грабительские нападения. Тем не менее я не остался и вернулся в расположение полка, не встретив по дороге ничего опасного.

Вообще-то жители молоканского квартала, где мы разместились, тоже были большевиками, но ничего не могли с нами поделаться. В дом, где проживал я, были поселены еще несколько моих друзей. Из хозяев мы застали только женщин и детей. Когда мы поинтересовались, где мужчины, нам ответили:

— На работе.

Было непонятно, какая могла быть работа, когда на улицах не было ни души, но мы не стали допытываться. Возможно, они находились на собрании своей организации. Зато в доме были две красивые девушки, и мы с товарищами начали наперебой говорить им комплименты. Их мать, видимо, не желая, чтобы мы заметили, что наш приезд неприятен для них, сказала дочерям:

— Принесите господам вечерний чай.

Собственно, целью наших комплиментов и было добиться лучшего к нам отношения, и это нам удалось. То, что наши любезности пришлись им по душе, было видно и по угощению, и по выражениям их лиц.

Не успел, однако, я допить свой чай, как снаружи раздался громкий голос:

— Кубатиев здесь?

Я выскочил на улицу. Оказалось, что меня вызывает к себе полковник. Когда я вошел в его комнату, там сидели также мой прежний командир полка Адам Адамович Костенджи, с которым я распрощался всего несколько дней назад, и несколько других офицеров. Костенджи, встав, подошел и обнял меня:

— О-о, Кубатиев, ты здесь? Получается, мы опять вместе. Ну-ка, садись, поговорим.

По-военному приветствовав остальных, я сел. Полковник продолжил:

— Я-то думал, что ты уехал на родину, а ты, выходит, бросил нас и присоединился к ним.

— Я не бросал вас, — ответил я. — Я действительно собирался ехать домой, но поездка получилась не такой, как я задумывал, а такой, какой получилась.

— Ну, и очень хорошо получилось, — сказал Костенджи. — Господин полковник подробно рассказал мне о твоих заслугах, и я как человек, знающий тебя, был весьма польщен услышанным.

— Господин полковник похвалил меня больше, чем я того заслуживаю, — возразил я. — Я благодарен ему за великодушие, но на самом деле я ничего особенного не совершал.

В ответ на это оба полковника в один голос произнесли:

— Заслуги нельзя отрицать!

Остальные присутствовавшие также в знак согласия кивнули головами.

— А как добрались сюда вы, господин полковник? В одиночку? — поинтересовался я в свою очередь у Костенджи.

— О-о, Кубатиев, и не спрашивай! — ответил он. — Твои осетины — ротмистр, бухгалтер и унтер-офицеры, — так же, впрочем, как и другие унтеры-казаки, бросили меня, прыгнули в поезд и разъехались по домам. Ты тоже не сообщил мне о созданном вами формировании. Знай я о нем, сел бы на коня и примкнул к вам. В результате я успел вскочить на один из последних поездов, который и привез меня сюда, на твою родину. Сегодня, узнав о прибытии дивизии, я явился к вашему полковнику и присоединился к нему. Я рад, что мы опять объединились. Теперь, что бы ни случилось, мы будем вместе. Чуть раньше полковник, рассказывая нам о вашей операции, сказал, что у него служит один Кубатиев, благодаря которому вы спаслись. Я сразу предположил, что это ты, и попросил полковника уточнить, кто это. Он подтвердил мою догадку, и мы решили тебя вызвать.

Я еще раз поблагодарил их, после чего они сказали:

— А теперь перейдем к делу.

Полковник Костенджи продолжил:

— Наше положение пока остается неясным. Посмотрим, какое решение будет принято после нашей завтрашней встречи с генералом Эрдели. Говорят, что здесь находятся отошедшие с фронтов группы, которые в случае объединения могут образовать значительную силу. Вы сами, отступая, видели в казачьих станицах, сколько людей готово присоединиться к нам. Кроме того, сообщается, что в здешнем кадетском корпусе сосредоточено примерно десять-пятнадцать тысяч офицеров из разных частей, а во всех казармах города полно солдат и офицеров. Если это так, то мы вполне можем перегруппировать силы и начать отсюда новое движение. Относительно провианта и фуража мы уже договорились с кем необходимо. Выяснилось, что расположенная на станции интендантская служба пребывает в целостности и сохранности, не потеряв ни кадров, ни хранящихся на ее складах запасов. Во всяком случае нас заверили, что в состоянии обеспечить нас всем необходимым. Но, как ты знаешь, получить продовольствие легко, а вот перевозить его — дело довольно затруднительное. Я сказал своим товарищам, что с этой задачей можешь справиться только ты. Как и прежде, возьмешь себе одного-двух помощников. По утрам будешь приходить ко мне за списком необходимого, а порядок его получения и доставки можешь определять сам. Ты человек местный и лучше кого бы то ни было знаешь город и то, где и как добыть телеги. Одним словом, это задание никто лучше тебя не выполнит.

Я принял предложение и ушел.

Вернувшись домой, я обнаружил, что мои товарищи пребывают в прекрасном настроении. Помимо хозяйских дочек, появились еще три хорошенькие соседские девушки, и они все вместе играли в карты. Меня тоже пригласили присоединиться к ним, но я ответил, что не умею играть. Девушки сказали, что игра очень простая и я легко ее освою. Мне пришлось признаться, что я вообще не люблю карточные игры.

— Что же вы тогда любите делать? — был задан мне вопрос.

— Танцевать с такими красивыми девушками, как вы, — ответил я, чем сильно их развеселил.

Они посетовали, что ввиду отсутствия музыки сегодня не удастся потанцевать.

— Что ж, в таком случае я буду сидеть и мечтать о том дне, когда это станет возможным, — сказал я.

В тот вечер мы немало шутили, разговаривали, загадывали друг другу загадки. Когда девушки ушли, мы завернулись в свои шинели и бурки и легли спать. Ночью из разных частей города то и дело доносилась стрельба, но нам до этого не было дела.

Утром мы перекусили тем, что смогли раздобыть. Правда, назвать это завтраком можно было лишь с большим преувеличением, так как в продовольственных лавках нам почти ничего не удалось купить. Столовые и закусочные же были по большей части закрыты. Причина этого состояла в том, что их владельцы не хотели продавать свой товар на денкинские деньги, будущее которых никому не было известно. Поскольку других денег в обороте не было, мы испытывали затруднения.

Взяв утром у полковника список требуемого провианта, я отправился с двумя товарищами на интендантские склады. Ворота оказались закрыты. Мы разыскали сторожа и спросили у него, когда появятся сотрудники учреждения.

— Вообще-то они уже давно должны быть здесь, да, видимо, передумали приходить из-за обстановки, — сказал он.

— А что с обстановкой?

Сторож со смехом ответил:

— Уж не знаю, что вам надо, но если сена или ячменя, то спускайтесь на станцию и берите там этого добра даром сколько захотите.

Передав лошадь товарищам, я через задние ворота спустился к станции. Там рядами стояли товарные вагоны, груженные огромным количеством сена, ячменя и пшеницы. Вокруг собралась большая толпа. Люди суетились и сновали, словно пчелы в улье, стаскивая мешки с вагонов и загружая их на свои телеги. Если мешок рвался, они не раздумывая бросали его на месте и бежали за другим. Все пространство вокруг было усеяно зер-

ном. Самый настоящий грабеж! Издалека слышались выстрелы. Это большевики подбадривали грабителей, давая им понять, что не дадут их в обиду. По своему виду эта публика не походила на русских. Да и то, что выстрелы доносились со стороны ингушских сел, не оставляло сомнений в том, что это были ингуши. Будь это русские, я бы подошел к ним и погнал вместе с их телегами в расположение дивизии. Но к этим попробуй приблизиться — с живого человека спустят шкуру!

Ждать дальше не имело смысла. Вместе с товарищами мы вернулись на рынок, но смогли найти там всего две порожние телеги. Хозяева их, однако, сразу заявили, что уже наняты кем-то и не могут ехать на станцию. На предложенные нами деньги они не хотели даже смотреть. Только когда я пригрозил им ногой, они вынуждены были согласиться. Проголодавшиеся к этому времени товарищи отпросились у меня сходить раздобыть что-нибудь съестное, я же направил обоих моих извозчиков на станцию. Там я велел им загрузить телеги доверху сеном и ячменем. На обратном пути нам попала еще одна пустая телега. Ее хозяин тоже было попробовал артачиться, но лишь до тех пор, пока я не погладил слегка его спину плетью. Велев двум выловленным первыми извозчикам ждать, я вместе с третьим поехал к вагонам. Оглянувшись, однако, метров через триста назад, я увидел, что обеих телег простыл и след. Вернуться в дивизию с одной телегой вместо двух меня не устраивало. Бросив на месте последнюю, еще пустую телегу, я погнался за беглецами. Хотя они и успели скрыться в переулках, но далеко уйти не могли. Поскакав через дворы между улицами, я вскоре настиг их и погнал к дому, где мы квартировали. Заставив извозчиков выгрузить во дворе сено и ячмень, я вместо платы огрел обоих по одному разу плетью, после чего они удалились, не издав ни звука.

Предупредив находившихся в доме товарищей о том, что груз принадлежит полку и никто не должен к нему прикасаться, я спустился на рынок, чтобы разыскать полковника и рассказать ему об обстановке. К тому времени я тоже изрядно проголодался. На рынке мне встретился поручик Султан Мисаков, племян-

ник Хаджимирзы Мисакова. Он приехал во Владикавказ за несколько дней до нас поездом вместе с женщинами и детьми.

— Где ты? Все только и говорят о тебе. Расскажи-ка подробнее о своих подвигах! — начал он, едва завидев меня.

— Пусть другие рассказывают! У них это получается красочнее. А я лучше расскажу тебе о том, что произошло сегодня, — ответил я и изложил ему утренние события.

— Теперь я разыскиваю полковника, — продолжил я, — чтобы доложить ему обстановку, но нигде не могу его найти. Впрочем, это не самая большая беда. Главная проблема в том, что я чертовски голоден, а рестораны и харчевни закрыты. Может, хоть ты мне подскажешь, где можно поесть?

— Да-а, — задумался Султан. — Деникинские деньги уже никому не нужны, а других в городе нет. Вот они и не желают работать. Я слышал, что открыт только ресторан «Сан-Ремо» и там принимают деникинские деньги. Не знаю, правда, пустят ли тебя туда. Ведь там обслуживают только офицеров.

— А ты что, не офицер? — в сердцах воскликнул я. — Если пойдем вместе, то, может быть, и меня впустят. К тому же там может оказаться и полковник.

Этот ресторан располагался в подвальном этаже одного большого здания и слыл очень роскошным заведением. Кроме представителей городских верхов и офицерства, туда никто не решался заходить, да если бы и решился, его все равно бы не пропустили. Нам с Султаном удалось войти, но внутри негде было упасть яблоку. В первых рядах сидели генералы, далее полковники — все занимали места в соответствии со своим чином. Эрдели также находился там. К нашему счастью, как раз освобождался столик, и мы сели за него. Мы заказали бутылку коньяка и закуску, после чего я, встав, огляделся по сторонам. Увидев полковника, я осторожно подошел к нему, доложил ситуацию и сообщил, что пришел вместе с товарищем-офицером. Полковник спросил лишь, есть ли у меня деньги. Я поблагодарил его и вернулся к своему столику. Вскоре официант принес большую бутылку коньяка, однако из блюд, оказывается, ничего, кроме сухой фасоли, не осталось. Поневоле мы

взяли по порции, но закусывать коньяк фасолью было просто невозможно. Султан положил бутылку в карман шинели, мы расплатились и вышли.

— Пойдем к моему дяде Хаджимирзе, — сказал Султан. — Я думаю, что Люся сейчас дома и чем-нибудь нас угостит. (Как я уже писал, дочь Хаджимирзы Мисакова Люся была вдовой полковника Серебрякова. Впоследствии в Турции ее стали звать Нефисет.)

Поскольку я раньше никогда не встречался с Люсей, я счел неприличным предстать в первый раз перед ней с бутылкой в руке, словно напрашиваясь на выпивку. Поэтому я отказался от предложения Султана, но он легко нашел выход:

— Коньяк будет лежать в моем кармане. Ты же сделаешь вид, что ничего не знал о нем. Договорились?

Я согласился, и мы пошли.

Хаджимирза Мисаков снимал большой дом на улице, на которой находился вокзал, что было довольно далеко от рынка. Когда Султан представил меня своей двоюродной сестре, она сразу же сказала:

— Да-да. Я знаю вас заочно. Когда мы жили в Нальчике, жена генерала Анзорова госпожа Фуза часто рассказывала о вас. Она вас очень любит. Так что вы в этом доме не чужой. Я рада нашему знакомству.

Я поблагодарил ее, мы сели и немного побеседовали. Вскоре она вышла в соседнюю комнату, чтобы приготовить нам какое-нибудь угощение, и Султан тоже последовал за ней. Немного погодя она вернулась, держа в руках поднос, на котором стояли наш коньяк и две рюмки. Смеясь, она сказала:

— Вам не стоило этого стесняться. Тем более в эти дни, когда все кругом пьют. И вообще, здесь вы можете чувствовать себя как дома.

Она принесла на стол еще кое-какие блюда. Пока мы с Султаном потихоньку пили, Люся открыла какой-то сундук и достала из него папаху, на передней стороне которой на нашитой крест-накрест зеленой шелковой ленте были золотом вышиты полумесяц и звезда. Это была эмблема Кабардинской дивизии

Добровольческой армии. На моей папаше имелась точно такая же, но она уже постарела и выцвела.

— Эту эмблему я вышила своими руками для покойного, но ему не суждено было ее носить. Сейчас я хочу подарить ее тебе, — сказала она и попросила мою папашу.

Отпоров старую эмблему, она пришила на ее место новую и вернула мне папашу. Я поблагодарил. К этому времени закончился и наш коньяк. Султан решил остаться там, поэтому я попросил отпустить меня и, выразив надежду на новую встречу, ушел.

Вскоре после моего возвращения в дивизию ко мне пришли Хаджимирза Мисаков и Аскербек Темирканов.

— Где ты? Мы уже целый час разыскиваем тебя, — сказали они. — Принято решение о нашем отступлении отсюда. Завтра рано утром выдвигаемся. Мы живем около вокзала. Ты знаешь наши дома?

Я ответил, что совсем недавно был там. Откуда-то снаружи слышались выстрелы, но никто не знал, кто, в кого и с какой целью стреляет.

— Около двух часов назад мы послали за нашими домашними экипажи. Сейчас они уже должны быть готовы и даже приехать сюда, но, видимо, боятся выехать из-за этой стрельбы. Как человек, знающий город, посоветуй, каким путем нам лучше провезти их. Придумай что-нибудь, — сказал Хаджимирза.

Я попросил их дать мне десять-пятнадцать всадников. Тут же были снаряжены пятнадцать лучших бойцов, и мы выехали. Галопом спустившись по Михайловскому проспекту, мы переехали через деревянный мост. Стрельба все нарастала, но по пути нашего следования мы никого не видели и пули не пролетали вблизи нас. Подъехав к вокзалу, мы увидели стоявшие перед домами нагруженные повозки. Члены семей, однако, не решались выйти на улицу.

— Не бойтесь! Ничего страшного не происходит. Стреляют в воздух, — крикнул я. — Если бы это было сражение, оно бы шло не здесь, а в районе расположения наших подразделений.

Домочадцы расселись по экипажам. Я расположил своих то-

варищей впереди, по бокам и позади процессии, и мы тронулись, держа пальцы на спусковых крючках. Когда мы доехали до Александровского проспекта, стрельба со стороны деревянного моста стала еще более энергичной. Я крикнул товарищам, что мы поедem вверх по проспекту до железного моста. По мере приближения к мосту стало очевидным, что огонь в этом районе не слабее, а даже интенсивнее, однако, как и прежде, поблизости не было заметно никаких признаков боя: ни криков сражающихся, ни стонов раненых. Правда, теперь пули пролетали прямо над нами, но не потому, что в нас целились, а из-за того, что стрельба велась беспорядочно. Особенно частые выстрелы были слышны из-под моста. Подъехав к нему вплотную, я командовал:

— В галоп!

Мы благополучно преодолели мост и вскоре добрались до того места, откуда выехали на это задание. В квартале нас встретили радостно. Хаджимирза и остальные родные наших подопечных, слышавшие стрельбу издали, были напуганы, пожалуй, больше нас самих.

Сдав женщин и детей их близким, я возвратился в дом, где мы проживали. Мои друзья вновь находились в обществе моллоканских девушек, играя с ними в карты, флиртуя и расточая комплименты. Я тоже присоединился к ним. Видимо, девушки прослышали о завтрашнем отходе нашей дивизии и с трудом скрывали свою радость по этому поводу. В ответ на наши ухаживания они насмешливо спрашивали:

— Если мы вам так нравимся, то почему вы нас бросаете и уезжаете?

— Никуда мы не уезжаем! С чего вы это взяли? — пытались отрицать мы.

— Завтра утром посмотрим. Но, конечно, когда-нибудь вы вернетесь. Тогда уж, пожалуйста, вспомните про нас, — язвительно отвечали они.

Было 21 марта 1920 года (8 марта по старому стилю). За два часа до утра нас разбудили. Мы собрались, эскадроны заняли свои места. Согласно произведенному ночью перераспреде-

лению обязанностей, командир полка был заменен — вместо Анофирова к нам прибыл Адам Адамович Костенджи. Мы совершили короткий марш до верхней окраины города. В районе военного училища и кадетского корпуса была дана команда «Стой!» Понемногу светало. На земле уже не было снежного покрова, все вокруг зеленело, однако, как и положено в столь ранний час в марте, было довольно прохладно, и нас пробирала дрожь. Немного погодя нас догнали два легких танка. Мы отступили к обочине, чтобы пропустить их, и они проехали вперед. Когда достаточно рассвело, мы увидели, что на боковой от училища дороге стоят два военных самолета. В это время нам была дана команда спешиться. Чуть позже пропеллеры самолетов завертелись, подняв в воздух весь валявшийся на земле мусор, который стал сыпаться нам на головы. Кто-то сказал, что в самолетах находились генерал Эрдели и его окружение. Самолеты улетели в сторону Тифлиса. Мы же продолжали ждать, причем никто не знал, чего именно. Солнце было уже высоко. Наконец, из военного училища стройными рядами начали выходить одна за другой пехотные части и двигаться в сторону Дарьяльского перевала. Говорили, что ночью из Владикавказа в направлении Тифлиса отбыло большое количество военных. Кажется, я уже упомянул о том, что в этом училище, по рассказам, было собрано около пятнадцати тысяч офицеров. Думаю, это не было преувеличением. Только к полудню училище опустело. В конце концов прозвучал приказ «Смирно! По коням! Вперед марш!» Но не продвинулись мы и на километр, как нас опять остановили. Оказывается, мы стали наступать на пятки пехоте. Понятное дело — ехать верхом и идти пешком не одно и то же. Поэтому дальше нам приходилось двигаться с частыми остановками.

По прибытии в находящееся в семи километрах от города село Редант (Фыдхуз), где проживали ингушские фамилии Льяновых и Цуровых, был сделан привал. Недалеко от этого села жили знатные осетинские фамилии из рода Тага¹ (тагиаты²), и между теми и другими существовали близкие родственные от-

---

¹ В оригинале: Tegi.

² В оригинале: Tegiate.

ношения. Эти ингуши хорошо знали наш язык, но говорящих по-русски среди них почти не было. Сельчане стали подходить к нашему полку, прося продать им оружие. Наши кабардинцы, естественно, не понимали их, и мне пришлось переводить.

— Когда вы перейдете в Грузию, оружие у вас все равно отберут. Чем тащить его туда и отдавать бесплатно, продайте нам хотя бы часть здесь, — говорили ингуши.

Я помог некоторым товарищам в торге. Какой-то мой сослуживец, которому не удавалось объясниться с покупателем, громко крикнул:

— Эй, Кубатиев, подойди на минутку.

Одному из присутствовавших ингушей, услышавшему это, показалось странным, что в кабардинском полку находится Кубатиев, и он попросил показать ему меня. Оказавшись лицом к лицу, мы сразу узнали друг друга. Это был Мисост Цуров, сын сестры отца старшего инженера Ахмата Дударова¹, являвшегося сыном сестры моей матери. Нас связывало еще одно родство: сын сестры матери Мисоста ротмистр Мурат Кубатиев был сыном моего дяди по отцу. Мы обнялись и расспросили друг друга о жизни.

— Мурат сейчас тоже здесь, гостит у меня. Сегодня он уехал в город, а то бы ты с ним увиделся. Но к вечеру он вернется, — сказал Мисост. — А ты что делаешь? Куда собрался?

Я рассказал свою историю.

— Не уезжай, будешь моим гостем, — предложил он. — Видишь, и Мурат здесь? Не бойся, мы не выдадим тебя большевикам.

Поблагодарив его, я ответил:

— Я связал свою судьбу с этими людьми. Посмотрю, что у судьбы еще для меня уготовлено.

Мы попрощались.

Наш путь лежал к Дарьяльскому проходу ущелья Терека. Расположенные на левом берегу реки села Балта, Ларс, Чми принадлежали упомянутым мной выше феодалам-тагиатам, а села на правом берегу — ингушам-джейраховцам. Полк остановился на ровном участке между Балтой и Ларсом. Дорога была не в луч-

---

¹ В оригинале: Ahmet Dudar.

шем состоянии. Впереди нас ждал узкий Дарьяльский мост, по самой середине которого проходила граница с Грузией. Сразу же за мостом грузинские пограничники обыскивали всех в поисках огнестрельного оружия и боеприпасов, сваливая отобранное в кучу рядом, но на кинжалы и сабли не посягали. Из-за этой задержки колонна продвигалась очень медленно. Поручик Султан Мисаков почти не отходил от меня. Он никогда раньше не бывал в этих местах, не знал их, и поэтому задавал мне много вопросов. Когда он спросил, кто живет в здешних селах, я ответил:

— На той стороне реки — одни ингуши, а на этой — осетины и к тому же мои родственники. Знай я наверняка, что эту ночь нам придется провести здесь, я бы отправился вон в то село на холме и заночевал там.

Султан внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Ты говоришь правду?

— Конечно, правду. Там живет моя пожилая родственница, двоюродная сестра¹ моего отца. Я бы хотел с ней повидаться, — сказал я.

Услышав это, Султан воскликнул:

— Если так, то давай немедля отправимся в путь. Ручаюсь тебе, что наша колонна тронется отсюда не раньше, чем завтра после полудня. Разве сам не видишь положение? А там согреем брюхо хотя бы горячим чаем.

Мы сели на лошадей и около получаса взбирались в гору, а затем спустились к Дударовым, точнее — к дому Темирболата Слонова (Дударовых называли также Слоновыми). Темирболат был сыном упомянутой мной двоюродной сестры моего отца, которую звали Сахар². Она же была родной сестрой первого министра иностранных дел Турецкой Республики Бекира Сами Кундуха³. Нас встретили очень тепло. Обняв меня, Сахар сказала:

---

¹ Дословно: «дочь тетки по отцу».

² В оригинале: Seher.

³ Бекир Сами-бей (1864-1932) — сын генерала Мусы Кундухова (Муса-паши), организатора переселения в Османскую империю нескольких тысяч чеченских, осетинских и кабардинских семейств в 1865 году. Видный турецкий политический деятель и дипломат. В османский период занимал важные административные и внешнеполи-

— Какое счастье после стольких лет видеть кого-то из рода моей матери! Я уже потеряла надежду на то, что это когда-нибудь случится.

Я представил моего товарища Султана, и его тоже тепло приветствовали. Следом за нами подъехали еще четыре человека из нашей колонны, также с целью повидаться с госпожой Сахар. Один из них был знатный кабардинец преклонного возраста, должно быть довольно близкий родственник Сахар. Не помню имени этого человека, но он тоже много лет ее не видел. Они обнялись и немного побеседовали. Затем тетя представила меня остальным гостям:

— Это сын Иласбека, двоюродного брата моей матери. Он приехал чуть раньше вас. Сегодня у меня счастливый день. Ведь я думала, что всеми забыта, но великий Бог послал мне вас.

Был подан чай. После совместного чаепития нас с Султаном провели в другую комнату. Посидев там еще какое-то время, мы из вежливости попросили разрешить нам ехать. Говорю «из вежливости», потому что на самом деле мы не хотели, чтобы нас отпустили. Они и не отпускали, но мы говорили, что покинули дивизию без разрешения, и называли всякие другие надуманные причины. Сидевший с другими гостями в кунацкой Темир-болат, услышав это, прибежал и обратился ко мне:

— Что ты такое говоришь, тезка? Сиди-ка спокойно на месте, а то ведь побью. Раз в десять лет ты приезжаешь в дом своей тети, а сейчас собираешься уехать и ночевать в поле? Возможно ли такое?

Мы, разумеется, подчинились. Немедленно был зарезан барашек, приготовлены другие блюда. После двухдневной голодухи мы наконец-то досыта наелись. Уложив остальных гостей в

тические посты. В апреле 1920 года стал министром иностранных дел в первом правительстве Великого национального собрания Турции. Возглавлял турецкие делегации на переговорах в Москве в июле-августе 1920 года и Лондоне в марте 1921 года. Из-за разногласий с Мустафой Кемалем покинул в мае 1921 года пост министра и примкнул к оппозиционному движению.

кунацкой, Темирболат постелил нам в другой комнате. Постели были чистейшие, мягкие и удобные. Султан не скрывал своей радости. Уже лежа в кровати, он все повторял:

— Да поможет тебе Аллах! Благодаря тебе мы наелись, а наши спины вспомнили, что такое нормальная постель, пусть даже только на один день.

Утром мы хорошенько позавтракали и вместе с остальными гостями отправились в обратный путь. Наша дивизия не сдвинулась ни на сантиметр с того места, где мы ее оставили. Нам рассказали, что в наше отсутствие приезжала ингушская делегация и, выражая дружеские и братские чувства к кабардинцам, говорила им следующее:

— Куда вы бежите, бросив свои дома и родину? Ради чего губите себя? Оставайтесь у нас в гостях, пока обстановка не успокоится, а потом мы примирим вас с большевистской властью и вы благополучно вернетесь домой.

Мы знали, что они большевики. Но в чем была истинная причина этого предложения к нам? В 1918 году была создана Северо-Кавказская Республика. Возглавлявший ее в тот период Абдул-Мажид Чермоев¹ попросил у османского государства помощи против армии Деникина. Османцы послали войско под командованием брата Энвер-паши² — Нури-паши. Он прошел через Азербайджан и Дагестан и, преследуя силы Деникина, достиг границ Чечни³. Тогда Ленин, желая воспользоваться обстановкой, обратился к чечено-ингушам:

— Если окажете деникинцам сопротивление и поможете большевикам, то после нашей победы мы предоставим вам независимость.

---

¹ Абдул-Мажид (Тапа) Чермоев (1882-1937) — чеченский нефтепромышленник и общественный деятель. В 1917-1918 годах — премьер-министр в Горском правительстве.

² Энвер-паша (1881-1922) — военный министр Османской империи в 1913-1918 годах, один из членов руководившего страной в указанный период младотурецкого триумvirата.

³ Имеется в виду вооруженная интервенция, предпринятая осенью 1918 года силами османского специального экспедиционного корпуса с целью поддержки независимости Северо-Кавказской Республики.

Был заключен и соответствующий договор. Собственно, это обещание было дано не только чечено-ингушам, но и Назыру Катханову в Кабарде. Конечно, вы все знаете, что впоследствии эти обещания не были выполнены. Однако в тот момент ингуши, полагаясь на свое соглашение с Лениным, считали себя влиятельной силой и надеялись, что сумеют добиться от большевиков амнистии кабардинских князей, а если не сумеют, то преподнесут эту большую группу в подарок Ленину и тем самым заслужат еще большее его расположение. Наши, поблагодарив ингушей за гостеприимство, ответили, что не могут принять их предложение. Тогда ингуши сказали:

— Раз вы решили все равно ехать, то пусть ваш путь будет счастливым. Но вы сами видите, что на грузинской границе у всех отбирают оружие. Так для чего вам тащить туда на себе этот груз? Оставьте его нам.

Конечно, мое мнение тогда никого не интересовало, но мне предложение понравилось. Будь моя воля, я бы не раздумывая на него согласился, чтобы избавиться от нашей тяжелой ноши. Ведь оружие, о котором шла речь, состояло не только из ружей и пистолетов, но включало в себя еще и два танка, множество пулеметов и несколько пушек, везти которые для моих товарищей было настоящим мучением. Так не все ли равно, оставим мы их грузинам или ингушам, думал я, но меня никто не спрашивал. Наши командиры дали ингушам обнадеживающий ответ:

— Ваше предложение привлекательно для нас. Но если мы не согласуем его с командующим дивизией генералом Анзоровым, это будет неуважительно к нему и к тому же повлечет для нас определенную ответственность. Генерал сейчас подъехал к мосту и ждет нас там. Давайте мы сперва доложим ему. Скорее всего его решение будет положительным, так как и вправду нет смысла заставлять солдат тащить не нужное нам оружие. Какая разница, достанется оно вам или им.

Командиры отвечали так с учетом собранных разведкой сведений о ситуации на дороге. На левом берегу Терека ровный участок, где мы находились, по мере продвижения в глубь ущелья все более сужался и превращался в тесный Дарьяль-

ский проход. После него дорога вновь начинала расширяться, и вплоть до самого моста какие-либо препятствия для нашего движения отсутствовали. На другой же стороне реки, то есть на ингушской территории, положение было таково: напротив ровного участка, где мы стояли, находился скалистый склон, тянувшийся до самого Дарьяльского прохода, однако прямо напротив прохода склон становился отвесным и превращался в высокую каменную стену, не позволяющую переправиться на противоположный берег. Таким образом, если бы ингуши решили на нас напасть, то на участке до прохода преимущество было бы на их стороне, а после прохода — на нашей, так как мы имели бы возможность беспрепятственно бежать. По собранным командирами данным, на противоположной стороне за скалами в большом количестве засели в ожидании сигнала вооруженные ингуши. Открой они по нам огонь, нам негде было бы укрыться и некуда бежать, кроме как к проходу, и они бы нас всех перестреляли на месте или у края прохода. Если же вдобавок мы еще и отдали бы им наше вооружение, то можно себе представить нашу судьбу. Принимая все это во внимание, наши командиры старались затянуть время, чтобы провести дивизию через проход без потерь. Несомненно, командиры не желали отдавать оружие и по другой причине: ведь передать оружие большевикам, с которыми мы воевали, означало еще больше усилить наших врагов и тем самым вырыть могилу нашим оставшимся в стране сторонникам. Хорошо, что командиры думали не так, как я.

До полудня, пока ингуши ожидали нашего ответа, все наши подразделения преодолели проход. После полудня нас догнал еще один кавалерийский отряд, состоявший примерно из сорока офицеров. Не знаю причины их задержки, но из Владикавказа они выехали лишь в то утро. Увидев отряд, ингуши, уже потерявшие было надежду поживиться за наш счет, решили остановить группу с целью грабежа и открыли по ней сверху огонь. Наши кавалеристы, однако, пустили лошадей галопом и сумели проскочить опасный участок, потеряв лишь двух лошадей ранеными. Таким образом, ингуши вернулись в свои села ни с чем.

С наступлением вечерних сумерек грузины закрыли мост. На ту сторону к тому времени успела перебраться лишь половина колонны. В самом конце оставшейся ее части находились мы. Ночь была невероятно холодной. Вынужденная неподвижность усиливала неблагоприятное действие погоды, и мы не переставали стучать зубами. Я подошел к Султану и сказал ему:

— Дорога забита, верхом не проехать. Давай поведем лошадей под уздцы и попробуем медленно продвинуться вдоль обочины. Хотя бы увидим своими глазами, что происходит впереди.

Он согласился. Я впереди, Султан следом, мы начали пробиваться вперед. Свободного места нигде не было, и каждый шаг нам давался с большим трудом. Поскольку идя таким образом мы беспокоили многих людей, нам постоянно приходилось извиняться и даже врать в свое оправдание, что впереди нас ждет наш командир. К рассвету мы добрались до моста. В результате, когда открыли мост, одними из первых через него перешли мы. Сдав огнестрельное оружие грузинским офицерам, мы сели на наших лошадей и вскоре достигли поселка Казбек¹.

Это одно из старейших сел Грузии, однако из-за гористого рельефа оно не развилось, оставшись небольшим по размерам. Большинство домов были одноэтажными и лишь несколько двухэтажных. Мы занялись поиском съемного жилья для ночлега, но оказалось, что прибывшие до нас уже заполнили все вокруг. Даже на улицах было негде ступить. Дома не успевали освободиться, как тут же едва ли не силой захватывались новыми квартирантами. От усталости и бессонницы люди забыли даже про голод и искали лишь место, где можно было бы прислонить голову и поспать. Наконец и мы отыскали жилье, только что покинутое нашими предшественниками. Однако примерно через два часа прибыли Хаджимирза Мисаков с женой и дочерью и еще несколько их родственниц. Встретив их, мы с Султаном, разумеется, уступили им только что снятый нами дом, а себе нашли другую комнату, куда вселились вчетвером, взяв в компаньоны брата Султана поручика Гёкгёза и его товарища.

---

¹ Казбек — ныне поселок Степанцминда Республики Грузия. С 1921 по 2007 год носил название Казбеги.

На выезде из поселка возвышается гора Коп. Нам сказали, что сходящие с нее лавины часто перегораживают дорогу, и поэтому колонна старалась двигаться через это место медленно и бесшумно. Для защиты от лавин там существовал тоннель, однако как раз в день нашего приезда сошла лавина и закрыла выход из него. Из-за этого мы задержались в Казбеке целых три дня. До горных вершин Большого Кавказа оттуда рукой подать, и поэтому, несмотря на то, что стоял март, зима продолжала господствовать там со всей суровостью. Опробитые покинувшие снятые дома и отправившиеся в дальнейший путь оказались в бедственном положении. Нам же повезло, что мы имели крышу над головой.

Шедшая впереди пехота также замедляла движение колонны. Во встречных селах невозможно было найти никакой снеди — даже кукурузных лепешек, не говоря уже о хлебе, так как прошедшие до нас подразделения смели все подчистую. В этой горной местности с неразвитым земледелием крестьяне и сами с трудом добывали себе пропитание и, если и были готовы продать кусок кукурузного теста, то по очень высокой цене. Это и не удивительно. Ведь Грузия — горная страна, и, хотя скотоводство там развито, недостаток посевных площадей всегда вынуждал население покупать зерно, а именно кукурузу, в Северной Осетии. В последнее же время они лишились этой возможности, так как Деникин, недовольный провозглашением Грузией независимости, закрыл дороги и запретил продажу им зерна. Потому-то местные жители, зная это, не очень хорошо к нам относились, покупая у нас вещи за бесценок и заламывая непомерную цену за свои товары.

Дорога казалась бесконечной. Расстояние, которое в нормальных условиях можно было покрыть за два-три часа, мы преодолевали за два дня. Села были очень грязными. Мы не увидели ни одного приличного дома. Люди жили в хлевах вместе со скотом. Раньше, при царе, на этой дороге между Владикавказом и Тифлисом курсировали почтовые экипажи, именовавшиеся дилижансами. Это были длинные четырехколесные повозки, запряженные двумя парами лошадей и пере-

возившие, подобно сегодняшним автобусам, как грузы, так и пассажиров. На определенном расстоянии друг от друга были построены станции со стойлами, навесами, залами ожидания и тому подобным. На этих станциях имелись готовые в любую минуту двинуться в путь крупные откормленные лошади под хомутами, так что проезжавшие экипажи могли без малейшего промедления заменить лошадей и продолжить свой путь. На некоторых станциях меняли и извозчиков. Теперь, среди этого беспорядка, ни о какой почте, разумеется, не могло быть и речи. Как я уже сказал, за полтора-два года до этого Деникин закрыл дорогу. Поэтому по пути мы пользовались этими станциями только для ночлега.

В одну из ночей мы достигли поселка Душет. Шел дождь с мокрым снегом. Как обычно, прибывшие раньше нас заняли все пространство. Не найдя даже навеса, под которым можно было бы укрыться, мы не решались и спешиться, так как грязи было по колено. Я приблизил свою лошадь, насколько это было возможно, к какой-то стене и прислонился к ней, однако дождь все равно лил на меня как из ведра. В таком положении под буркой я проспал до утра. Проснулся я от боли в желудке, должно быть из-за голода. Дождь прекратился. Я слез с лошади, чтобы дать ей отдохнуть, а сам стал делать какие-то упражнения, чтобы размять затекшие ноги и согреться. Почти все вокруг занимались тем же самым. В этот момент меня заметил полковник Костенджи из окна дома, в котором он остановился.

— Как дела, Кубатиев? — окликнул он меня.

— Как видите, — ответил я.

— Вижу, что ты изрядно голоден, — со смехом сказал он.

Я ответил, что не только я, но все в таком же положении. Полковник продолжил:

— А не мог бы ты найти барана или ягненка? Цена значения не имеет. Я заплачу.

Я вышел на улицу и стал осматриваться по сторонам. Увидев какого-то паренька, я подошел к нему и спросил, говорит ли он по-русски. Кое-как он мог изъясняться, и я спросил, где можно купить барашка.

— Здесь вы не найдете, — сказал он. — Видите на том холме два дома? Далековато, но если поедете со мной туда, я продам вам любого барана или ягненка, какого захотите.

На мой вопрос о цене он ответил:

— Смотря какого барашка выберете и какими деньгами заплатите. В ваших рублях будет от трехсот до пятисот, но если заплатите грузинскими деньгами, то это уже другое дело.

— Откуда у нас грузинские деньги? — сказал я. — Подожди здесь минуту, пока я схожу за деньгами.

Я доложил все полковнику и получил деньги. Когда я выходил из дверей, он крикнул вдогонку:

— Не забудь прихватить хлеба, если найдешь.

До домов на холме мы добрались примерно за 45 минут. Дома эти напоминали скорее хлева. Внутри справа от входа был привязан ослик, перед которым лежала охапка сена. Немного в стороне перед очагом пожилая женщина, должно быть мать паренька, пекла на чугунной чашке кукурузный хлеб. Еще дальше располагались овцы. Я сказал пареньку:

— Передай матери, чтобы продала мне из этих лепешек. Заплачу, сколько скажете. Я очень голоден.

Поговорив с матерью, он ответил:

— Мы печем хлеб для себя, а не для продажи. Мы даже не знаем, как его продавать.

Я, однако, продолжал настаивать, и женщина, отломив кусок хлеба, протянула его мне, говоря, что платить за это не нужно.

— Нет-нет, я сам напросился. Если не возьмете денег, я не смогу съесть этот хлеб, — возразил я.

Однако женщина вновь сослалась на то, что не знает, как следует продавать хлеб.

— Тогда я вас научу, — сказал я.

— Как? — смеясь, спросил парень.

— Пусть твоя мать испечет хлеб из всего этого теста, а я заплачу вам вчетверо больше стоимости использованной вами муки, — предложил я.

Видимо, женщина поняла всю затруднительность нашего положения и сказала, что испечет ради меня хлеб, но, разуме-

ется, продаст его не по названной мной чрезмерной цене, а гораздо дешевле. Я протянул им двадцать рублей, и они остались довольны. После этого мы перешли к овцам. Я выбрал подходящего барашка. Парень попросил за него триста рублей, но я предложил двести пятьдесят, и он согласился. Женщина тем временем второпях испекла четыре лепешки, которые я сложил в свой вещмешок. Затем мы связали ножки барашку, я сел на лошадь, и парень помог мне поднять купленное животное на руки.

Завидев меня, полковник несказанно обрадовался.

— Что бы мы делали без тебя? — подбодрил он меня, явно льстя мне.

Позвав хозяина дома, он велел ему сварить нам барашка, а из печени, почек и сердца сделать шашлык. В награду за это хозяин мог забрать себе шкуру и голову, а также получил немного денег. Повернувшись затем ко мне, полковник спросил:

— Кубатиев, а хлеба не было?

— Мой командир, я купил несколько лепешек, больше не нашлось. Думал принести их, когда сварится мясо, — ответил я.

— Так-то оно так, но у меня в животе урчит от голода. Не смогу столько ждать. Отломай-ка кусок и принеси мне.

Сказать, что лепешки были недопеченными, значит ничего не сказать. На самом деле это было просто горячее тесто. Но полковник буквально проглотил его с большим аппетитом. Чуть позже хозяин дома принес приготовленное им мясо, и вместе с товарищами полковника мы вшестером сели за стол. Подкрепившись мясом и кукурузным хлебом, мы немного пришли в себя. Остатки мяса завернули в бумагу, рассовали по вещмешкам и вновь двинулись в путь.

Нашей самой большой проблемой был хлеб, но вскоре мы решили ее следующим образом. Шедшая впереди пехота сметала все в придорожных селах, но не могла добраться до сел, лежавших в двух-трех километрах от дороги. Мы же на лошадях легко туда добирались и покупали себе достаточно хлеба.

По мере приближения к городку Мцхета местность стала выравниваться. Справа и слева мы видели пахарей, что указывало на большее развитие здесь земледелия. Местные крестьяне

были заинтересованы в покупке наших лошадей, одежды и обуви и давали за них неплохие деньги. Тем из нас, кто отказывался, они говорили:

— Потом пожалеете. Лошадей у вас в любом случае отберет наше правительство. Чем отдавать даром, лучше продайте нам.

Но мы им не верили. Один из местных даже предложил за мою лошадь 21 рубль грузинскими деньгами, но я сглупил и не согласился.

Мы прибыли в Мцхету, находящуюся в шести-семи километрах от Тифлиса и имеющую очень древнюю историю. Город расположен на берегу Куры у входа в большой тоннель на железнодорожной линии, ведущей в Батум. Отсюда когда-то управляли Грузией Вахтанг Горгасал¹ и другие цари. Магазины здесь были довольно богаты и именовались духанами. У входа в каждый духан продавалось вино в бурдюках из бараньей или козлиной кожи. Местные грузины были очень веселыми людьми и пили вино прямо на улицах, распевая: «Де-ла-ло, вай де-ла-ло, де-ла-ло ой-ой». Те из наших, у кого в карманах имелись лишние деньги, тоже посещали эти духаны и покупали, что хотели.

Прошло уже пятнадцать дней после нашего отправления из Владикавказа, но мы преодолели лишь двести километров. Не будь перед нами пехоты, мы прошли бы это расстояние самое большее за четыре дня с гораздо меньшими затруднениями. По-видимому, и здесь нам предстояло задержаться на некоторое время. Судя по виду прибывавших на станцию вагонов, нас собирались партиями отправлять в Батум. Наша дивизия была в этой очереди одной из последних, а за ней ждали своей очереди остатки Осетинского полка, с которым я, наконец, здесь встретился. Вы помните, что перед своим отправлением в Нальчик я служил во 2-м Осетинском полку. Оказывается, после моего отъезда командиром полка там стал полковник Хаджимирза Шанаев, бывший при мне заместителем тогдашнего командира Гутиева. Когда мы встретились, он сказал мне с некоторым упреком:

---

¹ В оригинале: Gorge Aslan. Имеется в виду царь Восточной Грузии, правивший во второй половине V века н.э.

— Ну, и кем ты стал, перейдя в Кабардинский полк?

— Я ушел не для того, чтобы кем-то стать. Я поехал туда по делу, а когда опоздал, вступил в тамошний Кабардинский полк. Ведь военная служба везде одинакова.

Конечно, Хаджимирза хотел сказать мне, что если бы я остался с ними, то, подобно моим товарищам, был бы поощрен и давно стал офицером. Я не стал пускаться в рассуждения на эту тему и свернул разговор. Стоило ли рассказывать подробно о том, что и в Кабардинском полку я пользовался уважением, но из-за развала фронта так и не успел получить приказ о своем производстве в офицеры? И что бы изменилось, если бы даже я получил его? Никто не знал, сможет ли еще наша армия придти в себя. А какой смысл быть офицером несуществующей армии?

Большинство служивших в этом Осетинском полку являлись моими родственниками или старыми друзьями. Среди тех же, кто вступил в полк после моего отъезда, было немало лиц примерно пятидесятилетнего возраста. Я не мог понять, почему этих людей призвали на службу. К примеру, моему двоюродному брату Кубади Кубатиеву было не меньше 35 лет. Бредя по расположению Осетинского полка, я встречал родных, обнимался с ними и расспрашивал о житье-бытье. Наконец, мне встретился мой очень близкий друг и к тому же родственник поручик Абдурахман Карабугаев. (Впоследствии он тоже эмигрировал, вступил в турецкую армию и участвовал в войне за независимость. Он дослужился до звания полковника кавалерии.) Он тоже заинтересовался тем, что я делаю среди кабардинцев. Коротко рассказав ему свою историю, я спросил:

— А что ты сам делаешь в этом развалившемся полку? И где вы нашли столько стариков?

В ответ он поведал мне следующее:

— Вообще-то я воевал в калмыцкой степи на астраханском фронте в кавалерийском полку под командованием полковника Шанаева. Приехал в отпуск домой (он был из квартала Карагач нашего села Урсдон). Когда же отпуск закончился, я отправился на станцию Даргкох, чтобы вернуться на фронт. Пока я ожидал поезд, который должен был прибыть из Владикавказа, с проти-

воположной стороны подошел длинный эшелон, полный военных. Из него вышел какой-то полковник и, заметив меня, позвал к себе и стал спрашивать, кто я такой и почему там нахожусь. Когда я объяснил ему, он спросил, из какого я села. Взглянув на имевшуюся у него карту, он сказал: «Отлично. Я командир карательного отряда. Опираясь на данные мне полномочия, беру тебя к себе. В твоё подразделение мы телеграфируем об этом. Твои односельчане жалуются, что большевики нападают на село и грабят людей. Нам поручено ликвидировать эти банды. Эту ночь ты проведешь с нами в вагоне, а завтра отправимся к вам». Он посадил меня в вагон, и на следующий день отряд двинулся в село. Полковник, его фамилия была Дорофеев, приказал мне сформировать подразделение из тех наших односельчан, кто мог держать в руках оружие, пообещав, что за свою службу они получают не только обмундирование и оружие, но и деньги (предполагалось, что будут разделены деньги из так называемого фонда военной контрибуции). Однако я не смог найти никого, кроме этих уже не молодых людей. Полковник говорил правду. После того, как наш Осетинский полк покинул село, скрывавшиеся в лесах большевики начали бесчинствовать. По ночам они совершали налеты на села, грабили и похищали людей, требуя за них выкуп. Все, к кому я обратился с предложением вступить в подразделение, с радостью согласились. Собственно, у них и дел-то других не было. Твой брат Алихан тоже вступил в мое подразделение, но вскоре ушел от нас и вернулся в село, сказав, что не может оставить пожилых родителей одних. Кстати, мы ему должны некоторую сумму, так что заплатим тебе вместо него. Так вот, мне с этим подразделением удалось кое-чего добиться. Я арестовал двенадцать большевистских главарей, действовавших в нашей округе, и доложил о совершенных ими преступлениях полковнику. Потом мы всех их расстреляли. (Он назвал имена этих двенадцати человек. Я всех их знал. Они были видными членами своей организации.) Теперь же люди, которых ты видишь рядом со мной, боясь мести со стороны родственников расстрелянных, не могут уйти от нас и бегут вместе с нами. Как и вы, мы ждем очереди на поезд. От-

сюда мы отправимся сперва в Батум, а затем в Поты, где сейчас находится наш штаб.

На следующий день Абдурахман Карабугаев принес мне немного денег, и я поставил подпись в ведомости вместо брата. Деньги неуклонно обесценивались, будущее было туманно, и я поспешил с аппетитом проесть эти деньги.

В подразделении Абдурахмана было примерно тридцать человек. В один из дней они собрались вместе, чтобы обсудить свое положение. Возобладавшая точка зрения вкратце сводилась к следующему: «В создавшейся обстановке возрождение деникинской армии едва ли возможно. Вероятнее всего, большинство ее личного состава эмигрирует за границу. Между тем наши семьи — матери, отцы, сестры, братья и дети — остались на родине. Можем ли мы бежать за границу, оставив их тосковать по нам? Азербайджан и Дагестан являются такими же независимыми республиками, как и Грузия. Так давайте же пока отправимся в Азербайджан, а затем, когда с Божьей помощью положение улучшится, вернемся на родину». О своем решении они сообщили и мне, предложив идти вместе с ними. С точки зрения морали и родственных связей они были правы. Но предположение о том, что положение улучшится и через Азербайджан можно будет вернуться на родину, показалось мне еще менее правдоподобным, чем то, что наша армия сможет сохраниться. Я не принял их предложение, ответив примерно следующее:

— Если все будут думать так же, как вы, и отойдут в сторону, то тогда наша армия обязательно рассыпется. Если же это произойдет, то положение уже точно нельзя будет изменить в лучшую для нас сторону. То, что когда-нибудь все успокоится, понимаю и я. Но не думаю, что даже тогда люди, с которыми мы сегодня воюем, все забудут и простят нас.

Они продолжали меня уговаривать, а я отказывался, пока вдруг в разговор не вмешался мой двоюродный брат Кубади.

— Не проявляй невоспитанность, — строго обратился он ко мне. — Твои старые родители, младший брат и сестры уже потеряли Умара, твоего старшего брата. Подумай, в каком они положении. Если же теперь и ты, их последняя надежда, уедешь

за границу и канешь в неизвестность, каково им будет? Лучше им узнать о твоей смерти. Тогда они хотя бы будут знать, где и как ты умер, и не будут напрасно ждать тебя. Ты скажешь: а разве сейчас не то же самое? Нет. Пока жив человек, жива и его надежда. Этой-то надеждой и живем мы. Если с Божьей помощью нам удастся вернуться на родину, разве твой отец не спросит меня, где ты? Когда же я расскажу ему обо всем, разве не обвинит он меня в том, что я как старший не взял тебя за руку и не привел домой? Что я тогда ему отвечу? Поэтому не веди себя, как ребенок. Образумься. Вспомни о людях, которые нас ждут, и послушайся нас.

После этих слов и я поневоле подчинился общему решению.

Подойдя к командиру нашего полка Адаму Адамовичу Костенджи, я объяснил ему положение и попросил его отпустить меня. С изумлением посмотрев мне в лицо, он сказал:

— Если ты был достаточно смел, чтобы остаться на родине, или если это не было для тебя опасно, то почему же ты не остался, предпочтя вместо этого трудности пройденного нами до сих пор пути? А раз уж ты здесь, то не лучше ли будет для тебя и дальше не расставаться с нами? Если нам удастся сохранить армию и перейти в контрнаступление, ты продолжишь работать со мной в чине поручика. Если же будет принято решение об эвакуации армии, то в этом случае мы отправимся на мою родину, в Сербию, и будем вместе переживать превратности судьбы. Буду сыт я, будешь сыт и ты. Буду я голодать, и ты поголодаешь. Поверь мне.

Я ответил:

— Благодарю вас. Мое доверие к вам безгранично. Но, как я уже сказал, мой двоюродный брат настаивает, и я, в соответствии с нашими традициями, не могу ему перечить. Откровенно говоря, с вами я чувствую себя в большей безопасности, и мне тоже очень трудно расставаться с вами. Но если мой двоюродный брат по возвращении на родину расскажет о том, что я ему не подчинился, моей семье будет стыдно за меня. Поэтому простите меня.

— Ладно, если так, то я уважаю твое решение, — сказал полковник. — Но прошу тебя об одном. Если когда-нибудь наша ар-

мия вновь начнет действовать и если я к тому времени буду жив, то знай, что я опять в России. Дай слово, что тогда разыщешь меня всеми способами и будешь служить вместе со мной.

По-военному отдав честь, я ответил:

— Клянусь своей честью и всем, что для меня свято, что если буду жив и если наступит такой день, я сделаю все, чтобы найти вас и продолжить службу под вашим началом.

Глаза Костенджи увлажнились. Он обнял меня и после короткой паузы сказал:

— Никогда не забуду моего отважного Кубатиева. Мы уже расстаемся? Ты едешь немедленно?

— Да, мой командир, — ответил я. — Сегодня отправляется поезд Дагестанского полка. Мы говорили с полковником Гасаниловым, и он обещал довезти нас до Баку. Возможно, я больше не успею повидаться с вами.

Он раскрыл свой чемодан, достал из него 25 тысяч рублей и протянул их мне со словами:

— Ты хорошо потрудился для нашего полка. Это полковые деньги, и я их отложил для тебя. Чтобы ты их попусту не истратил, я думал дать их тебе, когда останемся без средств в тех неизвестных краях, куда мы направляемся. Сумма не такая уж большая, но на какое-то время хватит.

Я поблагодарил его, и мы еще раз попрощались.

А днем раньше члены созданной «братской» Грузией закупочной комиссии осмотрели наших лошадей и определили их стоимость в грузинских деньгах. Еще когда они приближались к моей лошади, я услышал, как один из них произнес:

— Карги.

Посещая местные рынки, я выучил несколько слов на их языке и знал, что «карги» значит «хороший». Было понятно, что моя лошадь им понравилась. Мне было предложено три с половиной тысячи рублей. Вообще же платили от двух до трех тысяч. В этот момент я пожалел, что не продал ее по дороге.

— Пару дней тому назад крестьяне предлагали за нее двадцать тысяч. По-вашему, они не разбираются в лошадях? — попробовал я возразить.

Однако один из них строго одернул меня:

— Друг, ты, видно, забыл, где находишься. Будешь спорить, не получишь и эту цену.

До меня окончательно дошло, в какое положение мы попали. Огорчаться или спорить было бесполезно. Ведь два дня назад они просто отобрали лошадей у русских кавалеристов. Нам же хоть что-то платили как своим соседям.

В час ночи поезд Дагестанского полка тронулся. Когда утром мы пересекали границу с Азербайджаном, откуда-то издалека доносились звуки выстрелов.

— В чем дело? И здесь идут столкновения? — забеспокоились мы.

Но получили ответ:

— Ничего страшного. Это азербайджанцы и армяне сражаются на границе.

Поезд то и дело останавливался, и на станциях мы проводили гораздо больше времени, чем в пути. Хорошо еще, что дагестанцы, подобно эрзурумцам, обожают пляски под барабан и зурну. Как только наш поезд останавливался, они тут же начинали играть. Под звуки «дiiiiииит-дiiiiииит» мы тоже выходили из вагонов и начинали танцевать между рельсов наши танцы. Поручик Гёкгёз Мисаков был великолепным танцором. Собственно, известность он получил благодаря своему мастерству, продемонстрированному на танцевальном представлении в честь главнокомандующего Кавказской армией Николая Николаевича. Все с удовольствием наблюдали за его быстрыми красивыми движениями на кончиках пальцев. Но когда он танцевал так на рельсах, зурнисту становилось трудно следовать ритму танца.

— Пожалей свои пальцы, не пляши на железе, — просили его.

— Если это железо, то мы с ним еще более крепкое железо, — отвечал он, показывая на меня.

Между тем, хотя мое исполнение и нравилось окружающим, оно не могло сравниться с танцем Гёкгёза. Он обращался ко мне «мой адъютант», и мы обычно танцевали вместе.

Наше путешествие до стрелки Баладжары, находящейся в десяти километрах от Баку, заняло четыре дня. Здесь от поезда должны были отцепить задние вагоны, после чего передней части состава предстояло продолжить движение в Дагестан, а задней — отправиться с другим локомотивом в другом направлении. Однако новость, которую мы узнали по прибытии в Баладжары, буквально ошеломила нас. Оказывается, из огня мы попали в полымя — Дагестан захватили коммунисты. Спасаясь от них, мы оказались у них же в объятиях. На всех нас словно опустилась черная туча. Никто не знал, что делать и куда идти. Все были мрачны и нерешительны. Полковник Гасанилов, призвав нас сохранять спокойствие и не покидать вагоны, сообщил, что он послал в Дагестан телеграмму следующего содержания: «Дагестанский полк прибыл в Баладжары с целью вернуться на родину. Не знаем, где и кому нам сдать. Ждем на этот счет распоряжений верховного советского командования». Полковник сказал, что будет правильно спокойно дожидаться ответа и, исходя из его содержания, принимать дальнейшие решения.

Через день к нам пришел гражданский русский дипломат и потребовал у полковника Гасанилова список личного состава полка с указанием званий. Он сказал, что прибыл принять полк с тем, чтобы затем таким же образом сдать его советским властям Дагестана. Полковник Гасанилов задал вопрос:

— Мы сдаемся сами. Разве мы не имеем права знать, как с нами будут обращаться на родине?

Дипломат ответил:

— Моя задача — доставить вас туда. Дальнейшие решения относительно вас будут приниматься на месте.

Не получив ожидаемых гарантий, Гасанилов заколебался. Обсудив положение со своими офицерами на родном языке, он обратился к нам, осетинам:

— Мы передумали сдаваться. Как только поезд окажется на дагестанской земле, мы начнем незаметно группами сходить на небольших станциях и растворяться среди местных жителей, а затем укроемся в горных селениях. Представляю, как они рас-

строятся завтра, когда, явившись арестовывать нас, обнаружат лишь пустые вагоны. Этот медведь, что приходил к нам сегодня, ночью в поезде наверняка будет дрыхнуть. А если и не будет, что он один сможет сделать с нами? К тому же моменту, когда утром он явится в свою контору и доложит, что доставил нас, последняя наша группа покинет поезд.

Выслушав этот план, мы дружно рассмеялись. Затем Гасанов предложил нам:

— Поезжайте и вы с нами. Не бойтесь. Станете нашими гостями. Когда же захотите вернуться к себе на родину, мы поможем вам перебраться туда по горам, доведем до ваших сел.

Однако нами уже было принято решение просить убежище в Азербайджане, и поэтому, поблагодарив их за добрые намерения по отношению к нам, мы отказались от предложения. Под вечер их поезд тронулся, и мы тепло проводили их.

На следующее утро мы посадили на ехавший в Баку поезд трех наших товарищей с поручением разыскать проживавших там наших родственников — Алихана Кантемирова¹ и Азгери Туганова² — и рассказать им о нашем положении. (Алихан Кантемиров был известным патриотом. Вплоть до 1960-х годов, то есть до конца своей жизни, он неустанно боролся за независимость Северного Кавказа³. Азгери же являлся двоюродным братом моей матери⁴. Он был старшим братом полковника Тугана Туганова, о котором я упоминал выше.) Снаряженные нами товарищи не смогли встретиться с Алиханом Кантемировым, так как его не оказалось в городе, но Азгери Туганова они нашли и

---

¹ В оригинале: Kandemir.

² В оригинале: Azgery Tuğantay.

³ Алихан Кантемир (1886-1963) — общественный и политический деятель, адвокат. В 1918-1919 годах являлся неофициальным юридическим советником и представителем Горского правительства. В 1921 году эмигрировал в Турцию, а оттуда — в Европу. В период Второй мировой войны был редактором журнала «Северный Кавказ» — органа созданного немцами «Северо-Кавказского национального комитета». После войны активно сотрудничал в различных антисоветских организациях и изданиях.

⁴ Дословно: «сыном дяди по матери».

поведали ему нашу историю. Азгери немедленно отправился к начальнику железных дорог и сообщил ему, что в страну с целью получения убежища прибыла группа из тридцати человек, которых до завершения формальностей нужно где-то поселить. В результате он добился предоставления нам одного из пустых пассажирских вагонов третьего класса, стоявших на бакинской станции. Товарищи привезли нам эту радостную новость, и мы, избавленные таким образом от необходимости думать о гостинице, первым же поездом отбыли в Баку и разместились в вагоне. Заняв каждый по полке, мы расстелили свои бурки и шубы, подложили под головы вместо подушек вещмешки и заснули.

На следующий день мы ходили в баню и сбросили там многодневную усталость. Трое из наших товарищей, прогуливаясь по городу, повстречали своих родственников, и те забрали их к себе. Таким образом, количество обитателей вагона снизилось с тридцати до двадцати семи человек. Что касается Абдурахмана Карабугаева, он из-за какого-то дела отделился от нас еще в Тифлисе, думая присоединиться к нам позже. (Абдурахман, расставшись с нами, затем переменял свое решение и отправился вместе с дивизией в Потти. Его старший брат Махамат¹ находился с нами.) Теперь каждый жил в соответствии с количеством денег в его кошельке. В ресторанах мы расплачивались за съеденное по принципу «немецкого счета», а чтобы убить время, гуляли группами по бакинским улицам либо беседовали, сидя в кафе или вагоне.

Между тем Азгери хлопотал по нашим делам, пытаясь найти нам работу. Он обладал очень большими связями и был близко знаком с президентом и членами правительства страны, хотя я не думаю, что у него имелся какой-либо официальный пост. Вместе со своим компаньоном он содержал клуб-казино на первом этаже трехэтажного здания на перекрестке двух больших улиц около приморского парка. Это было роскошное заведение, где постоянно собирались местные высокопоставленные чиновники и генералы. Несколько раз Азгери пригласил туда и нас, угостив какао и чем-то вроде того. Хоть он и искал для нас рабо-

---

¹ В оригинале: Mehmet.

ту, однако проблема была в том, что никто из нас толком не умел читать и писать, да и мало кто имел какую-то специальность. Поскольку русский язык не был официальным, то получалось, что мы не знали и местного языка. В конце концов он устроил-таки нас в наемную жандармерию (милицию). Нам предстояло отправиться в Ленкорань на азербайджано-иранской границе, однако прежде надо было дождаться завершения всех формальностей и получения документов.

Азгери был высокообразованным человеком. Он был крупного телосложения, имел рост выше 1,9 метра и весьма привлекательную внешность. Одевался он в наш национальный костюм, тщательно сшитый из очень качественной ткани. Благодаря тонкому чувству юмора он вызывал всеобщее восхищение и любовь. У него был собственный автомобиль с шофером, что по тем временам считалось высшим шиком. Частенько он присылал шофера к нам справиться о нашем житье-бытье. Не забывал он и давать нам время от времени деньги на мелкие расходы.

— Не волнуйтесь, скоро ваш вопрос решится, — подбадривал он нас.

В тот период в Баку находилась какая-то турецкая делегация. Не знаю, с какой целью они приехали, но Азгери сказал им, что мы хотели бы эмигрировать в Турцию. Турки, однако, дали отрицательный ответ, сославшись на запутанность положения в своей стране.

Чем больше затягивались формальности, тем меньше становилось у нас денег. Вскоре мы вынуждены были забыть про рестораны и начать искать более дешевые способы пропитания. В прилегающем к вокзалу квартале мы обнаружили дома, где можно было купить яйца, молоко и другие продукты, и стали сами готовить из них нехитрые блюда. Однажды, когда двое наших товарищей слонялись по кварталу в поисках продуктов, беседа на нашем языке, какая-то женщина, услышав их разговор, обратилась к ним:

— Вы осетины?

Получив утвердительный ответ, она поинтересовалась причиной их пребывания в Баку. Товарищи рассказали ей о наших

приключениях, и женщина пригласила их зайти в дом и немного отдохнуть. В разговоре она спросила:

— А нет ли среди вас кого-нибудь из рода Кубатиевых? Я племянница Кубатиевых.

Товарищи, естественно, сказали ей обо мне и Кубади. По возвращении они сообщили нам, что встретили нашу племянницу, которая ждет нас к себе в гости. Мы с Кубади пошли. Бедная женщина так обрадовалась нам, так душевно нас приняла, что мне трудно передать это словами. Возможно, даже родная сестра не проявила бы большую сердечность. Мгновенно поставив самовар, она приготовила чай и другое угощение, называя нас исключительно дядями. Мы узнали, что ее муж работал кондуктором на поезде Баку-Тифлис и в тот момент находился в рейсе. На следующий день, когда муж вернулся из поездки, она рассказала ему о нас, и он тут же пришел на станцию, разыскал нас и пригласил группу в полном составе домой на ужин. Несколько человек из тех, что были старше нас, предвидя, что за столом может быть спиртное, под благовидными предложениями отказались от приглашения, дабы не помешать нам, молодым, повеселиться. Несколько человек были в самом деле больны. Еще несколько находились в тот день в городе. В результате в гости отправились четырнадцать человек. Женщина к нашему приходу приготовила все необходимое, и нас на славу угостили.

В этой связи я хотел бы коснуться экономического положения молодой Азербайджанской Республики. Нигде из описанных мной с начала моего рассказа мест я не встречал такого богатства, как в Баку. К примеру, в Грузии, где мы побывали незадолго до этого, народ нищенствовал. Найти кукурузную лепешку было большой проблемой. На рынках и в магазинах не на что было посмотреть. Внешний вид военных, одетых в мундиры из местного грубого войлока, был крайне убогим. Напротив, в Баку изобилие выплескивалось на улицы. После революции мы настолько привыкли к бедности в России, на Северном Кавказе и в Грузии, что при первом же посещении бакинского базара у нас начали разбегаться глаза. Оптовые магазины были забиты всевозможными товарами. Витрины хлебопекарен украшали бе-

лейшие караваи, булочки и бублики. В ресторанах подавались разнообразные изысканные блюда. Еще одной диковиной для меня вещью было то, что в бакалейных лавках продавали на развес рисовый плов. В наших краях мы давно забыли, как выглядит рис, а некоторые из нас его никогда раньше не видели. Что касается военных, то по всему было видно, что их положение очень хорошее. Спустя несколько дней после нашего прибытия в Баку состоялся парад по случаю выпуска из военного училища молодых офицеров, которые торжественным шагом прошли по центральным улицам. Это было зрелище непередаваемой красоты. На выпускниках были бухарские папахи, плотно прилегающие черкески из дагестанской шали с закрытой грудью и стоячими воротничками (мы называли это «фасоном Зелимхана»), широкие белые эполеты, кавказские сапоги, шашки и кинжалы. После парада они группами прогуливались по городу, своим видом внушая гордость и уверенность наблюдавшим их.

Вот в такой обстановке, гуляя днем и нанося визиты по вечерам, мы дожидались завершения формальностей. Между тем вагонная жизнь стала все больше тяготить нас. Беспорядочное нездоровое питание и ночевки в случайных местах во время нашего длительного пути постепенно начали сказываться, и несколько наших товарищей слегли в постель. Четверо заболели тифом. Азгери привел врача, привез лекарства и вообще большую часть своего времени тратил на нас. Каждый день мы с надеждой ждали появления автомобиля Азгери и известия о начале нашей службы.

9 мая 1920 года (26 апреля по старому стилю) после полудня Азгери вышел из своего автомобиля в приподнятом настроении.

— Поздравляю! Наконец-то я добился подписания ваших документов. Теперь вы сможете отправиться в Ленкорань, — сообщил он радостную весть.

Однако из-за все усугублявшейся болезни наших товарищей мы не слишком обрадовались. Азгери сел рядом с большими и вынул из своего портфеля ворох бумаг. Это были подготовленные для каждого из нас служебные удостоверения с нашими

фотографиями и личными данными, которые мы должны были предъявить в управлении жандармерии Ленкорани, чтобы приступить к работе. Азгери сперва вручил удостоверения больным со словами:

— Не падайте духом и продолжайте принимать лекарства. Не волнуйтесь, завтра я опять приведу врача. С Божьей помощью все вы поправитесь.

Затем, называя по одному имена и фамилии, он раздал документы остальным и добавил:

— Пошлите сейчас же двух человек на пристань. Пусть возьмут билеты на пароход до Ленкорани. Отправляйтесь туда без задержки и приступайте к своим обязанностям. Аллах велик. Кто знает, какие двери он откроет перед вами? В зависимости от развития событий и положения в стране я буду вас обо всем информировать и окажу необходимую поддержку. Не сомневайтесь в этом.

С этими словами он поднялся. Мы еще раз сказали Азгери, что понимаем, какое беспокойство причинили ему, и, поблагодарив его за оказанную нам помощь, проводили из вагона. Я и два товарища собрали у остальных деньги и спустились к пристани. Однако, когда мы попросили в кассе билеты на ближайший рейс до Ленкорани, нам ответили, что билеты продаются лишь в день отплытия и что ближайший пароход будет, вероятно, через три дня.

В осетинском языке есть поговорка — «тæдзынæгæй цых-цырæгмæ»¹. В дословном переводе это означает «из-под желоба под водосточную трубу», что соответствует выражению «из огня да в полымя». По возвращении с пристани мы увидели перед нашим вагоном машину Азгери.

— Надеюсь, все в порядке. Ведь Азгери, кажется, уехал до того, как мы отправились на пристань, — сказал я.

— Должно быть, он решил привезти доктора для наших больных, не дожидаясь завтрашнего дня, — предположил один из товарищей.

— Хорошо, если так, — сказали мы и ускорили шаг.

---

¹ В оригинале по-осетински: Tedzinegy tsightsiregme.

Внутренний голос, однако, подсказывал, что дело в чем-то другом. Войдя в вагон, мы увидели наших товарищей, в гробовой тишине с опущенными головами слушающих Азгери. Я с тревогой бросил взгляд в сторону, где лежали больные, но там все было без изменений. Пытаясь понять, что произошло, я встретился взглядом с Азгери, и он, чтобы удовлетворить любопытство нас троих, вновь пришедших, начал свой прерванный рассказ с начала:

— Случилась большая беда. Бесчестные люди тайком от правительства вступили в контакт с коммунистами в Дагестане и направили им приглашение придти и занять страну, пообещав, что не будет оказано никакого вооруженного сопротивления. Теперь большевики приедут в Баку, как на пикник. Ввиду этого договоренность о вашем трудоустройстве расстроилась. Но не впадайте в панику. Мы непременно найдем какой-нибудь выход. С этого момента я в таком же положении, как и вы. Сдаваться большевикам я не собираюсь. Вряд ли они прибудут сюда раньше, чем через три-четыре дня. У меня здесь много знакомых — ханов и беков. Они, я уверен, позволят нам погостить в их селах. Отныне, где бы мы ни были, мы будем вместе. Раз уж мы покинули нашу родину, то не все ли равно, где находиться? Что Ленкорань, что другое место — какая разница?

Слегка утешив нас таким образом, он удалился. Хотя мы были весьма обеспокоены этими новостями, нам не оставалось ничего другого, как положиться на Азгери и его окружение. Морально измотанные, мы рано легли спать. Сон, однако, не шел ко мне, и под похрапывание товарищей я пролежал, не сомкнув глаз до самого утра.

Было, кажется, 28 апреля 1920 года по старому стилю. Один из наших товарищей, поднявшись утром, чтобы справить нужду, выглянул в окно и тут же, как ошпаренный, закричал:

— Коммунисты пришли!

Мы все повскакали с постелей. На станцию один за другим прибывали украшенные красными флагами бронепоезда. Выходившие из них солдаты в высоких конических головных уборах с красными звездами обнимались с толпами людей, пришед-

шими их встречать. Как не было конца подходившим поездам, так нескончаем был и поток людей. С военными все было понятно, но откуда взялось столько народа? На огромной станции негде было упасть яблоку. Несмотря на то, что наш вагон стоял на самом дальнем пути более чем в километре от здания вокзала, люди вскоре окружили и его. Осознав свое положение, мы, чтобы не быть замеченными снаружи, притаились кто где. Все молчали. Многих трясло от страха и нервного расстройства. Мы старались не шевелиться, но и это не могло нам ничего гарантировать, так как стоило кому-то из толпившихся вокруг людей задаться вопросом «А что, интересно, в этом вагоне?» и открыть дверь, он мгновенно понял бы, кто мы такие. Ведь на большинстве из нас были английские кители, брюки и ботинки. У тех же, кто был одет в черкески, на месте отпоротых эполет виднелись не видевшие солнечных лучей темные пятна, которые красноречивее самих эполет свидетельствовали о том, что мы являемся остатками разбитой деникинской армии.

Один из товарищей тихо произнес:

— Давайте хотя бы уничтожим документы, указывающие на принадлежность к нашему старому полку.

Вынув спички, он сжег свое удостоверение бойца Осетинского полка. Мы сделали то же самое. В наших удостоверениях напротив названия подразделения было написано слово «доброволец», и если бы эти удостоверения обнаружили при нас, то немедленно расстреляли бы без суда и следствия, устроив отличное зрелище для жителей Баку.

Примерно в восемь часов дверь вагона внезапно открылась. Боюсь, что в этот момент многие из нас напустили в штаны, но не сомневаюсь, что почти все произнесли про себя шахаду¹. Внутри вошли потчевавший нас несколько дней назад у себя дома кондуктор и его жена. Он был в форме железнодорожника и поэтому не привлек к себе ничьего внимания. Заперев за собой дверь, он сказал нам:

---

¹ Шахада (араб. «свидетельство») — формула исповедания ислама, свидетельствующая веру в единого бога и пророческую миссию Мухаммеда.

— Если у вас имеются какие-либо вещи, которые могут вас выдать, отдайте их мне. Я вынесу их из вагона и спрячу дома или уничтожу.

Мы осторожно собрали наши шашки, завернули их в старую одежду и вручили им. Больше ничего у нас и не было. Они ушли, и в вагоне снова наступило гробовое молчание. У всех кровь застыла в жилах, ни на ком не было лица, а с уст слетало лишь слово «смерть». Мы были уверены в том, что наступили наши последние минуты. Постепенно, однако, когда в голову начали приходиться мысли о других ожидавших нас перспективах, немедленная смерть перестала выглядеть столь пугающей и даже начала казаться единственным способом избавления от возможных мук. Мы ждали, словно приговоренные к казни, и большинство, видимо, думало о рае и аде, шепотом повторяя дрожащими губами известные им суры и аяты¹.

Хотя никто ничего не говорил, а точнее — не мог сказать, в душе, конечно же, все раскаивались, что оставили дивизию. Особенно, наверно, злился я, как на себя, так и на своего двоюродного брата Кубади, думая о том, что не будь я столь предан нашим обычаям и воспротивился его настояниям, со мной бы не приключилось всего этого и сейчас я находился бы в безопасности рядом с полковником Костенджи. Тем не менее, в соответствии с теми же традициями, я не выказывал своей досады Кубади. Да и что изменилось бы от этого? Возврата к прошлому все равно уже не было.

Было уже около десяти часов, а нашим вагоном по-прежнему никто не интересовался. Сидя, как запертые в курятнике куры, мы смотрели в лица друг друга, словно выискивая виновного. Впрочем, возможно, это мне лишь казалось. Ведь все, кроме меня, приняли то решение единогласно и потому не могли обвинять друг друга. Воспоминания о недавнем прошлом не покидали меня, и, все больше сердясь на самого себя, я мысленно повторял: «Разве до Мцхеты я добрался их умом? Если бы я хотел вернуться на родину, я мог еще в Реданте принять при-

---

¹ Сура — глава Корана. Суры делятся на аяты («стихи»).

глашение Мисоста Цурова¹ и остаться гостить у него вместе с Муратом Кубатиевым. Но его совету я не последовал. Так отчего же я подчинился этим злополучным людям? Будь самим собой, Темирболат! Если посчастливится выпутаться из этой беды, никогда больше не слушайся других, всегда поступай так, как сам считаешь нужным!»

Приподнимаясь время от времени со своего места и осторожно выглядывая в окно, я видел, что снаружи становится все многолюдней. Невозможно было понять, откуда шли эти толпы. Наконец мне надоело это безнадежное ожидание, и я подумал: «А что, если внезапно выпрыгнуть в толпу и раствориться в ней? Кто меня узнает, и кому до меня будет дело? Эти люди и сами не отдают себе отчета в том, что делают. Лишь тупо орут. Если они узнают, кто я, то, конечно, убьют. Но разве не то же самое они сделают, когда обнаружат нас здесь?» Я поделился этими мыслями с товарищами. Все удивленно уставились на меня и, словно парализованные, не произносили ни слова. В противоположность бесновавшейся толпе снаружи, эти тупо молчали. Раньше остальных вышел из оцепенения мой двоюродный брат Кубади и начал мне с раздражением выговаривать:

— Куда это ты собрался прыгать? Думаешь, ты здесь умнее всех? Сиди на месте. Если суждено умереть, то умрем вместе.

Я ответил:

— Смерть есть смерть. От того, умрем мы поодиночке или всей группой, ничего не изменится. Да и не думаю я, что наши трупы долго пролежат рядом. Неизвестно, по каким углам они раскидаются.

Кубади попробовал продолжить свои поучения, но я прервал его:

— Прибереги свои советы для себя! Если бы я не послушался тебя в Мцхете, то не оказался бы сейчас в этом положении.

Он был не на шутку рассержен и одновременно сконфужен. Я еще в тот момент пожалел о сказанном, однако слетевших с языка слов уже было не вернуть. Я снял с себя черкеску и

---

¹ В оригинале эта ингушская фамилия приводится здесь и далее с осетинским окончанием: Tsurati (Цураты).

переоделся в белую суконную кавказскую рубаху, лежавшую в моем вещмешке. На голову я надел зимнюю папаху из длинной шерсти.

— Да защитит вас всех Аллах! Простите меня, если в чем-то был перед вами неправ, — сказал я и направился к двери.

Однако в этот момент Осман Карабугаев вскочил с места:

— Я тоже иду с тобой.

— Я не хочу никого ни к чему подталкивать, — сказал я.

Он перебил меня:

— Дело не в тебе. Я сам об этом думал. Если бы ты не предложил первым, это сделал бы я.

Взяв меня за локоть, он сам подтолкнул меня к выходу.

Приоткрыв дверь, я выпрыгнул и сразу же оказался в гуще людей. Осман следовал за мной. Я начал плечами и локтями прокладывать себе путь через толпу. Никто никого не замечал, каждый был словно сам по себе, находясь в какой-то эйфории. Нашей целью было пробиться к зданию вокзала, но куда там? Невозможно было и шагу ступить. Плотность людей была такова, что не то что яблоко, даже брошенная иголка, вероятно, не долетела бы до земли. Одним плечом пробивая себе дорогу, я медленно двигался вперед, а Осман, держа меня за другой рукав, следовал сзади. Больше получаса понадобилось нам, чтобы добраться таким образом до вокзала. Столпотворение, которое творилось там, и вовсе не поддавалось описанию. Полагаю, что не обошлось без растоптанных под ногами толпы, но кому до этого было дело? Люди буквально ходили по спинам и головам друг друга.

За зданием вокзала параллельно улице тянулась железная ограда, в двух местах которой имелись ворота. Ограда была выше человеческого роста. Чтобы выйти в город, мы подошли к одним из ворот, однако они оказались заперты на засов, а рядом стоял большевистский часовой, который не пропускал никого ни внутрь, ни наружу. Подойдя к часовому, я, сделав усилие над собой, сказал:

— Товарищ¹...

---

¹ В оригинале по-русски: Товарищ.

(В русском языке слово «товарищ» до революции означало друга, приятеля. Но после революции оно изменило смысл и стало употребляться в значении соратника по борьбе за одни и те же идеалы. Оно очень широко использовалось и подчеркивало равенство всех людей. Ленин обращался к своим последователям «товарищи», и они в свою очередь называли его «товарищ Ленин». Поскольку это слово стало фактически паролем большевиков, мы перестали произносить его и при обращении к своим вместо него говорили «друг», «земляк» или что-нибудь вроде этого. В нашей среде слово «товарищ» было оскорбительным.)

Выговорить это слово мне было, наверное, так же трудно, как мусульманину съесть свинину, если такое сравнение позволительно. Впервые в своей жизни я был вынужден обратиться к коммунисту таким образом, и оттого меня мутило, а язык не хотел поворачиваться во рту. Я еле-еле договорил:

— Товарищ, ради Бога, пропустите!¹

Но эти мои слова едва не навлекли на нас беду. Солдат вдруг замахнулся на меня прикладом своего ружья, словно намереваясь ударить, и выругался:

— Е... твою Бога мать!²

От испуга я отшатнулся назад, насколько это было возможно в той давке, но уперся спиной в Османа, не сдвинувшись ни на сантиметр. Я вновь начал просить часового:

— Товарищ, прости мне ошибку. Иногда по старой привычке с языка слетают неправильные слова.

После этих извинений мой язык — вероятно, по Божьему умыслу — неожиданно развязался, и, хотя заранее я ничего не придумывал, из меня полился поток вполне правдоподобного вранья:

— Товарищ, позволь нам выйти. Мы будем тебе очень благодарны. Чуть свет мы пришли на станцию встречать вашу советскую армию. С тех пор стоим в толпе без еды и воды. С собой что-нибудь взять не сообразили. Разреши сходить домой перекусить. В ногах сил не осталось.

---

¹ В оригинале по-русски: *Tovarişi radi Boga propusdiyte.*

² В оригинале по-русски: *Yöp tvayü Boga mat.*

Часовой, однако, оказался очень упрямым и в ответ только твердил:

— Запрещено!

Я продолжал умолять, приводя всевозможные доводы, чтобы убедить его по-человечески пожалеть нас, и надеясь, что когда-нибудь ему надоест с нами препираться. В конце концов солдат не выдержал и гаркнул:

— Да ну, иди, е... твою мать!¹

Он на секунду приоткрыл дверь, и мы проскочили в нее.

Поскольку нам до того момента казалось, что почти весь город собрался на станции встречать советских солдат и что прибывших на поездах подразделений более чем достаточно, мы предполагали, что улицы будут пусты. Между тем картина в самом городе ничем не отличалась от той, что мы видели на станции. В дополнение к войскам, переброшенным по железной дороге, по шоссе в город колоннами въезжали полные солдат грузовики, а население Азербайджана вместе с чадами и домочадцами высыпало на улицы. Многие даже забрались на крыши домов и оттуда рукоплескали солдатам. Медленно проталкиваясь, как и на станции, сквозь толпу, мы к одиннадцати часам добрались до казино Азгери. Там, однако, находился лишь его компаньон.

— Сегодня Азгери не приходил, — сказал он. — Возможно, он бежал.

Услышав эти слова, мы мгновенно пали духом. Это был смертельный удар по нашим надеждам. Я был готов заплакать. С опущенными плечами и поникшими головами, глядя перед собой в землю, мы, словно провинившиеся дети, молча покинули казино. От усталости мы плохо соображали. Я посмотрел в сторону парка на противоположной стороне улицы, надеясь найти там свободное место, чтобы немного посидеть и отдохнуть, но и там все было наводнено людьми.

Стоял ясный погожий день. Магазины и лавки не работали. Вокруг все было украшено красными флагами. Царила атмосфера настоящего праздника. Собственно, этот день и был объяв-

---

¹ В оригинале по-русски: De nu idiyi yöp tvayü mat.

лен праздничным. Если бы всего двумя днями раньше мне сказали, что этот народ так жаждет этого режима, я бы не поверил. У нас на родине в силу плохого экономического положения и сословного неравенства режим нашел себе сторонников, и народ раскололся надвое. Здесь же ничего подобного не наблюдалось. Но сейчас и богатые, и бедные в едином порыве радовались случившемуся.

Думая об этой произошедшей за сутки перемене, я прихожу к следующему выводу. Можно понять и предвидеть образ мыслей и поступков отдельных людей, потому что взгляды того или иного отдельно взятого человека не меняются легко и за короткое время. Что же касается целых обществ, то, напротив, крайне трудно определить их настроения и угадать, где, когда и как они поступят, но зато всегда с легкостью можно перевернуть их мысли с ног на голову при помощи нескольких возбуждающих лозунгов, таких как «справедливость», «свобода» и т.п. Иными словами, индивидуальное мышление весьма устойчиво и постоянно, в то время как общественное — зыбко и шатко. Именно поэтому говорят, что революции пожирают собственных детей. Подобные события имели место и у нас в Турции. К примеру, одни и те же толпы до переворота 27 мая 1960 года восторженно встречали на улицах Анкары выжившего в авиакатастрофе премьер-министра, забывая по случаю его счастливого спасения жертвенных баранов, а после переворота столь же бурно радовались его свержению¹. Я, конечно, этого не видел своими глазами, но на основании статей и фоторепортажей в газетах тех лет позволю себе сделать это сравнение.

Продолжу, однако, свое повествование. В парке свободных скамеек не оказалось. Что нам было делать? Не возвращаться же назад в вагон, где наши потерявшие надежду товарищи жда-

---

¹ Автор говорит о судьбе лидера Демократической партии Турции, премьер-министра (1950-1960) Аднана Мендереса. В феврале 1959 года он остался невредим при падении правительственного самолета, выполнявшего рейс из Стамбула в Лондон. 27 мая 1960 года был отстранен от власти военными и затем казнен по обвинению в коррупции и злоупотреблении служебным положением.

ли только своей смерти? Когда я во второй или третий раз оторвал взгляд от земли, чтобы найти скамейку, я вдруг увидел одетую в черкеску кирпично-красного цвета богатырскую фигуру Азгери, прокладывавшую себе путь через толпу. В тот момент я не думал о том, сможет ли он нам чем-то помочь или нет. Но он в любом случае был нашей единственной надеждой. Радостно толкнув Османа, я крикнул:

— Азгери идет!

Он тоже увидел нас и, подбежав, спросил:

— Так вы здесь? Я с утра о вас думаю. Где остальные?

Я рассказал ему. Похлопав меня по плечу, он сказал:

— Молодцы! Очень правильно поступили. Жаль, что они тоже не догадались по одному-два человека смешаться с толпой и придти сюда. Здесь бы мы нашли какой-нибудь выход.

— Мы пойдем и сообщим им, — ответил я. — Большинство придет. Но у больных нет сил ходить. С ними что делать?

Нахмурившись, Азгери на некоторое время задумался. Затем он посмотрел на казино и, словно увидев там лучик надежды, сказал:

— Подождите меня минутку.

Он вошел внутрь, а мы через окно наблюдали, как он направился к сидевшему за одним из столиков человеку. Увидев Азгери, человек встал. Они пожали друг другу руки и снова сели. Немного погодя Азгери вышел с какой-то запиской в руке. Оказывается, сидевший внутри человек был нашим земляком, осетинном из Христиановского, и являлся главным врачом бакинского госпиталя. Азгери и раньше рассказывал ему о нас, поэтому на этот раз он лишь коротко описал ему наше положение. В ответ доктор предложил следующее:

— Сейчас уже больше двенадцати часов, и скорее всего на станции людей не осталось. Пусть эти двое возьмут два фазтона, подъедут поближе к вагону, вынесут оттуда больных, отвезут их в госпиталь и сдадут там врачам вместе с этой запиской. Остальное я беру на себя. Здоровые же тем временем пускай по два-три человека незаметно выберутся из вагона и разместятся в различных гостиницах города.

Взяв записку, мы с Османом помчались на станцию. На улицах и в самом деле стало меньше людей. На станции же было совершенно пусто, так что мы смогли подогнать фаэтоны почти вплотную к вагону. Войдя внутрь, мы застали наших товарищей на тех же местах, где оставили, будто кто-то приковал их к ним цепями. Они потрясенно смотрели на нас потухшими глазами, будучи, видимо, совершенно уверены в том, что нас давно задержали и расстреляли. Когда изумление прошло, они начали задавать нам вопросы о том, что происходит снаружи и где мы были в течение этого времени.

— Сейчас не будем терять время, — сказал я. — Снаружи ждут два фаэтона. Вставайте, помогите посадить в них больных. Я отвезу их в госпиталь, а Осман тем временем расскажет, что случилось и что вам надо делать.

Мы быстро собрали больных и усадили их в повозки. Госпиталь был довольно далеко за городом. Где находится дежурный врач, никто не знал. В конце концов я разыскал главного санитаря и с его помощью перевел больных в палату. (Этим нашим больным товарищам предстояло пробыть в больнице довольно долго. Уже после того, как мы покинули Баку, двое из них выздоровели и выписались. Другие же двое скончались. Одним из скончавшихся был Махамат Карабугаев, брат упомянутого мной выше Абдурахмана.)

Когда я вернулся из госпиталя к Азгери, чтобы сообщить о том, что больные устроены, я обнаружил там всех наших здоровых товарищей, которые, не найдя мест в гостиницах, собрались в казино. Азгери обзванивал по телефону одну за другой гостиницы, но тщетно — мест нигде не было. Бедняга совсем забыл о собственных проблемах, словно их у него не было, и занимался только нами. Мы же, двадцать шесть почти обреченных людей, с надеждой ловили каждый его взгляд и ждали каждого его слова. Конечно, мы тогда доставили ему очень много хлопот. Возможно, даже столкнувшись с непосредственной угрозой для своей жизни, он не испытал бы столько трудностей. Окажись на его месте я, думаю, что просто сошел бы с ума. В какой-то момент я заметил, что ему становится плохо. Ничего никому не го-

воря, он вышел на улицу и очень долго не возвращался. Мы почувствовали себя крайне неуютно в его отсутствие. Чем дольше он задерживался, тем больше одни из нас впадали в уныние, полагая, что он больше не вернется, а другие, напротив, пытались приободрить себя и товарищей предположением о том, что он, скорее всего, вот-вот найдет для нас места. Наконец, Азгери вернулся вспотевший и немного взволнованный.

— Не подумайте, что я забыл про вас, — сказал он. — Я бегаю по вашим делам, но иногда приходится заниматься и другими вопросами. Главное, я выяснил, что начальник прибывших сегодня бронепоездов — мой однокашник по лицу. Подумав, что это может быть для нас полезно, я нанес ему визит. Поскольку в их системе нет понятия собственности, то рано или поздно они, разумеется, конфисковали бы мой автомобиль. У меня же в этой ситуации возник шанс сохранить достоинство и одновременно завоевать расположение командира. Я решил сделать жест и сам подарил ему автомобиль. Впрочем, он и так, едва увидев меня, бросился мне на шею со словами «Так вот ты, оказывается, где!» и попросил находиться рядом с ним. Теперь я просто не могу от него отделаться. После совместного обеда он предложил вместе сходить в кинотеатр. Чтобы не обижать его, я вынужден был согласиться. Сейчас я отпросился у него на час, сославшись на какое-то дело, потому что мои мысли все время были с вами. Здесь, однако, вам лучше долго не задерживаться. Мне пора возвращаться, а вы пройдитесь по улицам. В некоторых домах могут сдаваться комнаты. Я тоже по возможности буду искать, но постарайтесь сами найти несколько комнат и как-нибудь провести эту ночь. А завтра посмотрим, что пошлет Бог.

Мы по несколько человек разбрелись по соседним кварталам в поисках квартир. Искали долго, но безрезультатно. В каком-то трущобном квартале нам предложили полуподвальное помещение без окон и дымохода. Нам пришлось зажечь средь бела дня лампаду, и тогда мы увидели разложенные на земляном полу циновки. Моих товарищей такое жилище не устроило.

— Как мы будем жить в этой темнице? — сказали они, и мы ушли.

Пока мы искали жилье, наступил вечер. Взявшие власть в свои руки военные ввели запрет на нахождение на улицах в темное время суток. Из-за чрезвычайного положения мы не смогли купить даже хлеб и были голодны. На перекрестках появились большие плакаты, на которых перечислялись следующие пункты: «В городе введен комендантский час... Носить или хранить дома ордена, медали, гербы, эмблемы, эполеты и прочие символы царского времени запрещено... Клубы, казино, кафе, рестораны и подобные общественные заведения с 20 до 5 часов должны быть закрыты... В указанные часы появляться на улицах запрещено». С наступлением сумерек мы все вновь собрались в казино Азгери. Никто так и не смог найти жилья, и все опять с надеждой ждали Азгери. Время шло. Один за другим закрывались соседние магазины. Люди спешили домой. Мы же продолжали сидеть в полной растерянности. Когда в казино никого, кроме нас, не осталось, компаньон Азгери подошел к нам и вежливо сказал:

— Господа, поймите меня правильно. Мне очень жаль, но мы должны закрыть заведение. Вы сами знаете, каково положение.

— Мы ждем Азгери, — ответили мы.

— Никто не знает, когда придет Азгери. Да закрытия же остаются считанные минуты.

— Вы, конечно, правы, но мы не нашли места для ночлега, — неуверенно попытались мы возражать. — На улице нас сразу задержат. Нельзя ли...

— То, о чем вы подумали, пришло в голову и мне, и Азгери. Но мы не можем на это решиться. Слишком рискованно. Если вас задержат здесь, Азгери и я окажемся в очень тяжелом положении, и тогда Азгери, являющийся сейчас вашей единственной надеждой, больше не сможет оказать вам никакую помощь. Если вас задержат на улице, возможно, вы сможете спастись. Здесь же у вас не будет ни одного шанса. Прошу извинить меня.

Он был прав. Мы нехотя собрали вещмешки и бурки и вышли на улицу. Какое-то время мы потоптались перед входом в клуб. Вышедший следом за нами компаньон Азгери запер дверь

на ключ и, пожелав нам удачи, быстро удалился. Мы понимали, что находимся в еще более опасном месте, чем вагон, который покинули утром. Там хотя бы было темно и безлюдно, и никто не видел нас. Уже зажглись уличные фонари. Вот-вот должно было начаться патрулирование города военными. Все хорошо представляли себе свою участь в случае задержания. Вокруг не было ни души. Мы же, как вкопанные, продолжали стоять на месте в гробовом молчании.

От нервного напряжения я начал прохаживаться взад и вперед перед казино. Через какое-то время я увеличил дистанцию и, дойдя до конца здания, заглянул за угол. Там я заметил открытую дверь, принадлежавшую тому же зданию, где располагалось казино. Просунув в нее голову, я увидел лестницу, ведущую на верхние этажи. Здание было трехэтажным, но что в нем находится, мне не было известно. «Уж не отель ли это?» — подумал я и начал подниматься по лестнице. На первом и втором этажах имелись довольно просторные лестничные площадки с деревянными перилами, на каждой из которых находилось друг напротив друга по две двери. На третьем этаже площадка была поменьше, а дверь только одна. Я постучался поочередно во все двери, но ни из одной не последовало ни звука. Вероятно, здесь проживали богатые семьи, которые, узнав о предстоящем приходе большевиков, оставили свои дома и перебрались в более безопасные для них места. Вернувшись к своим товарищам, я рассказал им об обнаруженном за углом подъезде.

— Чем посреди улицы ожидать ареста, лучше укрыться до утра в том укромном месте, — сказал я.

Не успел я договорить, как все с возгласами «Где это?» побежали впереди меня к подъезду. Когда я догнал их, они уже расположились по десять-двенадцать человек на лестничных площадках двух нижних этажей. Я поднялся на верхний этаж. Те, кому не досталось место на площадках, улеглись прямо на ступеньках. Света уличных фонарей хватало для того, чтобы мы не наступали друг на друга. От голода, усталости и страха мы были вконец обессилены, и вскоре большинство захрапело.

То ли от испуга, то ли от нервного напряжения сон ко мне не шел. Прислонив голову к перилам лестницы, я наблюдал за тем, что происходит внизу. Прошло довольно много времени. Приблизительно в 23 часа снизу слышались шаги. По их звуку можно было понять, что идущие обуты в ботинки или сапоги. Следовательно, это были военные. Когда они поднялись на несколько ступенек, я разглядел три силуэта. «Вот и наступил наш долгожданный конец, — подумалось мне. — Интересно, кто из этих троих станет нашим Азраилом¹?» Несмотря на такие мысли, я не испытывал физического страха, то есть у меня не было дрожи в руках или чего-нибудь подобного. Шедший впереди патрульный дошел до первой лестничной площадки и, увидев лежащих вповалку людей, произнес:

— Это что?²

Затем он несколько раз крикнул:

— Эй, товарищи!³

Наши, однако, спали настолько крепко, что ничего не узнали бы, наступи даже конец света. Патрульный попытался растолкать некоторых руками, но они были так измотаны, что не просыпались, а лишь переворачивались на другой бок и продолжали храпеть. Внизу были люди гораздо старше меня по возрасту, и я думал, что они дадут какой-нибудь ответ. Кроме того, мне не хотелось во всем брать инициативу на себя. Однако в тот момент какая-то непреодолимая сила вынудила меня прервать молчание. По сей день, вспоминая это, я думаю, что меня заставил заговорить сам Аллах. Я говорил без запинки и видимого волнения.

— Что вам, товарищ?⁴ — окликнул я сверху солдата.

Посмотрев вверх, он спросил:

— Вы кто такой?⁵

---

¹ Азраил — в исламе: ангел смерти, уносящий душу человека в иной мир.

² В оригинале по-русски: Eto çito?

³ В оригинале по-русски: Eyuu tavarışı.

⁴ В оригинале по-русски: Çito vam tavarışı.

⁵ В оригинале по-русски: Vıy kto takoy.

— Человек¹, — ответил я.

По тому, как патрульный задавал вопросы, и по его выговору было заметно, что он не слишком грамотен. Я же по мере разговора отвечал на его вопросы все увереннее.

— Я не о том спрашиваю, — продолжил он. — Я спрашиваю, почему вы загородили проход и почему здесь лежите?

— Товарищ, мы служили в жандармерии на иранской границе в Ленкорани. Сегодня прибыли оттуда пароходом. Но в город вошла армия, и нам не удалось нигде устроиться. Это здание принадлежит одному нашему земляку. Мы надеялись, что он поможет нам с жильем. Пришли сюда, а его здесь не оказалось. Было уже поздно, и мы решили заночевать здесь до утра.

Патрульный позвал меня вниз. Я спустился. Тем временем от шума мои товарищи тоже начали постепенно просыпаться. Солдат потребовал наши удостоверения, и я велел товарищам достать удостоверения, которые днем раньше раздал нам Азгери. Однако, понимая, что некоторые из нас могли выбросить документы, я не стал обходить всех. Наспех собрав небольшую пачку удостоверений, я сунул их в руки солдату. Глядя в них, он начал медленно читать по слогам: «Ленн-коо-ра...». Дальше этого он не смог продвинуться, поскольку, как я и предполагал, был неграмотен. Повертев в руках документы и внимательно изучив наши фотографии, он сказал:

— Я тут мало что понял, но дело подозрительное. Поднимай своих друзей. Пойдем в комендатуру.

Я пустился во все тяжкие, объясняя ему, что мои товарищи смертельно устали и к тому же уже сутки ничего не ели и не пили, что именно поэтому они без сил валяются в этом подъезде и что им необходимо хотя бы немного выспаться, чтобы добраться до комендатуры. Спросив меня, сколько нас человек, и получив ответ, солдат стал еще более неуступчивым:

— Легко сказать двадцать шесть! Я не пойму, кто вы такие. Что-то тут не так. Не хочу я брать на себя ответственность. Придется вам идти с нами в комендатуру.

---

¹ В оригинале по-русски: Çalovek.

Я продолжил свои мольбы:

— Мы же люди, а не звери! В чем вы нас подозреваете? Я обещаю, что утром вместе с двадцатью пятью своими товарищами явлюсь туда, куда вы скажете. Вы ведь такие же солдаты, как и мы, и знаете, что такое усталость. Посмотри, как они все вымотаны. Они не то, что в комендатуру пойти, даже с места подняться не смогут, хоть ты им пулю в лоб пусти.

Я говорил все, что приходило мне в голову и что могло хоть как-то помочь нашему положению. Ни мои товарищи, ни двое других патрульных не вмешивались в разговор. Говорили только мы двое. В конце концов мой собеседник задал вопрос:

— Вы какой нации?¹

— Осетин, — ответил я.

Стоявший рядом с ним и молчавший до того момента его товарищ вдруг спросил на южноосетинском диалекте:

— Ирон стут?² (Мы, осетины, называем себя на нашем языке «ирон».)

Я ответил утвердительно и задал ему тот же вопрос. (Эти осетины проживали на южном склоне Кавказского хребта в районе Гори, на границах Грузии. Они были христианами. Поскольку они породнились и сблизились с грузинами, они хорошо знали и наш, и грузинский язык. Поэтому русские называли их полуосетинами³. Это были грязные люди. Они ели свинину и даже павших животных, говоря, что их «зарезал Бог». Знаменитый Сталин тоже был из них. Его мать была грузинкой, а отец полуосетином из рода Дзугаевых⁴.)⁵

Теперь я ухватился за этого солдата-осетина как за палочку

---

¹ В оригинале по-русски: *Viy kokoy natsiyi*.

² В оригинале по-осетински: *Iron stut?* («Вы осетины?»).

³ В оригинале по-русски: *Pol Osetin*.

⁴ В оригинале: *Dzuga*.

⁵ Мы сознаем, что данный авторский комментарий может шокировать современного читателя. Тем не менее мы предпочли обойтись без политкорректных купюр, так как считаем этот пассаж небесполезным документальным свидетельством состояния осетинского национального сознания и степени адекватности представлений одной части этноса о другой на описываемом историческом этапе.

ку-выручалочку. Я начал на нашем языке просить его убедить своего товарища оставить нас в покое. Может быть, он даже пожалел о том, что задал свой вопрос. Но деваться было уже некуда: однажды вступив в разговор, теперь он поневоле должен был нас поддерживать. Однако даже вдвоем нам не удавалось преодолеть ослиное упрямство первого патрульного. Наконец он стал немного сговорчивее и спросил:

— У всех есть такие удостоверения?

— У всех, — не колеблясь ответил я, хотя совсем не был в этом уверен. Повернувшись к своим товарищам, я громко крикнул:

— Все достаньте удостоверения!

Они начали копаться в карманах. Еще несколько человек протянули свои документы патрульному, остальные продолжали их сонно искать. Повернувшись ко мне, солдат сказал:

— Ясно. Документы они отыщут утром. Слушай меня, товарищ! В восемь часов утра я приду сюда и потребую от тебя этих двадцать пять человек. Так и знай!

— Конечно! Конечно! Приходи, когда пожелаешь, и веди, куда захочешь. Только оставь сейчас в покое этих бедняг.

Пожелав нам спокойной ночи¹, патруль ушел, и все мы облегченно вздохнули.

Сон теперь окончательно покинул моих сослуживцев. Все стали обсуждать, как нам следует поступить утром. Поскольку я полагал, что с лихвой выполнил свою миссию, то сидел в стороне и слушал их. Через какое-то время, однако, некоторые начали поглядывать в мою сторону, словно желая узнать, что я думаю обо всем этом. Я не выдержал и со смехом сказал:

— Нечего смотреть на меня! Все вы, не считая пары человек, старше меня по возрасту. Я и так уже сегодня утром проявил невежливость, когда без разрешения старших покинул вагон. Потом я еще и лишил вас вашего вагона, в результате чего вы оказались на улице. Не последуйте вы за мной, возможно, все это не приключилось бы с вами. Сейчас мне каким-то чудом удалось перехитрить солдат, но больше я ничего не в силах придумать. Так что пусть решат старшие, как нам быть дальше.

---

¹ В оригинале по-русски: Спокоуно поџ.

Самым старшим из нас был уже упоминавшийся мной Хаджумар Зекеев¹, который впоследствии бежал вместе с нами в Турцию и поселился в Сарыкамыше. Это был храбрый и честный человек. Он тогда сказал:

— Не упрекай себя напрасно. Вы оба вернулись в вагон, чтобы помочь нам. Если бы вы не получили в свое время это воспитание и заботились только о себе, сейчас вы не были бы здесь вместе с нами. Как-нибудь вы вдвоем раздобыли бы себе и кров, и еду. И то, что вы покинули вагон, было с вашей стороны не только смелым, но и разумным поступком. В противном случае мы и сейчас сидели бы по углам того вагона и, может быть, еще до прихода туда солдат перемерли бы от голода и страха среди собственного дерьма. Я думаю, что гораздо достойнее умереть, предпринимая какие-то усилия для своего спасения, пусть даже в чем-то ошибаясь, чем молча и трусливо ждать конца. Правильно говорят: «Ум не в годах, а в голове»². Здесь не место для демонстрации наших правил вежливости. Каждый, кто может предложить что-нибудь дельное для нашего спасения, пусть скажет, что думает. Я старше всех вас, но считайте, что сегодня последние остатки разума покинули меня. Говорите, не стесняйтесь.

Наступила тишина. Наконец я спросил:

— Никто не хочет предложить выход? Или будем ждать, когда утром придут и заберут нас?

Никто не ответил, и я продолжил:

— Если не возражаете, я скажу, как нам с Божьей помощью выбраться отсюда. Тот солдат, конечно, не изменит своего решения. Но неизвестно, когда он сдаст свой караул. Потом он ляжет спать, и не думаю, что утром сможет встать очень рано. В развешанных объявлениях было сказано, что в 5 часов отменяется запрет на появление на улице. Значит, нам надо внимательно прислушиваться к происходящему снаружи. Как только там начнется первое движение, я скомандую «Марш!», и все без раздумий и промедления последуют за мной. Отсюда мы выйдем очень

---

¹ В оригинале: Hacı Ömer Jeketey.

² Данное выражение — турецкая поговорка.

тихо, а куда пойдём, не спрашивайте меня. Пока же все спите, только не мертвым сном, как до сих пор, а держа ухо востро.

— Да кто же после всего этого ещё сможет заснуть?! — дружно проговорили они.

После долгого молчания один из них произнес:

— Даже если ты собираешься повести нас в объятия смерти, мы беспрекословно пойдём за тобой. Даем слово. Потому что иного выхода у нас нет. Об одном только прошу. Скажи нам, что это за место. Коль скоро мы не умерли от голода и страха, то не хочешь же ты, чтобы мы умерли от любопытства.

Я рассмеялся:

— Конечно, скажу. И пусть со мной идут лишь те, кто хочет. Но даже если не захочет никто, я отправлюсь туда один.

Бросив взгляд на товарищей, которые вечером ходили вместе со мной искать жильё, я добавил:

— Как насчет темного подвала, который вы забраковали сегодня?

— О-о-о! — хором ответили они. — Да нам бы только попасть туда! Ни о чем лучшем мы и не мечтаем.

Да, везде и во все времена встречаются такие люди. Сами не будучи в состоянии сделать что-либо полезное или хотя бы подать дельную идею, они при этом требуют от других только самого лучшего. Они не способны ни реально оценить положение, в котором находятся, ни предвидеть дальнейшие события. Эти люди склонны бахвалиться; охотничьи небыллицы просто детский лепет рядом с их рассказами. У меня они вызывают одновременно и раздражение, и жалость. Одна из турецких пословиц хорошо говорит про таких: бедняку дали огурец, а он запривередничал, мол, почему кривой. Или еще одна: не имеет даже айрана, чтобы выпить, а к возлюбленной на паланкине ездит. Люди этого сорта придают большое значение также внешнему виду и одежде. Но, как гласит еще одна пословица, даже если надеть на осла золотое седло, он все равно останется ослом.

Вот так и наши ждали всего от Азгери. Я не выдержал и сказал им:

— Если бы вы сегодня не проявили столько привередливости, сейчас у нас не было бы таких проблем. Не надо по каждому поводу беспокоить Азгери и ожидать всего от него. Он и так бросил все свои дела и занимается только нами. Даже если бы он нашел для нас места в самых шикарных гостиницах, на сколько дней хватило бы имеющихся в ваших карманах денег? Я уже не говорю о том, что эти деньги не сегодня, так завтра будут изъяты из обращения. Но Аллах велик. Смотрите, в который раз за сегодняшний день он проявляет к нам милосердие. Не бойтесь! Он снова спасет нас. Его воля сильнее воли коммунистов.

— Аминь! — ответили все хором.

Я был до крайности утомлен и вскоре задремал на том же месте, где сидел, облокотившись спиной о стену. Не знаю, сколько я так спал, но проснулся я от голоса товарища, возвещавшего, что снаружи доносятся звуки проезжающих телег. Мы тут же встали и собрали свои вещи. Еще не рассвело. Переулками, обходя главные улицы и тем самым еще больше удлинив свой и без того не близкий путь, мы добрались до нашей темницы, почти никого не встретив по дороге. Разбудив хозяина, мы попросили его открыть нам дверь. Хотя на улице было уже довольно светло, в помещение мы вошли при свете керосиновой лампы пятого номера¹. Мои товарищи сразу же растянулись на разостланных на полу циновках. На данный момент мы снова пережитрили смерть. Некоторые из наших даже принялись играть в карты. По нашей просьбе хозяин принес большой самовар с кипятком, чай и много выпеченного в тандыре хлеба. Используя вместо сахара леденцы, мы наелись досыта и можно даже сказать — до отвала.

После завтрака все опять начали обсуждать, что делать дальше и куда идти. В том, что идти надо на родину, сомнений не было. Однако когда и как это сделать? Ответов на эти вопросы не было. И вновь мы сходились на том, что кроме Азгери уповать нам не на кого. Если он не спрячет нас куда-нибудь подаль-

---

¹ Керосиновые лампы в зависимости от ширины фитиля делились на пяти-, десяти-, четырнадцати-, шестнадцати- и двадцатилинейные. Лампы пятого номера, таким образом, были наименее мощными.

ше, то в один прекрасный день нас обязательно найдут в этой темнице, и тогда все наши усилия пойдут прахом.

Было уже за полдень. Я подумал, что Азгери, вероятно, сейчас теряется в догадках относительно того, куда мы делись, и надо бы дать ему знать о себе. Взяв с собой молодого Умара Карабугаева, я отправился в казино. Там было много народа, но Азгери не было видно. Мы нашли только его компаньона. Увидев нас, он воскликнул:

— Где вы?! Азгери вас с утра разыскивает. Он очень обеспокоен. Когда я рассказал ему, в каком положении вчера мне пришлось вас оставить, он едва не сошел с ума. Пожалуйста, посидите. Возможно, он скоро подойдет.

Мы просидели довольно долго, но Азгери не появился. Поэтому, попросив компаньона передать ему, что нам удалось снять жилье и на сегодняшний день мы находимся в относительной безопасности, мы удалились. На обратном пути в наше обиталище мы захватили с рынка хлеб, сыр и прочую снедь. Время от времени хозяин ставил для нас самовар. Вскоре мы перестали ощущать разницу между днем и ночью, точнее, для нас постоянно стояла ночь. Зато каждый из нас мог в любое время прилечь в углу и вдоволь поспать. Я тоже в ту ночь хорошенько выспался и даже видел сон, который доныне не могу забыть. Мне приснилось, будто в каком-то многолюдном месте мне преподнесли свинину и заставляли ее съесть. Меня же при виде этого тошнило так, словно мой желудок собирался вывернуться наизнанку. «Не съем, хоть убейте!» — заявил я. В ответ на это они прикололи каким-то крючком к левой стороне моей груди, то есть к сердцу, довольно крупный и жирный кусок. От омерзения я не мог ни тронуть его рукой, ни взглянуть на него, и ходил, глядя прямо на горизонт. Но иногда мой взгляд все же случайно падал на этот кусок мяса, и тогда мое сердце начинало колотиться с бешеной силой, будто хотело выскочить из грудной клетки. Проснулся я весь в холодном поту.

На следующее утро, позавтракав высушенным хлебом и чаем с леденцами, мы с Умаром Карабугаевым опять отправились в казино. Азгери ждал нас.

— Где вы пропали? Я очень волновался за вас, — сказал он. — Вчера я весь день высматривал вас на бакинских улицах и, нигде не встретив, испугался, что вас задержали. Если бы по возвращении в казино мой компаньон не сказал мне о вашем визите, я был бы вынужден обратиться к командиру. Теперь рассказывайте, что вы сделали.

Я рассказал о наших злоключениях. Он вновь похлопал меня по плечу:

— Bravo! Пока сидите там тихо. По улицам группами не ходите, а то можете попасться. Побудьте некоторое время в этой темнице. Я тоже буду искать вам другое жилье, но пусть и те из вас, кто более или менее прилично одет, по одному или два человека продолжают поиски. На улицах будьте внимательны, оглядывайтесь по сторонам. Среди военных могут оказаться и наши земляки, которые могут донести на вас. Как только заметите что-нибудь подозрительное, сразу же меняйте маршрут и заматайте следы. И еще вот что. Сегодня вышло новое распоряжение. С этого дня все гражданское население должно носить на шее или на груди кусок красной ткани. Это будет считаться знаком верности советской власти. Те же, кто не подчинится, будут причислены к ее противникам. Я захватил для вас немного ткани. Вот, передайте товарищам, пусть пришьют к одежде. Не стоит пренебрегать этим требованием. А тебе это сделать будет и вовсе просто. Смотри, большинство так и делает.

С этими словами Азгери оторвал небольшой кусок красной материи и, расстегнув пуговицу на левом верхнем кармане моей кавказской рубахи, обернул вокруг нее ткань, а затем снова застегнул карман. Когда я, наклонив голову, краем глаза наблюдал за его действиями, мне вспомнился мой ночной сон. Я задрожал от отвращения и, наверно, даже побледнел.

— Что это с тобой? — спросил Азгери.

Я рассмеялся и рассказал ему про свой сон. Он удивленно покачал головой, а затем сказал:

— Обязательно заглядывайте ко мне каждый день. Если у кого-нибудь закончатся деньги, не стесняйтесь попросить.

Мы поблагодарили и ушли.

Через три дня наши товарищи нашли светлые чистые комнаты на третьем этаже одного четырехэтажного здания, и мы немедленно переселились туда. На нижнем этаже дома располагалось кафе, а на втором — гостиница, именовавшаяся «Хавадар-Палас». Третий этаж тоже был задуман как гостиница, но там пока не было окон и дверей, а на полу были разостланы лишь циновки. Зато комнаты хорошо проветривались. За это жилье мы должны были платить по одному азербайджанскому рублю с человека в сутки.

Постепенно тревожения и страхи первых дней новой власти стали забываться. Хотя мы и не теряли бдительности, но частенько по одному или по два прогуливались по улицам, чтобы убить время. Из разговоров посетителей кафе, находившегося на первом этаже нашей гостиницы, мы узнали, что в ночь накануне советской оккупации члены азербайджанского правительства и президент страны, взяв с собой государственную казну, прибыли на железнодорожную станцию, чтобы бежать в Тифлис, однако были задержаны собственным народом и переданы вошедшим под утро в город советским войскам. Их дальнейшая судьба была неизвестна. В ту ночь мы и сами были на станции, но, разумеется, ни о чем этом не могли знать, сидя взаперти в своем вагоне. До того времени мы толком не представляли себе, что такое коммунистический режим. Ведь мы никогда не жили под советской властью и судили о ней только понаслышке. В сущности, лозунги большевиков о равенстве и справедливости не были для нас неприемлемы. Как я рассказывал выше, поначалу мы у себя на родине даже заключили с ними договор и согласились на передачу им излишков наших земельных владений. Но они не удовлетворились нашей землей и захотели отомстить нам за обиды, понесенные от наших предков за сотни лет. Вот тогда-то наша борьба перестала быть спором из-за режима и превратилась в кровную месть. Поскольку с того момента мы непрерывно сражались с ними, у нас не было информации о том, что происходит в местах, где утвердился этот режим. И лишь в Баку мы получили возможность наблюдать изменения, произошедшие здесь в течение недели, и делать сравнения. Я

уже описывал, какими мы застали в день нашего приезда сюда местные базары и магазины. Теперь же все пришло в полный беспорядок. На магазины был наложен арест, а их двери опечатаны. Товары разом куда-то исчезли, так что на рынке невозможно было найти самую простую вещь. От былого оживления на улицах тоже не осталось следа. Похоже, те улыбчивые лавочники, ремесленники и крестьяне, которых мы встречали в первые дни, истратили весь свой капитал радости на праздновании прихода советской армии и теперь стали банкротами и в этом смысле. Уже на третий день их можно было видеть уныло и хмуро бродящими по городу. А те симпатичные молодые офицеры, которые пятнадцать дней назад торжественно маршировали в честь окончания училища? Отпоров совсем недавно с гордостью нашитые эполеты и не познав счастья служения отечеству, они по двое-трое грустно слонялись по улицам без дела. Наверняка были и довольные жизнью, но странным образом мы таких не встречали. Наоборот, все, кого мы видели, были задумчивы и озадачены. Мне кажется, в глубине души они кляли себя за то, что пригласили этот режим, но было уже поздно. Глядя на них, иногда мы даже забывали про собственную беду.

Повсеместно у хозяев были отобраны излишки жилплощади. На третий день после входа в Баку советской армии мы узнали о самоубийстве нефтяного короля Мухтарова. Он был женат на двоюродной сестре¹ Азгери Лизе и потому считался нашим зятем. Мухтаров был уже в довольно преклонном возрасте, и детей у них не было. Когда мы пришли к ним для выражения соболезнований, нам рассказали обстоятельства случившегося. У Мухтарова в разных частях Азербайджана имелось много домовладений. Войдя в Баку, большевики конфисковали все его дома, находившиеся в городе, оставив ему небольшую квартиру, состоявшую из двух смежных комнат, куда и были вынуждены перебраться Мухтаров и его жена. В тот день в двери этой квартиры постучали четверо военных, искавших себе жилье. Мухтаров открыл им дверь. После короткого разговора военные вошли внутрь и, осмотрев помещение, сказали:

---

¹ Дословно: «дочери дяди по отцу».

— Для вас двух комнат многовато. Переместитесь с необходимыми вещами во внутреннюю комнату, а мы поселимся тут.

— Но ведь существует неприкосновенность частной жизни, — попытался возражать Мухтаров. — Если бы здесь были две отдельные комнаты, вы были бы правы. Но комнаты смежные, фактически это одна комната.

— Меньше говори, старый дурак, — бросили в ответ солдаты и начали располагаться.

Тогда Мухтаров вынул из-под пиджака пистолет и, уложив всех четверых на месте, пятаю пулю пустил себе в висок. (Госпожа Лиза впоследствии переехала в Турцию и в течение многих лет преподавала французский язык в одном из стамбульских лицеев.)

Постепенно мы привыкли к новым условиям и стали забывать о страхе быть задержанными. Частенько мы заглядывали в кафе, кондитерские и подобные общественные заведения, иногда даже решаясь посидеть в них. Заодно мы надеялись узнать что-нибудь из разговоров окружающих о складывающейся обстановке. Через несколько дней после переселения в наш безоконный, бездверный, но зато прекрасно вентилируемый терем мой двоюродный брат Кубади сказал мне:

— Я устал есть каждый день одно и то же. Давай сходим в ресторан. Может быть, немного придем в себя.

Хорошенько пообедав в ресторане, мы зашли в близлежащий парк и сели на скамейку недалеко от входа. День был погожий, и в парке было достаточно многолюдно. Некоторое время мы молча смотрели по сторонам, хотя оба думали об одном и том же — как и когда нам удастся вернуться на родину. Кубади первым нарушил молчание.

— Что будем делать? — задал он вопрос и пустился в какие то рассуждения.

Я вежливо слушал его. В этот момент мое внимание привлекли два человека, вошедших в ворота парка. Они были в нашем костюме, при полном вооружении и с широкими красными повязками на левой руке, как у патрульных. Пока я думал о том, что

означает этот наряд, они, беседуя, приблизились к нашей скамейке. С одним из них я встретился взглядом, и в тот же момент мы узнали друг друга, а затем бросились навстречу друг другу и обнялись. Это был тот самый Мисост Цуров, которого я встретил в Реданте по дороге в Тифлис и который тогда предложил мне остаться у него в гостях по примеру моего двоюродного брата Мурата.

— Ты что здесь делаешь? — одновременно вырвалось у нас, и мы оба рассмеялись.

— Это Худаберди, сын моего родного дяди, — представил нам Мисост своего товарища.

Я в свою очередь познакомил их с Кубади. Все пожали друг другу руки, и мы снова сели на скамейку. Рассказав о нашихключениях и нынешнем положении, я спросил:

— А теперь вы рассказываете, что означают эти повязки на ваших руках и почему вы разгуливаете с оружием. Или вас не касается чрезвычайное положение?

— А мы — героические офицеры советской армии, — со смехом ответил Мисост и подмигнул мне.

Обменявшись несколькими фразами со своим спутником по-ингушски, он вновь повернулся ко мне и продолжил:

— Я ведь тебе, негоднику, еще в Реданте советовал погостить у меня. Но ты не послушался и в результате подверг себя стольким испытаниям. Там у нас тоже немало таких, как вы, скрывается по лесам и горным селам. Сколько вы еще сможете вот так тайком жить тут? На родине вам было бы легче замести следы и отсидеться, пока все успокоится. Ведь нынешнее положение не будет длиться бесконечно. Вы знаете, что мы, чеченцы и ингуши, приняли большевизм. Мы с Худаберди служим в Ингушском коммунистическом шариатском полку. После занятия Баку нашему полку здесь больше нечего делать, и завтра в полночь мы отбываем на родину. Думаю, что мы сможем спрятать вас обоих среди наших людей и провезти с собой. Ничего не говорите остальным вашим товарищам, а сами ровно в назначенный час приходите на станцию и там сядьте в вагон, который я вам укажу. Остальное мы берем на себя. Повторяю: только

вы двое. Говоря честно, я бы не стал этого делать ради такого упряма, как ты. Но из уважения к тете Фузе сделаю.

Еще немного побеседовав, мы разошлись. Возвращаясь в «Хавадар-Палас», мы с Кубади едва не летели от радости.

— Верно говорят, что под лежащий камень вода не течет, — сказал он. — Если бы мы сегодня продрыгли в гостинице и не прогулялись в этот парк, удача не улыбнулась бы нам. А знаешь, о чем говорили между собой Мисост и Худаберди?

Я и не знал, что Кубади владел ингушским языком.

— Нет, — ответил я.

— Тогда я тебе расскажу. Сперва, указывая на тебя, Мисост сказал Худаберди: «Этот негодник — сын сестры матери нашего Ахмата. Здесь они в большой опасности, положение их безвыходное. Я хочу забрать этого паршивца домой, спрятав среди наших людей. Что ты на это скажешь? Если потом узнают, что я встретился с ним и не оказал помощь, я никогда в жизни не смогу показаться на глаза жене моего дяди. Да и Ахмату что я скажу?» Худаберди ему в ответ: «Не беспокойся! Кто что заметит в огромном полку? Довезем без проблем, еще и гостить у нас оставим». Тогда Мисост ему говорит: «Раз так, я отведу его сейчас в сторонку и скажу, чтобы он тайком от остальных пришел в нужное время на станцию». Худаберди же отвечает: «Да не преувеличивай ты это дело! Зачем отделять от него его двоюродного брата? Заберем обоих. В огромном эшелоне никто никого не узнает». Пока они говорили, я с трудом сдерживался, чтобы не подать вида, что все понимаю. Лишь когда Мисост принял предложение своего товарища, я успокоился. Скажу тебе откровенно: если бы они решили взять с собой только тебя, я бы воспротивился этому и потребовал, чтобы они или забрали нас обоих, или обоих оставили здесь.

Как ни посмотри, а знать языки — хорошее дело. Если бы тогда Мисост не согласился с Худаберди и сделал предложение одному мне, я ради своего спасения принял бы их условия и последовал за ними, ничего не сказав Кубади и другим товарищам, ибо в те дни каждый думал прежде всего о спасении собственной жизни. Потом бы я в этом раскаивался, но изменить ничего уже было бы нельзя.

Когда мы, счастливые, приблизились к гостинице, Кубади, замедлив шаг, сказал:

— А как ты думаешь, не согласятся они взять с собой еще и нашего юного Умара Карабугаева? Он младше всех у нас в группе, единственный сын в семье, к тому же наш племянник. Если наша сестра спросит нас о нем, что мы ей ответим?

— Я скажу Мисосту, — ответил я.

Вернувшись в «Хавадар-Палас», мы разыскали Умара и, рассказав ему обо всем, велели быть наготове.

На следующий день, когда остальные товарищи были в городе, мы втроем собрали наши вещи и снесли их в камеру хранения. Затем мы рассчитались за проживание и сообщили администратору, что этим вечером покинем гостиницу. То, что я назвал вещами, состояло из наших бурок и кое-какой мелочи. Весь день мы слонялись по улицам и паркам, пытаюсь убить время. Казалось, этот день никогда не закончится. С наступлением сумерек мы вновь собрались в гостинице. Сказав остальным, что решили втроем где-нибудь поужинать, мы спустились вниз, забрали вещи и удалились из гостиницы. Когда примерно за полчаса до полуночи мы прибыли на станцию, полк уже садился в поезд. Стараясь обходить освещенные места, мы издаleка высматривали Мисоста. Наконец, я увидел его стоящим у двери одного из вагонов и взглядом изучающим окружающее пространство. Ясно было, что он ищет нас. Я сделал несколько шагов вперед, чтобы он заметил меня. Он сделал мне знак, и я, подойдя, сказал, что нас трое.

— Кто? — последовал вопрос.

Я объяснил.

— Не беда. Идите быстрее, — сказал он.

Около двери никого не было. Мои товарищи ждали в нескольких метрах позади меня. По моему знаку они мгновенно подбежали, и мы вошли в вагон. Салон освещали керосиновые лампы пятого номера. Мисост представил нас сидевшим в вагоне ингушам, и мы, поочередно пожав всем руки, заняли отведенные нам места. Через некоторое время поезд двинулся. Видимо, личный состав полка не ужинал, и, как только поезд

тронулся, все достали выданные им пайки и начали раскладывать их на столах. Паек включал в себя много черного ржаного хлеба и соленой рыбы. Ешь себе вдоволь! Я, однако, отродясь не переносил рыбий запах, почему-то он у меня всегда вызывает тошноту. Вдобавок я затрудняюсь выбирать косточки из рыбы, что не позволяет мне толком ощутить ее вкус. Поэтому из предложенной ингушами рыбы я ел только находившиеся у хвоста филейные кусочки, а остальное выбрасывал в открытую дверь вагона.

Мы очень быстро сдружились с нашими спутниками, которые проявляли по отношению к нам неподдельное радушие. На станциях, где нашему поезду предстояли сравнительно длительные стоянки, они знакомили нас со своими сослуживцами из других вагонов. (Ингуши на своем языке называли нас, осетин, «хири»¹, а себя — «галгай»². Мы же их именовали «мæхъ-æлон»³, а себя — «ирон»⁴. Возможно, я уже писал об этом, но не могу здесь еще раз не коснуться осетино-ингушских отношений. На правом относительно течения берегу Терека проживали ингуши, а на левом — осетинские княжеские фамилии (алдары⁵) из рода Тага (тагиаты). Поскольку тагиаты были мусульманами, с ингушами они ладили очень хорошо. Благодаря заключавшимся между ними бракам они породнились и владели языком друг друга. Например, в Реданте совместно проживали ингушские фамилии Цуровых и Льяновых и осетинская фамилия Слоновых⁶, являющаяся ответвлением тагиатов. Мать нашего покровителя в этом путешествии Мисоста Цурова тоже принадлежала к Слоновым. Эту фамилию называли еще и Дударовыми⁷. Мы же, фамилии дигорских баделиатов, жили западнее территории тагиатов и, ввиду отсутствия между ними и нами каких-либо словных или религиозных различий, тоже роднились с ними. То

---

¹ В оригинале: Hiri.

² В оригинале: Galğay.

³ В оригинале по-осетински: Mekhelon.

⁴ В оригинале по-осетински: İron.

⁵ В оригинале по-осетински: eldertte.

⁶ В оригинале: Slon, Slonate.

⁷ В оригинале: Dudarlar.

есть, хотя у нас не было прямого родства с ингушами, через тагиатов мы состояли с ними в опосредованном родстве. Поэтому ингуши считали своим долгом проявлять к нам должное уважение и любезность. В то же время ингуши не уживались с населением христианских осетинских селений Батако, Ольгинское, Хумаллаг и Гизель, также расположенных по соседству с ними, а также с жителями казачьих станиц. При каждом удобном случае они убивали и грабили обитателей этих сел, а иногда устраивали на них набеги с целью угона лошадей. В те времена между ними постоянно происходили убийства из-за кровной мести.) Это длинное примечание я сделал вот почему. Когда на станциях наши спутники по вагону, знакомя нас с другими своими товарищами, говорили «Хири», те осматривали нас несколько удивленным и настороженным взглядом. Когда же знакомящий добавлял «Дигор хири Кубатиев», давая тем самым нашу полную характеристику, выражения лиц мгновенно менялись, и нам дружески и с любовью пожимали руки.

Один из наших новых знакомых по имени Микаил оказался родом из села Долаково. Его мать была осетинка из соседнего села Зильга. Микаил прекрасно говорил по-осетински. Он проявил ко мне особое внимание и стал настаивать, чтобы я поехал погостить к нему в село.

— У нас в селе каждую неделю устраивается базар, — добавил он. — Туда приезжает много осетин из близлежащих сел Зильга и Брут (Шанатикау). Если станешь моим гостем, то сможешь у них что-нибудь разузнать о своем селе и родных.

Утром наш поезд пересек границу Дагестана, что доставило мне необъяснимую душевную радость. Длинным погожим летним днем мы проехали с короткими или продолжительными остановками несколько населенных пунктов, оставив позади сперва Дербент, а затем Тарки. Перед закатом поезд прибыл на какую-то станцию и встал на один из дальних путей. Паровоз отцепили, и он начал удаляться от состава. Я подумал: «Вероятно, наш паровоз опять будет долго маневрировать. За это время я успею сходить до вокзала и купить что-нибудь поесть». Не оглядываясь, я медленно пошел через пути к зданию вокзала. Я

был почти у цели, когда сзади послышался гудок. Я оглянулся и увидел, что к поезду прицепили один вагон и он готов к отправлению. Я побежал обратно, однако поезд тронулся. Заметившие мое отсутствие товарищи, высунувшись из окон, кричали мне и делали знаки руками, чтобы я бежал быстрее. Я и так бежал изо всех сил и видел, что приближаюсь к поезду. Однако и поезд все больше набирал скорость. Я уже бежал следом за ним по шпалам, надеясь ухватиться за задний буфер последнего вагона и затем вскарабкаться вверх. Мне даже удалось догнать поезд и дотронуться до буфера средним пальцем вытянутой руки, но как раз в этот момент поезд прибавил ходу и вновь стал отдаляться от меня. Товарищи столпились в последнем вагоне, размахивая руками, чтобы подбодрить меня, и одновременно стреляя в воздух, чтобы дать машинисту сигнал притормозить. Но эшелон был слишком длинный, а грохот в самом паровозе слишком сильный, чтобы машинист мог слышать эти выстрелы. Лишь когда поезд удалился на значительное расстояние, машинист услышал-таки стрельбу и остановил состав. Мои товарищи продолжали махать мне руками, а я — бежать. Машинист, оказывается, тоже пришел в последний вагон, но, узнав, в чем дело, пришел в ярость:

— Вы что, расстреливать меня тут собрались?! Из-за одного человека эшелон не может стоять посреди пути!

С этими словами он побежал к паровозу и дал ходу. Тем временем я опять приблизился к поезду. Местность впереди была ровная. Я видел, как товарищи знаками пытаются объяснить мне, что на ближайшей станции они вновь задержат поезд и чтобы я продолжал бежать. Вскоре эшелон скрылся из виду. Поскольку я удалился от предыдущей станции на приличное расстояние, возвращаться туда не было смысла. На мне были белая суконная кавказская рубашка, английские ботинки и бриджи. Все остальные вещи находились в поезде. Пот лил с меня ручьями, но я продолжал бежать, перепрыгивая через три-четыре шпалы. На какое-то время поезд скрылся в довольно длинной ложине, но я мог видеть дым паровоза. Затем он вновь вышел на равнину и вскоре начал взбираться на пологий холм. На его вершине

поезд остановился, и я понял, что это какой-то полустанок. В тот момент я уже бежал по ложине, однако когда немного погодя начался подъем, я почувствовал, что силы постепенно покидают мои ноги. Теперь я не бежал, а просто шел размашистым шагом. Поезд все еще стоял на холме. Дойдя до первой стрелки у въезда на станцию, я попытался снова перейти на бег, но ноги подо мной стали ватными, меня качало из стороны в сторону. Расстояние до поезда составляло не более километра, но в этот момент вновь раздался тоскливый гудок и паровоз опять тронулся. Я замедлил шаг. Весь результат от моего лихорадочного бега свелся к невероятной усталости.

Подойдя к диспетчеру на станции, я спросил, сколько минут назад отъехал поезд от предыдущей станции и каково до нее расстояние.

— Поезд выехал тридцать пять минут назад. Расстояние — десять километров, — последовал ответ.

Я рассказал ему о произошедшем со мной.

— Bravo! Мои вам поздравления, — сказал он с уважением. — По настоянию ваших товарищей эшелон прождал здесь лишних десять минут. Но большего мы не могли сделать.

— Когда будет ближайший поезд в этом направлении?

— Неизвестно. Может, сегодня. Может, через три дня. А может, и через неделю. Сейчас нет определенного графика.

«Похоже, теперь мне настал конец», — подумал я. При себе у меня ни удостоверения, ни денег. Если меня задержат, то английские ботинки на моих ногах сами расскажут о моей принадлежности к деникинской армии. В зале ожидания на сколоченных на скорую руку скамьях сидело много народа, но я, конечно, не знал, каких поездов они ждут. Стемнело. Одежда на мне была насквозь мокрой от пота. Понимая, что, если пот остынет прямо на теле, то можно не на шутку простудиться, я не решался сесть. Сняв с себя наружную кавказскую рубаху, я начал прогуливать в исподней перед входом в зал, надеясь, что ветер высушит пот. Но в ногах совсем не осталось сил. Снова надев рубаху, я сел на свободную скамейку и, облокотившись спиной об стену, стал думать, как можно выбраться из этого положения. Незаметно

для себя я задремал. Вдруг сквозь сон мне послышалось, будто кто-то окликнул меня по имени. Я не обратил внимания. Однако затем я еще несколько раз услышал тот же голос, причем каждый раз он звучал все громче. Мне стало любопытно, почему его обладатель, кто бы он ни был, беспокоит людей. Открыв глаза, я стал прислушиваться. Вскоре я увидел красивого молодого человека, который с четырехугольным керосиновым фонарем в руке ходил среди толпы и громко спрашивал:

— Здесь ли солдат, час назад отставший на предыдущей станции от эшелона кавалерийского полка?

Как только до меня дошло, что разыскивают меня, я вскочил с места и крикнул:

— Это я!

Человек подошел ко мне и по-осетински спросил:

— Ирон дæ?¹

— Да, — ответил я.

Пожав мне руку, он сказал:

— Добро пожаловать! Пошли, будешь моим гостем.

Ломаться было не время, и без лишних возражений я кивнул головой в знак согласия. Молодой человек вынул из кармана какую-то записку и, протянув ее мне, сказал:

— Это дал мне находившийся среди ингушей осетин, кажется, твой двоюродный брат. Мы познакомились с ним и немного побеседовали. Он поручил тебя мне. Не беспокойся, я отправлю тебя первым же поездом.

В записке было сказано: «Сойди на станции Назрань. Там тебе любой покажет дом Мусы. Умар и я ждем тебя там. Кубади». Я сложил бумагу и сунул ее в карман.

Молодой человек представился мне, но, к сожалению, я забыл его имя и фамилию. Помню лишь, что он был сыном известного владикавказского священника. Говоря о себе, он добавил:

— Я недавно назначен начальником этой станции. Живу вон в том общежитии. Поскольку я холост, в доме немного не убрано. Надеюсь, не обессудишь за это.

Теперь была моя очередь рассказывать о себе. Свою фами-

---

¹ В оригинале по-осетински: Ìronde? («Ты осетин?»).

лию я боялся назвать. Ведь во Владикавказе и его окрестностях почти все знали нашу семью. Однако мы с Кубади еще в Баку подумали о том, что можем в будущем сталкиваться с подобными щекотливыми ситуациями, и, когда нас принимали на службу в жандармерию, вписали в соответствующую графу фамилию «Хасаев»¹, образованную от имени нашего прадеда Хасай². Поэтому я представился как Темирболат Хасаев³. В ответ мой хозяин радостно сказал:

— Тебя мне послал Бог. Сам видишь, это глухой полустанок в степи. Поблизости ни села, ни друзей. Одному здесь очень скучно. Поезда нынче ходят нерегулярно. Надеюсь, твой поезд будет не раньше, чем через неделю, а то и десять дней, и мы успеем хорошо подружиться.

Воздев руки кверху, он добавил:

— О, Господи, ты поистине велик! Благодарю тебя тысячекратно за то, что ты послал мне гостя-осетина.

Немного позже, когда мы разговорились, я вспомнил, что лет пять назад уже встречался с этим юношей во Владикавказе, но напомнить ему о нашем знакомстве я не мог. Перед этим, входя в дом, он что-то шепнул находившемуся там человеку, то ли уборщику, то ли слуге. Спустя некоторое время тот вернулся с целым барашком в руках и, пройдя на кухню, начал жарить его, вращая над похожим на камин очагом. Чем больше по помещению распространялся запах жареного мяса, тем больше у меня скребло в животе, а изо рта текли слюни. В последний раз я ел предыдущим вечером в пути соленую рыбу с ржаным хлебом. Тогда я почти ничего не съел, так как хлеб внутри напоминал горькую глину, а корка его была тверже камня. Выходит, на нескольких съеденных в вагоне рыбьих хвостах я продержался почти двадцать часов, да еще и пробежал десять километров.

Хозяин дома непрерывно говорил. Я же наблюдал за действиями слуги. Наконец, он подал мясо на стол, нарезал хлеб и принес двухлитровую бутылку с аракой. После отъезда из Тиф-

---

¹ В оригинале: Khasayev.

² В оригинале: Hasay.

³ В оригинале: Khasaytey.

лиса я ни разу не пил спиртного. Хозяин наполнил рюмки и произнес по-осетински:

— Выпьем же за любовь к пославшему тебя мне в гости Великому Богу!

Разумеется, мы выпили до дна. Слуга подавал мясо небольшими порциями, но зато в горячем виде. Хозяин налил и ему, и тот, схватив рюмку, сразу же побежал на кухню, что выглядело очень забавно. Чем больше мы пили, тем веселее становились, хоть я и старался не столько пить, сколько закусывать. Юноша вновь и вновь выражал благодарность Богу за такого гостя, как я, и молился, чтобы поезд пришел не раньше, чем через неделю. Я же, понимая, что нахожусь в отнюдь не безопасном для меня месте, помалкивал, но в душе умолял Всевышнего, чтобы он этой ночью прислал мне поезд и помог поскорее воссоединиться с моими товарищами. Мы наелись и продолжали потихоньку попивать, рассказывая веселые истории и говоря, как и все молодые люди, о приглянувшихся нам девушках. Вдруг, когда мы над чем-то громко хохотали, послышались звуки станционного колокола. Хозяин немедленно перестал смеяться и, дослушав удары колокола до конца, сказал:

— Прибывает какой-то поезд. Из-за смеха я не сосчитал первые удары, поэтому не знаю, с какой стороны он едет. Но с какой бы стороны он ни ехал, нас это не касается. Будь это даже твой поезд, это не имеет значения, потому что я тебя сегодня никуда не отправлю.

Я стал, как мог, умолять его:

— Ради Бога, отправь меня этой ночью. Иначе, как ты знаешь, у меня будут неприятности. Мои документы, одежда, лошадь, — все осталось у однополчан. Завтра они разойдутся из Назрани по своим селам, и мне придется обходить их всех, чтобы найти свои вещи.

В конце концов я убедил его. Оставив меня дома, он отправился на станцию, чтобы выяснить, в каком направлении едет поезд. Вернувшись, он торжествующе объявил:

— Не повезло тебе. Остаешься здесь. Поезд едет в нужном тебе направлении, но это — товарняк. Во всем составе только

цистерны с нефтью. Ни одного вагона. Так что давай-ка лучше продолжим пить. Если тебе повезет, то завтра придет еще один поезд, и я тебя с ним отправлю.

— Нет, если можно, отправь меня этим поездом, — взмолился я. — Я поеду хоть на буфере. Ведь всего-то ехать два-три часа, не так ли?

Он напомнил мне о том, что у меня нет теплой одежды и я могу заболеть холодной и ветреной ночью. Я, однако, продолжал настаивать на своем, и ему пришлось уступить. Мы вышли на улицу. Ночь была ясной, но дул ветер. Состав был очень длинный. В голове поезда, рядом с паровозом, горел большой костер, в отвесах пламени которого машинисты чинили какую-то деталь. Подозвав одного из них, мой хозяин, указывая на меня, сказал:

— Этот человек вечером отстал от своего поезда. Ему надо догнать свой полк. Довезете его до Назрани. Вот его путевой документ.

С этими словами он показал машинисту заранее подготовленную бумагу, а затем вручил ее мне. Машинисты продолжали свою работу, а мы беседовали в стороне. Ремонт, однако, затягивался, и мы начали мерзнуть, поскольку вышли из теплой комнаты и были пьяны. К тому же на мне была лишь суконная рубаха. Я подумал о том, что, если бы смог отправить начальника станции домой, то, возможно, нашел бы имеющееся у некоторых товарных вагонов тормозное отделение (то, что напоминает будку с боковой лестницей) и укрылся в нем от холода. Поблагодарив его за оказанный мне прием, я попросил его напрасно не мерзнуть и вернуться домой. Однако он отверг это предложение и начал вновь настаивать, чтобы я остался.

— Ты сам видишь, как холодно. В такую погоду наверняка сильно простынешь. Откажись от этой затеи, и поедешь первым же пассажирским поездом, — говорил он мне.

В конце концов я обнял его, расцеловал и, еще раз поблагодарив за все, чуть ли не толчком отправил в сторону его дома. Оставшись один, я быстрым шагом обошел состав от начала до конца, но, вопреки моим ожиданиям, не обнаружил ни одного ва-

гона с тормозным отделением. Как мне и говорил мой хозяин, там были лишь цистерны с нефтью. Я подошел к машинистам и, рассказав им историю о том, как я упустил свой поезд и остался на холоде в одной рубахе, попросил их взять меня к себе в кабину.

— Ты, видимо, не понимаешь, что говоришь, товарищ! — сердито ответил главный машинист. — Или ты нас под расстрел подвести хочешь? Сажать пассажиров в машинное отделение категорически запрещено.

— Понимаю, товарищ, но и у меня положение безвыходное. Не по своей воле я отстал от полка. Мои вещи, лошадь, — все осталось там. Наш полк мобильный, постоянного места дислокации не имеет. Если стану ждать пассажирский поезд, то сильно задержусь и неизвестно, когда найду полк. В такую погоду ехать под открытым небом значит через час замерзнуть до смерти. Пожалейте меня, пожалуйста. Придумайте что-нибудь.

На главного машиниста мои мольбы не производили никакого впечатления. Желая избавиться от меня, он лишь бросил в мою сторону:

— Отстань, не мешай!

Однако его помощник, видимо, пожалел меня и обратился к своему начальнику:

— Да, ладно тебе, не делай проблему. Почему бы не взять его с собой?

Главный раздраженно напустился на него:

— Ты с ума, что ли, сошел?! Откуда мы знаем, на какой станции какой инспектор к нам подсядет? Стоит им только увидеть его в кабине, нам хана!

— Спрячем его за бидонами с мазутом. Туда инспектора не заглянут. Давай вырчим парня.

К этому времени они закончили свою работу и были готовы отправляться. Главный, немного поколебавшись, со словами «Ладно, коли так» сделал мне знак залезать в паровоз. Отведенное мне место за бидонами было таким жарким, что не то, что инспектора, даже сами машинисты не приближались к нему. Банная плита в турецком хамаме, и та показалась бы прохладнее. Через несколько минут я обливался потом, а от моей про-

студы не осталось и следа. С первыми лучами утреннего солнца мы въехали на станцию Назрань. Едва поезд остановился, помощник машиниста крикнул мне:

— Прыгай, солдат!

Поблагодарив своих спасителей, я выпрыгнул. На станции было пусто. Некоторое время я посидел в зале ожидания. Дождавшись, когда солнце поднялось достаточно высоко, я встал и медленно пошел в сторону поселка. Вскоре мне стали попадаться идущие по своим делам сельчане. Я приблизился к двум прохожим, которые говорили между собой, произнося слова вроде «деле, нартыхылда, дац, мац», и спросил, понимают ли они по-русски. Они ответили утвердительно. На мой вопрос, где живет Муса, они указали на ближайшие ворота и сказали:

— Вот.

Я постучал. Ворота открыл какой-то человек.

— Это дом Мусы? — спросил я.

— Пожалуйте, я Муса, — последовал ответ.

— Ваши гости здесь?

— Какие гости?

Я назвал имена Кубади Кубатиева и Умара Карабугаева, но Муса их не знал. В изумлении я вынул из кармана записку, которую мне дал начальник станции, и, еще раз прочитав ее, показал своему собеседнику. Немного подумав, тот сказал:

— Кроме меня, есть еще один Муса. Думаю, ты ищешь его. Он живет в селе Насыр-корт. Это за гребнем холма, что позади станции. Смотри, вон тот человек как раз идет в то село. Он покажет тебе нужный дом.

Муса окликнул шедшего человека:

— Тесбот!

Когда тот оглянулся, Муса подозвал его словом «Хеввеле» и по-ингушки объяснил ему ситуацию. Тесбот ни слова не знал по-русски, поэтому в пути нам приходилось объясняться жестами. Когда мы поднялись на гребень холма, нам открылось раскинувшееся на равнине красивое зеленое ингушское село. Среди обнесенных изгородью больших садов стояли дома. У одного из них Тесбот остановился и что-то сказал. Из произнесен-

ного им я разобрал только слово «Муса». Перед домом чем-то занималась пожилая женщина. Тесбот окликнул ее и, когда она подошла, рассказал ей, по-видимому, то, что ему самому сказал про меня в поселке Муса. Женщина удивленно посматривала на меня и, когда Тесбот закончил, ответила «Дац». Я знал, что это слово означает «нет». «Дело плохо, — подумал я. — Получается, мои друзья не появлялись здесь. Но где они в таком случае?»

Вдруг меня осенила мысль, что если эта женщина — мать Мусы, то она должна бы знать нашу семью. Дело в том, что мне вспомнилось, что много лет назад эти люди арендовали несколько наших полей, чтобы выращивать на них подсолнухи (на наших землях это растение давало очень хорошие урожаи: толщина стебля достигала пятнадцати сантиметров, высота — двух с половиной метров, а диаметр цветка — сорока сантиметров). Я слышал, что на протяжении трех лет они каждое лето приезжали, ставили палатки и жили там с детьми. Иногда они приходили к нам в село и оставались гостить у нас. В итоге между нашими семьями установились настолько близкие отношения, что и те и другие знали всех членов друг друга по имени от мала до велика. Мне, однако, ни разу не пришлось встретиться с ними, поскольку в те годы я учился в школе в Нальчике. «Как же мне теперь объяснить этой женщине, кто я?» — думал я про себя. Перечисление имен чуть ли не всех членов нашей семьи не дало результата. Я попробовал знаками показать ей, что они выращивали подсолнух на нашей земле, но и это было бесполезно. В отчаянии я опять стал называть нашу фамилию. Наконец, женщина внезапно словно очнулась от сна и тоже начала повторять:

— Кубат! Кубат...

Я утвердительно закивал головой. Со словами «Хеввеле, хеввеле» она бросилась мне на шею, затем взяла за руку и повела к дому. Дом был расположен посреди обнесенного ровной изгородью ухоженного сада. Здание было одноэтажным, квадратным в плане и имело веранду. Медленно поднявшись по трех- или четырехступенчатой лестнице из тесаного камня, мы оказались на веранде, а затем вошли в дом. Женщина завела

меня в находившуюся с правой стороны небольшую чистую и красивую комнату и, сказав «Оха» (по-ингушски это значит «сидись»), вышла. Через некоторое время в комнату вошла высокая красивая женщина, жена Мусы, с кувшином в одной руке и тазом и чистым полотенцем в другой. С ласковой улыбкой давно вас знающей родственницы или сестры она сказала «Маршивалде» («добро пожаловать»), положила принесенные предметы и пожала мне руку. Затем, вновь взяв кувшин, она указала мне на таз и по-русски сказала:

— Пожалуйста.

Я не мог позволить, чтобы она лила мне воду. Взяв у нее из рук кувшин, я ответил, что мне будет удобнее умыться самостоятельно. Она засмеялась и вышла. Еще через какое-то время она принесла мне завтрак, сама при этом оставаясь стоять на ногах. Я предложил ей сесть, но она не согласилась.

— Тогда, пожалуйста, не беспокойтесь, — попросил я. — Самоovar рядом со мной. Я сам налью себе чаю, когда захочу.

Вновь рассмеявшись, она ушла. Я же, позавтракав, сделал себе крепкий чай и стал смотреть в открытое окно на улицу. Прошло совсем немного времени, как вдруг я увидел Умара и Кубади. Они медленно приближались к дому, таща на себе наши вещмешки и бурки и разговаривая друг с другом. Вид у них был отнюдь не веселый. Когда они вошли в садовую калитку, я стал слышать их слова. Разговор касался меня.

— Он не одет, без головного убора. Если поезда не будет еще неделю, что с ним станет? Не дай Бог, задержат, — с беспокойством рассуждали они.

Я уселся прямо перед окном и, когда они поднимались по лестнице, нарочно чихнул, продолжая при этом пить свой чай и делая вид, что не вижу их. Умар поднял голову и, увидев меня, толкнул Кубади в плечо:

— Смотри-ка сюда!

Я расхохотался. Мои друзья на мгновение застыли в изумлении, а затем вбежали в дом и бросились мне на шею. Пришедшая на этот шум мать Мусы, увидев Кубади, сразу же узнала его и, обняв, стала ласкать, как маленького ребенка. Невестка

тоже была с ним знакома, и они пожали друг другу руки. Кубади по-ингушки представил женщинам меня и Умара. Невестка принесла им обоим чай, а я утолил их любопытство относительно того, как добрался сюда. Оказалось, что они, доехав вчера вечером до Назрани, переночевали в доме одного из наших спутников по поезду, который жил рядом со станцией и уговорил их пойти к нему в гости. Потому-то они пришли в дом Мусы позже меня. Переговорив с пожилой женщиной, Кубади сообщил нам:

— Она сказала, что Муса куда-то ушел по делам, но через час должен быть здесь. Думаю, когда он вернется, он не оставит нас без помощи. Однако нам лучше перебраться в Даллагкау¹ (Нижнее Село). Оно ближе к осетинским селам, и там нам легче будет выяснить что-нибудь про наше село и родных. Лучшее, что может сделать для нас Муса, это запрячь телегу и отправить нас в Даллагкау. Что вы скажете?

(Кубади говорил про село того самого Микаила, с которым я познакомился в поезде после отправления из Баку и который уговаривал меня быть его гостем.)

Мы тоже посчитали правильным ехать как можно скорее. Тем временем обе женщины начали готовить еду. Старшая то и дело заглядывала к нам и, спросив, как мы себя чувствуем, говорила:

— Не беспокойтесь, Муса вот-вот подойдет. Извините меня за то, что я оставила вас одних.

Наконец, пришел и Муса. Как только мать сообщила ему о нас, он молнией влетел в комнату, где мы находились, и обнял Кубади, от радости чуть ли не подбросив его в воздух. Когда Кубади представил нас, он точно также дружески обнял и нас, сразу же создав теплую и доверительную обстановку. Радостное возбуждение прямо-таки захлестывало Мусу, и он довольно долго оставался в этом состоянии. Наконец, успокоившись, он выразил нам соболезнование по поводу выпавших на долю

---

¹ Здесь и далее автор называет ингушское село Долаково его осетинским названием *Дæллагхъæу* (Dellak kau), что переводится как «нижнее село».

наших семей несчастий.

— Хотя я всего не знаю, но слышал, что вам довелось пере-нести немало лишений, — повторял он.

По его просьбе мы рассказали ему о своих злоключениях.

— Да не повторится такое больше с вами! Пусть Аллах не поскупится отныне на всевозможные блага для вас! — сказал он.

Попросив у нас прощения, он вышел из дома и направился в сторону полей. Минут через двадцать он вернулся с крупным барашком и что-то громко произнес по-ингушки. Услышав это, Кубади тут же бросился к Мусе и стал просить отпустить животное. После долгих препирательств Муса нехотя подчинился. Как нам потом объяснил Кубади, Муса говорил ему, что хочет зарезать этого барашка не для того, чтобы накормить нас, но чтобы принести его в жертву Аллаху, защитившему нас от различных напастей и живыми и здоровыми приведшему в его дом. Хотя Мусе пришлось тогда отпустить барашка, он дал обет позднее все равно принести его в жертву по данному поводу.

Мы сели под дерево в одном из уголков зеленого сада, и Кубади сообщил Мусе о нашем желании перебраться в Даллагкау. Поначалу он возразил нам:

— Не бойтесь! Даже если все армии большевиков придут сюда, здешние ингуши не выдадут им вас, пока не отдадут свои жизни до последнего человека. А для выяснения положения ваших семей я сделаю все возможное. Можете быть уверены.

Однако в конце концов Кубади сумел переубедить его, и после обеда Муса неохотно запряг телегу и отправил нас в Даллагкау. К вечеру мы добрались туда и разыскали дом Микаила, приглашавшего в поезде меня к себе в гости. Нас встретили очень тепло. Микаил познакомил нас со своим братом Кази-Магомедом. Оба они хорошо говорили на нашем языке, поскольку мать их была осетинкой. Ингуши — очень гостеприимные люди. Соседи и родственники Микаила, узнавшие о том, что у него в доме гости, вечером один за другим заглядывали, чтобы сказать нам «Добро пожаловать». Когда они говорили нам «Маршивалде», мы с Умаром вслед за Кубади тоже повторяли заученное

«Машимоюсте». Побеседовав с нами немного по-русски, соседи, попросив прощения, уходили, не забыв предложить нам побывать в гостях и у них.

Через три дня Микаил повел нас после завтрака на базар. Он был довольно большой и многолюдный. Отовсюду слышалась громкая речь прибывших из соседних сел осетин и ингушей. Мы плохо знали проживавших в этой местности осетин, были близки только с членами рода тагиатов из Брута, с которыми поддерживали тесные связи. После довольно долгой ходьбы по рынку мы, наконец, встретили знакомого. Это был Махарбек Мамсуров¹, мой двоюродный племянник². Увидев нас, он немедленно спешил и с печальным выражением лица обнял нас. Мы задали ему вопрос о наших родных. Еле удерживая себя от плача, он ответил:

— Не дай Бог повториться такому! Насколько я знаю, имущества у вас больше не осталось. Все сожгли и разграбили. Родные же ваши разбежались кто куда. Большинство укрылось в Карце, Беслане и других куртатинских селах. Некоторые находятся у нас.

Обращаясь к Кубади и Умару, он сказал:

— Ваши, я слышал, сейчас в Карце.

Затем он повернулся ко мне и, стараясь не встречаться со мной глазами, продолжил глухим голосом:

— Твои сперва находились у нас. Но когда к нам приехали еще и братья моей матери, в доме стало слишком многолюдно, и они перебрались к Дохцыко Шанаеву³. Только смотри, пока не появляйся в нашем селе. Его постоянно прочесывают милицейские подразделения. Я сам сейчас в бегах. И твой брат Алихан вместе с другими молодыми людьми тоже скрывается. До тех пор пока милиция не уйдет, оставайся здесь. А потом я приеду и заберу тебя.

На этом мы расстались. На самом деле до Махарбека дошла весть о том, что мой отец убит. Но он не хотел говорить мне об этом посреди дороги и оттого испытывал неловкость.

---

¹ В оригинале: Mamsır.

² Дословно: «сын дочери тетки по матери».

³ В оригинале: Şanata'lardan Doḥçuko.

К полудню мы вернулись в Даллагкау. Наши хозяева приготовили для нас ингушское блюдо дадды-кадор, которое нам очень понравилось. После обеда Кубади и Умар решили ехать в Карцу. Хозяева не отпускали их, но те были готовы идти даже пешком. Тогда Михаил запряг лошадь в рессорную телегу и отвез их за четырнадцать километров до берега Терека, где река широко разливается. Вечером они перешли вброд реку, а Михаил вернулся обратно. Я же еще около недели провел, ходя в гости к соседям или бродя по окрестным полям. За это время никто за мной не приехал и никто не прислал сообщений, и я начал томиться. Однажды я сказал Кази-Магомеду:

— Наверно, про меня забыли, и я жду напрасно. Будет лучше, если я сам не откладывая отправлюсь в Брут и посмотрю своими глазами, что там происходит.

— Ты с ума сошел? Если бы положение позволяло, Махарбек непременно бы или приехал, или сообщил. Потерпи еще дня два. Если новостей не будет, тогда отправляйся. Я как раз собираюсь в Зильгу на мельницу. Так что хотя бы часть пути проедем вместе, а дальше как-нибудь доберешься сам. Но если хочешь знать мое мнение, то лучше тебе побыть еще немного здесь, чтобы не навлечь беду на свою голову.

Через два дня мы встали рано утром и погрузили зерно в телегу. Я зашел в кунацкую, чтобы взять свой вещмешок со сменным бельем и бурку. На стене висели мои дедовские сабля и кинжал. Я подумал, что, если забрать их, то в пути они могут привлечь нежелательное внимание, а если оставить здесь, то неизвестно, когда еще я сюда попаду. Вошедший следом Кази-Магомед понял мои мысли и сказал:

— Не беспокойся. Даже если приедешь через двадцать лет, найдешь их висящими на этом же гвозде. Разумеется, если я буду жив.

Мы рассмеялись. Всю дорогу Кази-Магомед пытался убедить меня отказаться от намерения идти в Брут. Но я слишком переживал о своих родителях, сестрах и брате, чтобы послушаться его. Когда мы выехали на главную дорогу, ведущую из Беслана через Зильгу в Брут и дальше в Заманкул, я слез с телеги, и мы

попрощались. Перекинув через одно плечо вещмешок, а через другое — бурку, я пошел размеренным шагом. По прошествии какого-то времени меня догнала запряженная парой лошадей телега. Я сошел на обочину, чтобы пропустить ее. Поравнявшись со мной, ехавший в ней человек приветствовал меня на осетинском языке:

— Счастливого тебе пути!

Я ответил ему. Тщательно смерив меня взглядом, он предложил:

— Прости. Если нам по пути, то садись в телегу, поедем вместе.

Я поблагодарил и сел. Человек продолжал внимательно изучать меня краем глаза. Это было неудивительно. Чтобы не быть узнанным, я отпустил бороду на подбородке, а виски и щеки, напротив, коротко подстриг. Более того, бородку свою я делил пополам и носил раздвоенной. В те дни она слишком сильно отросла и утратила форму, что придавало мне комичный вид.

— Не обессудь за вопрос, путник, но откуда ты, и куда направляешься? — обратился ко мне мой возница.

Я понимал, что должен сказать нечто среднее между правдой и ложью.

— Родом я из Урсдона, — начал я. — Пять лет служил в Азербайджане в жандармерии на иранской границе. Когда советская армия заняла Азербайджан, нас расформировали. Вот я и возвращаюсь на родину. В Бруте у меня есть небольшое дело. Поэтому я сошел с поезда в Беслане и сейчас, как видишь, направляюсь в Брут.

Говорить я старался на иронском диалекте, но, видимо, не очень успешно, так как человек начал еще пристальнее смотреть на меня, чуть ли не фотографируя меня своим взглядом.

— Из какой ты фамилии? — спросил он.

Я опасался назваться Хасаевым, как делал неоднократно до этого, так как мог быть уличен во лжи. Мне вдруг пришла на память фамилия одной семьи, сравнительно недавно поселившейся в нашем селе, и я ответил:

— Касаев¹.

По крайней мере эта фамилия была созвучна с той, что значилась в подложном удостоверении, лежавшем в моем кармане. Чтобы предотвратить дальнейшие расспросы с его стороны, я сам стал задавать ему вопросы. Выяснилось, что человек был из рода Моргоевых², принадлежавшего к среднему сословию (фарсагам), и проживал в селе Карджин. Ранее мне приходилось слышать, что, хотя мы не состояли с этой фамилией в родстве, нас связывали давние дружеские отношения. Было заметно, что моего собеседника не слишком удовлетворили мои ответы. Улучив момент, он сказал:

— Не знаю, слышал ли ты, но ваше село пережило большие несчастья.

— Надеюсь, сейчас там все путем. Я ничего не слышал. Впервые за пять лет еду домой.

— У вас там, сам знаешь, жили знатные баделиатские семьи. Так вот, большевики отняли у них все до последнего. Больше того, они не только разграбили их добро, но и сожгли их дома. Говорят, там не осталось ничего, кроме пепла. Сами они все бежали.

Рассказывая это, человек не скрывал своего огорчения, но одновременно внимательно наблюдал за мной, желая понять мою реакцию.

— О-ох, как же это плохо, — выразил я свое сожаление.

— Не приведи Бог! Надеюсь, с вашим домом все в порядке, — добавил он.

— А ты сам когда-нибудь бывал в нашем селе?

— Много раз.

— Посреди нашего квартала Карман растет большое вязовое дерево³. Прямо под тем деревом находится наш дом. Может, помнишь это место?

— Помню. По-моему, ваш квартал почти не пострадал. Но других людей очень жалко.

---

¹ В оригинале: Kasata'lardan.

² В оригинале: Morgua.

³ В оригинале по-осетински: karman (осет. хъарман «вяз»).

Желая полностью обезопасить себя, я заметил:

— Не стоит так огорчаться. Они сами тоже виноваты: слишком возвышали себя над окружающими.

— Нет, — возразил он. — С ними поступили не по-божески. От этих людей было много пользы нашему краю.

— Какая же была польза? — поинтересовался я.

— А вот какая, — сказал он и пустился в рассуждения. — Мы, северные осетины, от них учились традициям и обычаям, от них усвоили такие понятия, как уважение, любовь, честь, порядочность, одним словом, человечность. Если бы не это, чем бы мы отличались от южных осетин, кударцев? Ты прав: возможно, они не выдавали за нас своих дочерей и не женились на наших дочерях, не роднились с нами. Но ведь и это побуждало нас стремиться быть похожими на них. Мы предпочитали жениться на девушках из семей, живших поблизости от них, потому что такая невестка буквально преобразовывала облик дома, в который она входила. Это проявлялось не только во внешнем виде и чистоте, но даже в образе мыслей. Дом переставал быть сельским домом, наполнялся городской атмосферой. В нем начинали совсем по-иному вести себя, обращаться друг к другу и даже есть. На мой взгляд, быть богатым — это одно, а быть воспитанным и благонравным — совсем другое. Очень жаль этих людей и Осетию.

После долгого молчания он сообщил мне, что через два дня собирается ехать в наше село для закупки досок, и предложил до этого погостить у него. В сущности, после того, как я узнал фамилию этого человека и послушал его рассуждения, мое доверие к нему возросло, и я не сомневался в том, что он не причинит мне вреда. Однако, поскольку в начале нашего знакомства я солгал, теперь не решался открыть ему правду о себе и был вынужден продолжать лгать и дальше.

— Благодарю за приглашение, — ответил я. — Но не думаю, что в Бруте меня сразу отпустят из дома, в который я намерен заглянуть. Уж слишком радостную весть я им везу. Возможно, ты знаешь Хазмата Дзантиева¹ в Бруте. Его брат давно живет в Баку. По какой-то ошибке на родину пришла весть о его смерти. Он

---

¹ В оригинале: Dzanti Hacimet.

сам тоже узнал об этом и написал несколько писем брату о том, что он жив, но ни на одно не получил ответа. Перед моим отъездом он попросил меня навестить его родных и сообщить им, что он жив и здоров. Я дал ему слово, что выполню его просьбу и сообщу о результате письмом. Увидишь, его родные устроят застолье и тебя тоже не отпустят.

— Ладно, как знаешь, — сказал возница, однако, насколько я мог понять по выражению его лица, в действительности он хотел сказать мне следующее: «Кого ты обманываешь, парень? Ты совсем не похож на алагирца из Кармана. Ты из самого настоящего баделиатского рода».

Село Брут тянулось на пять-шесть километров по обеим сторонам довольно глубокой, достигавшей в ширину километра лоцины, именовавшейся Атага. Посреди лоцины текла речка Хумаллагидон, берега которой поросли лесом и диким виноградом. В нижней относительно течения речки половине села проживали фамилии землевладельцев-тагиатов Шанаевых, Кундуховых, Мамсуровых¹ и других, а в верхней — представители среднего и холопского сословий. Мы въехали в село сверху. Мой возница остановил телегу перед вторыми или третьими воротами и сказал:

— Это дом моей сестры. Заходи, позавтракаем вместе, а потом я отвезу тебя в нужное тебе место.

Несмотря на его настойчивые приглашения, я поблагодарил его и ушел. Это, конечно, было с моей стороны невежливо, потому что, в соответствии с обычаем, я должен был войти в дом. Однако если бы я вошел, мне обязательно было бы предложено спиртное. Выпив его, я мог сболтнуть чего-нибудь лишнего. А если бы там оказались еще и какие-нибудь соседи, дело могло принять совсем не желательный для меня оборот. Как я уже сказал, этого человека я больше не опасался, но жителям этой части села я не мог доверять. Накинув на плечи бурку и взяв вещмешок, я зашагал своими английскими ботинками по зеленой траве вдоль окраины села. Дойдя до его средней части, я вдруг увидел, что из квартала тагиатов мне

---

¹ В оригинале: Şan, Kunduk, Mamsur.

навстречу движутся четверо пеших, у каждого из которых в руках было по несколько ружей и кинжалов. Было ясно, что это большевистские милиционеры возвращаются после произведенного в квартале обыска. В этот момент я пожалел, что не принял приглашения возницы, но теперь мне оставалось лишь не терять хладнокровия. Держа в руке зажженную сигарету, я с невозмутимым выражением лица продолжал путь. Шедшие мне навстречу люди тоже внимательно изучали меня. Когда мы поравнялись, я приветствовал их:

— Доброго вам пути.

— Да будет с тобой Божья благодать, — ответили они.

Глубоко затянувшись сигаретой, я, не останавливаясь, пошел дальше, чувствуя, что они с подозрением смотрят мне вслед. Поскольку они не могли не знать молодых людей села, меня, должно быть, приняли за гостя. Уважение к традициям и обычаям было очень сильно, и они явно постеснялись потребовать у меня предъявить удостоверение личности.

От Махарбека Мамсурова, с которым я встретился на базаре в ингушском селе, мне было известно, что мой младший брат Алихан находится в доме наших двоюродных братьев¹. Желая сделать сюрприз, я направился прямо туда. Окружавший дом сад был обнесен частоколом, а садовая калитка заперта изнутри на засов. В саду на траве сидел восьми- или девятилетний сын Дударыко — Темболат (Темушка). Ребенок был умственно отсталым и к тому же косоглазым. В ответ на мою просьбу открыть калитку он, не шевелясь, лишь молча смотрел мне в лицо. Я решил, что мальчик полностью утратил сознание или был парализован. Оглядевшись по сторонам, я нашел тонкий прут и, просунув его между досок забора, отодвинул засов и вошел в калитку. Я обнял и поцеловал Темушку, но он никак не реагировал, продолжая смотреть на меня с застывшим выражением лица. Скорее всего, он даже не узнал меня, так как в последний раз видел меня два года назад, когда я был еще без бороды. Мне показалось странным, что, несмотря на мои оклики, из дома никто не выглядывал. Поднявшись по двум-трем ступенькам на

---

¹ Дословно: «сыновей тетки по матери».

веранду, я увидел внутри за окном сестру Темушки — Фатиму¹. Заметив меня, она испуганно произнесла:

— В доме нет мужчин. Почему вы вошли?

— Совсем нет мужчин? — спросил я, двигаясь дальше, и засмеялся.

Фатима узнала меня, бросилась с криком «Темушка!» мне на шею и зарыдала. Я подумал, что она плачет от радости. Однако, как оказалось, эти слезы были вызваны стрессом от обрушившихся на нас несчастий. Сейчас, когда по прошествии стольких лет я пишу эти строки, перед моими глазами оживают подобные грустные сцены и заставляют плакать уже меня самого. В нерешительности немного потоптавшись на веранде, девочка затем побежала в комнату и сообщила о моем приезде домашним. Ко мне вышли ее старшая сестра и невестка, а сама она тут же помчалась в соседний дом, чтобы обрадовать вестью о моем приезде мою мать и сестер, которые сразу же прибежали. Все испытывали огромную радость на фоне печали. Оказалось, что большевистские милиционеры, которых я встретил по дороге, приходили сегодня и в этот дом. Они обыскали его и допытывались, где скрываются мужчины. Такое повторялось почти ежедневно. Иногда они устраивали облавы по два или три раза в сутки. Именно это было причиной замешательства женщин и смятения Темушки. Вскоре он избавился от своего страха, узнал меня и весело запрыгнул ко мне на колени. Мне также сообщили, что мой брат Алихан вместе с хозяевами дома братьями Дударыко и Налыком прячется в виноградниках. К ним послали Темушку известить о моем появлении.

Наконец, я спросил:

— А где же мой отец?

При этих моих словах выражения лиц присутствующих изменились, а головы поникли. Наступило молчание. Мать ответила:

— Забудь его теперь. Его убили, когда сжигали наши дома.

— Почему же вы оставили его там? — вырвалось у меня.

— Твой отец отказался ехать с нами, несмотря на все наши

---

¹ В оригинале: Fatma.

настояния. Он говорил: «До сих пор меня никто не трогал. Они знают, что за всю свою жизнь я никому не сделал зла. Не думаю, чтобы теперь они замыслили что-то против меня. Поезжайте и не волнуйтесь обо мне. Если мы все оставим дом, будет еще хуже».

Я не смог сдержать слез. Обстоятельства, в которых мы находились, вынуждали нас закопать наше горе глубоко в наших сердцах. Меня утешали такими словами:

— Те, кого больше нет, возможно, в лучшем положении по сравнению с нами, терпящими эти бедствия.

Пришли Дударыко, Налык и мой брат Алихан. Они были подавлены и измотаны. В руке у каждого было ружье, а через плечи крест-накрест перекинута патронташи. Мы обнялись и долго не могли найти подходящих для этой встречи слов. Теперь я знал то, что хотел узнать. Все было очевидно, как белый день: род баделиатов целенаправленно уничтожался. Женщины накрыли на стол, и во время еды я рассказал братьям о произошедшем со мной. С наступлением темноты они поднялись, чтобы вернуться в виноградники, так как боялись ночной облавы милиции. Я же, полагаясь на лежавшее у меня в кармане жандармское удостоверение, остался дома. По большому счету оно было здесь совершенно бесполезно. В случае задержания меня бы в любом случае доставили в Чека¹ и, конечно, разоблачили. Ту и несколько следующих ночей я провел в кунацкой, спокойно и без помех отсыпаясь в мягкой постели и довольно поздно поднимаясь по утрам.

Однажды, когда я встал, мне сказали, что Алихан ушел в виноградники, чтобы срубить дерево. Подумав, что ему может понадобиться моя помощь, я отправился следом. Он уже повалил дерево и чистил его от веток и сучьев.

— Ты достаточно натрудился. Теперь отдыхай себе в удовольствие, — сказал он мне, отказавшись от помощи.

---

¹ В оригинале по-русски: Çека. Чека (ЧК) — сокращенное наименование Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР, существовавшей в 1917-1922 годах.

Я достал сигарету и вставил ее в мундштук, но не успел затянуться, как Алихан произнес, дрожа от страха и волнения:

— Идут!

Я обернулся назад и увидел, что группа из шести человек, образовав стрелковую цепь и держа пальцы на курках, прочесывает местность, приближаясь к нам. Я тихим голосом велел Алихану сохранять спокойствие и продолжать заниматься своим делом. Черная папаха, белая суконная рубаша, бриджи и английские ботинки должны были, в сущности, с головой выдать им меня. Оперев ногу об какой-то пень и не обращая внимания на происходящее за моей спиной, я невозмутимо дымил сигаретой. Милиционеры находились уже в нескольких метрах справа и слева от нас, пристально вглядываясь в наши лица. Алихан изо всех сил работал топором.

— Да будет благодать этого утра с вами, — приветствовал нас один из группы.

— Да будет с вами Божья благодать, — ответил я.

И вновь местные милиционеры, дабы не допустить бестактности, удалились, даже не поинтересовавшись нашими личностями и, таким образом, не выполнив своих обязанностей. Правда, они искали не столько нас, сколько молодежь из знатных семей своего села, и, возможно, поэтому не стали приставать к нам. Однако если бы они не постеснялись попросить у нас документы, мы были бы разоблачены, а они, сдав нас в Чека, получили бы поощрение. После этого случая я тоже стал ночевать в виноградниках, так как однажды кто-нибудь из них мог догадаться потребовать у меня документы. Виноградники были самым безопасным местом для таких разыскиваемых властями лиц, как мы. Милицейские подразделения не решались туда заглядывать, потому что все находившиеся в бегах жители села укрылись там, образовав определенную силу, и неизвестно было, в какой момент и из-под какого дерева будет открыт залповый огонь по этим стражам порядка. Лощина была очень длинной, и из-за густой растительности со склонов не было видно ее дна. Благодаря этому там скрывалось много мелких отрядов.

Однажды мне передали, что меня хотят видеть два человека из тагиатов, которые тоже прятались в этой лощине. Я встретился с ними. С одним из них я познакомился еще несколько месяцев назад в Нальчике незадолго до развала нашей армии. Это был поручик Махамат Дзантиев¹, сын Ханджери². Со вторым я не был раньше знаком. Он имел звание ротмистра и был из фамилии Кундуховых³, но сейчас я не могу вспомнить его имени.

Прежде чем продолжить повествование, я хочу подробнее рассказать об обстоятельствах моего знакомства с поручиком Махаматом Дзантиевым в Нальчике. Как-то мой помощник и одновременно земляк унтер-офицер Галаев подошел ко мне и сказал:

— Сегодня я видел в парке двух шикарно одетых очень красивых молодых офицеров. При этом они были очень похожи друг на друга. Все обратили на них внимание и стали расспрашивать, кто они такие. Кто-то знавший их сказал, что они осетины. Да я и сам по их одежде и тому, как они держались, понял это.

Не подумайте, что я здесь преувеличиваю, но наша осетинская молодежь действительно уделяла особое внимание своему внешнему виду и манерам поведения. Так, несмотря на то, что все кавказские народы носят один и тот же костюм, в некоторых случаях обращает на себя внимание его недостаточная пригнанность, в некоторых — чрезмерное пристрастие к украшениям, в некоторых — негармонирующие цвета. Иногда плохо подвязанный кинжал при ходьбе бьется о колени и раздражает глаз. Осетинский же юноша заказывал себе такую черкеску, которая, как корсет, обхватывала бы его тонкую талию. Затягивая поясной ремень, он следил за тем, чтобы на одежде не оставалось морщин и сборок. Стоячий ворот рубахи должен был облегать шею плотно, но не затрудняя дыхание, так чтобы на нем не пришлось расстегнуть ни одной пуговицы до самого отхода ко сну. Повязав кинжал, юноша поворачивал его один раз по

---

¹ В оригинале: Mehmet Dzanti.

² В оригинале: Hangiray.

³ В оригинале: Kunduk.

часовой стрелке и приводил в наклонное положение, чтобы он не свисал и не болтался между ног. Ношение до определенной степени тесной одежды обеспечивало постоянное втягивание живота внутрь и таким образом вырабатывало манеру стоять и ходить прямо. Со временем это входило в привычку, и тесная одежда не причиняла неудобств.

Вернемся теперь к нашему рассказу. Итак, в кабардино-балкарском провинциальном центре Нальчике всеобщее внимание привлекли два офицера-осетина. Вечером, закончив свои дела, я отправился прогуляться в городской парк и по дороге встретил четверых своих балкарских друзей. Они сообщили мне, что чуть раньше познакомились с этими двумя поручиками-осетинами, упомянули в беседе с ними обо мне и что те хорошо знали мою семью, хотя и не были знакомы со мной лично. Я сказал, что хотел бы с ними познакомиться, и поинтересовался, где можно их найти.

— Они сидят в муниципальном сквере. Если хочешь, пойдём вместе, — предложили они.

— Пошли, — ответил я. — Но вы поручики, а я простой вахмистр. Поэтому я пойду не между вами, а с краю и чуть позади.

— Да не начинай ты опять! — засмеялись они и, взяв меня под руки, повели в сквер.

Мы поздоровались с сидевшими на скамейке молодыми людьми. Те встали, и балкарские друзья представили меня им. Обменявшись рукопожатиями, мы сели. Оба моих новых знакомых были одеты совершенно одинаково и походили на близнецов. На них были черкески из серой осетинской шали, черные папахи, черные легкие сапоги, кинжалы в черных ножнах и т.п. Махамат Дзантиев сразу же поинтересовался, чей я сын. Когда я ответил, что моего отца зовут Илас, он сказал:

— Так значит, ты младший брат покойного Умара.

С этими словами он поднялся. Мы тоже последовали его примеру. После короткого молчания он выразил мне соболезнования и представился:

— Я сын Ханджери Дзантиева Махамат из Брута. С твоим братом мы вместе служили.

— Я слышал ваше имя. Брат часто рассказывал о вас, — ответил я.

Указав на сидевшего рядом с ним товарища, Махамат представил и его:

— Это Бимболат Кусов¹ из Заманкула.

Таким образом, мы познакомились. Я пригласил их на ужин, и мы все вместе посидели в расположенном в том же сквере ресторане. На следующее утро они уехали из Нальчика.

Теперь же, когда этот Махамат Дзантиев, о знакомстве с которым я рассказал выше, узнал, что я скрываюсь в его родном селе, да еще и в тех же виноградниках, что и он сам, он стал наводить справки и, обойдя вместе со своим товарищем Кундуховым расположения различных отрядов, в конце концов разыскал меня. Мы рассказали друг другу о своих приключениях за то время, что не виделись. Затем Махамат подробно рассказал Кундухову о нашей встрече в Нальчике и о том, с каким уважением и любовью относились ко мне балкарские офицеры:

— Жаль, что ты тогда не видел этого парня среди тех четверых балкарцев. Кривой кинжал, еще более изящная, чем кинжал, кривая сабля, красивая одежда, сапоги на высоких каблуках. Не знаю, из-за каблуков ли или оттого, что балкарцы и впрямь низкорослые, но он выглядел среди них просто как манекенщик.

— Не преувеличивай, — со смехом сказал я. — По сравнению с вами я имел довольно скромный вид.

Кундухов тоже рассмеялся. Но Махамат серьезным тоном продолжал:

— Клянусь, я нисколько не вру. Но сейчас ты выглядишь совсем по-другому. Ты, я смотрю, сильно похудел. Потом, тебе совершенно не идет эта борода. Да, и что за такой наряд на тебе? Ты, кажется, даже стал ниже ростом.

— Это не я стал ниже. Просто тогда рядом со мной и вправду находились невысокие люди. А сейчас я сам кажусь маленьким, словно деревце, стоящее в тени высоких тополей.

В разговор вмешался Кундухов:

---

¹ В оригинале: Ghus.

— Махамат не раз рассказывал о тебе именно в этих выражениях. Я очень рад познакомиться с тобой.

В тот день мы до вечера вместе бродили по виноградникам. Кое-где нам попадались полузрелые фрукты, но мы решились попробовать лишь вишню. Под вечер они вернулись в свой лагерь. Спустя примерно месяц после этой встречи я узнал, что ротмистр Кундухов был схвачен и расстрелян большевиками.

Через день после этой встречи я узнал, что трое из моих оставшихся в Баку товарищей из числа наших односельчан тайно приехали в товарных вагонах на родину и тоже находятся в домах своих родственников в Бруте. Я поспешил встретиться с ними. В сельской администрации у нас имелся свой человек, который передавал нам кое-какую информацию. Через этого агента нам стало известно, что власти получили донос, якобы «в селе скрываются офицеры армии Врангеля», и планировали ближайшей ночью осуществить широкомасштабную облаву с привлечением милицеских подразделений из соседних сел. Вместе с прибывшими из Баку товарищами мы решили с наступлением сумерек покинуть село и, перейдя Терек, добраться до сел Ногкау и Суадаг.

Был первый день месяца рамазан, и мы постились. Когда прозвучал вечерний азан¹ и все приступили к разговению, мы стали прощаться с нашими близкими родственниками, сознавая, что, возможно, больше никогда не увидим их. Второпях и в волнении мы перебежали из дома в дом, и, поскольку все были заняты вечерней трапезой, нас везде старались угостить. Рамазан в тот год пришелся на июнь, и дни были очень длинные. Тем не менее, вместо того, чтобы испытывать чувство голода, я совсем потерял аппетит. Ни один кусочек не лез мне в горло, видимо, от возбуждения, вызванного предстоящим путешествием в неизвестность и звучавшим нам вслед женским плачем. Когда мы уже сидели в запряженной лошадьё телеге, одна из родственниц, зная, что я люблю молоко, принесла фарфоровый графин со свеженадоенным молоком и сказала:

---

¹ Азан — призыв к молитве у мусульман, возвещаемый с минарета муэдзином.

— Пусть я умру, если не выпьешь!

Поневоле я взял графин и заставил себя сделать пару глотков. Мои товарищи точно так же отпили понемногу. Мои мать и сестры остались плачущими за столом разговения.

Кружа между лугов и болот, мы доехали до берега Терека. Река там текла, широко разлившись несколькими рукавами, но из-за наклона русла вода была довольно глубокой, а течение — сильным. Хотя луны не было, погода была ясной, и мы неплохо видели окрестности. Если бы телега могла переправиться через реку, привезший нас родственник довез бы нас до села, куда мы направлялись. Но это было невозможно. Мы сняли с себя одежду, взяли ее в руки и, поблагодарив хозяина телеги, попросили его вернуться. Он, однако, отказался:

— Когда переберетесь на тот берег, сделайте один выстрел. Не бойтесь, поблизости нет сел, так что кроме меня никто ничего не услышит. А до тех пор я буду ждать здесь.

Вода в первом рукаве доставала нам чуть выше колена, но из-за того, что камни на дне были гладкими и скользкими, нам приходилось прилагать немало усилий, чтобы не упасть. Во втором рукаве вода была нам уже по пояс и текла с большей силой. Взявшись за руки и немного сместившись по течению, мы преодолели его и, оказавшись на поросшем кустарником островке, услышали с ближнего берега голос привезшего нас родственника:

— Молодцы!

Мы начали переправляться через оставшиеся рукава реки. В некоторых из них вода доходила нам до груди, и, не будь у нас в руках вещей, нам было бы гораздо проще переплыть их. В этом случае мы могли бы переправиться и в более узком месте Терека; ведь наше детство прошло на берегах Урсдона, и мы все четверо были хорошими пловцами. Но сейчас для нас самым важным было не намочить наше оружие. Преодолев таким образом все шесть рукавов, мы сделали выстрел. С момента начала переправы прошло, наверное, более получаса. Не знаю, ждал ли все еще тот человек на противоположном берегу, а если ждал, то слышал ли наш выстрел, потому что течение реки на этом участке было очень шумным.

По полям и лугам мы двинулись в сторону мусульманского куртатинского села Ногкау. На пути у нас находилось довольно крупное куртатинское христианское село Кадгарон, насчитывавшее в то время, я думаю, приблизительно тысячу дворов. Поскольку его жители были большевиками, мы опасались их и хотели, несмотря на короткую ночь, успеть до утра оказаться в Ногкау. Мы приняли решение идти через кадгаронские пастбища и, не теряя времени, размашистым шагом преодолели их. На рассвете мы добрались до Ногкау.

Поскольку в этом селе у нас было немало родственников, многие из наших бежали именно сюда и поселились у своих родных. Мои двоюродные братья¹ тоже гостили в одном из домов в верхней части села, и я решил примкнуть к ним. Мои же спутники предпочли отправиться к своим родственникам, проживавшим в окраинном квартале. Мы попрощались у входа в село, и я пошел дальше один вдоль берега протекавшего перед селом ручья.

Когда я приблизился к дому, было уже достаточно светло. Я увидел стоявшую на ручье небольшую мельницу, дверь которой была открыта. Внутри никого не было. Лишь жернов вращался, перемалывая кукурузные зерна. Чтобы никого не беспокоить в столь ранний час, я решил дождаться, пока домочадцы проснутся. Дом находился примерно в тридцати метрах от мельницы. Хозяин приходился мне дальним родственником. Поскольку мельница была очень мала, мне удалось отыскать для себя лишь маленькое местечко рядом с ящиком для размолотой муки, где я и прикорнул, положив ружье между ног и укрывшись буркой. От усталости и голода я сразу заснул. Не знаю, как долго я спал, но проснулся я от громкого голоса мельника. Оказывается, он заглянул проверить мельницу и, увидев человека, спящего под выпачканной в муке буркой, из любопытства приподнял ее, чтобы узнать, кто в эту рань пожаловал к нему в гости. Обнаружив же там странного бородача, он с перепугу начал кричать и тем самым разбудил меня. Вскочив на ноги, я рассмеялся и приветствовал его:

---

¹ Дословно: «сыновья дяди по отцу».

— Салам алейкум!

Узнав меня, он сперва изумился, а потом бросился на шею.

— Что за вид у тебя? Какой Бог принес тебя сюда? — восклицал он.

Тут я заметил, что моя бурка вся испачкана кукурузной мукой, и, ничего не ответив, вышел наружу, чтобы отряхнуть ее. Но мельник не дал мне этого сделать.

— Оставь, оставь, потом почистим, — сказал он и, взяв меня за руку, потащил к дому, крича жене:

— Радуйся! Хорошая новость! Темирболат приехал!

Из дома навстречу нам выбежали его жена и дочери, а следом вышел мой двоюродный дядя¹ Махамат² (дядя живущего в Эрзуруме ювелира Асланбека, известного как Шанге). Они поочередно обняли меня. На глазах у всех были слезы радости от того, что они видели меня живым. Накрыли стол. У меня не осталось никаких сил продолжать поститься, и, вспомнив о том, что я сейчас путник, я хорошенько подкрепился³. Отвечая на их вопросы, я одновременно сам спрашивал об интересовавших меня вещах. Выяснилось, что, вопреки моим предположениям, мои двоюродные братья и их отец, мой дядя, проживали не в гостях у наших родственников, а в отдельном пустовавшем доме, хозяин которого предоставил им его на время их пребывания в селе. Узнав об этом, я попросил отпустить меня повидаться с ними. Мельник и его домочадцы, однако, в один голос стали говорить мне, что у них в доме тоже нет гостей и что я могу жить у них столько, сколько мне заблагорассудится. В подкрепление своих настойчивых просьб они даже заявили, что не отдадут мне мои вещи, чтобы я не вздумал от них сбежать. Кроме того, они предупредили меня:

— В нашем селе народ надежный. Но из Ардона, Кадгарона и Алагира постоянно наведываются милиционеры и ищут таких, как ты. Поэтому лучше не ходи днем с оружием, чтобы не привлечь к себе их внимание.

---

¹ Дословно: «сын дяди отца по отцу».

² В оригинале: Muhammet.

³ По шариату, мусульманин, находящийся в дороге, не обязан соблюдать пост.

Дав слово вернуться, я отправился в дом, где находились мой дядя и его сыновья. Там тоже меня встретили с объятиями и слезами и выразили соболезнования по поводу смерти моего отца. На вопрос о том, где мои вещи, я ответил, что оставил их в доме мельника.

— Так не стоит делать, — сказал мой двоюродный брат. — Нам надо быть вместе. Иначе будет трудно извещать друг друга о появлении милиционеров. Кроме того, в случае столкновения вместе мы будем сильнее. Мы и тебе найдем здесь место.

Я не смог ему ничего возразить. Когда на следующий день я явился в дом мельника, чтобы забрать свои вещи, меня очень сильно упрекнули за это решение. Я извинился, сказав, что не мог обидеть старших моего рода, и с наступлением вечерних сумерек перебрался к своим двоюродным братьям.

Село было довольно большим, и я обнаружил немало знакомых как из числа местных жителей, так и из тех, что находились там в гостях. В зависимости от обстоятельств некоторых из них я навещал по ночам, а некоторых днем. Когда нам сообщали о приходе милиции, мы убегали либо в виноградники, либо на поросший колючим кустарником берег Ардона.

В восьми километрах от того места, где мы находились, имелось лесистое ущелье, по которому текла речка Суадаг. (У выхода из ущелья расположено село с тем же названием. Это — родное село Эльбруса Гайтаоглу, преподавателя национальных танцев в Анкарском северокавказском фольклорном ансамбле¹.) В глубине этого ущелья, в прохладе лесов, скрывалась большая группа людей, по различным причинам бежавших от коммунистов, в основном офицеров. Нам хотелось присоединиться к

---

¹ Эльбрус Гайтаоглу (Гайтов) (1926-1977) — профессиональный танцор и хореограф. В 1942 году покинул родное село вместе с отступавшими частями вермахта. После войны был солистом кавказского балета в Германии. В 1949 году обосновался в Турции, где в течение многих лет руководил танцевальными коллективами при кавказских культурных обществах различных городов страны, внося большой вклад в возрождение и развитие традиционной хореографической культуры среди северокавказской диаспоры. Его имя носит ансамбль кавказского танца города Анкары.

ним, но мы знали, что они испытывают серьезные затруднения с продовольствием. Родные села подавляющего большинства из них находились далеко. Те же, чьи села были близко, могли обеспечить провиант лишь в крайне незначительном количестве. Поэтому мы поначалу воздерживались от отправления туда. Между тем там мы могли бы чувствовать себя в почти полной безопасности, потому что туда не смогли бы проникнуть не то что милицейские, но даже армейские подразделения.

Лишь примерно на двадцатый или двадцать пятый день моего пребывания в Ногкау, когда визиты милиционеров туда приняли слишком частый и опасный характер, мы вынуждены были перебраться в Суадагское ущелье и примкнуть к находившейся там группе. Некоторые из находившихся там людей имели лошадей, некоторые нет. Я, естественно, был в числе пеших. Свою лошадь я продал грузинам за три с половиной тысячи рублей, а теперь у меня не было ни гроша, чтобы купить новую. Голод был для нас настоящим бедствием. Мы собирали съедобные травы и набивали ими желудок. Конечно, вокруг росло много диких слив, груш, яблок и фундука, но в июне или июле 1920 года их плоды были еще незрелыми. Я вырывал появившиеся под кустами фундука молодые мягкие зеленые побеги, сдирал с них кожу и ел. Они имели приятный кисло-сладкий вкус. На опушках леса трава доставала нам до пояса, и мы могли всласть валяться на ней в тени больших грабовых деревьев. За этим нашим валянием стоило понаблюдать. Выбранные нами с утра тенистые места по мере движения солнца оказывались под его лучами, и тогда мы, не вставая, перекачивались на новое место. Трава под нами приминалась, и вскоре все пространство под грабовыми деревьями стало напоминать гумно.

Пока мы так влачили свои дни в нищете в нашей глуши, за пределами леса происходили имевшие прямое отношение к нам события. В регионе орудовали шайки бандитов, сделавших воровство и грабеж своим ремеслом или даже унаследовавших это ремесло от отцов и дедов. Любого, кто оказывал им сопротивление, они безжалостно убивали. Коммунисты в рамках своей пропаганды начали приписывать нам совершаемые этими

бандами преступления. Нам же, хотя у нас порой не было даже сухого кукурузного чурека, и в голову не приходило заняться подобными злодеяниями. Как я уже сказал, большинство среди нас составляли офицеры царской русской армии. Они бы скорее умерли от голода, чем пошли на такое бесчестие. Цель этой пропаганды была в другом. Задержав кого-либо из наших людей, власти вместо справедливого судебного разбирательства обвиняли их в грабежах, убийствах и других уголовных преступлениях и расстреливали. С другой стороны, действовавший во Владикавказе Особый отдел¹ неоднократно направлял нам предложения сдаться, обещая, что нам не будет причинено никакого вреда и мы будем пользоваться в полном объеме всеми гражданскими правами. Разумеется, никто из нас не верил в эти обещания.

Между тем к нашей группе присоединился еще один такой же беглец, как мы — адвокат Тамби Елекоев² из Христиановского³. Он действительно был патриотом. Еще между 1900 и 1905 годами, учась в университете, он вместе с Алиханом Кантемировым начал вести пропаганду о том, что русские не имеют никаких прав на Кавказ. (Насколько я помню, когда впоследствии оба этих человека прибыли в Турцию, они продолжили деятельность в направлении той же идеологии. Около 1930 года русские, в соответствии с турецко-советским договором о дружбе, обратились к Ататюрку с требованием выслать их за пределы Стамбула, поскольку они работали против интересов Советского Союза. Тогда они переехали в Польшу и стали издавать там журнал «Кавказ» на нескольких языках. Мне как-то попался один из его номеров, где под редакционной статьей стояли подписи «А. Кантемиров — Т. Елекоев».) Этот Тамби был еще и большим острословом. Когда я вспоминаю некоторые из

---

¹ В оригинале по-русски: Asoboy addel.

² В оригинале: Yelekati.

³ Тамби Елекоев (1889-1952) — общественный и политический деятель, адвокат. Меншевик. Был близок к кругам, связанным с Горским правительством. В 1921 году эмигрировал в Турцию, а затем в Европу. Активно сотрудничал в кавказских эмигрантских организациях и изданиях.

его шуток, мне даже сейчас становится смешно. В ту июльскую жару он постоянно собирал для нас хворост и сухую траву, раскладывал вечером костер и, усевшись у огня, приговаривал:

— Ребята, разожгите-ка огонь погорячей. Чем выгледеть откормленными, лучше выгледеть пламенными. (Лæхъуæнтæ, арт кæнетæ, арт. Хуæрдхузæй артхуз хуæздæр æй¹.)

Видимо, это помогало ему бороться с собственным чувством голода.

Однажды группа представителей владикавказского Особого отдела явилась к входу в наш лес вместе с заранее взятыми в заложники несколькими пожилыми жителями сел Ногкау и Суадаг. Послав к нам двух стариков из числа заложников, они предложили нам выслать к ним для переговоров нашу полномочную делегацию. Наши выбрали в качестве переговорщиков вышеупомянутого Тамби Елекоева, полковника Дохцуко (Доко) Кубатиева и еще трех человек. Перед отправлением в путь они сказали нам:

— Пока мы будем разговаривать с ними, вы все рассредоточьтесь по дальним опушкам и прогалинам леса и пешком, на лошадях или даже телегах перемещайтесь по одному или по двое-трое, чтобы они все время видели вас и думали, что здесь собраны большие силы.

Мы в точности выполнили это указание. По возвращении наших делегатов все с любопытством обступили их. Адвокат Тамби Елекоев обратился к полковнику Дохцуко Кубатиеву:

— Пожалуйста, расскажите нашим товарищам о том, как прошла встреча с коммунистами.

Дохцуко, смеясь, согласился:

— Хорошо, я расскажу. Сначала русская делегация заявила нам следующее: «Мы пришли к вам с добрыми намерениями. Мы хотим, чтобы вы поверили нам и сдались. Даем вам слово, что будем обращаться с вами как с полноправными советскими гражданами и защитим вас от любых незаконных посягательств. Если вы сдадитесь, то вы и ваши семьи обретете спокойствие

---

¹ В оригинале по-осетински: Lekonte art kaneta, арт. Huort huzey art huz huazdarey.

и сможете жить вместе с нами в мире и благополучии в любом уголке нашей страны...». И так далее и тому подобное.

Вновь рассмеявшись, он продолжил:

— Вы, наверное, интересуетесь, что мы на это ответили. Тамби дал такой ответ, что нам к нему нечего было добавить. Сперва он, подняв вверх указательный палец, спросил советского представителя: «Простите, вы все сказали?» Когда тот ответил «Да», Тамби, водя своим пальцем прямо у глаз коммуниста, продолжил: «Товарищ представитель! Вы произнесли прекрасную речь. Вы обещаете нам именно ту жизнь, о какой мы сами мечтаем. Но должен напомнить вам об одном обстоятельстве. В последнее время вы — вероятно, путая нас с бродящими по округе бандитами — произвольно относите наших товарищей к людям той категории и затем расстреливаете их. К сожалению, это горькая правда. Между тем, находящиеся в этих лесах наши товарищи являются самыми образованными и достойными гражданами этой страны. Ни один из них по своей природе не способен опуститься до таких бесчеловечных деяний, как грабежи и разбои. Истинная причина нашего бегства от вас не имеет ничего общего ни с изменой родине, ни с подобными уголовными преступлениями. Единственная вина присутствующих здесь товарищей, если это можно считать виной, заключается в том, что при прежнем режиме они являлись офицерами царской армии или, в соответствии с законами того времени, принадлежали к знатному землевладельческому сословию. Теперь власть изменилась, и мы все хорошо понимаем, что к прошлому не может, да и не должно быть возврата. Но мы никак не можем объяснить это невежественному народу. Сегодня мы просим лишь о безопасности жизни. Невозможно представить себе человека, не стремящегося к свободе. Но наши невежественные сограждане пытаются мстить нам за обиды, сотни лет назад нанесенные нашими предками их предкам. Они возводят на нас безосновательную гнусную клевету, хватают наших товарищей и передают их вам. А как поступаете с ними вы? Вы принимаете на веру эту клевету и без суда и следствия расстреливаете их, словно прихлопывая мух или режа скот на бойне. И после этого

вы приходите к нам и призываете нас поверить вам и сдаться? Но ведь вы и в самом деле коммунисты в самом что ни на есть прямом смысле этого слова — люди, не имеющие ничего. Да, у вас нет ровным счетом ничего! Ни Бога, ни религии, ни книги, ни чести, ни достоинства, ни уважения, ни мужества, ни сострадания! Так с какой стати нам идти к вам? Или вы полагаете, что мы своими ногами пойдём на бойню? Вы, подобно вампирам, призывали пить человеческую кровь. Видимо, вам понравился ее вкус, и в поисках новых жертв вы сейчас пожаловали сюда. Но напрасно, товарищи коммунисты! Измените сначала самих себя. Научитесь ценить человека. А после этого поговорим...» После этих слов Тамби на советском представителе не было лица. Он только и смог выдавить из себя: «Ладно, товарищи, пусть так и будет». Сказав нам «До свидания»¹, они удалились.

Собравшиеся аплодисментами встретили рассказ о поведении нашей делегации. Затем полковник Дохцуко Кубатиев продолжил:

— Сегодня наши противники узнали наше местонахождение и могут в любую минуту предпринять наступление. Поэтому мы должны срочно перейти на другое место. Поскольку предполагаемая атака начнется с воздуха, будьте бдительны и по возможности не собирайтесь пока группами.

Все стали думать о том, куда мы теперь двинемся. Два близлежащих села, как могли, поддерживали нас продовольствием, отдавая нам то, что имели сами. В Суадаге был человек по имени Латиф, весельчак и балагур. Все называли его Лате. Он пек дома большое количество кукурузного хлеба, набивал его в мешок и, обливаясь потом, на спине тащил к нам. Пока мы ели, он рассказывал нам такие смешные истории, что мы катались по земле и хохотали как сумасшедшие. Не могу не привести вам один из таких рассказов.

На Кавказе на свадебных застольях бывает много курятины, поскольку соседи и даже жители ближайших сел отдают для этого по одной или по несколько кур в зависимости от своего достатка. Этим кур или приносят сами хозяева, или же их собирают,

---

¹ В оригинале по-русски: Dosvidaniye.

обходя дом за домом, специально уполномоченные молодые люди. Разумеется, ни о какой плате не идет и речи. В результате свозятся сотни кур, которых готовят и поедают в течение длящихся не менее трех дней свадебных торжеств. Так вот, однажды, когда мы уселись в очередной раз вокруг Лате, он поведал нам такую историю:

— Как-то предстояла свадьба одного нашего односельчанина. Говорили, что на нее приедут сотни гостей из окрестных сел. Началась подготовка. Всем молодым ребятам дали различные поручения. Мне было велено запрячь телегу и собрать кур в Ногкау. Я начал объезд с одного конца села и, в каждом доме получая по одной-две курицы, уже почти заполнил телегу. Наконец, подъехал я к воротам Дзабе Цаликова¹. Двор был полон кур, но людей видно не было. (Я уже писал по другому поводу об этой семье. Их было пять братьев, и все были туги на ухо. Глухота досталась им по наследству от матери.) Я постучал кнутовищем по перилам балкона, затем стал громко звать хозяев, но никто не отзывался. Подумав, что дома никого нет, я решил сам поймать парочку кур и на этом закончить свои страдания. Пытаясь приманить их к себе, стал издавать различные звуки, но они — ноль внимания. Ясно, думаю: эти курочки доводятся родственницами своим хозяевам. Раз куры оказались глухими, я изо всех сил запустил в них свой кнут, и две из них, свесив головы, свалились на землю. Я отрубил голову одной из них, но в тот самый момент, когда собирался сделать то же с другой, в дверях дома появился один из братьев — Хакясе. «Э-эй, что ты делаешь?» — заголосил он. Я невозмутимо отрубил вторую куриную голову и, закинув обеих в телегу, подошел к нему и сказал: «Меня послали собрать кур из вашего села. Я звал вас, но вы не откликнулись. Тогда я стал звать кур, но они оказались такими же глухими, как вы. Как видишь, мне не осталось ничего другого, как выстрелить в них». Хакясе рассмеялся и сказал: «Да накажет тебя Аллах! Поймаю-ка я тебе еще одну курицу от себя». В результате я получил и третью курицу. «Да приумножит Бог твоих кур», — поблагодарил я его и уехал.

---

¹ В оригинале: Zabe Tselik.

Таким образом, Лате не только таскал нам хлеб, но и поднимал подобными рассказами наше настроение.

Наши старшие выбрали в качестве места нового лагеря расположенное между лесом и горами и изобилующее пастбищами плато за Карцинским хребтом. Продовольствие должно было поступать из сел Куртатинского и Карцинского ущелий. Мы с большим трудом поднялись туда по почти отвесной дороге, именуемой Вишдук. Тропа была настолько крута, что при малейшем неосторожном движении мы соскальзывали на несколько шагов назад и снова преодолевали уже пройденный путь. Еще тяжелее, чем нам, пешим, приходилось верховым. Из-за большой высоты погода здесь постоянно была облачной, солнца почти не было видно, и часто шли дожди.

Как только мы расположились на новом месте, Тамби Елекоев решил начать писать прокламации для распространения среди местных жителей с призывами к восстанию против коммунизма. Для этого он нуждался в хижине с хорошей крышей, чтобы укрываться в ней от дождя и сырости, и столе. Несколько наших товарищей с большими трудностями спустились в Карцинское ущелье, проделав путь почти в десять километров, и принесли оттуда топор, косу и немного досок. Из срубленных в лесу деревьев мы соорудили остов хижины, покрыли его сверху свежескошенной травой, а из досок сделали стол. Мы еще не вышли из хижины наружу, как Тамби уже сел писать воззвание. Немного погодя, однако, собравшиеся на небе густые тучи, словно вражеская армия, перешли в наступление, и дождь полил как из ведра. Поскольку зеленая трава не удерживала воду, мы, чтобы укрепить покрытие, стали забрасывать на крышу новые пучки травы, но все было тщетно. Даже после того как дождь прекратился, собравшаяся в этой травяной массе вода не переставала течь на написанные Тамби прокламации, окончательно размыв на них чернила. Эта история повторялась почти каждый день, и в результате идея Тамби относительно прокламаций в прямом смысле канула в воду. Как по причине непрерывных дождей, так и из-за трудностей в получении провианта мы через несколько дней были вынуждены вернуться на прежнее место.

На обратном пути Тамби встретился с другой группой и перешел от нас к ним.

Так мы дожили до конца июля 1920 года. Плоды на диких фруктовых деревьях были уже вполне спелыми, и мы могли использовать их в пищу, чтобы увеличить и разнообразить наш рацион. В это время полковнику Доко Кубатиеву поступило важное шифрованное послание из Тифлиса. Старшие стали часто собираться, но нам не раскрывали секретов. Из окрестных сел были приглашены несколько надежных людей, и с ними тоже устроили совещание, однако по его окончании нам опять ничего не объяснили. Молодежь сгорала от любопытства. На следующий день эти надежные люди вновь прибыли вместе с нагруженной мешками кукурузной муки телегой и двумя яловыми коровами. Несомненно, что-то происходило. Мы попытались выяснить что-нибудь у некоторых из принимавших участие в совещании старших, с которым были в близких отношениях, но получили следующий ответ:

— Делайте, что вам велят, а в остальное не вмешивайтесь. Сейчас быстренько разожгите костер. Кто умеет, начинайте месить тесто. Кто не умеет — пусть учится.

Наши товарищи уже зарезали, освеживали и разделали коров. Несколько человек принесли из села котел. Одни пекли хлеб, другие варили мясо. Старшие, смеясь, поторапливали нас:

— Давайте-ка быстрее! Приготовьте уже что-нибудь, чтобы мы все могли поесть.

При этом они находились в весьма веселом расположении духа.

Мы с несколькими друзьями тоже срубили грабовое дерево диаметром до метра, устроили на его пне что-то вроде стола и без усталости месили тесто, попутно не забывая и угощаться. Тем временем из уст в уста постепенно стала распространяться новость: «Скоро генерал Врангель начнет со стороны Черного моря наступление на Россию. Генерал Эрдели же поддержит его атакой с этой стороны. Поэтому Эрдели разослал всем скрывающимся в лесах группам шифровки с требованием начать повсеместную подготовку к наступлению и до его следующего распо-

ряжения не распускать, а, напротив, наращивать силы. Он также обещал немедленно направить своим сторонникам необходимые для закупок продовольствия деньги, но при этом распорядился, не дожидаясь их поступления, начать договариваться на местах с надежными людьми о поставках провианта на условиях подряда». Теперь ситуация прояснилась. Значит, вчера наши пригласили этих людей для того, чтобы заключить с ними договор о покупке продовольствия. Последующие несколько дней наши желудки торжествовали. Однако затем, когда обещанные деньги так и не появились, поставки съестного прекратились, и мы вернулись к прежнему состоянию. Кто при этом расплачивался за съеденное нами: наши незадачливые подрядчики или отдавшие им свое добро в кредит крестьяне, — я не знаю.

Мы продолжали жить в лесу в ожидании вестей. Между тем я, как и некоторые другие безлошадные товарищи, раздобыл себе коня. Правда, седла у меня не было, и вместо него я использовал набитый сеном небольшой мешок.

Однажды для встречи с нами прибыла подобная нашей группа во главе с казачьим полковником Пацюком. Как выяснилось, он получил шифровку с указанием в кратчайшие сроки наладить связь с полковником Кубатиевым, после чего через имевшиеся у него каналы разыскал нас. С приходом этого казачьего отряда наша численность увеличилась и продовольствия вовсе перестало хватать. Полковник Пацюк предложил переместиться на берег речки Майрамадаг между казачьими станицами и осетинскими селами, где были заросли кустарника и кукурузные поля. Поскольку это место было расположено близко к селам как той, так и другой партии, мы, по мнению полковника, могли бы там получать продукты и от осетин, и от казаков. Кроме того, мы смогли бы прятаться в кукурузных полях и есть молодую кукурузу, которая должна была поспеть в ближайшие дни. Мы согласились и в ту же ночь перебрались туда. Это было и в самом деле отличное место. Казаки послали известие в свои станицы, и после полудня прибыли две большие телеги с пшеничным хлебом и арбузами. Для наших желудков опять наступил праздник. Мы также жарили молодую кукурузу, а наши

лошади имели достаточно корма. Со своей стороны, мы тоже каждый день посылали нескольких своих человек в близлежащие села Дзуарикау, Хаталдон, Ногкау и Фиагдон, откуда они никогда не возвращались с пустыми руками. В дополнение ко всему мы здесь чувствовали себя в гораздо большей безопасности, так как мало кто знал о нашем передвижении сюда. Одним словом, зажили мы очень хорошо. Еще через несколько дней к нам присоединился небольшой отряд во главе с полковником Голиевым, скрывавшийся до этого в осетинском селе Гизель.

Наконец, наступил момент, когда командиры решили, что нам хватит сидеть без дела и следует перейти к активным действиям против коммунистов, дабы предотвратить их дальнейшее усиление. Постановили для начала пустить под откос поезд. Около сотни всадников под предводительством наших полковников двинулись через кукурузные поля к берегу Терека. Почва там была настолько плодородной, что стебли кукурузы были ростом с деревья, и мы, сидя верхом, кроме неба почти ничего над собой не видели. Жившие здесь казаки были трудолюбивы и состоятельны. Они хорошо ухаживали за землей, и она щедро платила им за это. Проезжая через поля, мы встретили в одном месте семью, собиравшую вместе с соседями и близкими родственниками первый урожай. Большинство составляли красивые девушки. Завидев нас, они начали со смехом перешептываться. Один из наших казаков был, видимо, с ними знаком и, по-своему поздоровавшись, разговорился с ними. Одна из девушек вдруг сказала:

— Не надоело вам шататься по лесам без дела? Слезли бы с лошадей да помогли нам.

Мы только и ждали этого предложения. Спешившись, мы стали собирать кукурузу. Остальные товарищи тоже последовали нашему примеру. Перешучиваясь и флиртуя с девушками, мы за полчаса наполнили две телеги. Когда хозяин поля увидел, что мы одним махом выполнили дневную работу, он радостно впряг лошадей в телеги и погнал их в станицу. Девушки же старались задержать нас шутливыми разговорами, одновременно побуждая продолжить работу. Разумеется, мы не могли их огор-

чить и, нарвав еще початков, соорудили из них в поле несколько больших холмиков. Вскоре вернулся хозяин, привезя с собой много хлеба, сыра, соленых огурцов и арбузов. Наевшись, мы снова взялись за работу, и в результате он до вечера успел сделать четыре ездки домой. Там же поужинав, мы разложили недоеденное по вещмешкам. Станичники, поблагодарив нас, уехали. Мы же стали ждать наступления темноты.

Тем временем какой-то человек принес в условленное место в мешке инструменты, необходимые для разбора путей. В темноте мы перешли Терек и доехали до заранее намеченного виража. Вокруг никого не было, но мы на всякий случай выставили часовых. Мгновенно были отвинчены болты и выдернуты крепящие рельсы к шпалам гвозди. Оставив разобранные рельсы лежать на земле, мы вернулись на другой берег Терека и стали с любопытством ждать. Поезда тогда ходили очень редко. Не знаю, сколько мы прождали, но после полуночи мы наконец услышали шум приближающегося состава. Он двигался из Владикавказа в сторону Беслана. Горели лишь передние фары, из чего мы сделали вывод, что это товарняк. Когда он доехал до разобранным нами места, что-то произошло, поскольку фары внезапно погасли. В темноте, однако, мы больше ничего не могли разглядеть, а шум Терека не позволял ничего услышать. Мы решили дождаться утра и на рассвете увидели, что паровоз упал в речное русло и валялся там, уткнувшись носом в землю. Три первых вагона лежали перевернутыми рядом с железнодорожным полотном. Остальные вагоны устояли на рельсах. Кругом никого не было видно. Так и не выяснив, погибли ли машинисты или сбежали от страха, мы вернулись в лагерь.

В группе полковника Голиева был бывший красный офицер, примкнувший к ней под предлогом нежелания более мириться с творимыми большевиками несправедливостями. Однажды, сменив часовых, он куда-то исчез. Судя по тому, что он прихватил с собой и список личного состава, он был агентом коммунистов. Должно быть, он передал этот список в Особый отдел, сообщив всю известную ему информацию о нас. В течение сле-

дующих нескольких дней мы были немного взволнованы, но постепенно успокоились, и происшествие забылось.

Ежедневно до нас доходили самые различные слухи. Говорили, что наши начали наступление на коммунистов с трех сторон. В августе 1920 года пришла новая шифровка, призывавшая нас укрепить свои ряды и продержаться еще какое-то время. В ней говорилось, что в ближайшее время генерал Врангель перейдет со своей армией в наступление с Черного моря, а дислоцированный под Эрзурумом турецкий корпус двинется к нам через Тифлис. Мы же должны были ударить коммунистам в спину. Конечно, наши товарищи опять воодушевились и начали мечтать. Кто заговорил об освобождении страны от коммунистов, кто о создании независимого северокавказского государства — в общем, все что-то говорили.

Спустя два дня из села Майрамадаг нам сообщили, что туда из Владикавказа прибыл известный осетинский коммунист по прозвищу Джигит с двумя соратниками и призвал местную молодежь вступать в армию. Якобы они это мотивировали тем, что «белые напали на Россию и против них необходимо укреплять оборону». Говорили также, что эти коммунисты разъезжают по селам и раздают там соответствующие воззвания. Наши, узнав эти новости и сопоставив их с предыдущими слухами и полученной шифровкой, крайне обрадовались. Однако следовало во что бы то ни стало остановить людей, распространявших по селам воззвания.

Наши стали разрабатывать план. Майрамадаг находился в семи-восьми километрах от нашего убежища. Войти в село мы не могли. Оставалось ловить этих агитаторов в пути. Но по какой дороге и в какое из сел они направятся? Учитывая то, что они выезжали каждый раз из Владикавказа, они могли двигаться по одной из трех дорог: дзуарикауской, кадгаронской или фиагдонской. На каждую из этих дорог было отряжено по пять отборных стрелков. Мне и двум моим товарищам-казакам было поручено издали наблюдать за происходящим в селе Майрамадаг. Никто из нас никогда раньше там не бывал, и местность мы не знали. Территория между нами и селом имела следующий

вид: оба берега речки были покрыты кустарником, далее находилась довольно широкая впадина, а сразу за ней на склоне у края леса располагалось село, частично вклиниваясь при этом в лес. Остальное пространство составляли кукурузные поля. Мы сочли подходящим пунктом наблюдения за селом холм, находившийся недалеко от четвертой, гизельской дороги, и через поля добрались до него. На вершине холма росла огромная дикая груша. Я с одним из товарищей, оставив лошадей третьему, залезли на это дерево, но, к сожалению, с него не просматривалось все село. Точнее, оттуда невозможно было разглядеть его находившуюся во впадине нижнюю часть. Зато расположенный прямо напротив нас на крутом склоне квартал и его центральную улицу мы видели очень хорошо. Там ничего необычного не наблюдалось. Но здание администрации было в невидимой для нас нижней половине, и мы не могли знать, что происходит в ней. Поскольку лучшей точки обзора нам не удалось обнаружить, мы решили ждать там. После длительного наблюдения, уже в послеобеденное время, мы увидели, как в один из расположенных напротив нас дворов вошел какой-то крестьянин, вывел из-под навеса коня и, надев на него хомут, повел в невидимый нам квартал. Я сказал товарищу:

— Крестьяне запрягают лошадей в телеги, чтобы увезти гостей.

Он засмеялся:

— Откуда знаешь?

— Увидишь, — сказал я. — В том, что они уезжают, я не сомневаюсь. А вот по какой дороге поедут, это знает один Бог.

— Возможно, — ответил он.

Мы заранее условились с остальными нашими постами, что, если услышим стрельбу со стороны какой-либо из трех названных дорог, то немедленно поскачем в том направлении и окружим коммунистов сзади. Проблема, однако, была в том, что с холма, на котором мы находились, не было видно ни одной дороги, включая и проходившую под нами гизельскую. Мы продолжали ждать. Через какое-то время послышался звук едущей телеги, запряженной одной лошастью.

— Едут, — сказал я и спрыгнул с дерева.

Товарищ последовал за мной. Вскочив на лошадей, мы погнали их во весь опор через кукурузные поля наперерез телеге, надеясь оказаться перед ней. Вопреки нашему предположению, однако, большевистские агитаторы — по всей видимости, из-за позднего времени — решили ехать не в другие села, а вернуться во Владикавказ. В результате мы выехали из кукурузных полей на дорогу не впереди, а примерно на сто метров позади их. Возница ехал рысью, и мы хотели незаметно догнать их, но они обнаружили нас раньше. Два человека проворно спрыгнули с телеги и, бросившись в кустарники, исчезли из вида. Третий был довольно полным, и прежде, чем он слез с телеги, мы догнали и окружили ее. Не успев даже притронуться к своему оружию, он поднял вверх руки. У того, которого звали Джигит, оказался десятизарядный револьвер, и он несколько раз выстрелил в нас из кустов. Мы тоже ответили, но, поскольку не видели его, ему с другим своим товарищем удалось убежать в село. Пойманный нами человек был осетином из христиан. На нем были штатский костюм, сапоги и фетровая шляпа. Вид у него был весьма представительный, и было ясно, что перед нами настоящий коммунист-комиссар. Забрав с собой, естественно, и кучера с телегой, мы доставили их всех в лагерь. В телеге мы нашли целый мешок с отпечатанными в типографии воззваниями на осетинском языке, смысл которых сводился к следующему: «Эй, осетинская молодежь! Будь готова сражаться! Царские собаки, деникинские щенки и польские паны идут, чтобы отнять у нас свободу, за которую мы боролись многие годы и которую завоевали под руководством великого Ленина. Так прояви же свою неустрашимость, доблесть и отвагу!»

Пойманный нами толстяк, поняв, что я осетин, и, видимо, думая, что казаки его сразу же убьют, с самого начала буквально приклеился к моей руке, прося о защите, и мне приходилось чуть ли не пинками отгонять его от себя. В лагере он предстал перед судом наших старших и беспрекословно ответил на все их вопросы. С наступлением сумерек начали возвращаться и другие посты, выставленные на дорогах. Так и не дождавшись

большевистских агитаторов, они решили прекратить до завтрашнего дня наблюдение. Две группы вернулись в полном составе. Члены третьей, проходя через приречные кустарники, решили собрать немного лесных орехов и, углубившись в заросли, потеряли друг друга. Из этой группы вернулись только три человека, двоих же все еще не было. Узнав о нашей переделке, все они очень удивились тому, что не услышали звуков выстрелов.

Тем временем вернувшийся в село Джигит, желая освободить своего попавшего к нам в плен товарища, собрал всех имевших оружие сельчан и разослал во все стороны разведывательные группы для установления нашего местонахождения. На одну-то из них и напоролась задержавшиеся ради орехов в кустарниках двое наших товарищей.

— Эй, кто вы такие? — окликнули их коммунисты.

— А вы кто такие? — ответили наши.

— Мы местные крестьяне. Ищем потерявшихся коров. Случайно не встречали?

Говоря это, коммунисты начали окружать наших. Те, заметив это, немедленно направили на них свои ружья и крикнули:

— Не двигайтесь! Будем стрелять.

Тогда кто-то из противоположной стороны миролюбиво сказал:

— Вы, должно быть, здесь гости и неверно нас поняли. Мы не собираемся стрелять. Давайте познакомимся. Мы бросим наши ружья, и вы сделайте то же самое и подойдите к нам.

С этими словами они бросили оружие. Простодушный юноша Хаджимирза Кубатиев последовал их примеру. Его товарищ Хаджимурат Карабугаев тут же крикнул ему, прыгая в ближайшую впадину:

— Подбери быстро ружье!

Но противники оказались проворнее. Схватив Хаджимирзу и подобрав его ружье, они успели спрятаться в другом углублении в земле. Хаджимурат напрасно стрелял в воздух и требовал отпустить товарища. Потеряв надежду на его освобождение, он незаметно покинул укрытие и смог добраться до лагеря.

В столь поздний час мало что можно было сделать. В кустарниках мы никого бы уже не нашли, а входить в село было очень опасно. Командиры приняли решение дожидаться утра и постараться обменять захваченного нами пленника на Хаджимирзу. Однако рано утром один из жителей села, выйдя под видом работы в поле, пришел к нам и сообщил, что вечером Джигит застрелил Хаджимирзу из пистолета. Мне, как и многим моим родственникам, кровь прилила в голову. В тот момент мной владела только одна мысль — мне хотелось пристрелить на месте этого толстого коммуниста. Но наши командиры смотрели на положение более хладнокровно. Они сказали:

— Убив этого человека, мы ничего не выиграем и тем более не воскресим Хаджимирзу. Давайте отпустим его, и пусть они устыдятся своего скотства. Может быть, это хоть немного их образумит.

Пленник ничего не знал о происшедшем. Старшие вызвали его и, не говоря ему о смерти Хаджимирзы, сказали, что решили отпустить его, но хотят, чтобы он по возвращении к своим рассказал им о том, как справедливо его судили и в результате простили, и что мы ожидаем от противоположной стороны такого же обхождения с нашими людьми и надеемся на то, что нам вернут нашего пленного товарища. Толстяк с радостью согласился на все условия. Одному из наших товарищей должны были поручить довести его до окрестностей села, а дальше он пошел бы сам. В этот момент пленник вдруг указал на меня и, опять уцепившись за мой рукав, сказал:

— Пойду только с ним. Другие убьют меня.

Старшие хорошо знали, какие мысли носятся у меня в голове. Подозвав меня к себе, они долго объясняли мне, что понимают мою боль от утраты, но тем не менее требуют, чтобы этот человек был доставлен до места живым и невредимым. Уступив их настояниям, я скрепя сердце дал слово не причинять ему вреда. Забрав пленника, я повел его по тянувшейся вдоль речки среди кустарников тропе. По дороге мы беседовали.

— Вот видишь? — говорил я ему. — Мы не сделали тебе ничего дурного. Теперь ты точно так же должен добиться освобо-

ждения нашего товарища. Мы справедливо относимся ко всем, а не только к тебе. Только ради спасения наших жизней мы вынуждены вести это полное тягот существование.

Он что-то отвечал мне, соглашаясь, искренне или притворно, с моими рассуждениями. Шайтан, однако, не покидал мою голову. «Прикончи его здесь, — вертелось у меня в уме. — Даже если он и скажет о нас где-то пару лестных слов, что от этого изменится? Хаджимирзу это точно не вернет. И потом, кто узнает, сдержал ты свое слово или нет?»

Мы находились в довольно уединенном месте на порядочном расстоянии от лагеря, и там едва ли услышали бы звук выстрела. Остановив пленника, я сказал ему:

— Мы слишком приблизились к селу. Дальше я не могу идти. Эта тропинка выведет тебя прямо к селу. Как ты видел, мы живем под открытым небом и испытываем большие затруднения в одежде. Сними этот свой пиджак и отдай его мне. Ты сможешь найти себе новый.

Толстяк, я думаю, понял мои намерения.

— Ладно, — ответил он, покорно сняв и протянув мне свой пиджак.

Его глаза при этом молили о пощаде. Не могу сказать, что по-человечески я не испытывал к нему в тот момент жалости. Но, думая о расстрелянном Джигитом без суда и следствия моем близком родственнике, юном Хаджимирзе, я тогда не в силах был совладать с собой. Внезапно подняв ружье и прицелившись в сердце пленника, я произнес:

— О, Аллах! Да падет этот мой грех на Джигита!

С этими словами я нажал на курок, и бедняга рухнул на землю. Его рот был открыт. Вероятно, он хотел что-то сказать мне, но не успел. Вскоре из ближайших кустов показались три моих товарища. Подойдя, они тоже сделали по одному выстрелу в бездыханное тело, хотя я всячески пытался удержать их от этого. (Одним из них был уже упоминавшийся мной Туган Туганов, который живет в Анкаре в районе Бахчелиэвлер.) Эти трое сняли с трупа все, что было возможно. В результате мне не достался даже пиджак. По их словам, если бы я отпустил коммуниста,

они все равно расправились бы с ним чуть поодаль. Когда мы вернулись в лагерь, все, кто увидел на моих товарищах одежду пленника, без труда догадались о его судьбе. Старшие косо поглядывали на меня.

— И что ты этим выиграл? Ради чего убил человека? — спросили они.

Я соврал:

— Кто-то убил и ограбил его уже после того, как я его отпустил. Смотрите, на мне нет ни одной его вещи.

В конце концов мои товарищи рассказали, что произошло на самом деле, и все узнали правду. Теперь одни в лагере осуждали меня, другие оправдывали. Этот спор продлился довольно долго. (Между тем по селам распространилась информация как об убийстве Хаджимирзы, так и о том, что я отомстил за него. Когда спустя полтора года я встретился в куртатинском Ногкау с пожилыми родителями Хаджимирзы, это напомнило им об их несчастье, но они с благодарностью прижали меня к груди. То, что мщение было совершено именно мной, было для них некоторым утешением.)

Не прошло и двух дней после этого случая, как нам сообщили, что установивший наше местонахождение Джигит спешно вернулся во Владикавказ и поднял на ноги центральный комитет, который направил для нашего уничтожения все имеющиеся в его распоряжении силы. Эти силы выдвинулись из Владикавказа и, растянувшись широкой стрелковой цепью, прочесывали села Гизель, Архонскую, Ардон, Кадгарон и находящиеся между ними поля, постепенно сужая кольцо вокруг нас. Это стало нам известно утром. Немедленно было принято решение уйти в лес. После соответствующих приготовлений мы двинулись в путь. Впереди шли пешие, за ними ехали всадники. Медленным шагом после полудня мы добрались до села Фиагдон. Оно было расположено близко к лесу, и здесь тоже по обеим сторонам речки росли кустарники. Местами имелись большие картофельные поля. Сделав привал, мы накопили картошку и, засыпав ее в большие казаны, стали варить. На противоположном берегу речки виднелся высокий склон, а на его ровной поверхности —

кукурузные поля и большие дикие яблони и груши. Двое наших молодых парней забрались на эти деревья, чтобы понаблюдать за окрестностями. Пока варилась картошка, мы собрали еще и спелые лесные орехи. Огромные белые картофелины в казанах начали тем временем лопаться, сияя на солнце от обилия крахмала. Я протянул руку к казану, чтобы вытащить одну из них, но в этот момент с того места наверху, где находились наши дозорные, послышались выстрелы. Все схватились за оружие. Казаны мгновенно перевернули, и вся картошка высыпалась на землю, так и оставшись валяться на траве. Мы не могли понять, что происходит: неужели нас окружили? Вскоре прибежали запыхавшиеся и побледневшие дозорные и рассказали о том, что случилось:

— Мы сидели вдвоем на дереве и разговаривали, когда на проходящей чуть ниже дерева дороге появились два всадника и спросили, кто мы такие. Ничего не ответив, мы спрыгнули с дерева и побежали. Они сделали вслед нам два выстрела. Скорее всего, они и сейчас там, потому что, пока мы бежали, они несколько раз крикнули: «Стойте! Не бегите!» Должно быть, они поняли, что здесь находится много народа. Хотя оттуда вас не было видно, но шум был слышен.

У нас не было сомнений, что эти двое без труда догадались о том, кто мы такие. Пока мы размышляли, что нам теперь делать, сверху нас окликнули:

— Э-эй, кто вы?

— А вы сами кто? — отозвался один из наших.

— Я Кобор Цопанов¹. А рядом со мной Шамиль из рода... (я не могу сейчас вспомнить фамилию, которую он назвал).

— Ну, если так, то я Митки Тотров², — крикнул в ответ наш товарищ.

Все трое оказались родом из соседних сел, где проживали куртатинские фамилии, и поэтому хорошо знали друг друга. Те, что были наверху, крикнули:

— Эй, Митки, поднимись-ка сюда, поговорим.

---

¹ В оригинале: Tsopan.

² В оригинале: Totir.

— Ладно, иду, — ответил Митки.

Вернувшись с переговоров со своими земляками, Митки сообщил нам следующее:

— Коммунисты движутся не только в том направлении, о котором мы знаем. Понимая, что мы можем ускользнуть от них в лес, они перебросили из Алагира дополнительные силы в села, расположенные вдоль кромки леса. Эти силы ждут нас по всей линии Ногкау-Суадаг-Хаталдон-Дзуарикау-Майрамадаг-Гизель. Эти двое являются авангардом, но следом за ними на нас идут и другие части. (Перечисленные мной выше предгорные села принадлежали в основном куртатинскому племени. Поскольку их жители поддерживали с нами, баделиатами, разносторонние тесные отношения, они любили нас и не замыслили против нас ничего плохого. Неслучайно многие наши семьи гостили в этих селах. Да и мы получали провиант в основном из этих сел. Разумеется, все это держалось в тайне. Сейчас, подчиняясь приказу властей, они вынуждены были делать вид, что выступают против нас. Особенно после прихода дополнительных сил алагирцев им не оставалось ничего другого, как играть эту роль.)

Кобор, Шамиль и Митки обсудили ситуацию, в которой мы оказались, и в конце концов Кобор и Шамиль предложили такой выход:

— Между Дзуарикау и Хаталдоном находятся только наши сельские милиционеры и местное население. То есть из переброшенных в качестве подкрепления чужаков там пока никого нет. Мы, не теряя времени, отправимся туда и объясним положение нашим людям. Вы со своей стороны также немедленно начинайтесь двигаться к тому участку. Когда мы с вами окажемся друг напротив друга, вы тоже рассыпаетесь стрелковой цепью и начните стрелять в воздух. В ответ наши силы тоже откроют стрельбу в воздух. Обе стороны должны непрерывно стрелять. В какой-то момент наши разойдутся вправо и влево и откроют для вас достаточно широкий коридор. Вы, прекращая стрельбу, пройдете через этот коридор и углубитесь в лес. Эта операция прорыва должна выглядеть очень убедительно, иначе наши села окажутся в затруднительном положе-

нии. Кроме того, нам всем надо действовать очень быстро, так как кольцо вокруг вас сжимается и ваши преследователи находятся уже близко. Мы потом постараемся убедить их в том, что вас было слишком много, в несколько раз больше нас, и что, несмотря на сопротивление с нашей стороны, нам не удалось вас остановить.

Сказав это, Кобор и Шамиль тотчас уехали. Выслушав этот детальный рассказ Митки, мы тоже немедля двинулись в путь. Вскоре мы прибыли к указанному нам участку, и розыгрыш спектакля начался. По команде мы открыли залповый огонь. Противоположная сторона ответила тем же, и пули стали со свистом пролетать над нами. От страха некоторые необстрелянные бойцы в шедшей впереди пехоте бросились на землю и стали двигаться ползком, некоторые же просто пригнулись. Мы, ехавшие сзади кавалеристы, посмеиваясь над ними, продолжали стрелять. Через какое-то время позади нас издалека стали доноситься мощные залпы. Похоже, производимый нами шум был действительно очень убедителен, и находившиеся поблизости другие силы коммунистов спешно начали окружать нас, пытаясь дальним огнем подорвать наш моральный дух и одновременно отвлечь на себя и ослабить наши силы. Особенно меня поразило то, что количеству израсходованных тогда нашими противниками боеприпасов поистине не было счета. В итоге мы хорошо сыграли свои роли и, осуществив успешный «прорыв», скрылись в глубине леса. Выбрав место для лагеря, мы разожгли костры. Казаки начали плясать под гармошку, и, естественно, мы тоже присоединились к ним. Что мы праздновали? Победу? Заночевав там, на следующий день мы вновь перебрались в Суадагское ущелье, потому что это было самое безопасное для нас место.

Стоял сентябрь 1920 года. Из-за трудностей в обеспечении продовольствием казаки разошлись по своим станицам. Ежедневно до нас доходили все новые и новые слухи, но постепенно мы перестали придавать им значение. Однажды ко мне подошел мой друг Туган Туганов и сказал:

— Мне надоела эта дикая жизнь. Не могу больше так существовать. Давай убежим с тобой за границу.

— Куда?

— Отсюда в Грузию, а оттуда куда удастся.

Я ответил:

— Туган, у тебя есть мать и две сестры. И у меня мать, две сестры и брат. Как мы оставим их без жилья и пристанища? Кто позаботится о них? Будем ли мы счастливы, если спасем только свои жизни?

— Ей-богу, у меня больше нет сил, — сказал Туган. — Сегодня каждый старается спасти самого себя. Я принял решение и оставляю все на милость судьбы.

В какой-то степени он был прав. Ведь мы в любую минуту могли погибнуть, и в этом случае наши родные точно так же остались бы без заботы и защиты. Но я почему-то не принял это предложение. В конечном счете Туган оказался в выигрыше, а я всю жизнь прожил в стесненных обстоятельствах. С одним важным отличием — я воссоединился со своей матерью, сестрами и братом и сумел вместе с ними бежать в Турцию. В Турции я стал всего лишь одним из малообеспеченных граждан, но зато мне никогда не пришлось испытывать чувство тоски по своим близким. Если посчастливится, я еще напишу о своей жизни в Турции. До развала нашей армии Туган был кандидатом в офицеры во 2-м Осетинском, а я — в 6-м Кабардинском полку. За наши заслуги мы оба должны были быть произведены прямо в поручики, и соответствующие запросы были отправлены главнокомандованию. Об этом я уже писал. Но еще до того, как были получены подтверждения присвоения нам званий, наша армия отступила, а затем рассыпалась. Туган, покинув лагерь, добрался до Поти и там примкнул к штабу генерала Эрдели. Как раз тогда генерал Врангель начал формировать армию для нового наступления. В их распоряжении имелись все прежние документы деникинской армии. Поэтому все, кто был в нашем положении и находился там, получили удостоверения о присвоении званий и надели офицерские погоны (в их числе был и Умар Шакманов, который затем преподавал русский язык в военных училищах Турции). Как мне потом рассказал один товарищ, служивший в штабе генерала

Эрдели, тогда было зачитано и мое имя, но я в тот момент все еще был в лесах и упустил этот шанс.

Мы продолжали бродить по лесам, когда пришла информация о том, что польская армия атаковала коммунистов и перешла границу, а армия Врангеля готова начать наступление со стороны Черного моря. Мелким группам, подобным нашей, было велено объединиться и образовать более крупное формирование. Мы соединились с другими группами, прятавшимися в горах Осетии, и вместе с архонскими казаками двинулись в сторону лесистого хребта, расположенного на границе с Малой Кабардой, именуемой Глахстаней¹, между селами Заманкул и Астемирово², чтобы слиться с находившимися там силами. Ночью мы без остановки прошли через Брут, но я успел заглянуть в дом, где находились мои мать, сестры и брат, и повидаться с ними. Уходя, я забрал оставшееся мне в память о старшем брате седло и надел его на свою лошадь, таким образом избавившись от необходимости использовать набитый травой мешок. Быстро погнав коня, я скоро догнал свой отряд.

Наутро мы встретились с другими группами. Здесь находилась едва ли не вся знать Малой Кабарды от юнцов до стариков. Осетины из Эльхотова, Заманкула, Брута, Зильги, Беслана и других близлежащих сел тоже собрались здесь. Это была и в самом деле большая сила. Не знаю, за чей счет, но из сел привезли на телегах хлеб и муку, а также пригнали скот. Кроме того, в окрестностях было много кукурузы, диких яблок, груш, слив, винограда, мушмулы и других фруктов. Таким образом, проблема питания была решена. За неимением другого дела осетинская молодежь собралась в круг и стала хором исполнять песни на стихи нашего национального поэта Коста Хетагурова, вызывая восхищение слушавших нас кабардинских князей.

Из поступавших новостей мы понимали, что вскоре нам предстоит перейти к действиям. Необходимо было избрать

---

¹ Глахстаней (Джлахстаней) — адыгское название исторической Малой Кабарды.

² Астемирово — ныне село Нижний Акбаш Кабардино-Балкарской Республики.

командира нашей объединенной группы. Среди нас были полковники: два кабардинца, три казака и четыре осетина. Решили провести голосование. В результате единогласно был избран полковник Доко Кубатиев. Остальные полковники, за исключением осетина Голиева, тоже проголосовали за него. Полковник Голиев же ожидал, что командиром изберут его, и, когда этого не произошло, обиделся и ушел под всеобщий смех. Теперь наше соединение называлось отрядом полковника Кубатиева¹. Оно было организовано в соответствии со всеми правилами и уставами и подразделялось на роты и взводы со своими командирами.

Перед тем, как приступить к решительным действиям, мы поручили определенным лицам прощупать настроения жителей окрестных сел. Они вели в этих селах разговоры следующего характера: «Армии Деникина и Врангеля быстро продвигаются от черноморского побережья в глубь России. Громя большевиков, они занимают все новые области. Чтобы в ближайшее время не оказаться под ногами бегущих большевиков и преследующих их армий и не позволить им растоптать нашу землю, мы сами должны занять наши села. Для этого у нас имеется достаточно сил. Мы против братоубийства. Если вы окажете нам помощь, нам будет гораздо легче справиться с этой задачей так, чтобы наш край не пострадал». Крестьяне устраивали между собой совещания и затем через своих депутатов сообщали нам, что очень обрадованы этой новостью и полностью согласны с нами, что с их стороны в нас не будет произведено ни одного выстрела и что мы можем в любое время прийти и занять их села.

Наши решили начать с села Астемирово, расположенного в семи-восьми километрах от нас. Это было большое село, растянувшееся примерно на четыре-пять километров. Один из его владельцев Адильгери Астемиров находился среди нас. Он был зятем двоюродного брата² моей матери Амирхана Туганова. Его жена давно умерла, а дочь Пашахан осталась дома под покровом

---

¹ В оригинал по-русские: Atriyat polkovnik Kubatiyev.

² Дословно: «сына дяди по матери».

вительством родственников. В семи-восьми километрах за этим селом, на железнодорожной линии Владикавказ-Ростов, находилось село Муртазово¹. Поблизости было еще несколько сел такой же величины.

По завершении приготовлений на рассвете заранее намеченного дня наш отряд подошел к селу. Стоял густой осенний туман. В трех метрах с трудом можно было разглядеть человека. Мы находились на равнине. Впереди начинался спуск, за которым во впадине располагалось село. Выполняя указание командиров, мы старались приблизиться к нему бесшумно, но внезапно оказались под открытым по нам с противоположной стороны сильным залповым огнем. Пули со свистом пролетали у нас над головами. Командиры приказали нам отойти, чтобы разобраться в том, что происходит. Мы даже предположили, что из села специально стреляют поверх наших голов, как это однажды уже было во время нашего бегства в лес. Возможно, и здесь сельчане решили применить ту же тактику, чтобы снять с себя ответственность? В действительности, однако, все обстояло по-другому. Сюда были стянуты все имевшиеся в окрестностях милицейские подразделения, во главе которых был поставлен житель Астемирова осетин Кырым Гусалов. Их целью было заманить нас в ловушку и уничтожить. Туман в тот день был Божьей милостью для нас, поскольку в противном случае окопавшиеся перед нами милиционеры смогли бы разом перестрелять большую часть нашего отряда.

Прежде, чем туман рассеялся, мы рассыпались стрелковой цепью. Противник вновь начал стрелять. Я находился недалеко от ротмистра Аслана Кубатиева (Мамека). Его лошадь то и дело приподнимала левую заднюю ногу и покачивала ею. Мы встретились с Мамеком взглядом, и он, смеясь, сказал:

— Легкая рана в копыто.

По мере того, как рассеивался туман, мы все лучше различали позиции противника. Предпринять на них конную атаку было невозможно, так как сразу за ними открывалась пропасть. Оста-

---

¹ Муртазово — ныне село Дейское Кабардино-Балкарской Республики.

вив наших лошадей в углублениях рельефа или за холмами, мы присоединились к пехоте и, ведя ответный огонь, стали осторожно продвигаться вперед. Внезапно стрельба в нашу сторону прекратилась. Боясь попасться на хитрость противника, мы продолжали двигаться медленно. Лишь достигнув вражеских позиций, мы поняли, что опоздали. Милиционеры, увидев, что наши силы многочисленнее их, впали в панику. Те из них, что имели лошадей, ускакали. Пешие скрылись в селе. Мы вскочили на своих лошадей, чтобы догнать беглецов, но безуспешно. Зато в различных местах мы обнаружили три установленных на повозках тяжелых пулемета «Максим». Повозки увязли в грязи, и бежавшие бросили их, даже не успев выпрячь лошадей.

Таким образом, мы взяли под свой контроль село Астемирово. Однако командир милиционеров Кырым Гусалов вместе с сыном укрылись в своем доме на окраине села. При каждом нашем приближении они открывали огонь из окон, а на призывы сдаться отвечали отказом. Вскоре появился старик с папашой в руке и, подойдя к нашему командиру полковнику Доко Кубатиеву, припал к его ногам, прося простить Кырыма Гусалова. Полковник не знал старика. Но один из наших старших хромой Исмаил Туганов узнал его и, спешившись, подошел к нему, выражая свое уважение. Это был Бибо Гусалов, дядя Кырыма. Нашлись и другие знавшие его, и все они тоже выразили ему свое почтение. Когда полковник Доко понял, что перед ним уважаемый старик, он вежливо обратился к нему:

— Мы не хотим причинять вреда никому из наших соотечественников. Во всех частях России большевики терпят поражение, не найдя той поддержки, на которую рассчитывали. Пусть твой племянник больше не надеется на них. Передай ему, что после того, как он сдастся нам, он сможет по своему желанию или присоединиться к нам, или спокойно жить в своем доме. Убеди его в этом.

— Не могу убедить! — в отчаянии вскричал старик.

— Давай еще раз попробуем вместе, — предложил хромой Исмаил.

Сняв с себя оружие и сложив его в стороне, Исмаил вместе

с Бибо направился к дому. Однако и на их длительные уговоры Кырым ответил:

— Не сдамся ни в коем случае, а любого приблизившегося к моей двери застрелю.

Тогда осетинский юноша Володя Ваниев¹ сказал:

— Сейчас я их оттуда выкурю.

С этими словами он побежал в обход через огороды, чтобы подобраться к дому сзади. Это был человек богатырского телосложения ростом около двух метров, известный своей отвагой. В нашем отряде только он носил французский легкий пулемет 25-го калибра, который стрелял толстыми, сделанными из красной меди пулями, издававшими жуткий звук. Володя, зайдя в тыл дома, открыл огонь из своего пулемета. Поскольку дом был сколочен из досок, пули не только продырявили заднюю стену, но и разбили стекла в окнах передней стены. Кырым и его сын выскочили наружу, словно два раненых медведя из берлоги. Прислонив свои ружья к перилам веранды, они с поднятыми руками подбежали к нам, крича:

— Сдаемся! Сдаемся!

Полковник Доко попросил их успокоиться и не бояться, а затем подробно растолковал им смысл проводимой нами операции. Кырым и его сын были довольно рослыми людьми, хотя и не такими, как Володя. По-видимому, слова полковника Доко произвели на них впечатление, и они пообещали отныне убежденно бороться вместе с нами за наши идеалы. Наш полковник пожал обоим руки, и они удалились, чтобы подготовиться на следующий день присоединиться к нам.

Тем временем с минаретов мечети по-кабардински кричали:

— Внимание! Большевики разгромлены. Пришли кадеты. Соберитесь на площади, чтобы послушать их!

Предполагалось, что на площади соберутся люди, полковник Доко обратится к ним с речью и убедит в падении большевизма. Вокруг, однако, никого кроме нас пока не было. Ко мне подошел ротмистр Аслан (Мамек) и сказал:

— Их собрание продлится долго. Давай мы с тобой сходим

---

¹ В оригинале: Vani.

в дом Адильгери Астемирова. Там находятся Пашахан, дочь нашей тетки по матери, и Миде, дочь нашего дяди по матери Афако Туганова.

Я согласился. Проехав около пяти километров, мы добрались до дома. Увидев нас, обе наши двоюродные сестры подбежали и обняли нас. Мы долго сидели с ними и беседовали за чаем со сладким пирогом. Затем нам подали фрукты. Адильгери еще не вернулся домой, потому что полковник Доко Кубатиев не знал кабардинского языка, а большинство местных кабардинцев не понимали ни по-русски, ни по-осетински, и Адильгери должен был выполнять роль переводчика.

Вернувшись в свое подразделение, мы увидели, что наши товарищи собираются оставить село. Как оказалось, поступила информация о том, что из Владикавказа на ближайшую станцию Муртазово прибыл бронепоезд с большевиками, которые готовятся к наступлению на нас. Мы покинули село и не успели добраться до опушки леса, как начался артиллерийский обстрел. Снаряды пролетали над нами и били по лесу. Должно быть, большевики имели точную информацию о прежнем местонахождении нашего лагеря, ибо все снаряды падали именно туда. Часть шрапнели разрывалась в воздухе и сыпалась на землю вблизи от нас. Изменив свой маршрут, мы через кукурузные поля направились к Эльхотовскому ущелью и там вошли в лес недалеко от осетинского поселка, именуемого Временный¹. Большевицкие силы до полуночи продолжали вести артиллерийский обстрел из Муртазова. Утром они прочесали села, но в лес войти не посмели. Некоторое время эти прибывшие подразделения оставались в Муртазове и окрестных селах. Мы же забрались в лес поглубже и повыше, но теперь получать продовольствие из здешних сел стало намного труднее. Наилучшим местом для нас было Суадагское ущелье, и мы вернулись туда.

Здесь я хочу рассказать об одной встрече, произошедшей приблизительно через десять лет после описанного мной выше

---

¹ В оригинале по-русски: Vremenniū. Народное название (осет. *Временнӕй*) поселения Илларионовское, ныне — село Комсомольское Республики Северная Осетия-Алания.

захвата села Астемирово, где-то в 1930 году, в Эрзуруме. Вместе с моим братом Алиханом я тогда работал на эрзурумском военном заводе. Единственным выходным днем у нас было воскресенье, и в один из таких дней я вышел погулять за городом. По возвращении домой мне сказали, что в мое отсутствие приходил Гази-бей (Казбек) Огюн¹ вместе с каким-то человеком с Кавказа, однако, не застав меня, они ушли, сказав, что направляются на станцию. Мне стало любопытно, кто этот приезжий человек. «Вдруг это мой старый знакомый или даже приятель? — подумал я. — Если он сейчас уедет, я могу больше никогда не увидеть его». Я пошел следом за ними на вокзал. Они же, оказывается, посидев какое-то время в привокзальном сквере, вышли обратно в город, и я столкнулся с ними у выхода со станции лицом к лицу. Казбек представил меня находившемуся рядом с ним молодому человеку как Темирболата Кубатиева. Представляя же мне своего спутника, он назвал только его имя и сказал, что тот приехал с Кавказа. В первый момент я не узнал его. Мы пожали друг другу руки и втроем пошли по улице. Поскольку мы говорили по-осетински, мне не было необходимости спрашивать молодого человека о том, к какому из наших племен он принадлежит. Я лишь поинтересовался, из какого села он родом.

— Мы были единственной осетинской семьей в селе Астемирово, — последовал ответ.

Едва я услышал это, у меня машинально вырвалось:

— Кырым Гусалов!

Парень удивленно уставился на меня и спросил:

— Откуда вы знаете моего отца?

— Помнишь день, когда ваше село заняли кадеты?

— Тот день я никогда не забуду, — ответил он, внимательно изучая мое лицо.

— Так вот, и я был среди тех кадетов, — сказал я.

Кровь прилила к его лицу. Некоторое время он ничего не говорил. Затем, взяв себя в руки, он произнес, с трудом сдерживая слезы:

---

¹ В Турции фамилию Огюн (Öğün) носят представители осетинского рода Хосонтæ (Хосоновы).

— Тот ваш приход разрушил наш дом. Когда большевики узнали о том, что мы попали к вам в плен, а затем вступили с вами в соглашение, они обвинили нас в предательстве. Отца сослали, и я даже не знаю, где он сейчас. Я какое-то время был в бегах. Потом с трудом перешел границу Ирана и прожил там несколько лет. За это время я женился на русской девушке, такой же беженке, как сам. С большими трудностями мы прибыли в Турцию и хотим остаться здесь. Я только что взял билеты, и вечером с женой и детьми мы отправляемся в Сивас. Посмотрим, что нас там ждет. Вот таково сейчас наше положение.

Говоря это, он смотрел на меня с нескрываемой обидой. Если быть еще точнее, в его глазах была ненависть. Причину постигшего их семью горя он видел в нас. Когда он закончил, я дал ему ответ:

— Брат мой, не сокрушайся так сильно. Сейчас это уже ни к чему. И пусть Бог пошлет тебе здоровья. В те годы пострадала не только ваша семья. Известно ли тебе, какие несчастья раньше вас обрушились на других? Ты потерял отца и дом на окраине чужого села и так горюешь. А что делать мне? Огромный род дигорских баделиатов, вошедший в российскую историю, уничтожен. Мы потеряли сотни домов, сотни тысяч десятин земли. У меня убили отца и брата. Сегодня я кое-как зарабатываю себе на жизнь, столярничая в Турции. И кто же довел нас до такого положения? Русские коммунисты? Нет, подобные тебе и твоему отцу осетинские большевики.

Выслушав меня, молодой человек смущенно сказал:

— Вы правы.

— В таком случае и ты прав, — ответил я и, пожав ему руку, продолжил. — Мы помирились. Все это надо оставить в прошлом. Жизнь так устроена: после войн наступает мир. Думай о своем будущем и забудь те черные дни.

С Казбеком мы проводили эту семью в Сивас. Что стало с ними дальше, я не знаю. Больше мы о них ничего не слышали.

Итак, мы по-прежнему проводили дни в Суадагском ущелье. В нашем лесу до нас доходили слухи о том, что польская армия успешно наступает, армия Врангеля высадилась в Новороссий-

ске и тому подобное. Была уже осень, и погода становилась все прохладнее. Нам сообщили, что поручик Хаев из Лескена сформировал в окрестностях балкарского села Буан¹ большой отряд и готовится атаковать Нальчик. Наши старшие решили соединиться с ним. В одну из ночей мы двинулись в путь, под утро пересекли реку Урух и на рассвете поднялись на гребень за селом Каражаево, где проживали братья моей матери. Те из сельчан, что уже встали для совершения утреннего намаза, увидев нас спускающимися по склону, стали кричать:

— Кадеты пришли! Кадеты пришли!

Услышавшие это местные сторонники большевиков в панике повскакали с постелей и, не успев даже одеться, нырнули в ближайший лес. Село было небольшим. В нем было сорок-пятьдесят дворов и не более тысячи десятин земли. Пять дворов принадлежало исконным хозяевам села — представителям фамилии Каражаевых. Остальные же являлись выходцами из соседних сел. Продав там свои земли и проев полученные за них деньги, они перешли в разряд безземельных и поселились в Каражаево в качестве арендаторов или исполщиков. Многие из них принадлежали к фамилии Абисаловых, одному из ответвлений нашего рода баделиатов. По этой причине мы не предполагали обнаружить здесь большевиков. Нашей единственной целью было, не входя в село и не тревожа его жителей, сделать на его окраине короткий привал, позавтракать и навести справки об отряде Хаева в Буане. При нашем приближении к селу навстречу нам вышел восьмидесятилетний Хаджумар² Абисалов, проживавший в одном из крайних домов. Наши старшие почтительно приветствовали его.

— Добро пожаловать! Да приведет вас Аллах к вашей цели! — ответил он, пожав им руки и приветствовав кивком головы остальных.

Бросив взгляд на группу, в которой находился я, и заметив меня, он начал внимательнее ко мне присматриваться. Я под-

---

¹ Идентифицировать местонахождение и точное написание названия этого населенного пункта не удалось.

² В оригинале: Насі Ömer.

бежал к нему и поцеловал ему руку. Старик заплакал и обнял меня. Это был двоюродный брат¹ моего отца, причем они были ровесниками и друзьями. Увидев меня, он вспомнил о гибели моего старшего брата и отца и не смог удержаться от слез, выражая мне соболезнование. Немного поговорив с нами, он ушел, забрав с собой нескольких наших молодых парней. Вскоре они вернулись с хлебом, сыром и другой снедью, собранной у соседей старика. От себя он добавил ведро сотового меда. Неожиданно для себя роскошно позавтракав, мы поблагодарили его и отправились дальше.

После полудня мы прибыли в Буан. Здесь проживали балкарские князья Темиркановы и Боташевы. Балкарские знатные фамилии назывались басиатами по имени их предка Басиата. Согласно историческим преданиям, Басиат был старшим братом нашего предка Бадели. Как и мы, они были крупными землевладельцами. Село располагалось на большой ровной поляне посреди леса. Его жители занимались не столько земледелием, сколько скотоводством, особенно овцеводством. Нас встретили очень радушно. Оказалось, что поручик Хаев ждал нас здесь некоторое время, но два дня назад, потеряв надежду, двинулся со своим отрядом на соединение с армией Врангеля. Нам показали в лесу на берегу речки место, где находился лагерь Хаева, и мы расположились на время там. Сельчане принесли нам много еды, зарезали для нас быка и нескольких овец. Ночь мы провели там. Наутро к нам пришел младший брат поручика Хаева. Узнав о нашем появлении, он проделал почти десятикилометровый путь из Лескена. По его словам, его брат отправился по лесной дороге в сторону Нальчика и уже должен был находиться в его окрестностях. По какой-то причине Хаев-младший не отправился или не смог отправиться вместе с отрядом. Население Лескена в основном поддерживало большевиков, и, поскольку Хаев был офицером, односельчане считали его и его близких своими противниками. Из-за этого Хаев-младший, подобно нам, вынужден был скрываться в лесу. Увидев, что мы испытываем трудности с продовольствием, он предложил:

---

¹ Дословно: «сын тетки по отцу».

— Дайте мне одного хорошего спутника, и этой ночью я доставлю вам полную телегу провианта.

Этот «приз» тоже достался мне! Уж не знаю, был ли я лишним человеком в нашем отряде и называть ли это везением или невезением, но случилось следующее. Аскербек Темирканов, о котором я уже писал, когда рассказывал о своем уходе из Кабардинского полка, и которого вновь встретил здесь, в его родном селе, едва услышав предложение Хаева, громко сказал, обращаясь ко мне:

— Темирболат, это сделаешь ты. Покажи-ка себя, брат моей матери!

Разумеется, я в этой ситуации не мог ничего возразить. Да и никто бы на моем месте не смог отказаться от такого задания. С наступлением темноты мы с Хаевым выехали в путь. Наша дорога была столь же опасной, сколь и порученное дело. Лескен, куда мы направлялись, был большим селом, расположенным посреди равнины. Хотя раньше я не раз слышал о нем, бывать там мне никогда не приходилось. Хаев-младший по пути изложил мне свой план:

— В любую минуту мы можем столкнуться с милицейскими силами. Поэтому нам лучше подойти к селу с задней стороны. Спешить не стоит, так как входить в село безопаснее после полуночи. За селом находятся наши виноградники. Оказавшись в них, мы привяжем где-нибудь лошадей и пойдем к дому пешком.

Вообще-то я понаслышке знал эту семью Хаевых. Кто-то из них был молочным братом моего дяди по отцу Мирзы. Но кто? Его имени я не мог вспомнить. Пока я думал, как объяснить Хаеву степень нашей близости, он сам спросил меня:

— Откуда ты? Из какой фамилии?

— Я не чужак. Нас с вами связывает молочное родство. Моего дядю Мирзу вырастила ваша семья.

Услышав это, он остановил коня и, подъехав ко мне, спросил:

— Так ты из Кубатиевых? Кем ты доводишься Мирзабеку?

— Я сын его брата Иласа, — ответил я.

Хаев, не сходя с лошади, положил мне руку на плечо и сказал:

— Если с Божьей помощью благополучно доберемся до дома, мой отец будет очень рад видеть тебя.

— Средний сын Мирзабека Кубади тоже в нашем отряде, — сказал я. — За несколько минут до твоего приезда он отправился в Буан к своим родственникам. Жаль, что ты не встретился с ним. Он всех ваших знает поименно.

— Жаль. Мы бы и его взяли с собой.

Разговаривая таким образом, мы преодолели приличное расстояние. Когда мы приблизились к селу, луна исчезла, что было очень кстати. Осторожно и без лишнего шума мы въехали в виноградник.

— Теперь бояться нечего, — сказал Хаев.

Мы спешились и, ведя лошадей под уздцы, направились к заднему саду дома. Там мы привязали лошадей к фруктовому дереву, после чего Хаев попросил меня немного подождать. Сам он пошел к дому, бесшумно открыл дверь и разбудил домашних, сообщив им о прибытии гостя. После этого он вернулся и пригласил меня в дом. Вскоре в комнату, где мы находились, вошел его отец. Обняв меня, он сказал:

— Добро пожаловать к нам в дом! Ведь ты, оказывается, мой племянник.

Мы сели, и он продолжил:

— Мы слышали кое-что о том, что с вами случилось. Пусть ваши несчастья останутся в прошлом. Как Мирзабек, Илас и остальные?

— Мирзабек и остальные пока в порядке. А моего отца убили, — ответил я.

Это известие крайне опечалило его, и он прослезился. Когда вся семья выразила мне соболезнование, мы сели за стол. После трапезы Хаев-младший куда-то удалился. Вернулся он лишь под утро.

— Нам пора ехать, чтобы благополучно вернуться назад, — сказал он. — Все в порядке. Телега сейчас готовится. Рано утром хозяин выедет на ней из села в сторону леса, будто за дровами, а затем направится к нам в лагерь.

Попрощавшись с домочадцами, мы вышли. Когда мы по-

дошли к нашим лошадям, я увидел, что вещмешки тоже набиты едой. Село мы покинули так же тихо и осторожно, как и въехали в него. На рассвете мы были уже в лагере. Там все еще лежали, укутавшись в бурки. Те, кто не спал, завидев нас, немедленно встали и спустили с наших лошадей на землю мешки с продуктами. От шума проснулись и остальные и тоже присоединились к ним. Каждый нашел себе в мешках что-нибудь для завтрака. Тем временем я познакомил Хаева с моим двоюродным братом Кубади. Когда Кубади выслушал рассказ о нашем путешествии, он с нескрываемой завистью сказал:

— Жаль, что не я поехал вместо тебя.

Спустя примерно три часа прибыла и наша запряженная двумя лошадьми телега, доверху наполненная хлебом, сыром и сушеной бараниной. Я так и остался в неведении, каким образом и в скольких домах удалось Хаеву за такое короткое время собрать столько продовольствия. Нам его хватило бы минимум на три дня.

На следующий день мы двинулись по лесной дороге в сторону Нальчика, чтобы соединиться с отрядом поручика Хаева. На протяжении пути на склонах балкарских гор нам открывались картины неописуемой красоты. То и дело встречались пасущиеся отары овец. Подъезжая к хозяевам, мы приветствовали их:

— Салам алейкум, да приумножится ваше стадо!

— Да благословит вас Аллах! Отдохните здесь немного, — следовал ответ.

Когда же мы говорили, что нам предстоит длинный путь, они отвечали:

— Раз так, то примите от нас хотя бы мяса на один шашлык.

С этими словами пастухи хватали какого-нибудь барашка и вручали его нам. Наши молодые ребята тут же резали животное, разделявали его и рассовывали по мешкам мясо. Шкуру, по обычаю, возвращали хозяину. В течение того дня мы получили таким образом нескольких барашков.

Мы доехали до расположенного посреди леса на большой поляне села Дугуат, принадлежавшего балкарским князьям Мисаковым. У многих из них матери были из рода Тугановых,

причем некоторые были двоюродными сестрами¹ моей матери. У ряда других членов нашей группы тоже имелись здесь родственники. Хромой Исмаил Туганов поручил двум молодым парням сообщить одному из уважаемых стариков села Касыму Боташеву о том, что наш отряд находится поблизости. Вскоре большая группа сельчан, как юных, так и пожилых, прибыла верхом на лошадях к месту, где мы остановились. Выражая нам свои искренние симпатии, они пригласили нас в село. Наши старшие поблагодарили их за гостеприимство, но отказались от приглашения, сказав, что не желают, чтобы село пострадало из-за нас. Часть всадников вернулась обратно, а через некоторое время появились сельские парни с откормленным быком и несколькими котлами. Они зарезали быка и разожгли в стороне костер, не позволяя нашим участвовать в приготовлении пищи. Старшие сидели и беседовали у другого костра. Пока варилось мясо, привезли на телеге и хлеб. Пиршество и разговоры продлились до глубокой ночи. Мы поблагодарили сельчан и, сказав, что утром нам предстоит вновь отправиться в путь, попрощались с ними и проводили их до окраины села.

После завтрака мы продолжили путь. Пробираясь в лесах по скалистым тропам, преодолевая речки, к вечеру мы приблизились к Нальчику. Чтобы уточнить маршрут, мы расспрашивали встречных балкарских пастухов о том, проходил ли мимо них отряд поручика Хаева, когда это было и в каком направлении он двигался. В тот день, однако, нам так и не удалось найти Хаева, и мы заночевали на одном из летних пастбищ. Наутро же на следующем пастбище мы узнали от пастухов печальную весть: отряд Хаева попал в большевистскую засаду и был полностью уничтожен. Нас предупредили, что в случае продолжения маршрута нам грозит такая же участь. Таким образом, все перенесенные нами тяготы оказались напрасны. Нам не оставалось ничего другого, как повернуть назад.

Обратно мы двигались с большой осторожностью окольными путями, поскольку опасались попасть в засаду. Расстояния, которые в нормальной ситуации можно было покрыть за полто-

---

¹ Дословно: «дочерьми теток по матери».

ра дня, мы преодолевали за три-четыре дня. Мы вновь прошли через село Буан и сделали двухчасовой привал на месте нашего прежнего лагеря. Там наши командиры определили дальнейший план действий. Было решено идти к границе Малой Кабарды, к тому самому месту, где находился лагерь кабардинских князей, откуда мы вместе с ними атаковали Астемирово. От Каражаева нам предстояло двигаться вдоль течения Уруха, переправиться между Эльхотовом и Змейской через Урух, а затем Терек и, наконец, подняться в горы. Чтобы не быть замеченными жителями находящихся по пути следования сел, мы должны были передвигаться только ночью, скрываясь за горными гребнями и холмами.

В путь мы выдвинулись под вечер. Было уже по-осеннему холодно. С большим трудом в течение той длинной ночи мы преодолели намеченное расстояние и на заре вышли к месту, где не так давно произошла наша встреча с отрядом кабардинских князей. Однако там никого не было. Поговорив с надежными людьми из местных жителей, мы выяснили, что высадившаяся в Новороссийске врангелевская армия в первые дни одержала победу над двадцатитысячным соединением коммунистов, однако не смогла развить успех, отступила и в конце концов рассеялась. (Помнящие те дни или читавшие про них знают, что осенью 1920 года офицеры и солдаты русской Белой армии хлынули в Стамбул и оказались здесь в жалком положении. Затем они постепенно разъехались в Америку, Германию, Францию и другие страны, а некоторые поселились в Турции.) Когда кабардинские князья узнали об этом, они потеряли надежду и, принимая во внимание также трудности нахождения продовольствия и приюта, вернулись в свои села. И они были правы, так как в лесу с деревьев уже осыпались листья, дикie фрукты закончились, а кукуруза в полях была собрана. Сколько дней еще села могли кормить это скопление людей? После этого кабардинские князья решили скрываться малыми группами в своих селах и их окрестностях. Мы же, пережив второе разочарование за три последних дня, решили провести этот и следующий дни там же, поскольку считали место достаточно

безопасным, а затем ночью перебраться в Осетию, в Суадагское ущелье.

Увлечшись описанием различных событий, я упустил из памяти одно обстоятельство, о котором следовало рассказать несколько раньше, за что прошу прощения. В той местности, в селе Эльхотово, были два брата из фамилии Тотиковых¹ по имени Барысби и Андурзак, известные своей храбростью. В Эльхотовском ущелье они организовали маленький, но сильный партизанский отряд, состоявший из десяти-пятнадцати хорошо обученных, оснащенных пулеметами бойцов, которые наводили ужас на всю округу. По ночам они преграждали путь поездам и похищали попавших в плен к коммунистам и приговоренных ими к смертной казни узников. Коммунистам они нанесли большой урон. Власти приложили много усилий к тому, чтобы захватить их живыми или мертвыми, но безуспешно. Почему-то они не присоединились к нашей группе, однако во время сражения за Астемирово незаметно для нас способствовали занятию нами села. Можно даже сказать, что они сыграли решающую роль в нашей победе. Дело в том, что они издали отслеживали все наши действия. Не знаю, были ли они осведомлены о заготовленной для нас в Астемирове ловушке или поняли это, когда, наблюдая за нами издали, увидели, что по нам открыт залповый огонь, но когда астемировские милиционеры начали стрелять в нашу сторону, они зашли им в тыл с правого фланга и открыли по ним огонь из легких ручных пулеметов. Этим они вызвали замешательство в рядах большевиков, отчего те внезапно прекратили огонь и бежали. Поскольку мы тогда не знали положения, нам показалось, что по нам стреляют из пулеметов большевики. Когда же после бегства противника мы вошли в село, Тотиковы со своим отрядом тоже пришли и рассказали нам о том, как все было. На наш вопрос, почему они не захотели влиться в большое соединение, они ответили:

— Мы давно здесь находимся. Кабардинцы здесь в большинстве. У них есть большие отряды. Но как бы вам это объяснить? Им не хватает то ли смелости, то ли решительности. Когда

---

¹ В оригинале: Totik.

мы предлагаем им что-нибудь, они неизменно отвечают, что им необходимо провести совещание («унаффа»¹). Они неспособны перейти от слов к делу. Сегодняшнюю операцию мы задумывали давно, но они так и не смогли решиться на нее. Поэтому мы с ними и не объединились. За вами же мы наблюдали много дней, и можно сказать, что были с вами незаметно для вас самих. В случае какого-либо столкновения мы были готовы в любую минуту придти к вам на помощь.

Сказав нам, что им надо возвращаться в Эльхотовское ущелье, они тогда ушли.

Теперь я продолжу свой рассказ с того места, где остановился выше. Наутро после проведенной в Малой Кабарде ночи нам сообщили горестное известие. Один из отважных братьев Тотиковых, Барысби, пал жертвой предательства. Он был убит выстрелом в сердце сзади. Его труп находился не очень далеко от места нашего ночлега. Какой-то человек, ехавший утром на телеге в лес, обнаружил и узнал его. Однако он не стал везти его в родное село покойного, так как, во-первых, до него было довольно далеко, а, во-вторых, крестьяне могли побояться совершить похоронные церемонии. Вместо этого, зная о нашем присутствии, этот человек сообщил о своей печальной находке нам. Несколько всадников, включая меня, поехали вместе с ним туда, где находилось тело. Цвет лица Барысби не изменился. Все его оружие также было на своем месте — он не успел даже притронуться к нему, совершенно не ожидая нападения. Его лошадь паслась чуть поодаль, но седло было на ней. Все это указывало на то, что убийство совершили не грабители.

Положив тело на телегу, мы привезли его в лагерь. Везти тело в Эльхотово было опасно, поэтому наши старшие решили довести его до лесного поселка Временный и там похоронить, тем более что и отряд Тотиковых должен был находиться в том районе. О смерти Барысби сообщили в его село, и кто-то заранее выкопал могилу. Всем отрядом мы повезли тело туда. Отдав военные почести и сделав три залпа в воздух, мы предали

---

¹ Кабард. *унаффэ*, осет. *уынаффæ* «совет, постановление, распоряжение».

покойного земле. Лошадь и оружие мы оставили крестьянам с тем, чтобы они передали это его соратникам. Впоследствии мы узнали, что в ту роковую ночь Барысби надо было поехать в одно место, и он попросил, чтобы кто-нибудь из его товарищей сопровождал его. Сразу вызвался один из членов отряда, и они вдвоем отправились в путь. Оказывается, этот человек ранее был в плену у коммунистов, и они ему кое-что пообещали в случае, если он схватит или убьет одного из братьев. На рассвете, отстав под каким-то предлогом от Барысби, он выстрелил в него сзади и скрылся.

В ту же ночь мы переправились через Терек и к утру добрались до Суадагского ущелья.

Был ноябрь 1920 года, и с каждым днем становилось все холоднее. Все чаще некоторые из наших людей, не выдержав, уходили в свои села. Правда, после милицейских облав они возвращались обратно к нам в лес или же перебирались в другие села. Мои мать, брат и сестры находились в Бруте на другом берегу Терека, довольно далеко от нас. Родные же Кубади, с которыми мы почти всегда были вместе, были в горной Карце, что тоже было не близко. Мы часто тайком наведывались в различные села. Земля понемногу покрывалась коркой льда. Временами сыпал снег, но на поверхности еще не удерживался. Однажды ночью мы поехали в гости к глухим братьям Цаликовым¹ в Ногкау. Там оказались и другие гости. Утром за завтраком разгорелась оживленная беседа. Старший из братьев Дзарах, который был большим шутником и приятным собеседником, рассказывал нам разные смешные истории. Кто-то из гостей попросил у него табакерку, чтобы свернуть сигарку. Дзарах хоть и не знал русского языка, но с деланно строгим выражением лица ответил русской поговоркой:

— Хлеб, соль вместе, а табак врозь².

Все рассмеялись, а Кубади спросил его:

— Кто же научил тебя такому русскому?

— О чем это ты? — важно ответил Дзарах и затем указал

---

¹ В оригинале: Çelik.

² В оригинале по-русски: Hleb, soli vmeste, a tabak vi roz.

пальцем на меня. — Еще когда папаша вот этого юноши со своими друзьями приезжал во Владикавказ, я бывал у них переводчиком.

Мы продолжали хохотать, как вдруг снаружи кто-то крикнул:

— Милиция!

Выглянув в окно, мы увидели, что по главной улице села в нашу сторону движется милицейское подразделение. Схватив ружья, мы выскочили через заднюю дверь наружу и, пробежав по виноградникам примерно два километра, нырнули в кустарники на берегу Ардона. Наши лошади при этом остались в селе. Разжечь костер мы боялись и поэтому, чтобы не замерзнуть, постоянно прохаживались по обледенелому берегу реки. Вдруг из кустов послышался тихий свист. Обернувшись, я увидел какого-то человека.

— Не бойся, я не чужой, — смеясь, сказал он и подошел ко мне.

Это был Бицо, принадлежавший к состоятельной семье из среднего сословия нашего села. Он получил хорошее образование и в царское время служил главой уездной администрации. Эта служба и вменялась ему теперь в вину большевиками, от которых он вынужден был скрываться. Мы обменялись с Бицо рукопожатиями. Он тоже гостил в одном из домов в Ногкау и, узнав о появлении милиционеров, спрятался в кустарниках. День мы провели в этом убежище. Начало смеркаться, но мы не смели вернуться в село, так как опасались, что милиционеры еще могут находиться там. По прошествии некоторого времени кто-то трижды с равными интервалами свистнул. Мы замерли в ожидании. Наконец, тихий голос произнес:

— Бицо!

— Я здесь, — отозвался наш товарищ.

Оказывается, как только милиционеры покинули село, хозяин дома, где гостил Бицо, вышел искать его. Когда мы все приблизились к селу и уже собрались прощаться, он стал настаивать, чтобы и мы заглянули к нему в дом. Мы согласились. Хозяин ввел нас в теплую уютную комнату, одновременно послав своего сына к Цаликовым сообщить, что их гости находятся у

него. В комнате уже был накрыт стол для приема гостей с изобилием ликера, араки и пива домашнего производства. Откуда-то доносился запах шашлыка. Мы настолько озябли за день, что тела наши заоченели, а челюсти свело от холода. Хозяин налил нам по рюмке ликера. Мы залпом выпили и сразу же почувствовали, как замерзшие тела начали оттаивать. Придя в себя, мы сели за стол. Когда трапеза была закончена, в комнату вошла пожилая мать хозяина.

— Добро пожаловать! Я счастлива видеть вас в моем доме. И пусть в дальнейшем вас минуют несчастья, — сказала она с печальным выражением лица и по-матерински обняла меня и Кубади.

Мы никогда раньше не видели эту женщину, но были знакомы с одним из ее сыновей, от которого она, вероятно, и слышала о случившемся с нами. Мы поблагодарили хозяев и удалились.

Еще день или два мы погостили у Цаликовых. Затем Кубади сказал:

— Кажется, мы задержались здесь. Не будем слишком надоедать нашим хозяевам. Давай переберемся в какое-нибудь другое место.

— Ты прав. Но куда?

— Поедем на тот берег Терека, в Брут. Заодно повидеешься со своими.

Предложение Кубади было бальзамом на мою душу. Ведь я только об этом и мечтал. В вечерних сумерках мы выехали в дорогу и слегка за полночь были в Бруте. Поскольку дом Мамсуровых, где гостили мои родные, находился на окраине села, мы вошли в него без труда. Мужская часть этой семьи, чтобы не быть задержанной большевиками, скрывалась в соседних селах, но нас приняли очень хорошо, и мы сразу же почувствовали себя как дома. Однако уже на следующий день после полудня стало известно, что в верхние кварталы села вошла рота милиции. Мы спешно оседлали лошадей, вывели их на дорогу и стали размышлять, куда бежать теперь. Возвращаться туда, откуда мы вчера приехали, было бессмысленно, так как и там находились

милиционеры. Единственный открытый для нас путь вел в село Заманкул, но там мы никого не знали. Мать Кубади была из рода Козыревых¹. Мы слышали, что в Заманкуле проживают несколько семей этой фамилии, но знакомы с ними не были. В любом случае среди них не было родных дядей Кубади. В конце концов нам вспомнился один пожилой человек из этой фамилии по имени Боца, который в прежние времена нередко приезжал к нам в село и гостил в доме отца Кубади. Мы решили, что разыщем его и станем его гостями.

Уже начало вечереть, когда мы въехали в Заманкул. В нем было по меньшей мере две тысячи дворов, и правильнее было бы называть его маленьким городом. Село было расположено на южном склоне Кабардинских гор² на сильно пересеченной местности. Преодолевая подъемы и спуски, мы ехали по сельским улицам в надежде встретить кого-либо, кто указал бы нам дом Боца. Подъезжая к большому дому из грубо отесанного камня с черепичной крышей, мы заметили, что одна створка ворот, ведущих в сад, открыта. Когда мы приблизились к воротам, оттуда навстречу нам вышел человек, ведя под уздцы красивую гнедую верховую лошадь. Увидев нас, он остановился, внимательно вглядываясь в наши лица, а затем, разинув рот от удивления, воскликнул:

— Вот это да! Какой же Бог вас сюда принес?!

Только тогда мы узнали его. Это был один из двух братьев Таутиевых³. Их звали Казбек и Заурбек, и они принадлежали к одной из наиболее уважаемых семей своего села. Во время нашего пребывания под Астемировом они собирали там кукурузу и жили в палатке прямо в поле. За день до операции мы с Кубади отправились верхом на разведку по окрестностям и обнаружили их палатку. Между собой мы разговаривали по-осетински, но, поскольку в тех местах кабардинцы были в большинстве, мы приветствовали незнакомых обитателей палатки по-кабардински. Ответив на наше приветствие, они спросили нас на нашем языке:

---

¹ В оригинале: Khodzir.

² Речь здесь идет о Сунженском хребте.

³ В оригинале: Tautyate.

— Вы осетины?

Получив утвердительный ответ, они пригласили нас словом «Еблагъуæ». (Это слово означает по-кабардински «пожалуйста, проходите». Почему-то осетины его усвоили и часто использовали.) Поскольку они настаивали, мы, чтобы не обижать их, спешились, и они отменно угостили нас. Перед расставанием они сказали:

— Если однажды окажетесь в Заманкуле, непременно приходите к нам в гости. Просим вас.

И вот сейчас мы, сами того не ведая, явились прямо к воротам их дома. Хозяин жестом руки пригласил нас войти. Мы начали объяснять, что у нас есть, где остановиться, и что позже мы обязательно навестим его, но он не желал даже слушать. Он настаивал, а мы сопротивлялись.

— Тогда немного подождите, — сказал он.

С этими словами он завел свою лошадь обратно во двор, привязал ее и вернулся. После этого он схватил поводья лошади Кубади и потянул ее вовнутрь. Я поневоле последовал за ними. В большом саду стоял красивый дом, а напротив него находился навес, в одном конце которого было устроено стойло для верховых животных, а в другом — кунацкая. Мы вошли в кунацкую и, пока расспрашивали друг друга о житье-бытье, подошел и второй брат. Похоже, они не собирались отпускать нас в ту ночь. Мне, собственно, было все равно, где остановиться. Однако Кубади отчего-то заладил, что ему необходимо повидать родственников матери, и продолжал спорить с хозяевами. Между тем мы успели пропустить несколько рюмок ликера. Теперь Кубади придумал новый предлог для того, чтобы уехать.

— Поскольку время позднее, мы уже не сможем посетить моего дядю. Но нам надо возвращаться в Брут, — сказал он.

Учитывая то, что мы еле унесли ноги из Брута, возвращение туда было бы для нас равносильно самоубийству. Но я понял замысел Кубади. Он хотел отделаться от этих братьев, а затем разыскать дом Боца и заночевать там. Однако братья не поддались на эту уловку. Когда мы выводили наших лошадей из стойла, они тоже вывели своих на улицу, не забыв также полностью

вооружиться. Нам они заявили, что намерены проводить нас до середины пути. Сколько мы ни благодарили их и как ни просили не беспокоиться, все было тщетно.

При выезде из Заманкула крупными хлопьями посыпал снег. В нашу честь братья стали гарцевать на своих лошадях. Проехав некоторое расстояние в направлении Брута, мы попросили их повернуть обратно, но они ответили:

— На границе села патрули. Вы не местные, и у вас могут возникнуть сложности. Поэтому мы должны провести вас до границы.

При этих словах у нас застучало в висках. Ненужное упрямство Кубади обернулось для нас серьезной проблемой. Мы стали думать, что нам делать. Братья продолжали гарцевать и время от времени удалялись от нас. В один из таких моментов я предложил Кубади:

— Давай ты скажешь им так: «Мы вовремя не подумали. Раз на границах вашего села выставлены патрули, то и в Бруте будет то же самое. Следовательно, мы не сможем войти в село. Будет лучше, если мы вернемся назад».

Кубади тут же закричал:

— Казбек! Казбек!

Когда Казбек приблизился, Кубади в точности повторил ему мои слова. Подъехал и второй брат, и оба вместе радостно закричали:

— Молодцы! Вы правильно решили!

Схватив поводья наших лошадей, они, словно похитители, вскачь помчали нас обратно в село. Мы еще какое-то время посидели в кунацкой, после чего нас пригласили в уютную, красивую комнату. Комната была жарко протоплена, что было знаком особого уважения к нам. Вскоре пришли двоюродный брат¹ Казбека и Заурбека — Амирхан² — и несколько его друзей. Для нас был зарезан барашек и накрыт превосходный стол. Амирхан был немало повидавшим в своей жизни человеком и приятным собеседником. Разумеется, обилие выпивки тоже украсило ту

---

¹ В оригинале: «сын дяди по отцу».

² В оригинале: Emirhan.

ночь. Когда беседа закончилась и стол был убран, нам расстелили постели на полу. На следующий день нас тоже не оставили без внимания, но мы все-таки успели навестить родственника Кубади.

На третий день мы отправились в находящееся в десяти километрах выше Заманкула село, названия которого я сейчас не помню (это было село Мусы Кундух-паши, отца первого министра иностранных дел Турецкой Республики Бекира Сами-бея)¹. Никто из нас там не бывал прежде, но у Кубади там жил друг. Он сказал:

— Раз уж мы в бегах, то давай доедем и до этого места.

Я согласился. Мы остановились у приятеля Кубади. Я никак не предполагал, что в этом селе у меня могут найтись знакомые. Но среди соседей хозяина дома, пришедших приветствовать нас, оказались мои очень близкие товарищи по 2-му Осетинскому полку. Они проявили близкое участие по отношению к нам.

Вечером следующего дня мы покинули и это село. Ночь была очень темной, а дороги представляли собой месиво грязи. Мы так и не приняли решение о том, куда нам ехать. В Заманкул мы не могли въехать ночью, а в Брут и вовсе. Села, расположенные на правой стороне Терека, для нас были чужими, и, следовательно, мы не могли ехать и туда. Оставалось только перебраться через Терек и направиться в куртатинские села. Ехать по обычной дороге было опасно, так как нас могли задержать. Поэтому мы съехали с дороги и стали двигаться наугад на отдалении от сел по убраным полям. Спустя два-три часа мы выбрались к руслу Терека. Поскольку была уже зима, река сильно обмелела и к тому же текла, широко разлившись по равнинной местности. Мы легко переправились через нее. Понимая, что находимся где-то между Архонской и Ардоном, мы старались двигаться по полям в сторону Суадага. Стояла, однако, такая тьма, что мы не видели не только местность, по которой ехали, но даже друг друга. В какой-то момент мы даже засомневались, в правильном

---

¹ Автор имеет в виду бывший аул Кундуховский (Скут-Кох), в описываемое время — село Эммаус, ныне — село Раздзог Республики Северная Осетия-Алания.

ли направлении едем. Вскоре впереди послышался собачий лай. Там было село, но какое? Решив не рисковать, мы сменили курс и удалились от него.

Мы преодолели таким образом довольно значительное расстояние, когда я почувствовал, что моя лошадь перешла через какую-то канаву, после чего стала идти свободнее по более твердой поверхности. Я спешился, зажег спичку и увидел на земле следы колес. Получается, наши лошади интуитивно нашли проезжую дорогу. Но куда она ведет? Измотанные, мы решили довериться своим лошадям — пусть везут, куда везут. Погода была очень холодной. Мои ноги в английских ботинках совершенно ооченели. Ниже колена я их перестал чувствовать, как будто вместо ног у меня были привязаны деревянные колодки. В темноте и холоде у нас не было сил даже говорить, и мы молча ехали — я впереди, а Кубади позади меня. Вдруг моя лошадь стала замедлять ход, словно почувствовала какую-то опасность. Внимательно взглядевшись в темноту, я различил на дороге контуры какого-то объекта.

— Эй, кто там? — крикнул я.

Ответа не последовало. Спешившись, я подошел и обнаружил стоящую посреди дороги телегу, груженую дровами. Было ясно, что ее хозяин вез из леса дрова, но, увязнув в грязи, выпряг лошадь и оставил телегу на месте до наступления дня. Ее оглобли были направлены в ту сторону, откуда ехали мы. Из всего этого я сделал два вывода. Во-первых, судя по направлению движения телеги, мы ехали в сторону леса. А, во-вторых, коль скоро мы начали различать очертания предметов, уже близилось утро. Я счел нужным предупредить Кубади:

— Не могу понять, где мы находимся, но нам лучше дождаться рассвета здесь. Если мы поедем дальше, то окажемся в лесу, откуда потом придется возвращаться обратно.

Он почти спал на лошади и без возражений согласился со мной. В нескольких метрах от нас виднелся холмик с нескошенной высокой сухой травой. Я подошел туда, пригнул траву и обмотал ее вокруг ног, но это не слишком помогло мне. Время тянулось мучительно медленно. Когда же под утро темнота стала

понемногу рассеиваться, я начал понимать, что мы находимся в тех самых фиагдонских кустарниках, где прошедшим летом в период сбора молодой кукурузы мы стояли лагерем вместе с казаками.

— Эта дорога приведет нас в Хаталдон, — сказал я Кубади.
— Поехали, не будем больше мерзнуть.

Мы подстегнули лошадей и вскоре доехали до места, где жители близкого хаталдонцам села Кадгарон летом занимались пчеловодством, а зимой пасли скот. Из трубы стоявшей на краю луга хижины шел дым.

— Эй, кто там есть? — крикнул я.

Дверь отворилась, и из хижины, держа пальцы на спусковых крючках своих ружей, осторожно выглянули два человека.

— Кто вы такие, и что вам здесь нужно? — спросил один из них.

— Мы путники, — ответил я. — В дороге мы сильно замерзли и, если разрешите, хотели бы немного погреться.

— Ладно, — неохотно произнес он.

Когда мы спешили и подходили к дверям, человек, говоривший с нами, продолжал держать палец на спусковом крючке, а другой, вдруг бросив ружье, побежал в нашу сторону с возгласом:

— О-о, откуда вы тут взялись?!

Пока он приближался к нам, я тоже узнал его. Это был Дзатте из куртатинской фамилии Марзагановых¹. У него был большой магазин в поселке Алагир, и он являлся нашим зятем. После объятий и поцелуев он познакомил нас со своим товарищем, который оказался осетином из Ардона, тоже из офицеров. Оба они, подобно нам, скрывались от милиции и в настоящее время гостили в этой хижине. На шум вышел и ее хозяин и сразу же завел нас внутрь. Подбросив несколько поленьев в печь, он затем подоил коров и вскипятил молоко для нас. Отлично позавтракав, мы пришли в себя. Хозяин сказал:

— Сейчас вам не стоит отправляться путь. В любом случае не входите в село до наступления темноты. Милицейские обла-

---

¹ В оригинале: Mirzagante.

вы в последнее время участвовали. Пока же поспите здесь. Если отправитесь после обеда, то как раз с сумерками подъедете к селу.

Он уложил нас на дощатых кроватях, и мы хорошенько выспались. Пообедав, мы выехали в путь и вечером добрались до Хаталдона. В самом крайнем доме мы поинтересовались, есть ли в селе милиционеры. Выяснив, что они пришли и ушли вчера, мы без боязни направились в дом нашего двоюродного брата¹ Кулова². Как всегда и везде, нас и здесь приняли очень радушно. На следующий день, оставив там своих лошадей, мы пешком пошли в Суадагское ущелье и воссоединились со своим отрядом.

С учащением милицейских облав те из наших людей, что прежде, не выдержав условий, разошлись по домам, теперь один за другим возвращались в лагерь. По мере же увеличения численности обитателей лагеря затруднилось его обеспечение продовольствием, и в конце концов встал вопрос о том, чтобы разделиться на более мелкие группы. Куртатинцы во главе с двумя полковниками — Угалуком³ и Алмахситом⁴ Цаликовыми — заявили, что переместятся в окрестности Ногкау и будут обеспечивать себя всем необходимым из своих сел. Полковник Голиев со своей группой намеревался перебраться поближе к Гизели. Точно так же и выходцы из Ардона решили под командованием своих земляков-офицеров отправиться в свои края. Оставалась лишь наша группа численностью в 25-30 человек. Начиная с полковника Доко Кубатиева и далее майора Элькана⁵ Зурапова, у нас было много офицеров всех званий. Все мы были из Урсдона или Дур-Дура. Но мы не могли даже приблизиться к этим селам, потому что нас давно оттуда изгнали, а села заняли. Наши семьи разбрелись по всем уголкам Осетии, укрывшись у близких родственников. Таким образом,

---

¹ Дословно: «сына тетки по отцу».

² В оригинале: Kulate.

³ В оригинале: Oğalik.

⁴ В оригинале: Elmahsit.

⁵ В оригинале: İlhan.

только наша группа оставалась без пристанища. Полковники Цаликовы смущенно и с некоторым опасением предложили нам идти вместе с ними. Будь нас три-пять человек, проблемы, конечно, не было бы и мы бы легко примкнули к одной из других групп. Но 25-30 человек, к какой группе бы они ни присоединились, крайне осложнили бы ее положение. Полковник Доко, поблагодарив их, сказал:

— Вы, пожалуйста, идите своим путем, как задумали. А нас предоставьте Аллаху. Он — самый лучший кормилец и защитник.

С этим мы проводили их. Сами же, как могли, стали добывать в ближайших селах кукурузный хлеб и муку, а также картошку, капусту, фасоль и тому подобное, готовили из них себе еду, стараясь есть ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Когда наступили по-настоящему зимние холода, мы забрались в еще более высокие и непроходимые дебри леса. Чтобы соорудить себе убежище, мы принесли из сел топоры, кирки, лопаты и другие инструменты. В лесу нам не удалось отыскать ровного места на берегу какого-нибудь ручья. В конце концов мы выровняли участок склона шириной в три метра и протяженностью в десять-двенадцать метров, в результате чего образовалась площадка, упиравшаяся сзади в земляную стену высотой до полутора метров и открытая впереди. Вдоль переднего края площадки мы вбили на близком расстоянии друг от друга стояки с раздвоенным верхом, на которые насадили колоды диаметром в 20-25 сантиметров. После этого мы срубили несколько из стоявших вокруг в большом количестве высохших грабовых деревьев, достигавших метра в обхвате и не менее двадцати метров в высоту. Падая, они сами раскалывались на части. С помощью топоров мы вытесали из них широкие балки длиной в четыре метра, один конец которых мы закрепили на задней земляной стене, а другой вставили в насаженные на стояки колоды. Получился самый настоящий навес. Теперь мы могли не бояться снега. На открытой передней стороне площадки постоянно горел костер. Собранной вокруг травой мы устлали землю под навесом и прервосходно спали по ночам, лежа головой к стене и ногами к ко-

стру. Бывало, что от горящего огня балки у нас над головами так раскалялись, что мы обливались потом.

Наше убежище находилось в полной глуши. Даже едва заметная дорога, по которой крестьяне возили дрова, проходила далеко от нас. Лишь козья тропа поднималась от нашего лагеря вверх и, перевалив через хребет, спускалась в села Верхняя Карца, Нижняя Карца и Гусыра, относившиеся к Фиагдонскому ущелью. В Верхней Карце проживала принадлежавшая к алагирскому племени фамилия Датиевых¹, в Нижней Карце — фамилии Есиевых² и Тезиевых³ из куртатинского племени, а в Гусыре — фамилия Хадарцевых⁴ также куртатинского племени. Семьи многих членов нашей группы находились в качестве гостей в Нижней Карце, поскольку с ее жителями мы были породнены через браки. К примеру, у Кубади и мать, и отец (мой дядя) были там. По этой причине большую часть провианта мы получали оттуда. Однако, как я уже сказал, по этой дороге могли пройти козы, но никак не проехать телега. Если бы мы решили добраться туда на телеге, нам пришлось бы ехать в объезд через Дзуарикау, что заняло бы по меньшей мере два дня. Поэтому мы предпочитали по козьей тропе переходить через Карцинский перевал и спускаться в Нижнюю Карцу. Как самые младшие в группе эту миссию обычно выполняли мы. Изредка и наши старшие, когда им необходимо было помыться или отремонтировать износившуюся одежду, тоже шли туда, принося с собой заодно и провиант. В основном же за доставку продуктов отвечали четыре человека — майор Элькан Зурапов, ротмистр Мамек Кубатиев, Хаджимурат Карабугаев и я. С учетом того, что стояла зима и дни были короткими, мы разработали следующий график. В полдень мы выходили из лагеря и примерно полтора-два часа взбирались в гору по лесу. Затем мы карабкались вверх по скалам, лугам и пастбищам и, наконец, достигали перевала. После этого мы начинали спускаться по очень крутому склону.

---

¹ В оригинале: Dati.

² В оригинале: Yesi.

³ В оригинале: Tezi.

⁴ В оригинале: Hadartsa.

Это были луга и пастбища села Карца. На расстоянии примерно часа ходьбы до села находилось пастбище Есиевых с пастушьей хижинкой. Туда мы добирались с сумерками и делали привал, чтобы отдохнуть и узнать, есть ли в селе милиция. Чтобы никто не заметил нашего появления в селе, нам необходимо было дожидаться наступления полной темноты. В этой хижине постоянно находился Абе Есиев, поскольку он был холост. Его женатые братья приходили лишь днем, а вечером возвращались в село. Абе считался немного умственно отсталым. Будучи все время занят уходом за животными, он имел обыкновение вслух сердито жаловаться им на свои беды. Однажды, молча приблизившись к нему, мы подслушали один такой монолог. Незадолго до того его младший брат похитил девушку, хотя очередь жениться была за Абе. Видимо, это сильно задело его, и он обращался к овцам со следующей речью:

— Надо же! Беба получил жену. Проказник Беба получил жену. Да еще сестру муллы. А зачем Беба жена? Мне нужна жена. Я ухаживаю за столькими овцами...

Он был очень добродушным человеком. Видя наши мучения, он всякий раз пытался подбодрить нас одними и теми же словами:

— Ах, бедняги, ах! Опять пришли? Не бойтесь. Скоро вас спасут. Сегодня я слышал, что из одной страны прибыло войско численностью в четыреста человек, чтобы уничтожить большевиков.

Абе всегда радушно встречал нас, заводил в хижину и угощал хлебом и только что вскипяченным молоком. Немного поспав, мы продолжали наш путь и входили в село, когда его жители уже спали. Разделившись, мы в одиночку направлялись к разным, заранее определенным домам и, постучав в окно, дожидались, когда нам откроют дверь. Пока мы угощались в тепле, хозяева набивали в наши вещмешки имевшуюся в доме еду. Груз каждого из нас достигал, я думаю, 25-30 килограмм. Больше всего нас устраивала мука, так как она не занимала в мешке много места, а из одного мешка муки можно было испечь несколько мешков хлеба. Кроме того, приготовленный

нами самими в лагере свежий хлеб был гораздо приятнее на вкус. Однако раздобыть муку удавалось не всегда, потому что кукурузная мука долго не хранится и, если ее не использовать в течение недели после помола, она горкнет и портится. Поэтому каждая семья в селе раз в неделю возила молоть на мельницу лишь недельную норму кукурузного зерна. В особые же холода, когда речки замерзали и мельницы останавливались, бедствовали и крестьяне, и мы. В такие дни нам в мешки засыпали немолотую кукурузу, точнее кукурузные початки, которые мы варили и ели.

Рано утром, взвалив на себя полные вещмешки, мы выходили из дома так, чтобы еще затемно добраться до хижины Абе. Затем по тому же маршруту мы переходили через хребет и, подойдя к лесу, делали два выстрела подряд и через несколько секунд еще один. Этим мы давали знать нашим товарищам о нашем приближении. Несколько человек поднимались к нам и забирали у нас груз. Таким образом, ровно через сутки, в полдень, мы возвращались в лагерь. Но это, конечно, в обычные зимние дни. Если же погода была метельной, то сроки намного увеличивались, не говоря уже о том, что в пути можно было заблудиться, сорваться в пропасть, утонуть или подвергнуться другим опасностям. В метельные дни или в периоды, когда в селах подолгу находилась милиция, нам приходилось голодать, бывало, и по десять дней кряду.

Второй после голода проблемой для нас был табак. Подавляющее большинство из нас были заядлыми курильщиками. А поскольку в лагере у нас не было другого дела, кроме как бить баклуши, от тоски закурили даже многие из тех, кто раньше никогда не пробовал сигареты. На росших в лесу грабовых деревьях имелись напоминавшие грецкий орех слегка колючие орешки, внутри которых находились четыре либо шесть похожих на семена подсолнуха треугольных зерна с твердой, словно отполированной лаком желтой кожурой. Эти зернышки зимой сами высыпались из орешков и, скользя по снегу, скапливались в углублениях. Мы горстями собирали их и ели, как семечки подсолнуха. Не знаю, были ли они полезны, но сытны не были,

и мы лишь зря тратили время. Кто-то предположил, что они содержат масло. Мы собрали их и прокипятили в казане, но никакого масла не получили. Вероятно, их следовало давить прессом, как оливки и подсолнух, но таких возможностей у нас не было. Так вот, мы, курильщики, непрерывно жевали эти семечки, чтобы отвлечься от желания курить. Кроме того, некоторые сельчане сеяли на краях своих огородов табак. Иногда они собирали оставшиеся у самого корня толстые листья и сухие стебли и посылали их нам. Мы сушили их, разложив вокруг костра, очень мелко нарезали ножом, заворачивали в газетную бумагу и курили.

Один из наших товарищей однажды сильно повеселил нас. Сам он был некурящим. Вернувшись после продолжительной прогулки по лесу, он подошел ко мне и, вынув из кармана брюк щепотку чего-то похожего на табак, протянул мне со словами:

— Ну-ка заверни это в кусок бумаги и попробуй покурить. Интересно, будет ли это иметь вкус табака.

Понюхав, я сказал:

— Это табак.

Другие товарищи тоже понюхали и подтвердили мои слова. Завернув эту массу в бумагу, мы сделали по одной затяжке. Это действительно был табак.

— Ты ведь не куришь. Где ты раздобыл это? — спросили мы.

— Это трава, растущая в этих местах, — ответил он. — Она называется «искуда». Пастухи курят ее вместо табака. Я обнаружил ее между скал в лесу. Там ее полно.

С этими словами он вывернул карман наизнанку и, высыпав из него еще некоторое количество травы, протянул ее нам. Мы свернули еще три или четыре сигарки и, чтобы они зря не тлели, пустили их чуть ли не всем лагерем по кругу. Довольные, мы стали требовать от принесшего траву товарища, чтобы он отвел нас туда, где нашел ее, будь эта искуда даже отравой.

— Нет, — возразил он. — Сейчас слишком поздно. Это далеко отсюда. Завтра пойдем туда, и вы наберете этой травы, сколько захотите.

Радуюсь тому, что проблема табака тоже разрешена, мы с не-

терпением стали ждать утра. Остаток того дня и ночь тянулись бесконечно долго. Утром, едва позавтракав, мы окружили нашего товарища и попросили больше не откладывать поход за искудой. Он рассмеялся:

— Вы в самом деле поверили в табак, растущий в горах? Я хотел немного подшутить над вами, вот и все. Нет никакой искуды. Я все это придумал.

— А что же мы тогда курили?

Он опять засмеялся и объяснил, как все было:

— Помните, на днях я ходил в село за провиантом и принес вам оттуда листья табака? Когда мне их давали, я не нашел, во что их завернуть и запихнул целиком в карман. В пути от движений часть листьев поломалась, и их кусочки, искрошившись, засыпались на дно моего кармана. Вчера, гуляя в лесу, я опустил руку в карман и обнаружил эти остатки. Тогда-то мне и пришло в голову устроить вам этот розыгрыш.

В ответ мы рассказали о своих ночных мечтах и все вместе еще раз посмеялись.

Как видите, жизнь, которой мы тогда жили, была труднопереносимой. Мы устали от этого существования и часто по малейшему поводу смеялись или злились.

Между тем время от времени над лесом появлялись самолеты-разведчики и, покружив, удалялись. При их звуке каждый прятался под какое-нибудь дерево, так как сверху наверняка был виден дым костра и на нас могли сбросить бомбы. Одновременно к нам по-прежнему поступали от коммунистов предложения о сдаче. «Если вы сдадитесь, то и вы, и ваши семьи, и весь край обретут спокойствие», — убеждали они нас. Но мы знали, что попавших к ним в руки они расстреливают, и потому не доверяли этим призывам. Однако чего мы ждали, тоже было непонятно. Вероятности того, что извне придёт военная помощь, более не существовало. Наша последняя надежда, врангелевская армия, развалилась еще осенью, и ее уцелевшие члены давно уже были в Европе или Америке или на пути туда. Видимо, нам просто слишком хотелось жить, и поэтому, несмотря на отсутствие каких-либо перспектив и претерпеваемые лишения,

мы все же не решались своими ногами отправиться в преподносимую нам как спасение смертельную ловушку. В конце концов, однако, ротмистр Ибрагим Абисалов сказал:

— У меня больше нет сил жить этой жизнью. Я принял решение сдаться. Если со мной что-то случится, вы будете знать, что этого делать нельзя. Если же они поступят так, как обещают, то тогда и вы сможете последовать моему примеру.

Как мы ни пытались отговорить его, он не отказался от своего намерения и однажды исчез из лагеря. Его семья жила во Владикавказе, а отец, Сафарбек¹, был одним из лучших адвокатов края. Вероятно, Ибрагим рассчитывал и на его помощь.

Уход Ибрагима никак не повлиял на распорядок нашей жизни. Как и прежде, мы раз в неделю или десять дней навещались к гостеприимному Абе. Карцинские села стали чаще посещаться милицией, вследствие чего нам иногда приходилось днями сидеть без еды. Нам, конечно, ничего не стоило устроить этим милиционерам засаду и перебить их, но после этого могли пострадать жители сел, включая наших родных, и это оставляло нас. По прошествии какого-то времени мы узнали, что Ибрагим Абисалов сдался в Особый отдел во Владикавказе, и ему дали какую-то должность. Это известие не имело подтверждения, но слух передавался из уст в уста.

Мы с нетерпением ждали прихода весны. От существующего положения устали не только мы, но и крестьяне, хотя из приличия они ничего нам не говорили. Нам и самим было неловко входить в их дома, но и другого выхода у нас не было. Однажды, когда, как всегда, под вечер мы добрались до хижины Абе, нам сообщили, что в селе находится милиция и до следующего оповещения нам в него опасно спускаться. Мы заночевали в хижине в надежде, что на следующий день милиционеры уйдут. Однако и на второй день нам передали, что они не собираются покидать село, и мы были вынуждены отправиться в обратный путь с пустыми руками. Когда мы достигли перевала, поднялась ужасная пурга. Ни зги не было видно. С одной стороны нашей козьей тропы была пропасть глубиной не менее пятидесяти-ше-

---

¹ В оригинале: Sefer bey.

стидесяти метров. При любом неверном движении мы могли сорваться в нее, и едва ли кто-нибудь отыскал бы наши кости. В руках у нас были двухметровые посохи, опираясь на которые, мы старались шаг за шагом преодолевать путь. Временами буря еще более усиливалась, и тогда мы останавливались и, опершись на посохи, неподвижно застывали на месте. За какие-нибудь двадцать-тридцать секунд этого вихря мы оказывались по грудь в снегу, погруженные в него словно в какую-то чашу или небольшой кратер. Когда буря опять немного затихала, мы, опираясь на посохи и выставя вперед одно плечо, начинали выбираться из снежного плена. Поскольку я был чуть сильнее своих спутников, я шел впереди. С величайшим трудом уже в темноте мы, еле держась на ногах, добрались до леса и сделали сигнальные выстрелы из ружей. В лагере были уже не на шутку обеспокоены нашей судьбой. Навстречу нам вышла большая группа наших товарищей. Взяв нас под руки, они фактически донесли нас до нашего укрытия.

Вскоре после этих тяжелых дней наступил февраль. Холода начали ослабевать. Наше убежище находилось на южном склоне, и талые воды начали пропитывать земляную стену, к которой мы прислонялись головой, и размягчать ее, местами затопив наше жилое пространство. Нам пришлось вырыть вдоль всей стены довольно глубокую канаву, чтобы скопившаяся вода могла утекать наружу.

Сейчас, если сравнить те дни с нашими, некоторые стороны тогдашнего нашего быта могут повергнуть в ужас. Ведь сегодня стоит нам в потном виде выпить прохладную воду или выглянуть на холод, как нас сразу сражает простуда. Между тем, когда мы там тащили из села на спине провиант, изо всех сил стараясь вовремя добраться до лагеря, то от быстрой ходьбы зачастую обливались потом. Чтобы утолить в пути жажду, за неимением воды мы ели снег. Но никто ни разу не заболел. Чем это объяснить? Божьей милостью? Или тем, что мы настолько одичали, что просто не замечали холода?

С наступлением марта снег начал быстро таять, а на холмах даже зазеленела трава. Воздух с каждым днем становился те-

пее. На Кавказе в лесах сразу после исчезновения снежного покрова появляется растение с широкими и длинными листьями, которое русские называют черемшой, а мы, осетины — «да-вон». По вкусу оно напоминает чеснок и даже немного острее него. Зимой корни этого растения выкапывают из-под земли и используют вместо чеснока при приготовлении пищи, весной же едят его свежие листья. Русские доктора считали его лучшим лекарством от холеры. Так вот, с появлением черемши наш рацион, состоявший из одного кукурузного хлеба, стал слегка разнообразней. Мы обмакивали ее в соль и ели вместе с кукурузными лепешками. Так прошел и март.

В апреле количество съедобных растений в лесу увеличилось. Мы решили сменить место своего расположения и поднялись на зеленые поляны, находившиеся между лесом и высокими скалами. Горизонт наш словно расширился, и мы стали свободнее дышать. Сняв с себя зимние одежды, мы грелись на солнце и проводили время в различных играх и упражнениях в борьбе. Однажды во время таких веселых игрищ мы вдруг увидели человека, поднимавшегося вверх по тропинке, которая вела из леса к тому месту, где мы находились. По одежде он не был похож на пастуха или охотника. На нем был красивый костюм. Когда он немного приблизился, один из наших товарищей крикнул:

— Вы не узнаете его? Это же наш Ибрагим Абисалов!

Мы лучше взгляделись и тоже узнали его. Это и вправду был Ибрагим. Ротмистр Мамек и я радостно побежали к нему навстречу. Завидев нас, он снял папаху и стал махать нам ею. Пока мы бежали, Мамек предложил разыграть его, и мы так и поступили. Едва оказавшись рядом с Ибрагимом, мы направили на него оружие и сказали:

— Паршивый змей, продавшийся коммунистам! Что тебе здесь нужно? Немедленно убирайся отсюда!

Он на мгновение опешил. Затем, увидев, что мы собираемся с распростертыми объятиями кинуться ему на шею, указал на свой десятизарядный маузер и шутливо ответил:

— Смотрите! Если что, я потом не виноват.

Мы взяли его под руки и привели к остальной группе. Обнявшись со всеми, он сказал:

— Я очень устал и к тому же проголодался. Если есть какаянибудь еда, дайте немного.

— Для тебя всегда найдется, — ответили мы и положили перед ним кукурузные лепешки, соль и свежие листья черемши.

Угощаясь, он расспрашивал нас о нашем лесном житье-бытье. Кто-то из наших задал ему вопрос:

— А что привело тебя сюда?

— Я пришел забрать вас отсюда, — ответил Ибрагим.

— Ого! — воскликнули мы со смехом.

Мы посчитали эти слова шуткой и не придали им особого значения. Поев, Ибрагим немного отдохнул, а затем мы уселись вокруг него и стали расспрашивать про наших близких во Владикавказе. Ответив на все вопросы, он перешел к истории о своей сдаче и в подробностях поведал нам ее:

— Покинув вас, я направился в Суадаг к моему зятю Созырыко и рассказал ему о своем замысле. Сначала он, как и вы, стал меня отговаривать, но, убедившись в моей решимости, отступил и сказал: «Поступай, как знаешь». На следующее утро после завтрака я стал готовиться в путь, и Созырыко, увидев это, сказал: «Постой! Коли так, то не иди же тебе пешком». Он запряг лошадь в телегу и велел какому-то парню довести меня до Гизели. Возница всю дорогу ехал рысью, и в послеобеденное время мы приблизились к Гизели. Я поблагодарил паренька и велел возвращаться назад, а сам медленно пошел в сторону города. Когда я входил в него, было уже темно. Никому не было до меня дела, и я спокойно дошел до нашего дома на Михайловском проспекте. Дверь была отперта, и я вошел в дом. Родителей и братьев я обнаружил в столовой. Нежданно-негаданно увидев меня перед собой, они были совершенно изумлены. Мама потеряла сознание. У остальных отнялся язык. Наконец, мой младший брат Темирболат бросился мне на шею со словами: «Боря (это было домашнее имя Ибрагима), это ты или шайтан?» После этого я поочередно обнялся со всеми членами семьи. Какое-то время мы молча сидели и смотрели друг на друга. Затем отец

произнес: «Дай Бог, чтобы твой приход был к добру! Мы совсем не ждали тебя. Почему ты пришел?» Я не стал раскрывать им своих истинных намерений, поскольку знал, что они будут возражать, и ответил: «Я очень тосковал по вам. Возможно, завтра я вернусь назад». «Тогда закройте дверь, чтобы никто случайно не услышал его голоса», — сказал отец, и брат тут же выполнил это указание. Отец расспросил меня о каждом из вас по отдельности, и я подробно рассказал ему о том, как вы живете. Мы беседовали до полуночи. Утром после завтрака я, никому ничего не говоря, вышел из дома. На улицах было полно народа, но никто не обращал на меня внимания. Я направился прямо в здание, где располагается Народный исполнительный комитет, и по табличкам на дверях нашел кабинет заместителя председателя комитета. По их же обыкновению, я вошел без стука. В комнате стоял один стол, за которым, сидя друг против друга, работали два человека. Я приветствовал их кивком головы, а потом добавил: «Добрый день». Тот, который сидел между столом и стеной и, судя по всему, являлся хозяином кабинета, указал мне рукой на деревянный стул и сказал: «Пожалуйста, товарищ». Я сел. После длительного изучения моего лица человек спросил: «У вас какое-то дело?» Я ответил: «Да, и, на мой взгляд, весьма важное. Я офицер царской армии ротмистр Ибрагим Абисалов. До сегодняшнего дня я был в числе членов отряда полковника Кубатиева, единственной виной которых является то, что они борются за свою жизнь, прячась в горах и лесах без еды и воды. Вы называете нас разбойниками, но мы этого не признаем...» Услышав это, оба побледнели и, широко раскрыв от изумления глаза и едва не проглотив языки, молча слушали меня. Я продолжал: «Как вы сами знаете, ваша сторона неоднократно присылала к нам посредников и призвала нас добровольно сдаться. Но мы вам не доверяли и потому отвергали эти предложения. Сейчас я устал от этой дикой жизни и решил сдаться, даже если в итоге поплачусь за это своей жизнью. Если, по-вашему, моя вина состоит в том, что я родился на свет как представитель рода дигорских баделиатов, то должен заметить, что это — лишь результат случайности, так как, в соответствии с законами приро-

ды, никто не имеет возможности выбирать, в какой семье ему родиться. Что касается моей службы в царской армии, то во все времена люди, чтобы прокормить себя, выбирают себе какую-нибудь профессию, и никто заранее не может знать, хорошо или плохо это закончится. Другой вины я за собой не знаю и ни у кого не собираюсь просить милости. Я просто хочу сдать ся советской власти, чтобы жить по-человечески». Оба человека взволнованно встали и пожали мне руку. «Добро пожаловать! — сказали они. — Вы зря так переживаете». Заместитель председателя побежал к своему начальнику, чтобы сообщить ему новость. Немного погодя он вернулся в отличном настроении и обратился ко мне: «Пойдемте! Председатель хочет с вами познакомиться и побеседовать». Мы вошли в большую комнату, пол которой был устлан ковром. Сидевший за большим письменным столом человек встал и сказал: «Проходите, пожалуйста». Я направился к нему, и он тоже сделал несколько шагов в мою сторону. Протянув ему руку, я представился: «Абисалов». «Пипиков»¹, — ответил он, и мы пожали друг другу руки. Он указал на стоявшее рядом кресло и, когда я сел, протянул мне портсигар. Достав спички, он зажег свою сигарету. «Прошу прощения, у меня нет с собой спичек», — сказал я. «Ничего страшного», — ответил он, и поднес спичку и к моей сигарете. Я сразу перешел к делу и повторил то, что сказал до этого заместителю, который тоже сидел рядом и слушал. Пипиков выглядел довольным. Когда я закончил, он, стараясь не выдавать своей радости, с серьезным выражением спросил: «Вы пришли один?» «Да», — ответил я. «А почему вы не привели с собой ваших товарищей?» — последовал вопрос. Я объяснил: «Слишком многие из наших безвинных людей, которые были задержаны вами, были затем расстреляны без суда и следствия. Поэтому мои товарищи утратили доверие к вашей власти. Сам я, как я уже сказал, явился к вам с полным пониманием того, что рискую всем». На это председатель сказал: «Успокойтесь, товарищ Абисалов. Мы не звери. Наши законы предписывают нам оказывать содействие тем, кто,

---

¹ Пипиков Яков Львович (ум. 1938) — в описываемый период начальник Особого отдела Кавказской трудовой армии.

подобно вам, добровольно пришел и принял наш режим, и категорически запрещают притеснять их. Вы тоже граждане этой страны. Поверьте мне и, если это в ваших силах, убедите ваших друзей сдать, чтобы и они, и их семьи обрели спокойствие. Тем из вас, кто пожелает работать с нами, мы можем предложить должности в соответствии с уровнем их образования. Остальные смогут свободно трудиться там, где они пожелают. И ни один из вас нигде и ни в какой форме не подвергнется преследованиям. Передайте им это». Я ответил: «Когда я принял решение сдать, я много беседовал с ними, но ни один не поддержал меня. Более того, они и меня не хотели отпускать, и я фактически сбежал. Как я уже сказал, они не верят вашей власти». Этот диалог, повторяясь, продлился вплоть до обеденного перерыва. Перед тем как расстаться, Пипиков вновь протянул мне руку и сказал: «Абисалов! Отныне ты — свободный советский гражданин. Ничего не бойся. Вот тебе моя визитка с подписью. Если у тебя попросят удостоверение на улице, предъявишь ее. А после обеда снова жду тебя здесь». Я вернулся домой. Там все были встревожены моим исчезновением и начали уже незаметно для окружающих искать меня. Когда я сказал, что был в исполкоме и сдался, поначалу никто мне не поверил. «Кого ты обманываешь?! — вскричал отец. — Тебя сразу же поставят к стенке. Смотри, не делай этого! Ей-богу, расстреляют». Однако после того как я рассказал все в подробностях, мне все же поверили. «Ну что ж, пусть это будет к добру для тебя», — сказали домашние. После обеда я вновь отправился к Пипикову. Он еще несколько раз повторил свою просьбу, но я каждый раз отвечал, что это невозможно, так как вы не согласитесь сдать. В конце концов я убедил его, и он сказал: «Ладно, пусть будет так. Если хочешь работать с нами, мы поможем тебе». Я спросил, какую работу они мне могут предложить. «Какую пожелаешь, — ответил он. — Если хочешь работать со мной, возьму тебя в мой отдел». Я ответил утвердительно. Пожав мне руку, он попросил меня посидеть и вызвал своего заместителя. «Этот товарищ будет работать вместе с нами в службе разведки. Оформите его и подготовьте документы», — приказал он. Затем он встал и, до-

став из ящика стола этот маузер, протянул его мне со словами: «Возьми, это тебе от меня подарок. Пользуйся им на доброе здоровье». Я поблагодарил его, и мы еще раз обменялись рукопожатиями. Пока оформлялись мои документы, я оставался рядом с ним. За это время он по-прежнему, словно заезженная пластинка, повторял свою просьбу. Я же отвечал оборотной стороной той же пластинки. Вечером я рассказал домашним о своем устройстве на работу, и они одобрили мои действия. С тех пор я работаю в том учреждении. У меня появилось много друзей, которые ко мне очень хорошо относятся. В свободное от службы время мы вместе гуляем и отдыхаем. Они, как и Пипиков, тоже не раз просили меня уговорить вас сдаться. Однажды, когда мы в очередной раз собрались вместе и немного выпили, разговор опять коснулся вас. Начальник нашего отдела кадров предложил: «Давайте на глазах у Абисалова сожжем все документы, относящиеся к группе Кубатиева. Пусть сперва он сам нам поверит, а потом, быть может, пойдет и убедит своих друзей». «Не думаю, что это может их убедить», — выразил я сомнение. Тем не менее один из наших сослуживцев пошел и принес толстое досье. Сперва из него достали один лист бумаги. Это был поименный, с указанием званий, список людей, состоявших в нашем отряде с момента его образования вплоть до сегодняшнего дня, включая тех, кто временно вступил и затем покинул его. После этого стали читать доносы. В них все разбои, грабежи и кражи, совершенные в этом районе за последний год, приписывались нам. Я не выдержал и запротестовал: «Это чистейшая клевета! Среди нас вы не найдете ни одного человека, кто занимался бы подобной уголовщиной. Все перечисленные преступления совершаются профессиональными грабителями и ворами, которые потом пишут вам доносы, чтобы отвлечь ваше внимание в ложном направлении. Жители лесных сел кормят нас добровольно, из чувства сострадания, а не потому, что боятся нас. Когда нам удавалось получить от родных какую-то денежную помощь, мы всегда платили крестьянам за продукты. Мы не убийцы и не воры!» Мой монолог был встречен возгласами «Браво!» и аплодисментами. «В таком случае, — сказали мои со-

служивцы, — твоим друзьям и вовсе нечего опасаться. Им достаточно будет лишь сказать то, что сейчас сказал ты, чтобы оправдаться». У меня на глазах они порвали содержимое досье, затолкали его по частям в печь и сожгли. С того дня они пытаются уговорить меня увести вас отсюда. Я сам за это время проникся к ним доверием и вот пришел предложить вам последовать моему примеру. Давайте пойдём и вместе сдадимся. Дальнейшее ожидание ничего не принесет вам.

Мы, затаив дыхание, молча слушали Ибрагима до самых вечерних сумерек. Затем разгорелся спор о том, как нам быть — последовать его совету или нет. Каждый высказывал свое мнение. Должен сказать, что я не был сторонником сдачи. Наконец Ибрагим снова взял слово.

— Я прошу вас поверить мне и довериться мне, — сказал он. — Клянусь вам, что, если хотя бы одному из вас они попытаются причинить вред, я вытащу револьвер и собственноручно застрелю Пипикова и еще восемь-девять их людей, а последнюю пулю пушу себе в висок. Больше я не буду говорить на эту тему. Теперь сами решайте — верить или не верить.

Кто-то из старших предложил проголосовать и всем подчиниться выбору большинства. Чуть за полночь было проведено голосование. Сторонников сдачи оказалось на четыре человека больше, чем противников. Утром, позавтракав нашими последними запасами, мы все вместе двинулись в Карцу. Когда мы с вещмешками на плечах и винтовкам в руках вошли в село, крестьяне с женами и детьми высыпали на улицу. Все с удивлением смотрели на нас и спрашивали друг у друга, что происходит. Чтобы удовлетворить их любопытство, мы кричали:

— Мир! Мир!

Добравшись до центра села, мы подробно рассказали о наших намерениях сельчанам, и они одобрили наше решение. В нашу честь были зарезаны барашки и накрыты столы. Вечером карцинцы забрали нас по несколько человек в свои дома. Три дня мы гостили у них. За это время нам постирали белье, привели в порядок одежду и дали возможность помыться. На третий день для нас снарядили четыре телеги. Мы погрузили на них

наши вещи и усадили старших, а сами, молодежь, двинулись пешком. Наш путь лежал в Ногкау. Когда мы проходили через Гусыру и Дзуарикау, крестьяне останавливали нас, угощали выпивкой и закуской и только после этого провожали в дальнейший путь. Вечером мы дошли до Ногкау. Здесь у нас было много родственников. Нас разобрали по домам и везде устроили очень радушный прием.

Ибрагим договорился с какими-то людьми, чтобы они завтра предоставили нам телеги, но на следующий день те почему-то не появились. Нам с трудом удалось раздобыть большую повозку, запряженную двумя лошадьми. Свалив в нее все наши мешки и накрыв их сверху бурками, мы опять зашагали по дороге. Недалеко от села Фиагдон нам встрети-лась повозка с группой женщин. Все они оказались нашими родственницами или знакомыми. Среди них были мать и сестры Тугана Туганова, о котором я уже не раз упоминал. Эти женщины ехали из города в Ногкау повидаться с родными. Узнав нас, они остановились и слезли с повозки. Мать Тугана ласково обняла меня. Когда мы сказали им, что идем сдавать-ся, они заволновались:

— На вас там очень злы. Объявили вас бандитами и убий-цами.

Повернувшись ко мне, мать Тугана добавила:

— Особенно ты не попадайся им на глаза. Не сглазить бы, но ты так поправился, что скажут: этот точно награбил немало добра и убил кучу людей.

В самом деле, несмотря на наши скудные возможности, я, то ли от свежего воздуха, то ли от чистой воды, набрал тогда вес под сто килограммов и был похож на заправского борца. Ибрагим поспешил успокоить женщин:

— За всех за них отвечаю я. Не бойтесь, ни с кем ничего не случится.

Расставшись с ними, мы вскоре добрались до рощи около Фиагдона, где находились мельницы. Там местные женщины гнали араку. Увидев нас, идущих толпой следом за груженной бурками повозкой, они приняли нас за похоронную процессию.

Какой-то человек приблизился к нам, чтобы выразить соболезнование, и несмело спросил:

— Кого хоронят?

Наши расхохотались и объяснили ему, в чем дело. Он помчался к женщинам и сообщил им, что все живы и здоровы. Те, издав радостные возгласы, немедленно поднесли нам графины с аракой, и мы весело выпили за здравие. Тем временем о нашем появлении узнал наш старый товарищ по 2-му Осетинскому полку Эльмирза. Прибежав, он тепло приветствовал нас и заявил, что не позволит нам пройти мимо его села, не побывав в его доме. Мы приняли приглашение и всей гурьбой пошли к нему в гости. Вокруг дома был большой сад, и, пользуясь теплой погодой, мы растянулись там в тени деревьев. Между тем для нас зарезали барашков, накрыли стол и хорошенько угостили и едой, и выпивкой. За пару часов до наступления вечера мы продолжили путь и уже в темноте достигли окраинных кварталов Владикавказа. Ибрагим остановил телегу и сказал нам:

— Теперь сложите оружие в телегу. Не будем в городе привлекать к себе внимание.

Все так и поступили. Мне, однако, это предложение почему-то пришлось не по душе. «Что за дела? — завертелось у меня в голове. — Мы еще толком не знаем, что с нами будет, а уже сами отказываемся от оружия? А не удрать ли мне отсюда обратно, пока не поздно?» Все ружья уже лежали в телеге, а мое все еще висело у меня на плече.

— Давай же, чего стоишь? Клади ружье! — повторили мне.

Я бросал взгляд то на телегу, то в сторону леса.

— Без оружия я не пойду, — заявил я. — Вы как хотите, а я возвращаюсь назад.

Но товарищи решительно сказали мне:

— Не усложняй наше положение!

Они силой вырвали у меня ружье и бросили его в телегу.

Здесь же, на окраине, мы разделились на пять групп по семь-восемь человек в каждой и решили, у кого из родственников мы остановимся. В город мы входили партиями. В моей партии было восемь человек, и мы направились в гости к Каз-

беку Тхостову¹. Одну из групп забрал к себе домой сам Ибрагим. Поскольку семьи, которые нас принимали, знали, с какой целью Ибрагим отправился в лес, наши хозяева были готовы к приему гостей. Никто не удивился, увидев нас. Напротив, нам все были рады. Нас обняли и расцеловали. Затем завели в большой зал и усадили вокруг длинного стола. Царила атмосфера настоящего праздника. Из-за дефицита на рынке советское руководство многие товары продавало по карточкам. Табак был в их числе. Наши родственники сами не курили, но подписались на получение табака, чтобы посылать его нам. Естественно, сделать это они не смогли, и потому в доме скопился изрядный запас табака. Его-то и разложили для нас на столе, когда мы сели. Думаю, что там было больше килограмма. Мы, как голодные волки, набросились на табак, торопливо скручивая сигарки и прикуривая. После этого нам принесли ужин, и мы допоздна просидели с хозяевами и беседовали.

За короткую майскую ночь нам толком не удалось выспаться. Нехотя встав утром, мы позавтракали и стали ждать Ибрагима. Наконец, он пришел в отличном расположении духа и сказал нам:

— Утром перед началом работы я зашел к Пипикову и сообщил ему о вашем прибытии. Он был вне себя от радости. Сперва даже не поверил, а когда понял, что это правда, стал чуть ли не прыгать по кабинету. Он сказал мне: «До сих пор мы многим это поручали, но никто не справился. Молодец, Абисалов! Благодаря тебе мы сумели сделать большое дело. Теперь веди всех своих друзей к зданию исполкома. Раздай им оружие, которое ты собрал у них вчера, и пусть идут в том виде, в каком они были в лесу. Оружие они должны сдать нам сами». Я сейчас прямо оттуда. Если вы готовы, давайте заберем другие группы и пойдем все вместе туда.

Мы вышли на улицу. Там было многолюдно, но мы мало кого интересовали. В своих разношерстных одеждах, с ружьями на плечах, мы двигались по городу. Если бы горожане знали, что перед ними «банда полковника Кубатиева», возможно, погла-

---

¹ В оригинале: Thosda.

зеть на нас на улицы высыпал бы весь город. Мы не были похожи ни на милицию, ни на жандармерию. Отдельные прохожие спрашивали друг друга:

— Кто это такие?

Я услышал, как кто-то ответил:

— Наверно, милицейское подразделение из ингушских сел.

Дойдя до здания исполкома, мы выстроились перед ним в некое подобии военного порядка. Ибрагим вошел внутрь доложить о нас Пипикову. Вскоре мы заметили, что сам Пипиков из окна наблюдает за нами. Ибрагим вернулся вместе с несколькими солдатами, и они собрали у нас оружие. После этого нам приказали войти. Впереди полковник Доко Кубатиев, а за ним в соответствии со званиями и возрастом остальные, мы вошли в здание. В устланном ковром большом кабинете, о котором нам говорил Ибрагим, нас стоя встретил Пипиков.

— Добро пожаловать, — сказал он.

Доко вышел вперед и представил себя и нас:

— Полковник Кубатиев и мои товарищи.

— Очень приятно, — ответил Пипиков.

Пожав руки нескольким старшим членам группы, стоявшим впереди, он по-военному отдал честь остальным. Затем он указал на стоявшее рядом с ним кресло полковнику Доко. Нам тоже было предложено сесть. В кабинете, правда, было всего несколько стульев, и места достались только самым старшим. Некоторые опустились на пол. Мы же, молодые, остались стоять у двери.

— Как настроение? — с улыбкой спросил Пипиков, обращаясь ко всем. — Надеюсь, худшие для вас дни теперь в прошлом.

— Спасибо, — хором ответили мы.

Повернувшись к полковнику Кубатиеву, он продолжил:

— Простите, но отныне все ваши титулы и звания, такие как господин, князь, полковник и прочие, отменены. Подобно остальным жителям нашей страны, вы теперь просто товарищи и граждане. То есть каждый из вас является свободным и равноправным гражданином советского государства. Относительно вас мы получали очень плохие сведения. Вас обвиняют в

убийствах, грабежах и других преступлениях. Лично я не верю в то, что вы их совершили. Но даже если бы и совершили, мы не имеем права вас судить. Даже если в прошлом каждый из вас убил сотню человек, с сегодняшнего дня вы амнистированы. Это — не мое решение. Так велит закон, изданный верховным советским правительством. Моей обязанностью было пригласить вас сюда. Вы приняли это приглашение и пришли, и я вам за это бесконечно благодарен. Ваша сдача избавила от многих трудностей прежде всего вас самих, затем ваши семьи, но также и нас. Отныне вы свободны. Я желаю всем вам всего самого наилучшего и хочу в вашем присутствии еще раз поблагодарить товарища Ибрагима Абисалова.

Встав, он пожал руку Доко Кубатиеву и приветствовал нас кивком головы. Очередь говорить была за Доко. Он сказал:

— Товарищ Пипиков! Все поступающие к вам доносы, приписывающие нам различные преступления, являются клеветой. Как и в любом другом месте страны, в районе, где мы находились, имели место убийства и грабежи. Но их совершали не мы, а отдельные лица и группы из местных жителей, для которых подобные злодеяния являются привычным занятием и даже профессией. И они же сами, чтобы замести следы, отправляли вам доносы, взваливая вину на нас. Эти навыки достались им в наследство от их отцов и дедов. Все они — темные, дикие, безжалостные бандиты. Но, увы, в то время как они спокойно спали у себя дома, мы из-за них были вынуждены переносить известные вам тяготы и лишения. Потому что, когда наших людей задерживали, их на основании тех самых доносов расстреливали без суда и следствия. Вы можете спросить: а что же, сами кадеты совсем никого не убили? Да, действительно, при столкновениях с милиционерами, если те открывали огонь, то и кадеты отвечали им тем же, и в таких случаях потери несли обе стороны. И это естественно. Мы бежим не от свободы и не от закона. Мы — представители свободолюбивого общества, которое, хоть и не имело писаных законов, но скрупулезно следовало неписаным адатам. По существу мы бежим от бандитов. Потому что советское правительство допустило ошибку и дало им слишком мно-

го возможностей, и они этим воспользовались. Когда мы скрывались в непроходимых лесных дебрях, мы кормились крохами кукурузного хлеба, которые наши близкие, живущие в селах, отрывали от себя ради нас. И потому нам странно слышать обвинения в грабежах в наш адрес.

— Я с вами полностью согласен, — прервал его Пипиков. — Давайте здесь навсегда закроем эту тему. Забудьте все, что было до сих пор. Наши сотрудники чуть позже соберут у вас необходимые данные, чтобы оформить для вас удостоверения личности. Через три дня эти удостоверения будут вам выданы. После этого вы сможете отправиться, куда захотите, и жить, как вам понравится, разумеется, при условии соблюдения законов. Все противоправные действия с вашей стороны будут пресекаться. Тем из вас, кто изъявит желание работать с нами, мы можем предложить соответствующие их уровню должности. Те, кто хочет, могут вернуться в свои села и трудиться там. У вас есть право выбора. Сделайте его, пожалуйста, в течение двух дней.

Закончив говорить, Пипиков выдвинул ящик своего стола и достал из него пистолет Доко Кубатиева. С улыбкой он протянул полковнику его парабеллум и сказал:

— Я слышал, что вы храбрый, достойный офицер, и сегодня убедился в этом. Я ни в коей мере не желал задевать вашего самолюбия и потому возвращаю вам это вместе с разрешением на ношение.

Затем, обращаясь ко всем нам, он сказал:

— Забудьте прошлое. До свидания!

Выйдя из здания, мы обнаружили, что все это время наши близкие с волнением незаметно прогуливались по соседним улицам. Счастливые, мы вернулись домой. Немедленно известили о радостных новостях всех родственников и друзей. Все спешили навестить и поздравить нас. Казбек Тхостов, у которого мы гостили, был подрядчиком и приходился нам зятем. По случаю нашего избавления он дал большой званый обед в своем доме. После него еще несколько наших родственников устроили приглашения сообразно своим возможностям.

На третий день Ибрагим вызвал нас в исполком. Там Пипиков вручил нам лист бумаги, где напротив наших имен были указаны должности, которые он собирался нам предложить исходя из уровня образования и профессиональной подготовки каждого. Доко Кубатиеву было предложено стать генеральным директором кооперативов, его брату Мамеку — начальником охраны железных дорог. Еще некоторым тоже предлагались довольно неплохие посты. Большинство из нас, однако, приглашалось на работу в милицию. Первые десять-двенадцать человек в списке и кое-кто из середины приняли эти предложения. Остальные, включая меня, выразили желание вернуться в свои села. Причина была в невысокой зарплате в милиции. Мы решили, что работать в поле нам будет выгоднее. Пипиков лично вручил всем удостоверения. Теперь мы были вольны идти куда угодно.

В 1921 году в России миллионы людей умирали от голода. Товары первой необходимости стали дефицитом. Невозможно было найти ни продуктов питания, ни одежды. Страна барахталась в нищете.

Мне предстояло вернуться к матери, брату и сестрам, которые жили в доме какой-то вдовы в Бруте. Старшая сестра, не выдержав выпавших на нашу долю несчастий и лишений, тяжело заболела. За короткий срок она страшно ослабла и исхудала, потому что не было ни врачей, ни лекарств, ни нормального питания, которое могло бы поддержать ее силы. У нее обнаружили туберкулез. Что касается моей младшей сестры Рахимат¹, ее руки попросил некий Хаджимуса Хосонов², приехавший из сарыкамышского села Бозат³. Он занимался в наших краях мел-

---

¹ В оригинале: Rahimet.

² В оригинале: Hacı Musa Hoson.

³ Бозат — осетинское село в округе Сарыкамыш нынешней турецкой провинции Карс. Основано осетинами, переселившимися в Османскую империю в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. После русско-турецкой войны 1877-1878 годов, когда Карсская область входила в состав Российской империи, местные осетины поддерживали тесные связи со своей исторической родиной, а в период Первой мировой войны многие из них реэмигрировали в Осетию. В 1921 года

кой торговлей. Наши родственники сочли его подходящим женихом, и выдали за него сестру. Наш новый зять жил во Владикавказе. Как раз в тот день, когда мы шли сдаваться властям, он уехал в Брут на похороны нашего скончавшегося родственника, и задержался там примерно на десять дней. Поэтому я еще не успел с ним познакомиться.

Когда мы уходили из лесного лагеря, я оставил свою ненужную одежду в Карце, в доме, где гостила семья моего двоюродного брата Кубади. Теперь мне надо было ехать туда, чтобы забрать свои вещи. Нас с Кубади встретили радушно и не отпускали несколько дней. Узнав, что какой-то местный житель собирается ехать на телеге в Ногкау, я напросился к нему в попутчики. В Ногкау тоже родственники продержали меня три дня. Лишь после этого я смог, наконец, отправиться в Брут.

Не могу передать словами, в каком отчаянном, трагическом положении я обнаружил своих родных. Глядя на них, я едва ли не жалел о том, что остался жив. Даже сейчас, когда я вспоминаю это, у меня сжимается сердце. В доме шаром покати: ни еды, ни одежды, ни даже постелей. Старшая сестра окончательно слегла. Мать была бледна, как полотно. Денег не было совершенно. Впрочем, если бы они и были, пользы от них все равно не было бы никакой, потому что даже имевшие деньги тщетно искали по рынкам кусочек бязи или ситца. Причины этой нищеты коренились в произошедшей четыремья годами раньше революции. Высыпавшие тогда на площади и улицы под лозунгами равенства толпы невежественного народа под крики об уничтожении буржуазии и богачей разграбили и разгромили все заводы и фабрики, принадлежавшие как частным лицам, так и государству. В результате в стране ничего не производилось. Не то, что одежды или обуви, даже ткани для савана было нигде не достать. Женщины шили себе платья из холщовых мешков. В наших краях растет дикое растение с ягодами, напоминающими мелкий черный виноград. Когда эти ягоды созревают, из них вытекает похожий на чернила сок. Этот сок стали использовать

Карсская область была возвращена советским правительством Турции.

для покраски холщевины. Молодые девушки научились изготавливать себе из нее не только платья, но и туфли. Верх их они шили из холщевины, а низ плели из бечевки наподобие циновок. Мужчины же строгаги для туфель каблуки из граба. У меня это хорошо получалось, и девушки часто просили меня об этом. Моя мать тоже одевалась в такую холщовую одежду.

Все мои мысли были заняты тем, как прокормить семью, но я ничего не мог придумать. Живущий в селе должен возделывать землю. Но у нас не было ни орудий, ни рабочего скота. Ничего не было. Наши родственники в этом селе продолжали, как и до моего приезда, помогать нам. Каждый день они по очереди готовили для нашей семьи еду из того, что им послал Бог, и присылали нам. Иногда меня звали поесть к себе. Они сами не были богаты, но делились с нами всем, что имели. Мой брат Алихан бежал из нашего села на телеге, запряженной одной лошадей. Продав телегу и лошадь, они какое-то время прожили на вырученные средства, а на часть денег Алихан купил несколько пудов семенной кукурузы. Местные крестьяне пришли ему на помощь, вспахав и засеяв этими семенами участок земли в поле. Это поле давало нам некоторое утешение и надежду на будущее. Но пока в наших руках ничего не было. Крестьяне также продали Алихану по дешевке телку. Это было очень красивое животное. Оно быстро росло, но нам негде было его держать, и частенько оно перепрыгивало через ограду загона и убегало на пастбища. Чтобы его не украл кто-нибудь или не съели волки, нам с братом приходилось каждый раз идти на его поиски.

Однажды жарким полднем, когда у меня не было никакого дела, я зашел в большой сад напротив дома, где мы жили, и растянулся в тени деревьев. По приобретенной в лесу привычке, я быстро заснул. Не знаю, сколько я проспал, но разбудил меня Алихан.

— Наш зять Хаджимуса пришел, — сообщил он. — Он хочет с тобой познакомиться.

Я пошел в дом и познакомился с Хаджимусой. Пока мы говорили о том о сем, моя бедная мать приготовила скромную еду из того, что имелось в доме. Мы пообедали. Мне было нелов-

ко сходу огорошивать зятя вопросами о его работе, занятиях и тому подобном, и мы беседовали с ним на отвлеченные темы. В какой-то момент, однако, он сам завел такой разговор:

— Темирболат, да зачтет Аллах свалившиеся на вас несчастья как искупление за ваши грехи. И пусть не доведется вам впредь испытать чего-либо подобного.

Я поблагодарил его, и он продолжил:

— Каковы твои намерения? Чем собираешься заняться? Ваше положение очевидно. Но тебе надо содержать семью. Не обессудь за эти вопросы, но ведь я тоже вам теперь не чужой.

— Что ты! — ответил я. — Напротив, я благодарен за твое участие. Сейчас я как раз нуждаюсь в советах таких опытных старших, как ты. Пока я не решил ничего. Когда я сдавался, мне предложили работу в милиции с зарплатой в двенадцать тысяч рублей. Но ты лучше меня знаешь, что на рынке за пуд кукурузного зерна дают шесть тысяч. Ясно, что на эту зарплату не прокормишь семью. Поэтому я отказался. Однако если не удастся найти другого выхода, наверное, все же придется идти в милиционеры.

— Нет-нет, на такую зарплату не проживешь, — возразил зять. — Если позволишь, у меня есть одно предложение. Я вместе с двумя компаньонами приехал сюда из села Бозат, что в Сарыкамыше. Мы, можно сказать, странствующие торговцы и вот добрались сюда. Сейчас границу закрыли, и мы не можем вернуться обратно. Раз уж мы застряли здесь, то решили создать товарищество, чтобы продолжить заниматься нашим делом. Наш план таков. Мы здесь уже начали закупать кукурузу. Ее мы отвезем в Баку. Там она дорого стоит. Продав кукурузу, мы купим там текстиль, а по дороге в Дагестане еще и шалевую ткань, и отвезем все это в Кабарду. А там купим лошадей и продадим их здесь.

Пока он говорил, я вспомнил услышанный в детстве рассказ. Вот он. Как-то русский мужик лениво растянулся на лугу. Лежит себе и мечтает: «Вот бы поймать зайца. Я бы его отвез на рынок и продал. На эти деньги купил бы яиц и подложил их под наседку. Вылупились бы цыплята. Я бы их вырастил и продал, а на эти

деньги купил поросят. Они бы тоже выросли и размножились, и тогда я бы продал их и купил овец, потом стадо коров, потом табун лошадей. А потом я купил бы много земли, и на меня работали бы сотни людей, а я бы разъезжал на тарантасе и проверял, как они работают». В этот момент мужик приоткрыл глаза и увидел сидящего рядом с ним зайца. Он протянул к нему руки, чтобы поймать, но, все еще находясь под впечатлением своих фантазий, одновременно продолжал мечтать: «И я бы кричал тем, кто плохо работает: «Э-э-эй!!! Чего лодырничаете?!»» Заяц испугался этого «Э-э-эй!!!», проскочил между рук мужика и был таков.

Планы моего зятя напомнили мне эту историю. Как быть? Поверить ему или не верить? Как сказал мулла Насреддин, когда бросал в озеро закваску для йогурта: «А вдруг получится?» Поблагодарив зятя, я сказал:

— Насколько я понимаю, вы трое внесли в это дело некий капитал. Но у меня нет денег. Согласятся ли твои компаньоны с этим?

— Хоть вы и не знакомы, но я уже говорил им о тебе. Они согласились. Дело в том, что наша работа весьма утомительна. Мы постоянно в пути. Если ты присоединишься к нам, мы создадим две группы по два человека. Когда одна группа куда-нибудь уедет, вторая будет находиться здесь или отправится в какое-то другое место. Так что тебе не стоит смущаться. Главное, чтобы ты не возражал, а они давно согласны.

На следующий день я вместе с Хаджимусой отправился в город. Перед выходом я сказал ему:

— Здесь у нас есть корова, которая постоянно куда-то сбегает. Боюсь, достанется волкам. Давай возьмем ее с собой и продадим. Деньги, может быть, выручим не очень большие, но пусть у меня будут хотя бы какие-то средства до того, как сможем заработать. По крайней мере не буду вас обременять.

— Вообще-то в этом нет необходимости, — сказал он. — Но если хочешь, то давай.

Я зашагал впереди, ведя за собой на веревке корову, а за мной с тростинкой в руке следовал Хаджимуса. Мы прошли

определенное расстояние, как вдруг корова отказалась идти дальше. Вскоре нас нагнал на телеге какой-то человек и, видя наше затруднение, предложил привязать веревку к заднему краю телеги, а нам самим сесть в нее. Мы так и поступили, но через некоторое время корова опять заартачилась. Она так сильно упиралась передними ногами в землю, что телега сильно сбавила ход — вот-вот остановится или же корова задохнется. Неожиданно веревка лопнула, и она, почувствовав свободу, со всех ног помчалась в обратном направлении. Догнать ее было невозможно. Ехавший навстречу нам из Зильги всадник попытался помочь нам. Он заставил животное развернуться и некоторое время гнал его в нашу сторону, но в конце концов понял, что не справится, и оставил свои усилия. Я из последних сил бежал за коровой и был уже вконец измотан, как вдруг она, видимо, тоже устав, резко остановилась и позволила себя поймать. Мы пригнали ее на бесланский рынок и продали за несколько тысяч рублей. Здесь мой зять дал мне адрес своего владикавказского дома и сказал:

— Ты садись на поезд и поезжай туда. А мне надо в Зильге обойти должников и собрать причитающееся с них. Через два дня я подъеду.

Приехав в город, я подошел к большому угловому дому на Михайловском проспекте. В его фасадной части располагались правительственные учреждения. Пройдя немного по боковой улице, я зашел в находившийся за зданием большой сад. Там перед красивым домом с длинным застекленным балконом я увидел мою сестру Рахимат. Она только что разожгла огонь и собиралась начать готовить суп из кукурузной муки. В 1921 году эту похлебку, которую люди называли «супом Ленина», могли позволить себе лишь очень обеспеченные семьи, так как кукурузный хлеб был недоступен для простых людей. Неожиданно увидев меня перед собой, сестра растерялась. Со смешанными чувствами радости и горечи мы обнялись. Когда она ввела меня в дом, я не обнаружил там сколько-нибудь приличных вещей. Обстановка была прямо противоположной тому, что мне приходилось слышать до сих пор. У меня защемило сердце, но

я не мог ничего сказать, так как обсуждать с сестрой вопросы ее замужества и интересоваться материальным положением ее семьи было неприлично. Сестра готовила обед в расчете на приезд мужа. Я объяснил ей ситуацию, и суп съели мы вдвоем.

До приезда зятя я нанес визиты родственникам и погулял по городским улицам. Через пару дней приехал и Хаджимуса, привезя с собой какое-то количество кукурузной муки. В тот день я понял, что подлинный дефицит продовольствия переживал город. Теперь мне было ясно и то, что подразумевал мой зять под передвижной торговлей. Поскольку ему удавалось кое-как собрать в селах начисто отсутствовавший в городе товар — кукурузную муку, горожане считали его богатым человеком и также характеризовали другим. Наутро зять сказал мне:

— Пора заняться нашим делом. Давай сходим на базар, закупим товар.

Мы отправились на блошиный рынок, именовавшийся по-русски «толкучка»¹. Там солдаты всюду из-под полы торговали выданными им казенными ботинками и бельем, а гражданские продавали ношеную одежду и прочий домашний скраб. Мы купили партию старой одежды, которую должны были на следующий день отвезти в села. Я спросил Хаджимусу:

— А где твои компаньоны? Мне интересно познакомиться с ними.

— Бекир поехал к невесте в Заманкул. А Закир сейчас в Беслане, тоже сватает девушку, — последовал ответ.

Я промолчал, но про себя подумал, что, кажется, оказался в ситуации, описанной в том рассказе о русском мужике и зайце. Мы продолжали покупать и продавать, но, несмотря на затраченные немалые усилия, зарабатывали ровно столько, чтобы прокормить себя. Никакого прироста капитала не было.

Как отметил много лет спустя в одной своей речи Хрущев, после революции была произведена аграрная реформа, безземельным крестьянам раздали землю, но о том, что этим крестьянам нужны сельскохозяйственные орудия и семена, не подумали. По этой причине миллионы розданных полей остались

---

¹ В оригинале по-русски: talkuҫka.

необработанными и превратились в степь. Свирепствовавшая в течение двух лет засуха довершила дело, и в результате миллионы людей начали умирать от голода. Вместо обещанных советской властью в период революции свободы, равенства и изобилия народ получил усталость, нищету и равенство в нищете. Русский крестьянин мечтал о прежних временах, но было слишком поздно, возврата назад не было. Правительство насильственно отбирало имевшиеся у людей изделия из драгоценных металлов и закупало на эти средства белую муку в Америке и Канаде. Но ее хватало только для высших чиновников и военных. На долю же народа не оставалось ничего.

В качестве крайнего средства правительство, понимая, что народ все равно не в состоянии платить налоги, объявило, что каждый волен ехать туда, где он сможет найти себе пропитание, и отменило плату за проезд в поездах. Толпы людей ринулись на вокзалы и станции. У нас на Кавказе черноземные почвы были очень плодородны. Даже в самые засушливые периоды в горах и предгорьях выпадало достаточно осадков, чтобы Терек и его притоки могли питать нашу землю. Можно сказать, что мы почти не поливали наши сады и виноградники. Все росло естественным образом, и поэтому плоды имели совершенно другой вкус. Но после революции и у нас поля оставались незасеянными. Кроме того, маленький Кавказ не мог прокормить огромную Россию. В то время как по всей России поля превращались в степи и зарастали травой, у нас в окрестностях Брута на пустующих полях тоже начала сама по себе расти конопля. Ее высокие толстые стебли делали пространство вокруг села похожим на конопляный лес. Власти, видимо, решили использовать ее для производства пеньки и ниток и назначили туда чиновников, которые нанимали для сбора конопли рабочих. Помимо жалованья им выдавался паек хлебом и другими продуктами. Красивые русские девушки из задыхающихся от безработицы и голода городов толпами приезжали в села для работы. Поскольку я не видел особого смысла в торговых операциях, которыми занимался мой зять, я решил, что эта работа будет для меня выгоднее. Мать и больную сестру я отвез в город в дом зятя, а сам с братом Алиханом начал собирать

коноплю. Мы проработали там до самого конца сезона, то есть до осени. К тому времени созрела и посеянная Алиханом кукуруза, причем урожай оказался богатым. Мы собрали его и засыпали в пустующий амбар одного из наших родственников в Бруте. Этого запаса нам должно было хватить на год. Теперь мне надо было раз в неделю или десять дней забирать из амбара мешок кукурузы, толочь ее, перемалывать на мельнице в муку, а затем отвозить домой (как я уже сказал, кукурузная мука при длительном хранении становится горькой и несъедобной).

Когда дела в селе закончились, я возобновил работу с зятем. Закупленные во Владикавказе старые вещи мы везли поездом в Беслан на рынок, а непроданный там товар старались затем сбыть в селах. Впрочем, это скорее была видимость торговли. Людям попросту нечем было платить даже за это старье. Народ с тоской вспоминал свою прежнюю «рабскую жизнь» при помещиках и фабрикантах. После того как поезда стали ездить бесплатно, люди в российских городах выносили из своих домов самовары, фарфоровую посуду, золотые и серебряные украшения и другие оставшиеся у них ценные вещи, садились с ними в поезда и устремлялись на Кавказ. Кому не хватало мест внутри вагонов, ехали на крышах. Все железнодорожные станции превратились в базары. Продав или обменяв привезенные вещи на некоторое количество кукурузной муки или хлеба, бедняги счастливые возвращались домой. На вокзалах залы ожидания и перроны были заполнены лежащими вповалку людьми, а вокруг вокзалов из-за этого столпотворения было сплошное месиво грязи. Выходившие из поездов голодные люди бросались, однако, даже на арбузную корку, валяющуюся в этой грязи, и, схватив ее, тут же начинали ее грызть. (Да оградит Аллах людей от голода! На этих несчастных невозможно было смотреть без жалости.)

Один пуд (старая мера веса, составлявшая, если не ошибаюсь, от тридцати до сорока килограммов¹) кукурузы или кукурузной муки стоил пятнадцать-двадцать тысяч рублей. Молоденькие

---

¹ Автор не совсем точен. Согласно «Положению о мерах и весах» 1899 года, один пуд составлял 16,3804815 килограмма, что равнялось сорока российским фунтам.

красивые девушки выстраивались в селах у стен домов и, надев на себя все свои украшения, показывали их крестьянам. После упорного торга они меняли кольца и браслеты на кукурузную муку в количестве от трех до пятнадцати килограммов и уезжали. Такие же красивые девушки в период сбора урожая сидели у тех же стен и ждали, когда кто-нибудь из крестьян наймет их для полевых работ за скудную еду. Крестьяне подъезжали к ним на телегах и, не сходя с них, жестами или говоря «Ты, ты, ты...» подзывали к себе столько девушек, сколько им было нужно. Те бежали к телеге и потом днями работали просто за хлеб насущный. Если по завершении работ им давали еще что-нибудь, они бывали безмерно рады. После сбора урожая многие из них вернулись к себе на родину. Из оставшихся же одни, сумев за время работы снискать расположение хозяев, получили от них предложения остаться и дальше работать по хозяйству и не раздумывая приняли их. Остальные ходили по селам и просили милостыню, дойдя даже до самых дальних горных сел. Зимовать им предстояло в наших краях. Несчастные бывали вынуждены спать в хлебах, хотя зима в тот год выдалась очень суровой.

Я продолжал заниматься куплей-продажей старья на рынках, и раз в несколько дней ездил в Брут, чтобы привезти домой муку. Дело это было совсем не из легких. Ведь у меня не было ни лошади, ни телеги. Мельница находилась в пяти-шести километрах от села. Между тем мешок кукурузы весил не меньше семидесяти килограммов — на спине не дотащишь. Поэтому приходилось искать кого-либо, кто ехал на мельницу, и просить его погрузить на телегу и мой мешок. Иногда найти такого попутчика удавалось только через сутки. После этого надо было дожидаться своей очереди на мельнице. Иногда на это уходил день, а иногда и три. В таких случаях я должен был искать телегу, которая отвезла бы меня обратно в село, а на следующий день снова ехать на мельницу. От Брута до бесланской железнодорожной станции было примерно пятнадцать километров. Теперь мне надо было искать телегу, едущую в сторону Беслана. Если я успевал добраться до станции до девятнадцати часов, то проблем не было. Если же я опаздывал, то приходилось ждать следующий поезд, который был только в

полночь. По прибытии в столь позднее время во Владикавказ на вокзале трудно было найти не только телегу, но даже носильщика. Поневоле я заворачивал свой мешок в бурку, взваливал его на спину и тащил около пяти километров до дома, за это время не меньше десяти раз отдохнув на уличных скамейках. Домой я приходил совершенно вымотанным и с трудом восстанавливал свои силы в течение следующих суток.

Впрочем, по сравнению с другими проживавшими в городе людьми такого же статуса, как мы, наше положение было очень хорошим. У нас в доме хотя бы имелся кукурузный хлеб и регулярно варилась похлебка из кукурузной муки. Среди наших родственников некоторые буквально бились в тисках нужды. Например, дядя моей матери престарелый Татаркан Туганов (отец Азгери и Тугана Тугановых), оба сына которого находились за границей, оказался вместе с женой и двумя дочерьми в отчаянном положении. Двоюродный брат¹ моей матери Алихан Туганов тоже бежал за границу (несколько лет назад он умер в Стамбуле), и его жена и три малолетних дочери бедствовали. У бедняжек не было ровным счетом никакого дохода. Моя мать была очень привязана к своим двоюродным братьям с материнской стороны и души не чаяла в их детях. Нередко она, будучи сама голодной, последнюю горсть кукурузной муки отдавала матери этих маленьких девочек или дочерям Татаркана. Поэтому они вольно или невольно наблюдали за моими приездами и отъездами и, смущенно ходя около нашего дома, спрашивали:

— Темирболат еще не приехал?

Когда я привозил муку, мать первым делом отсыпала из мешка их долю и немедленно посылала им. Неудивительно, что они едва ли не молились на меня и часто с благодарностью говорили:

— Что было бы с нами, если бы и ты бежал?!

Во время одной из поездок в Брут мои дела с самого начала не заладились. Мне не удалось найти телегу, чтобы доехать из села до мельницы, и пришлось тащить мешок на спине. На мельнице я целых три дня прождал своей очереди, а затем еще два дня — телеги до села. В селе я лишь на четвертый день смог най-

---

¹ Дословно: «сын дяди по матери».

ти попутную телегу до Беслана. На вечерний поезд я не успел и вынужден был ждать ночного, а во Владикавказе еще около двух часов тащил мешок на спине до дома. В результате ради одного мешка муки я потратил восемь дней и был крайне измотан. Придя домой, я сказал матери:

— Я умираю от усталости. Сил больше не осталось. Отныне никому не даем муку!

Бедная женщина изменилась в лице и чуть не плача сказала:

— Как не дать? Сегодня жена Алихана трижды интересовалась, не приехал ли ты. Она очень стесняется приходить, но что ей делать, если дети плачут от голода?

Я повторил:

— Не могу я больше таскать столько груза. Не давай больше никому!

— Ладно, — ответила мать и замолкла.

Она приготовила мне какую-то еду. Я поел и лег спать. Утром я проснулся рано, но усталость не прошла, и я продолжал лежать в постели. Вдруг снаружи до меня донесся голос жены Алихана:

— Темирболат еще не приехал?

Как я сказал, моя мать не умела отказывать людям. Говорить же неправду ей было еще труднее. Помолчав несколько секунд, она все-таки выговорила:

— Нет, не приехал.

Теперь чувство неловкости охватило меня. Мне стало совестно за свои вчерашние слова. Я подумал про себя: «Стыдись, Темирболат! Огромный род баделиатов погибает, а ты надеешься продлить свое существование с помощью нескольких кукурузных лепешек? Да коту под хвост такую жизнь!» И я крикнул:

— Приехал я, приехал! Здесь я!

Мать очень смутилась и сконфуженным тоном стала оправдываться:

— Что мне было делать? Ты ведь сам так хотел!

— Не бойся, мать! Дай им муки, — сказал я. — Если эти дети умрут от голода, я ведь вовсе не смогу жить.

Жена Алихана произносила слова молитвы за меня, пока

мать, развязав горло мешка, наполняла мукой принесенный ею с собой маленький мешочек. Не успела она уйти, как пришла дочь Татаркана — Фатима. Мать вопросительно посмотрела на меня.

— Сыпь, сыпь ей тоже, — решительно сказал я, и лицо моей матери просияло от радости.

Как и сейчас, в прежние времена я с большим удовольствием наносил визиты друзьям, знакомым и родственникам, считая это своим долгом. И сегодня, стоит мне узнать о каком-нибудь родственнике или земляке, я обязательно иду и нахожу его, даже если никогда раньше не был с ним знаком. Приход же гостей в мой дом доставляет мне особую радость. Одна из моих теток со стороны отца была невесткой Дударовых. Я часто навещал эту семью, и они всегда бывали мне рады. Сын тети Ахмат Дударов был высококвалифицированным агроинженером. Обедая у них, я впервые попробовал хлеб из белой канадской муки. Народ же не только никогда не ел, но даже не видел такого хлеба.

Зима была очень суровой. Впервые за несколько лет выпало так много снега. Ютившиеся на вокзалах люди как могли пытались справиться с холодом и голодом. Однако, словно в довершение их бед, началась эпидемия тифа. От него теперь массами гибли те, кого пощадил голод. На владикавказском вокзале можно было наблюдать картины, от которых цепене-ло сердце. В залах ожидания от обилия лежащих и сидящих тел негде было ступить ногой, причем с прибытием каждого поезда к этой толпе добавлялись новые сотни людей. Мы не понимали, откуда и зачем они едут. Как сейчас, я вижу эти сцены. Кто-то растянулся на столе и заснул тем еще сном: бедняга давно испустил дух, а окружающим и невдомек — они и сами в предсмертной агонии. Кто-то сидел на лавке и так и застыл на ней. У кого-то ноги остались лежать на лавке, а голова сползла на пол. Кто-то свалил одного мертвого на другого и расчистил себе небольшое пространство для сидения. Кто-то терпеливо ждал, когда отдаст Богу душу кто-нибудь из находящихся рядом, чтобы занять его место. И все эти тела были так тесно прижаты друг к другу, что между ними невозможно было протиснуться. Трагическая обстановка. Около тридцати санитаров

с носилками в руках регулярно собирали и уносили трупы, но, словно для того, чтобы санитары и носилки ни минуты не простаивали, к их возвращению собиралась новая партия мертвых тел. На освобожденных же от трупов местах тут же растягивались сидевшие поблизости в надежде получить шанс для более комфортной смерти.

В зимний период в наших краях трудно выкопать яму глубиной в один метр, потому что влажная черноземная почва, замерзнув, становится твердой, как скала, и кирка не берет ее. Нам было любопытно, куда уносят и где хоронят такое количество тел. Но задавать подобные вопросы было нельзя — это была государственная тайна! Ходили слухи, что их отвозили на мыловарни и якобы из мыла даже вылезали человеческие ногти. Но какая мыловарня могла принять столько трупов? Позже я случайно узнал ответ на этот вопрос. Стоял, кажется, уже февраль. В один из свободных дней я прошелся до вокзала. Оттуда по-прежнему выносили трупы. Мне встретился родственник, работавший на железной дороге. Когда мы немного поговорили, он вдруг сказал:

— И когда придет конец этим нечестивцам?

Я рассмеялся:

— Видимо, меч Азраила острее, чем наш. Если так пойдет и дальше, то скоро он их всех уничтожит.

Ему тоже стало смешно. Он предложил:

— Давай пойдем к нам домой. Кажется, мама сегодня опять приготовила «суп Ленина». Посидим, поболтаем, а заодно и подкрепимся.

Я попробовал отказаться, но он взял меня под руку и потащил за собой. Они проживали в общежитии для железнодорожников, которое находилось за городом. Прежде мне никогда не приходилось бывать там. Между городом и железной дорогой находился широкий пустырь, большая часть которого была огорожена кирпичной стеной высотой в 2,5-3 метра. Я и раньше видел эту стену, но мне не приходило в голову интересоваться, что за ней находится. Когда мы подошли к стене, я увидел, что в одном месте в ней довольно высоко от земли имелось похожее на

окошко отверстие, прямо под которым лежал большой камень. Родственник спросил меня:

— Ты когда-нибудь заглядывал внутрь через это отверстие?

Я ответил отрицательно, объяснив, что никогда здесь раньше не бывал.

— Тогда встань на этот камень и загляни-ка туда, — сказал он.

Я так и сделал. От увиденного внутри у меня закружилась голова, сердце учащенно забилось, а волосы встали дыбом. Я не мог поверить своим глазам. Площадь огороженного пространства составляла примерно один квадратный километр, и почти все оно было занято голыми, замерзшими телами с лопнувшей от холода кожей. Люди были уложены, словно дрова, штабелями, возвышавшимися до уровня внешней стены. Теперь я понял, куда относили умерших на вокзале. Их доставляли сюда, снимали с них всю одежду вплоть до нижнего белья и складывали в штабеля. В глазах у меня потемнело, и, не будучи в состоянии долго наблюдать это зрелище, я слез. Мой спутник со смехом сказал:

— То, что ты видел, это и есть рай, который Ленин обещал русскому народу. Одни уже там, остальные идут следом.

Некоторое время я не мог вымолвить ни слова и шел молча. Потом я спросил:

— Ладно, но что будет, когда потеплеет?

— Не знаю. Время покажет, — ответил он.

С наступлением марта личный состав армии вывели на окрестные пустыри и открытые пространства и заставили вырыть большие траншеи. Затем военные грузовики свезли туда эти трупы, свалили их в траншеи и засыпали землей. Если бы это не успели сделать вовремя, нас бы постигла настоящая катастрофа в виде холеры и тому подобного. Количество увиденных мной там трупов, возможно, превышало миллион.

К торговле у меня не лежали ни душа, ни разум, и я окончательно решил оставить ее и заняться крестьянским трудом. Решение-то я принял, но как его осуществить, если нет ни своей земли, ни семян, ни орудий? Между тем сын моей тетки по матери Ахмат Дударов, тот самый, в доме которого я впервые увидел

хлеб из белой канадской муки, стал министром сельского хозяйства Осетинской Республики¹.

Моя мать была младшей среди пяти сестер. Из пятерых трое, включая мою мать, были невестками Кубатиевых, одна — балкарцев Келеметовых и еще одна — осетин Дударовых (Слоновых). По этой причине сыновья моей самой старшей тетки по матери — Хаджумар², Касполат³ и Хангери⁴ — являлись одновременно сыновьями моего дяди по отцу, то есть мы с ними были дважды двоюродными братьями. Жена Хаджумара была из тагиатского рода Асбиевых⁵, жившего в горном селе Кобан. После уничтожения нашего села Хаджумар и Касполат поселились вместе с семьями в Кобане, а Хангери находился с нами в лесу. Поскольку Хангери был выпускником лицея, после нашей сдачи Ахмат Дударов, ставший министром сельского хозяйства, принял его к себе на работу на хорошую должность. Хангери в то время было чуть за пятьдесят. Он был вдовцом: его жена умерла лет десять назад. Так как он был одинок, он жил в доме Ахмата Дударова. Другие два брата арендовали в Кобане лесопильный цех. Это было не Бог весть какое предприятие, но все-таки позволяло кормить семьи, тем более что и возраст у братьев был уже довольно продвинутый.

Как-то Хангери и Ахмат известили меня, что хотят поговорить со мной. Вечером я заглянул к ним.

— В чем дело? Ты совсем забыл нас, — начали они. — Мы тут тебе работу ищем.

В этот момент подошла и моя тетя и, как всегда, обняла меня. Затем Ахмат Дударов продолжил:

— Есть одно хорошее, на наш взгляд, дело. Если ты присоединишься к нам и поработаешь вместе с нами, то наши семьи в короткий срок вырвутся из нужды. В Кобане мы приобрели

---

¹ В описываемый автором период существовала Горская Автономная Советская Социалистическая Республика, в состав которой входил Осетинский округ.

² В оригинале: Насі Ӕмер.

³ В оригинале: Haspolat.

⁴ В оригинале: Hangiray.

⁵ В оригинале: Asbiyate.

несколько полей и хотим засеять их картофелем и фасолью. Хаджумару и Касполату мы отправили деньги на покупку семян. Возможно, они их уже купили. Там есть четыре лошади и столько же плугов. Когда сев будет закончен, вы переберетесь в другое место. Между Ногкау и одним соседним селом имеется спорная земля. Мы предъявили на нее права, и в настоящее время разбирательство близится к концу. Думаю, до окончания работ в Кобане вопрос разрешится в нашу пользу. Как только мы вам дадим знать, вы с лошадьми и плугами переедете в Ногкау. В дополнение мы возьмем займы в сельскохозяйственном управлении еще несколько лошадей и плугов и отправим их вам. Людей для работы в поле тоже найдем и пошлем к вам мы, а вы с Касполатом должны будете следить за их работой. Мы организуем товарищество и собранный урожай разделим между собой. Как тебе нравится такой план? Хотел бы ты работать с нами?

— Отличное предложение. С удовольствием поработаю, — ответил я.

— Раз так, то заканчивай здесь все свои дела и поскорее езжай в Кобан.

Хорошенько поужинав вкусными блюдами, я ушел.

Через два дня я прибыл в Кобан. Хаджумар и Касполат действительно закупили много семян картофеля и зерновых. Они и их семьи были очень рады моему приезду и любя называли Темушкой. Цех, который они арендовали, находился в трех километрах от села в красивом месте в лесу у речки. Обе семьи жили в имевшихся при цехе помещениях. Первые два дня я отдыхал и навещал родственников, которых в Кобане у меня было немало. Поскольку я никогда не бывал в этом селе, некоторых родственников я знал лишь понаслышке и теперь познакомился с ними. Со многими представителями местной молодежи мне уже приходилось встречаться во время службы в армии или на свадьбах. Они не оставляли меня одного и вместе со мной ходили по домам.

На третий день я приступил к работе. Сначала мы тщательно проверили и привели в порядок плуги и сбруи. Затем преодолели подъем протяженностью около километра и оказались на

целинном участке земли посреди леса. Как я понял, наши взяли его в аренду. В течение трех дней большая часть этой земли была вспахана и взборонена. Мы наняли трех работников и посеяли там картофель и фасоль. Наша работа близилась к концу, когда из города нам сообщили, что можно перебираться в Ногкау. Произведя необходимую подготовку, мы со всеми орудиями и лошадьми двинулись туда и установили около указанного нам поля палатку. Однако когда на следующий день мы запрягли лошадей в плуги и начали пахать землю, на нас напала группа вооруженных палками крестьян из соседнего села Бирагзанг в количестве пятидесяти-шестидесяти человек. Они отбросили в сторону наши плуги и порвали палатку. На наши объяснения о том, что мы прибыли по распоряжению правительства, они заявили:

— Не знаем мы никакого правительства! Эта земля наша, и пусть никто сюда не суется!

Нас прогнали, так хлестнув кнутом запряженную в нашу телегу лошадь, что мы с трудом смогли остановить ее только в Ногкау.

Поневоле мы остановились в гостях у родственников в Ногкау. Касполат на попутной телеге поехал в город и сообщил о происшедшем нашим. Те опять обратились к предусмотренным законом процедурам. Дело должно было решиться в нашу пользу, но когда — неизвестно. Чтобы не сидеть сложа руки, мы взяли у администрации Ногкау во временное пользование три десятины земли с условием, что после выигрыша тяжбы тот участок будет передан им взамен этого, и посеяли там кукурузу. Шли дни, а вопрос со спорным участком все не решался. Поскольку в Ногкау у нас больше не было дел, мы вернулись в Кобан. Посеянные нами фасоль и картофель уже дали зеленые всходы. На ближайшей лесной опушке мы срезали жерди длиной до двух метров и воткнули их рядом с ростками фасоли. Одновременно мы начали мотыгами разрыхлять и окучивать землю вокруг ростков картофеля. По мере их роста мы продолжали эту работу. Благодаря ей картошка под землей быстро увеличивалась в размере и образовывала на поверхности бугорки,

вскоре достигшие тридцати-сорока сантиметров в высоту. Неподалеку от нас работали мельники. Их мы тоже нанимали на условиях поденной оплаты. Кроме того, как я уже говорил, некоторые русские девушки, просившие милостыню, добрались тогда до горных сел. Шесть или семь таких бедствующих девушек пришли и к нам, прося Христа ради подать им немного хлеба. Вероятно, из-за того, что они питались только кукурузным хлебом, их лица были совершенно бесцветными, и они напоминали ходячие трупы. Когда мы дали им хлеба, они сказали:

— Нам негде заночевать. Не могли бы вы пустить нас в дом на одну ночь?

В цехе было много свободного места, и им показали, где можно разместиться. Одна из них, видимо, недавно переболела тифом. Исхудавшая и обессиленная, она еле передвигала ноги. На вид ей было не больше четырнадцати лет. Несмотря на перенесенные лишения, было заметно, что это красивый ребенок. У Хаджумара не было своих детей, хотя он фактически воспитал своих племянников — детей Касполата. Он вообще очень любил детей. Видимо, ему стало очень жаль эту бедную девочку, и он спросил ее:

— Хочешь стать моей дочкой? Останешься здесь?

От радости глаза девочки заблестели. Ни секунды не задумываясь, она ответила:

— Да!

Ее повели в дом, помыли и приодели. Остальные девушки поздравляли ее, хотя было заметно, что завидуют ее везению. В тот вечер Хаджумар устроил небольшое пиршество в честь своей приемной дочери. На следующий день сумки ее подруг наполнили едой, и они пошли дальше. Мы же поехали в Ногкау присмотреть за нашей кукурузой. Когда мы вернулись, девочка полностью выздоровела, поправилась, и ее было трудно узнать. Ее звали Ольгой. Ее родители умерли от голода. По ее словам, у нее была одна сестра, но они потеряли друг друга. Вскоре Ольга начала вместе с нами мотыжить землю на картофельном поле.

Мы постоянно курсировали между Кобаном и Ногкау, так как кукуруза в не меньшей степени нуждалась в уходе. Спустя неко-

торое время двоюродные братья предложили мне выбрать для себя одно из предоставленных нам в Ногкау полей, и я сделал свой выбор. Из урожая в Кобане мне тоже причиталась доля. Я продолжал работать.

Мои мать, больная сестра и брат Алихан находились в городе в доме нашего зятя. Состояние сестры неуклонно ухудшалось. Надежды на выздоровление практически не было. При первой возможности я старался съездить в город, чтобы повидаться с ними. Во время своего очередного приезда я застал сестру крайне исхудавшей. От нее остались лишь кожа да кости. Увидев меня, она обрадовалась и попыталась приподняться в постели, но сил для этого у нее уже не было. Я не сдержался и заплакал. Мне вспомнилась та крепкая и здоровая девушка, которой она была до болезни.

— Хамидат!¹ — воскликнул я и обнял ее.

Она тоже обвила руками мою шею, и я с легкостью поднял ее, как маленького ребенка, на руки. Я рыдал, сам не понимая, что делаю, а она смотрела на меня и смеялась. Наконец, испугавшись, что я могу заразиться, вмешалась мать и заставила меня положить ее обратно на постель. (Писать мемуары, оказывается, совсем не легкое дело. Сейчас, будучи один, я вдоволь наплакался.) Я тогда задержался в городе на неделю. Мы делали все, что могли: приводили врачей, давали лекарства, — но признаков выздоровления не было. Сестре требовались не столько лекарства, сколько хорошее питание, однако найти нужные продукты на рынках было невозможно. Так и не сумев им ничем помочь, я поручил их воле Бога и уехал. Через десять дней мне сообщили о смерти сестры. Я сразу же отправился в город, но оказалось, что это известие дошло до меня с опозданием и сестру уже похоронили. Узнавшие о моем приезде родственники и друзья группами приходили выразить мне соболезнование.

Как ни тяжело было справиться с этим горем, я должен был возвращаться к своей работе. По окончании полевых работ я начал помогать своим двоюродным братьям в лесопильном цехе, выпиливая доски для местных крестьян и получая за это

---

¹ В оригинале: Hamide.

определенную часть прибыли. За засеянные поля мне выделили гораздо большую долю, чем я ожидал, явно желая помочь мне поскорее встать на ноги. Такое отношение Хаджумара и Касполата окрыляло меня, и я трудился с еще большим настроением, не зная усталости. Время от времени они посылали меня на телеге в город продать доски и купить соль, мыло, табак и прочие необходимые нам вещи, заодно давая мне возможность повидаться с семьей. Перед отправлением они всегда клали мне в телегу выращенные нами продукты и совали в карманы деньги для передачи моим родным.

Между тем деньги стали стремительно терять цену, а дефицит расти. За самую дешевую вещь просили тысячи рублей. Вскоре место тысяч заняли миллионы, а затем и миллиарды. Магазины опустели. Торговля остановилась. Только на рынках можно было встретить торгующих чем-то на скорую руку. Народ в шутку называл миллион лимоном, и, когда продавца спрашивали о цене его товара, можно было услышать в ответ: «один лимон», «два лимона» и тому подобное.

В период этой безудержной инфляции мой зять Хаджимуса и мой брат Алихан, истратив все свои сбережения, без дела сидели дома. А между тем благодаря хорошим погодным условиям в 1922 году урожай зерновых в наших краях был намного лучше, чем в предыдущие годы. В равнинных районах столько пшеницы не вызревало уже много лет. Наступил сезон жатвы. Земледельцы были озабочены тем, чтобы до его окончания успеть сжать свой урожай, потому что если созревшие пшеничные зерна оставить стоять в поле, они начинают осыпаться и смешиваться с землей, и собрать их уже бывает невозможно. Те, у кого были большие поля, спешно искали работников для жатвы. Если раньше за день такой работы давали один пуд пшеницы, то теперь цена возросла до двух пудов и продолжала увеличиваться с каждым днем. Эти известия дошли и до горных сел, и их жители, раздобыв где-нибудь серпы, начали группами спускаться на равнину. Как только я узнал об этом, я потерял покой. Ведь в то время даже на месячное жалованье самого высокооплачиваемого служащего едва ли можно было купить два пуда пшеницы.

Когда я сказал своим двоюродным братьям, что хочу отправиться жать пшеницу, они ответили:

— Конечно! Ты отлично решил! Будь мы помоложе, мы бы тоже пошли с тобой.

Попрощавшись с ними, я поехал в город, будучи в уверенности, что Хаджимуса и Алихан, пользуясь создавшимся положением, тоже давно жнут где-то пшеницу. Однако, войдя в дом, я обнаружил обоих там в безмятежном настроении. Я очень разочлился, но не показал вида. После того как мы посидели и поговорили о том о сем, я все-таки спросил их:

— Не надоело вам сидеть здесь без дела?

— А что делать? — последовал вопрос.

— Народ из самых дальних горных сел спускается на равнину, чтобы заработать на жатве. А вы даже не знаете, что у вас под носом есть такая работа?! Можно ли придумать лучший заработок?

— Мы думали об этом, но у нас нет серпа, — ответили они.

На следующий день я обошел все рынки и действительно нигде не нашел ни одного серпа. После обеда я навестил тетю. Ахмат и Хангери тоже были дома. Они спросили меня, как идет работа. Рассказав о состоянии посевов, я затем объяснил, с какой целью приехал в город, и сказал, что нигде не смог купить серпа. Они слушали мои слова внимательно и даже с удивлением.

— А если мы найдем тебе серпы, ты справишься с этой работой? — спросил Ахмат. — Ты когда-нибудь жал пшеницу?

— Никогда. Но это не значит, что не смогу. Это делают даже маленькие дети, — сказал я и продолжил, показывая руками: — Надо левой рукой схватить стебли ниже колосьев, собрать их вместе и, держа серп правой рукой, срезать. Затем колосья надо свалить друг на друга в кучу и, когда образуется сноп, связать его. Только и всего!

— Bravo! — сказал Ахмат.

Позднее я узнал, что существует гораздо более простой способ выполнения этой работы, но, видимо, его не знал и министр сельского хозяйства и потому выдал мне авансом «Bravo». А,

может быть, он просто не хотел портить мое настроение. В ту же секунду написав какую-то записку, он велел мне пойти на склад и показать ее там начальнику. Я так и сделал. Начальник склада, прочитав записку, тут же вызвал своего помощника и приказал ему принести три серпа. Вскоре принесли три новеньких серпа с выкрашенными в красный цвет рукоятками. Поставив подпись на какой-то бумаге, я радостно поблагодарил начальника и удалился. Заглянув по пути в дом Ахмата и сообщив ему о получении серпов, я без задержки направился домой. Увидев меня с серпами в руках, мои зять и брат были немало удивлены.

— Вставайте! Больше нет времени ждать, — крикнул я им. — Пойдем по селам и, где найдем работу, там и остановимся. Через неделю не останется ни одного несжатого поля.

— Вы идите, а я завтра должен ехать в Зильгу за причитающимися деньгами, — сказал зять. — Как только получу их, присоединюсь к вам.

Конечно, это было вранье. У него просто не хватало духу взяться за такую работу, и он нашел предлог, чтобы отделаться от нас. Но я не мог с ним спорить. Оставив на всякий случай один из серпов Хаджимусе, мы с братом отправились в путь. Вообще-то Алихану тоже эта затея была явно не по душе, так как он слишком привык сидеть в праздности дома. Но я не дал ему возможности возразить и погнал впереди себя.

За два часа до захода солнца мы добрались до полей села Гизель в шести-семи километрах от города. На них не переводя дыхания трудилось множество мужчин и женщин. Рядом с первой же встреченной группой стоял плотный седоусый человек и, облокотившись на телегу, наблюдал за работающими. По всему было видно, что это хозяин поля. Когда мы приблизились, я обратился к нему по-осетински:

— Добрый день! Пусть будет твоя работа легкой, а урожай — обильным!

Он поблагодарил и стал внимательно разглядывать нас и висевшие у нас на плечах серпы.

— Вам нужны работники? — спросил я.

— Конечно, нужны. Подойдите-ка, посмотрим.

Мы подошли. Человек продолжал окидывать нас с головы до ног изучающим взглядом.

— Сколько платите? — поинтересовался я.

— Как все. Видите, сколько людей трудится? Покажите только, как вы умеете работать.

Мы сразу же принялись за работу. Проблема, однако, была в том, что мы и вправду никогда раньше не жали пшеницу и не владели техникой этого дела. Мы пытались работать тем способом, который я утром показывал Ахмату. Понаблюдав за нами некоторое время, хозяин поля подошел ко мне и сказал:

— Приятель, вы не жнецы. Серпом так не жнут.

Он указал на трудившуюся недалеко от нас девочку лет тринадцати-четырнадцати и добавил:

— Вот, посмотри внимательно, как она работает.

Я присмотрелся. Девочка зажимала между мизинцем и безымянным пальцем левой руки столько стебельков, сколько там умещалось, и срезала их. Затем она точно так же срезала стебельки, зажатые последовательно между безымянным и средним, средним и указательным и, наконец, указательным и большим пальцами. После этого она перевязывала готовый сноп и клала его в сторону. Работала она при этом, как машина. Я почувствовал, как мое лицо залила краска, но, стараясь не подавать вида, ответил:

— Какая разница? Она так жнет, а мы так. Разве главное — не убрать поле?

— Большая разница, — с улыбкой ответил хозяин. — Вы откуда родом?

Я, чтобы скрыть наше происхождение, вне дома старался говорить на иронском наречии.

— Из Ирикау¹, — ответил я, назвав имя владикавказского квартала, где жили осетины-иронцы.

Хозяин, глядя мне прямо в глаза, сказал:

— Парень, почему ты говоришь неправду? Ты же чистой воды дигорец.

---

¹Осет. *Ирыхъæу* «Осетинское село», русское название — Осетинская слободка.

(В Осетии существует три основных наречия. У нас, живущих в дигорском регионе, нет звуков «ш», «ж», «ч». Кроме того, мы добавляем к глаголам в зависимости от лица такие окончания, как -цæ, -дон. Разговорный же язык жителей иронских равнинных сел и города Владикавказа более простой, и, в отличие от дигорского, в нем преобладают звуки «ш», «ж», «ч». Есть и другие отличия.)

Немного помолчав, он добавил с грустным выражением лица:

— Да накажет Бог тех, кто довел вас до этого положения! Ладно, работайте. Работайте и привыкайте.

Мы начали работать. Глядя на других работников, мы старались подражать им, а они, в свою очередь, помогали нам освоить это искусство. Вечером мы все вместе пошли в село. Отделив меня и брата от остальных, хозяева завели нас в кунацкую. Это означало, что к нам относятся не как к батракам, а, напротив, хотят выразить нам свое расположение. Умывшись, мы сели за стол с только что накрытой чистой скатертью. Нам принесли еду и выпивку, а затем подошел и сам хозяин и сел рядом с нами за стол.

— Скажи-ка мне теперь правду, парень. Из какого ты села и какой фамилии? — спросил он.

У меня больше не было сил врать, и я признался:

— Из Урсдона я, из села Кубатиевых.

— Стало быть, вы Кубатиевы. И, похоже, вы братья. Еще когда вы подходили ко мне, я догадался, что вы не местные и что, скорее всего, вы баделиатского рода. Где вы сейчас живете?

— В городе, — сказал я.

Он спросил также о нашем отце, и я ответил:

— Он умер.

— Умер или убили?

— Убили. Сперва нашего старшего брата, а потом и отца.

— Да покарает их Бог! Такие несчастья обрушились не только на вас. Но всякий раз, когда я слышу о подобном, огорчаюсь не меньше вашего.

Мы еще немного поговорили в таком же духе. Затем хозяин встал и ушел, а мы легли в постеленные нам чистые постели.

Ранним утром мы опять вышли в поле. Наши руки все больше привыкали к этой работе. Так мы трудились четыре дня. Когда вся пшеница была убрана, хозяин сказал нам:

— Придете по окончании жатвы и заберете ваши шестнадцать пудов пшеницы.

Затем он отвел нас к своему другу, у которого поле было еще не убрано. Здесь нам пришлось нелегко, так как земля была очень твердой, стебли длинными, а колосья от собственного веса легли набок. К тому же из-за того, что жатва запоздала, поле заросло плющом. Приложив большие усилия, мы закончили уборку за три дня и заработали еще двенадцать пудов пшеницы. Несжатых полей больше не оставалось, и мы отправились в Брут на сенокос. Я договорился с одним из местных жителей о работе исполу, то есть половина скошенного нами сена должна была достаться ему, а половина нам. Съездив в город, я купил там две косы и опять погнал на работу брата Алихана. Поскольку луга находились далеко от села, мы построили себе шалаш. С утра до наступления полуденной жары мы косили, а в жару укладывали в копны сено, скошенное предыдущим днем. Хозяин луга приносил нам из села хлеб и простоквашу. По окончании покоса мы погрузили сено на телеги, отвезли его в указанное нам хозяйном место и соорудили два одинаковых стога, один из которых принадлежал нам.

Стоял август 1922 года. Работы больше не было, и мы могли проводить время в городе. Однажды утром, встав с постели, я услышал с улицы голос мальчика, продававшего газеты.

— Турки разбили греков!¹ — кричал он.

Это была августовская победа². Наши родственники радовались и тайно поздравляли друг друга. Зато жившие в городе в немалом числе греки были крайне обескуражены. Когда им

---

¹ В оригинале по-русски: Turki razbili Grekov.

² 30 августа 1922 года турецкие войска под командованием Мустафы Кемаль-паши одержали решающую победу в национально-освободительной войне над греческими оккупационными силами при Думлупынаре (Западная Анатолия). Эта дата отмечается в Турции как День победы.

выражали сочувствие, они хмуро молчали, но было видно, как сильно они переживают.

Тем временем наш баделиатский род начал предпринимать шаги с тем, чтобы воссоединиться и создать новое поселение. Было проведено множество собраний, но споры не утихали, а решение принять не удавалось. Видя это положение, упомянутый мной выше дядя моей матери Татаркан Туганов, отец Азгери и моего друга Тугана, однажды позвал меня к себе и сказал:

— Я не верю, что наши когда-нибудь договорятся. От Азгери, наконец, пришли известия. Оказывается, он сейчас где-то под Ростовом на неплохой работе. Там он нашел пустующее имение, видимо, раньше принадлежавшее какому-то помещику. Азгери пишет, что оно очень большое, но что он сможет купить его у правительства. Меня он попросил собрать членов нашего рода и предложить им переехать туда для поселения. Я, конечно, сразу же сообщил нашим, рассказал им обо всем, что знал. Сначала все заявили, что с удовольствием переселятся, но теперь, как видишь, каждый тянет телегу в свою сторону, и в результате дело не движется с места. Верно говорят, что пролитую воду не соберешь обратно в сосуд. Они не в состоянии что-либо решить. Увы, отныне наших людей и бороной не сгребешь вместе. Тебе я полностью доверяю. Знаю, что ты даже из камня добудешь свой хлеб. Давай поедem вместе к Азгери. Пусть он нас поселит где-нибудь. Согласен?

— Да, — ответил я без колебаний.

— Азгери купит нам дом и землю. Я уже стар. Но вы с братом будете работать и быстро встанете на ноги.

— Мне нравится это дело, — сказал я. — И я готов с вами ехать.

Но одновременно происходили и другие события. Еще задолго до русско-турецкой войны 1877-1878 годов из различных мест Осетии, в том числе и из нашего дигорского края, много семейств переселилось в Турцию. Там они поселились в районе Сарыкамышы и основали села Верхний Сарыкамыш, Бозат, Хамамлы и другие. Когда в 1877 году русские захватили Карс,

граница передвинулась до Караургана¹, и эти села оказались в российских пределах. С началом в 1914 году Первой мировой войны осетины, проживавшие в этих селах, оказались буквально под ногами воюющих армий. Тогда все жители Верхнего Сарыкамыша и Хамамлы и частично Бозата перебрались в Осетию и поселились у своих родственников во Владикавказе и близлежащих селах. После же разгрома турками армян в 1920 году и перенесения границы к Гюмри² названные мной выше села опять перешли в состав Турции. Теперь выходцы из этих сел начали искать пути возвращения на свою родину, то есть в Турцию. Их депутации обивали пороги соответствующих инстанций. Заключение Мустафой Кемаль-пашой с русскими двустороннего договора о дружбе³ прибавило решимости этим депутациям, и они стали обращаться непосредственно к турецким представителям. С другой стороны, в схожем положении находились оставшиеся в Турции молокане⁴. Поэтому турецкая и российская делегации подписали соглашение об обмене населением. Для отслеживания ситуации с этими переселенцами анкарское правительство направило в Москву, своего представителя по имени Лютфю Фикри-бей. Прежде чем прибыть в Москву, он посетил Владикавказ и встретился там с переселенцами. Затем, прихватив с собой проживавшего в городе Бедри Абисалова и еще несколько человек из переселенцев, живших в различных селах, он уехал в Москву. Видимо, благодаря заключенному договору о дружбе эта группа была принята в Москве очень хоро-

---

¹ Селение в северо-восточной Анатолии между Карсом и Эрзурумом.

² Имеется в виду война между кемалистской Турцией и дашнакской Арменией, длившаяся с 24 сентября по 2 декабря 1920 года. В результате этой войны, завершившейся подписанием Александропольского (Гюмринского) договора, Армения потеряла более половины своей территории, включая Карсский регион.

³ Договор о дружбе и взаимопомощи между советской Россией и кемалистской Турцией был подписан в Москве 16 марта 1921 года.

⁴ Молокане — русская православная секта. Ее представители составляли около 5% населения Карсской области в период нахождения последней в составе Российской империи.

шо. Ее членам были преподнесены подарки и дано обещание, что переселенцы будут бесплатно доставлены на поезде до Карса. Счастливые, делегаты вернулись с этими новостями во Владикавказ.

В это время как раз женился во второй раз бывший командир нашего лесного отряда полковник Доко Кубатиев (его первая жена умерла несколькими годами раньше). Была сыграна красивая свадьба в полном соответствии с нашими обычаями, длившаяся целых три дня. Последний день свадьбы совпал с возвращением из Москвы группы Лютфю Фикри-бея. Наши старшие сочли целесообразным дать в доме, где проходила свадьба, торжественный обед в честь Лютфю Фикри-бея как нашего единовеца, турка и к тому же представителя славной республики Мустафы Кемалю. Специально выбранный человек передал турецкому дипломату наше приглашение, которое было принято. Также были приглашены около двадцати человек из числа просвещенных людей нашего края, принадлежавшие к различным возрастным группам — от молодых до пожилых, с тем чтобы они составили гостям компанию. К вечеру в большом зале были накрыты столы. Наш гость пришел вместе с переводчиком-азербайджанцем. Во главе стола сели Амирхан Туганов и гость. Остальные заняли места сообразно возрасту. Встав, Амирхан поднял свой бокал. Все последовали его примеру. Затем Амирхан сказал по-русски:

— Я провозглашаю тост за новую Турецкую Республику⁵ и здоровье ее основателя Мустафы Кемалю.

Подождав, пока переводчик перевел его слова, он слегка пригубил свой бокал и отпил из него. Так же поступили и остальные. Мы, ожидавшая на ногах непьющая молодежь, свою поддержку пожеланиям старших выразили аплодисментами. Через некоторое время, когда все закусили, Амирхан снова встал и

---

⁵ В 1922 году правительство Великого национального собрания Турции во главе с Мустафой Кемалем было еще далеко от окончательного решения вопроса о форме государственного устройства новой Турции. Официально Турецкая Республика была провозглашена только 29 октября 1923 года.

на этот раз поднял бокал за Лютфю Фикри-бея. В дальнейшем с определенными интервалами провозглашались другие тосты и выступали другие присутствовавшие. В нашем обществе не было принято при каждом поднятии бокала пить до дна. Достаточно было сделать небольшой глоток. В противном случае при таком обилии тостов любой, как бы вынослив он ни был к спиртному, рано или поздно обязательно опьянеет. Лютфю Фикри-бей, не зная этого, каждый раз опорожнял свой бокал, вследствие чего рано стал хмелеть. Когда старшие заметили это, они, дабы не усугублять его состояние, подали нам знак приготовиться. Согласно заранее составленной программе, мы должны были продемонстрировать гостям наши национальные танцы. Подозвав меня к себе, Амирхан сказал:

— Я хочу, чтобы вы станцевали самым оригинальным образом — так, как это бывает на наших сельских свадьбах. Пусть по возвращении на родину наш гость с гордостью расскажет о нас, своих соплеменниках¹. Не допускайте ни малейшего отклонения.

Я попросил его не беспокоиться и вышел. Ведь приглашенные нами для этого представления молодые люди были великолепными танцорами, а их костюмы и осанка были под стать их мастерству. Вдобавок к этому все они были хорошо образованны. Когда приготовления к танцам закончились, я вновь вошел в зал и сообщил об этом старшим. Застолье тут же было прекращено, и старшие, пожелав нашему гостю доброй ночи, любезно попрощались с ним и удалились. (По обычаям, старшие не могут долго находиться вместе с молодыми. Бывало, на подобных вечеринках кто-то из старших, вспомнив свою молодость, коротким танцем открывал веселье, а потом удалялся.) Лютфю Фикри-бей некоторое время с изумлением наблюдал за танцами. Затем, выразив присутствующим свою благодарность,

---

¹ В оригинале *soydaş* «соплеменник, сородич». Если это не неточность автора, то трудно понять, на каком основании произносящий эту фразу представитель осетинской аристократической фамилии считает своим соплеменником турецкого дипломата Лютфю Фикри-бея, явно не этнического осетина или кавказца.

он также попрощался и покинул собрание. Мы не поняли причину его раннего ухода. У нас такие вечеринки длились не менее трех-четырёх часов. Возможно, он плохо себя почувствовал из-за выпитого спиртного, однако не исключено, что дело было в господствовавшем тогда в Анатолии религиозном консерватизме, и, увидев наши танцы, в которых совместно участвовали парни и девушки, он предпочел поторопиться с уходом. Этого мы так и не узнали.

Люtfю Фикри-бей на этом завершил свою миссию. Поскольку ему больше нечего было делать во Владикавказе, он назначил начальником группы Бедри Абисалова и отбыл в Турцию. Переселенцы же начали готовиться к возвращению в родные края. Предполагалось, что эти сборы займут месяц.

Наш зять Хаджимуса был из села Бозат, и поэтому сестре моей Рахимат тоже предстояло отправиться в Турцию. Естественно, мать не хотела расставаться со своей единственной дочерью и часто повторяла:

— Давай и мы уедем с ними.

Я пропускал эти слова мимо ушей, но когда она очень сильно настаивала, возражал ей:

— Коль скоро ты не представляла свою жизнь без Рахимат, то почему отдала ее за этого человека, зная, что он не останется здесь? Я дал слово Татаркану и хочу поехать вместе с ним, чтобы поселиться под Ростовом.

Тем временем мой родственник и приятель Мурат Кантемиров, не имевший отношения к переселенцам, договорился с Бедри Абисаловым о бегстве в Турцию вместе с этим эшелонем и даже выставил на продажу свой деревенский дом. Узнав об этом, моя мать разыскала его и попросила убедить меня последовать его примеру. При первой же встрече Мурат подошел ко мне и предложил:

— Давай-ка поговорим с Бедри. Попросим его, чтобы он тайком забрал и тебя. Думаю, я сумею убедить его.

В ответ я вновь рассказал о данном Татаркану слове и нашем плане.

— Кроме того, в случае, если коммунисты обнаружат нас на

границе, то тут же расстреляют, — добавил я. — Перейти границу это тебе не детские игры.

— Брось ты! Не преувеличивай опасность, — сказал Мурат. — Среди этой кучи народа как-нибудь проедем. И я вот что тебе скажу. Если мы останемся в России, то со временем нас все равно всех уничтожат. Оставшиеся здесь будут вспоминать эти дни, но будет поздно. По-моему, это наш единственный шанс на спасение. Я уверен, что у нас получится. Но даже если представить себе, что нас задержат, то велика ли разница, расстреляют нас немедленно на границе или этак через полгода здесь? Наша жизнь в этой стране каждую минуту подвергается опасности.

Слова Мурата озадачили меня.

— То, что ты говоришь, пожалуй, верно, — ответил я. — Но согласятся ли взять нас с собой Бедри и эти переселенцы? Ведь мы можем навлечь беду и на их головы.

— Не волнуйся. Большинство там выходцы из села Хамамлы, мои родственники. Они спрячут нас в своих вагонах. Остальные же нас знать не знают. Немного поиграем в прятки, только и всего. Женщин и вовсе никто не знает. Решай прямо сейчас, и пойдем поговорим с Бедри. Не откладывай, потому что завтра мне надо ехать в село Текатикау¹ продавать дом. Да и для тебя будет лучше, если ты пораньше начнешь действовать и вовремя завершишь приготовления.

Я колебался. Сказанное им было справедливо. Россия, которую обещал построить Ленин, не стала реальностью. Невежественный народ по-прежнему пристально и с подозрением следил за нами, видя в нас своих врагов.

— Ладно, — сказал я.

Мы пошли к Бедри. Мурат изложил ему нашу просьбу, но Бедри категорически возразил:

— Это невозможно!

Перечислив все возможные опасности этого предприятия, он добавил:

---

¹Текатикау — ныне квартал села Дзагепбарз Республики Северная Осетия-Алания.

— Темирболат мой близкий родственник и хорошо знает, как я его люблю. Я и сам очень хотел бы ему помочь. Но он среди тех, кого власти держат под наблюдением, и если его задержат, то напрасно погибнет и он сам, и я. Мне трудно передать, как я огорчен тем, что ничего не могу сделать для него, но это, увы, не в моих силах.

Я сидел и ждал, не произнося ни звука. Когда Бедри закончил, я взглянул на Мурата, желая сказать: «Вот видишь? Разве я тебе не говорил?» Однако Мурат не сдавался и продолжал уламывать Бедри:

— Не беспокойся, мы не причиним тебе неприятностей. Можешь даже не вносить наши имена в свой список. Просто не замечай нас, вот и все. Когда же окажемся в вагоне, спрячемся в каком-нибудь укромном месте, хоть под спальной полкой! Никто нас не обнаружит. Надо будет, укроемся среди женщин!

Мы дружно рассмеялись. Бедри в нерешительности искал ответ, а Мурат все наседал:

— Хватит спорить! Если мы в таких ситуациях не будем друг другу помогать, то когда еще мы это сделаем? Можешь хоть сам пойти и сдать нас властям, но знай, что я приду на станцию вместе с Темирболатом и мы сядем в эти вагоны!

После некоторых размышлений Бедри обратился ко мне:

— Ладно. Я сделаю все от меня зависящее. Ты же не подавай ни малейшего вида, что собираешься куда-то ехать, а в поезде старайся никому не показываться, пока мы не покинем пределы Осетии.

С этими словами он удалился. Мурат же помчался к моей матери, чтобы сообщить ей радостную весть. Я не могу даже передать, как тогда была счастлива бедная женщина.

На следующий день мы с компаньонами отправились в Кобан и начали собирать фасоль. Затем мы очистили ее зерна от кожуры и перебрали их. На мою долю досталось около двух пудов. Картофель, росший в сухой, здоровой почве, дал превосходный урожай. На выделенном мне участке земли мы выкопали примерно две с половиной тонны картошки. Часть ее я продал на месте, а другую вместе с фасолью привез в город.

После этого мы поехали в Ногкау, где в это время находился мой двоюродный брат Касполат. Кукуруза тоже дала на удивление богатый урожай. Свою долю я продал по согласованной со специалистами цене двоюродным братьям и сразу же получил от них деньги. После этого я отправился в Брут и продал сено, которое скошил летом, работая исполу. Человек, в амбаре у которого хранилась моя оставшаяся с прошлого года кукуруза, израсходовал ее и взамен дал мне двух телок. Я пригнал их в город и продал на рынке за полмиллиарда большевистских рублей. Понимая, что нахожусь в этих селах в последний раз, я в каждом из них посещал всех своих родственников и друзей и прощался с ними. Некоторые из них, включая моих двоюродных братьев, не одобрили моего решения и пытались отговорить меня.

В городе переселенцы продолжали готовиться к отъезду. Мне нечего было готовить, нечего было и продавать. Напоследок я поехал в Гизель. Полевые работы давно закончились. Плату за по-любительски сжатую там пшеницу я получил натурой. Когда я засыпал 28 пудов пшеницы в привезенные с собой мешки, наш первый хозяин, у которого мы гостили летом, поинтересовался:

- На чем же ты их повезешь?
- Если смогу, то найму здесь какую-нибудь телегу, — ответил я.
- Сейчас телегу не найдешь. Лучше пусть наш паренек тебя отвезет.

Он позвал своего сына и дал ему необходимые указания, а пока тот запрягал телегу, пригласил меня в дом перекусить. Когда мы тронулись в путь, я велел парнишке ехать на мельницу Хадиковых. В соответствии с установленным на мельнице порядком, мою пшеницу взвесили и рассчитали, сколько из нее получится муки первого, второго и третьего сорта и сколько отрубей. Я сказал, что не нуждаюсь в муке третьего сорта и отрубях, и их стоимость мне выплатили деньгами за вычетом причитавшейся мельнице доли. Парнишка ждал меня в телеге. Нам загрузили со склада муку первого и второго сорта в рассчитанном коли-

честве, и мы отвезли ее в дом моего зятя. Здесь я поблагодарил парня и отпустил его домой.

Теперь мы были готовы к дальней дороге. Часть имевшейся у нас муки, картошки и фасоли должна была поддерживать нас в пути, а излишки я надеялся продать или обменять на керосин в Баку (по слухам, в Турции тогда керосин был в большом дефиците). Слава Богу, у нас почти не было домашнего скарба. Остальные отъезжающие семьи занимались упаковкой имущества, ломая голову над тем, какую вещь в какой тюк или узел засунуть. Мы же были свободны от таких проблем. Все наше добро состояло из двух или трех постелей.

До отъезда оставалось два дня. Я навещал родственников, тайно прощаясь с ними. Вечером предстояла свадьба девушки по имени Лёля¹ из фамилии Кусовых² (в Турции представители этого рода взяли фамилии Куш, Кушхан и Аланкуш). Она выходила замуж за фабриканта из ингушей, фамилию которого я позабыл. Говорили, что жених очень богат. Я тоже был в числе приглашенных. Хозяева встретили нас радушно. На наших свадьбах русские и европейские танцы не были в чести, исполнялись только наши национальные танцы. К нашему приходу свадьба была уже в разгаре. Посреди большого зала плясала молодежь. В стороне были накрыты столы. Нас сначала отвели туда. Подкрепившись и немного выпив, мы присоединились к танцующим и стали ждать своей очереди, отбивая такт ладонями. Как вы все хорошо знаете, танец, известный в Анатолии под названием «шейх Шамиль» (по своему происхождению чечено-ингушский и потому именуемый нами, осетинами, «мæхъ-хъалон кафт»³, то есть «чеченский танец»)⁴, очень подвижен и утомителен. На наших свадьбах он иногда превращался в соревнование между парнями и девушками и длился до тех пор,

---

¹ В оригинале: Löle.

² В оригинале: Gus, Khusate.

³ В оригинале по-осетински: Mekkalon kaft.

⁴ Речь идет о широко распространенном на Кавказе и в странах проживания северокавказской диаспоры на Ближнем Востоке танце, именуемом по-русски лезгинкой.

пока одна из сторон не сходила с площадки. На этой свадьбе присутствовала одна осетинская девушка из Ардона. Говорили, что она образованна и что она дочь Иласа Габуева¹. Танцевала она великолепно. Всякий раз, когда очередь доходила до нее, танец приобретал характер состязания, и как только становилось очевидным, что девушка не сдастся, кто-нибудь из юношей выскакивал в круг, чтобы забрать ее у своего подставшего товарища и тем самым выручить его. Разумеется, распорядитель танцев, так называемый «дежурный»², сразу же вводил в танец новую девушку, ожидавшую своей очереди, чтобы дать предыдущей перевести дух.

В какой-то момент к нам подошел Тазрет Кабанов³. Это был семейный человек сорока с лишним лет. Он был женат на дочери моего дяди с материнской стороны и таким образом приходился мне родственником. В соответствии с нашими традициями, все парни отступили на шаг назад, уступая ему место во главе очереди. Тазрет был весельчаком и легко ладил со всеми, за что молодежь любила его. Он стал с интересом наблюдать за происходящим, подбадривая танцоров. Когда же «дежурный» предложил ему выйти в круг, он поднял вверх руки, давая понять, что собирается не танцевать, а лишь что-то сказать, и вышел в центр площадки. Аккордеон замолк. Все взгляды обратились на Тазрета.

— У меня к вам всем большая просьба, — произнес он. — С вашего разрешения я хочу пригласить на танец одну пару.

Молодежь одобрительно загудела. Всем было любопытно, кого имеет в виду Тазрет. Сначала он направился напрямик к упомянутой ардонской девушке и, приветствовав ее кивком головы, пригласил в круг. Затем он подошел ко мне, взял за руку и прошептал в ухо:

— Если не перепляшешь ее, больше не показывайся мне на глаза. Изрешечу тебя из револьвера!

С этими словами он вытолкнул меня в середину.

---

¹ В оригинале: Gabu.

² В оригинале по-русски: dejerne.

³ В оригинале: Kaban.

Девушка верно оценила ситуацию. Чтобы не утомить себя, она старалась танцевать маленькими кругами. В ответ на это я стал вставать на кончики пальцев и, делая медленные па, вынуждал ее как можно дольше кружиться вокруг меня. Немного переведя таким образом дыхание, я начинал преследовать девушку. Заметив, что, танцуя на кончиках пальцев, я отдыхаю, моя партнерша сменила тактику. Она перестала кружить вокруг меня и вместо этого встала передо мной и начала медленно вращаться на месте либо раскачиваться из стороны в сторону, делая грациозные движения руками. Это позволяло ей продолжать танец, не утомляя ног. Когда она в очередной раз начала выполнять свою излюбленную фигуру, я быстрым движением выдвинулся вперед и в тот самый момент, когда она собиралась развести руки в стороны, сам с разведенными руками очутился перед ней. Теперь мы танцевали лицом к лицу, едва не касаясь друг друга. Мы оба слышали, как при каждом нашем развороте молодежь начинала хлопать в ладоши все быстрее и громче. Но кому из нас была адресована эта поддержка? Из смежных комнат в зал высыпали женщины и через плечи друг друга пытались увидеть наш танец. Так как большинство меня не знало, то и дело слышался вопрос: «Кто это?» И молодежь, и старики, — все с волнением наблюдали за нами. Разумеется, женщины желали мне поражения, а мужчины — победы. Обычно такой танец длился минуту-полторы. Мы же, думаю, танцевали не менее четырех или даже пяти минут. Вдруг мне показалось, как будто девушка слегка потеряла равновесие. И в тот же момент одна из женщин отделилась от толпы, вбежала в круг и, подхватив мою партнершу под руки, потащила ее туда, где находились ее подруги. Сам я тоже был в ненамного лучшем состоянии, но старался не показывать вида. Бросив взгляд в ту сторону, куда увели девушку, я увидел, что ее уложили на стоявший у стены длинный топчан, на который до этого женщины становились, чтобы посмотреть на наш танец. Я все еще один стоял посреди зала. Из моей груди вырвался крик по-русски:

— Снять маску!¹

---

¹ В оригинале по-русски: Sniyat masku.

Молодежь восторженно аплодировала мне, а потом стала подбрасывать в воздух. Выведший меня на танец Тазрет подошел и обнял меня. Я чувствовал себя словно олимпийский чемпион, побивший рекорд. Взяв меня за руку, Тазрет обратился к собравшимся:

— Вот такая мы несчастная нация. Каждый день, к сожалению, мы теряем таких молодых людей — залог нашего будущего.

Те, кто знали о моих планах, поняли, что имел в виду Тазрет. Остальные же решили, что он говорит о молодых людях, убитых коммунистами. Глаза всех присутствовавших наполнились печалью. Согласно обычаю, хозяева свадьбы прислали мне графин с ликером, именуемый «почетным бокалом», и закуску. Затем был провозглашен тост за танцевавшую со мной девушку и меня. Свадьба в таком же веселом ключе продлилась до самого утра. Это была последняя из сотен свадеб, которые я посетил на моей любимой родине, иногда часами добираясь до них пешком лишь для того, чтобы после томительного ожидания своей очереди станцевать всего один или два раза из-за большого количества собравшейся молодежи.

Стояли последние дни октября 1922 года. Через день после свадьбы я встретился на улице с Бедри. Он дал мне следующие указания:

— Поскольку большинство переселенцев гостит в Беслане и соседних с ним селах, выделенные нам вагоны прицепят к поезду там. Почти все переселенцы уже собрались на бесланской станции. Один вагон, в котором поедут и твои родные, пока находится во Владикавказе. Однако если вы все сядете в него здесь, это может привлечь внимание. Поэтому лучше будет, если ты заранее поедешь в Беслан и заночуешь там у кого-нибудь из родственников. Только смотри, чтобы никто не догадался, что ты собираешься ехать вместе с нами. А мы сегодня попрощаемся здесь, с кем необходимо, и завтра вечером тронемся отсюда же в путь. Встретимся в Беслане.

На следующий день я отправился утренним поездом в Беслан. Весь перрон был забит прибывшими из окрестных сел переселенцами и в несколько раз превосходившими их в числе

провожающими. На площади пара сотен девушек и юношей танцевала наши танцы. Поскольку желающих танцевать было слишком много, «дежурный», чтобы дать всем такую возможность, каждый раз выпускал в круг по две пары. Знакомых я среди них не обнаружил и поэтому наблюдал за танцами издали. Я простоял так довольно долго, когда вдруг заметил, что ко мне направляется какой-то человек.

— О-о, добро пожаловать! Ты что здесь делаешь? — обратился он ко мне.

Я узнал его. Это был Хаджимуса (Дзибусса) Мамсуров.

— Я только что из города, — ответил я. — Хочу навестить Тхостовых. Да вот засмотрелся на молодежь. А почему сегодня так многолюдно? Раньше мне такого не приходилось здесь видеть.

— Да, ты прав, очень многолюдно. Это переселенцы отбывают в Турцию. Давай подойдем к нашей группе.

— А сам ты почему здесь? — задал я вопрос.

— Я тоже уезжаю. Все мои родные уже в вагоне.

Меня очень обрадовало это известие, и я решил открыться Хаджимусе:

— Никому не говори, но я тоже еду вместе с вами.

— Ты шутишь?! — воскликнул он.

— Честное слово, это правда. Мои сядут в поезд в городе. А мне сказали, что как находящемуся под подозрением мне безопаснее будет отправиться отсюда. Вот поэтому я и здесь.

Хаджимуса тоже был рад. Он повел меня в свой вагон и познакомил с родителями. После этого мы вернулись на площадь. Распорядитель танцев, представляя меня собравшимся, громко произнес:

— Это наш гость.

После этого многие стали подходить ко мне, чтобы пожать руку. Молодые люди уступили мне свою очередь на танец, приглашая в круг.

— Благодарю, но я не умею танцевать вчетвером. Продолжайте сами, — попробовал я отшутиться.

«Дежурный» тут же, обращаясь к группе, потребовал, чтобы на танец вышла только одна девушка. Тогда я тоже вышел в круг

и продемонстрировал свои умения. Через короткое время меня снова пригласили танцевать. Когда же приглашение поступило в третий раз, я возразил:

— При таком большом количестве желающих мне неловко танцевать так часто. Это будет неуважением к остальным.

Однако распорядитель не принял моих доводов:

— Уважаемый наш гость! — сказал он мне. — Эти молодые люди выплясывают здесь уже целых два дня и, наверно, порядком подустали. Возьми и ты на себя часть ноши, а потом подумаем об очереди.

Еще несколько раз станцевав, я отправился к своим родственникам и переночевал у них. Утром, придя на станцию, я увидел, что прибыл и наш вагон. Это был закрытый товарный вагон с установленными в нем двухъярусными койками. Его пассажирами являлись четыре семьи, включая нашу. Мужчины расположились на верхних полках, женщины и дети — на нижних.

Шло время, но наш поезд почему-то не трогался. На пятый день ожидания я, наконец, узнал, в чем было дело. Оказывается, русские бесплатно выделили вагоны в соответствии с заранее определенным числом переселенцев. Однако Бедри столкнулся — похоже, отнюдь не безвозмездно — еще с рядом семейств. В результате мест в поезде оказалось меньше, чем отъезжающих. Требовалось еще два вагона, но за их аренду русские запросили деньги, которых Бедри, по его словам, не мог изыскать. Хотя все везли с собой картошку и другие продукты, денег с собой ни у кого не было, поскольку, как я уже сказал, люди надеялись обменять в Баку излишки продуктов на деньги или керосин. Так как я не мог посещать собрания переселенцев, мне ничего этого не было известно. Люди, которых я спрашивал о причине нашей задержки, отвечали уклончиво. Кто говорил, что отправляемся этой ночью, кто завтра, кто через два часа.

Таким образом, ситуация прояснилась. Бедри взял плату за перевозку у других семей, находившихся в аналогичном со мной положении, но у меня как у родственника потребовать ее постеснялся. Теперь же он придумал способ, чтобы, используя

сложившуюся ситуацию, выудить деньги и у меня. Собрав нескольких находившихся в нашей группе стариков, включая своего отца Алибека¹, Бедри начал вместе с ними расхаживать среди толпы, прося людей дать денег, если таковые у них имеются. Когда они приблизились к нам, Бедри громко произнес:

— У всех есть деньги, но никто не хочет их давать, вынуждая нас всех тут напрасно бедствовать. Вот, к примеру, Темирболат. Я ведь знаю, что у него имеются деньги.

Услышав это, старики разом обступили меня, говоря:

— Очень тебя просим. Если у тебя есть деньги, помоги, чтобы мы, наконец, смогли выехать отсюда. Когда доберемся до Баку, мы продадим вещи, соберем деньги и вернем их тебе.

Я не знал ни одного из них, за исключением Алибека. Они смотрели мне прямо в лицо. Отчего-то я почувствовал себя так, словно совершил какой-то постыдный поступок. Мое лицо залила краска. Не найдя, что ответить, я у них на глазах вытащил из кармана пачку обесценившихся советских рублей. В ней было двести миллионов. Я хотел часть денег оставить себе, но Бедри мгновенно выхватил из моих рук всю пачку со словами:

— Ты что, не доверяешь мне? Подойдешь ко мне в Баку и получишь свои деньги.

С этими словами он удалился. В ту же ночь поезд тронулся и начал двигаться по долине реки Сунжа. Менее чем через полчаса мы прибыли на станцию Назрань, где нам объявили, что из-за какой-то неисправности нам придется прождать там некоторое время. Провожающие в Беслане снабдили нас большим количеством домашней араки. Когда поезд тронулся, молодежь собралась группами по вагонам, беседуя и понемногу потягивая араку. Видимо, мои товарищи, зная, что я умею петь, специально часто поднимали бокалы, чтобы воодушевить меня на исполнение песен. В результате я скоро захмелел. Для начала я спел им две известные старинные песни, которые им очень понравились. Как потом мне сказали, мой голос в ночной тишине разносился по всем вагонам. Неожиданно на меня нашло вдохновение, и я начал напевать давно знакомую мне мелодию, на ходу сочиняя

---

¹ В оригинале: Ali bey.

на нее новые слова. Все замолкли, а некоторые украдкой плакали. Как я впоследствии ни старался восстановить в памяти те слова, мне так и не удалось вновь собрать текст воедино. В памяти же моих спутников осталась лишь одна фраза — припев, который я повторял время от времени: «Размæ цæуæм, фæстæмæ кæсгæ»¹ («Едем вперед, глядя назад»). В сущности, именно таким было наше положение. В последний раз смотря на освещенные лунным сиянием северные склоны Кавказских гор, я пел то, что подсказывали мне переполнявшие меня тогда чувства. С тех пор та старинная мелодия осталась в памяти наших соплеменников, проживающих в районе Сарыкамыша, как «песня Темирболата».

Двигаясь таким образом с частыми и долгими остановками и преодолев однодневный путь за целых пять дней, мы добрались до находящейся в нескольких километрах от Баку стрелки Баладжары, где железнодорожное полотно расходилось на два направления: одно вело в Тифлис, другое — в Баку. Присоединившийся к переселенцам, как и мы, одним из последних Лугманбек² вез с собой целый вагон муки. Чтобы продать ее, Бедри и Лугман сели на попутный пассажирский поезд и укатили в Баку: то ли Бедри была обещана немалая доля от этой сделки, то ли он желал получить от Лугмана плату за перевозку в Турцию еще на советской территории. Они сумели продать часть муки нескольким покупателям, но получить ожидаемую ими цену оказалось нелегко, и им пришлось задержаться в Баку на несколько дней. За это время оставшиеся в Баладжарах пассажиры тоже продали имевшийся у них картофель и прочие продукты или обменяли их на керосин. Я обменял свою картошку на керосин. Большая часть жителей Баладжаров работала на нефтяных промыслах и, вероятно, получала зарплату не деньгами, а нефтепродуктами. В условиях безудержной инфляции того времени это действительно было весьма разумно. Перед каждым домом стояло по несколько бочек с керосином, а рядом

---

¹ В оригинале по-осетински: Razme tsevem festeme kesge. См. текст этой песни в приложении.

² В оригинале: Lokman bey.

были сложены штабелями куски листового железа, явно снятого с кровель. Если появлялся покупатель, хозяева менее чем за час изготавливали из этой жести бидон нужного размера и наполняли его керосином. Я завершил все свои торговые дела в первый же день.

Теперь мы, как уже не в первый раз за время этого путешествия, ожидали локомотива. Железнодорожное сообщение в стране все еще не было упорядочено, и определенного графика движения поездов не существовало. Составы ходили как попало. Наши вагоны обычно прицепляли к появившемуся свободному паровозу, который, провезя нас на расстояние нескольких станций, оставлял нас там, чтобы забрать другие вагоны. Вот и сейчас мы ждали на дальних путях станции Баладжары. Тем временем из Баку вернулись Лугман и Бедри. Им так и не удалось сбыть всю муку. Ее остаток они надеялись реализовать в Тифлисе. Мы часто ходили к начальнику станции, чтобы попросить его поскорее отправить нас. Уставший от наших визитов, он и сам был готов при первой же возможности помочь нам, но как назло не было ни свободного паровоза, ни попутного состава. Наконец, он в сердцах воскликнул:

— Обещаю вам, что прицеплю вас к первому же проезжающему поезду, будь он даже пассажирским!

Через некоторое время прибыл пассажирский состав, но его локомотив с трудом тащил собственные вагоны. Бедри решил поехать на этом поезде в Тифлис. Его заботила непроданная мука. Своим же заместителем он почему-то назначил меня.

— Если вдруг возникнут какие-либо проблемы, ищи меня в турецком консульстве в Тифлисе. Я оттуда все улажу, — бросил он мне перед отправлением.

Вскоре подъехал какой-то товарный эшелон. Нас прицепили к нему, но темп движения не изменился. По два-три дня ожидая на встречных станциях, мы дотащились в конце концов до Тифлиса. Там наш состав вновь загнали на самый дальний путь. Вместе с Лугманом я отправился в город. Разыскав турецкое консульство, мы поинтересовались, не появлялся ли там Бедри. Нам ответили, что около пяти дней назад к ним приходил человек, похожий на

описанного нами, однако, сообщив, что вскоре должна прибыть группа переселенцев, он удалился, после чего его никто больше не видел. Мы решили искать Бедри в городе, но это было все равно, что искать иголку в стоге сена. С распухшими от ходьбы ногами мы едва доплелись обратно до вокзала. Узнав о наших безрезультатных поисках, мать Бедри подняла крик.

— Моего сына где-то убили! — начала она рыдать. — Иначе он уже пришел бы на вокзал и нашел нас.

Так прошел этот день. На следующее утро мы вновь отправились на поиски Бедри. Но кто мог его знать в огромном городе? Прослонявшись до полудня, мы и на этот раз вернулись ни с чем. Женщина опять запричитала:

— Нет, вы знаете, что он умер! Почему скрываете это от меня?!

Ее плачу не было конца. Теперь и я не выдержал и от злости набросился с упреками на свою мать:

— Все это свалилось на мою голову из-за тебя! Если бы не ты, я бы сейчас не был здесь!

Будь в тот момент у меня в кармане деньги, я бы повернулся и уехал домой.

После полудня вдруг объявился Бедри и с ходу предъявил нам обвинения:

— Куда это вы пропали? Я с ног сбился, два дня ишу вас на вокзале.

— Мы здесь, — ответил я ему, указывая на наши вагоны. — Извини, не догадался перегнать этот товарняк на пассажирский перрон. Да и администрация виновата: разве можно такой рокошный состав держать на дальних путях?

Окружающие поддержали меня насмешливыми репликами. Поняв, что его вранье на этот раз не пройдет, Бедри замолк. Я же продолжил:

— Ты сказал, чтобы мы искали тебя в турецком консульстве. Но сам потрудились заглянуть туда лишь в день своего приезда в Тифлис, а потом исчез. Где ты был все это время?

Бедри нечего было ответить. Остальные тоже перешли в наступление:

— Какой ты начальник группы? Гоняешься за наживой, а нас довел до этого жалкого состояния. Трехдневный путь мы преодолеваем за месяц. Все сбережения истратили в этой дороге. Дешевле было бы ехать за свой счет.

Они были правы. Из четырех семей, ехавших в нашем вагоне, большинство составляли родственники Бедри. Все они рассчитывали доехать до Турции за три дня и потому запаслись продуктами равно на этот срок. Естественно, на третий день еда у них закончилась. Бедри же вез с собой целый вагон муки, но он был заперт, а сам он с нами почти не путешествовал. В результате весь вагон стал питаться моей мукой и картошкой. Мать Бедри сказала моей сестре Рахимат:

— Давайте воспользуемся пока вашими запасами. А когда появится Бедри, я заставлю его открыть вагон и вынести оттуда муку, чтобы вернуть вам долг.

Изо дня в день по ее просьбе моя сестра готовила на керосиновой плите еду (биши-уалибахи и прочее), которой затем потчевалось население всего вагона. Когда заканчивался один мешок, они открывали следующий. Бедри то появлялся, то исчезал, однако свой вагон все не открывал и муки не выносил. Мать же его продолжала петь ту же песню.

В состоянии, близком к отчаянию, мы пошли к начальнику вокзала и попросили его отправить нас как можно скорее. Подобно его коллегам на предыдущих станциях, он тоже пообещал нам сделать это при первой же возможности. Однако прошло еще два дня, прежде чем мы смогли тронуться. Что касается Бедри, он так и не успел продать муку Лугмана и решил остаться в Тифлисе вместе со своим вагоном, который перед самым нашим отправлением отцепили от состава.

Перед отправлением мы передали в консульство просьбу, чтобы к пограничному пропускному пункту Гюмри были направлены турецкие должностные лица. Но до пересечения границы нам предстояло пройти контроль российских пограничников. На станцию Гюмри поезд прибыл в вечерней темноте. За все время этого путешествия у меня нигде ни разу не попросили документы, и поскольку никто, кроме членов группы, меня не

знал, я чувствовал себя до сих пор довольно вольготно. Здесь же меня невольно охватил страх. Я понимал, что если меня задержат, то немедленно расстреляют, и тогда все мои усилия и перенесенные страдания окажутся напрасными.

В Гюмри уже пришла настоящая зима. Выпал снег. В вагонах были расставлены раздобытые где-то маленькие жестяные печки, которые мы топили досками, обломками ящиков и прочим подручным материалом. Вечером следующего дня из Карса прибыл локомотив, который должен был везти нас дальше. Теперь предстояло дожидаться приезда из Тифлиса контрольной комиссии. Она прибыла ночным поездом. Ее члены должны были сравнить состав находившихся в вагонах людей с имевшимся у них списком и проверить, не везем ли мы с собой вещей, вывоз которых из России был запрещен. Все мы, ехавшие незаконно, вышли из вагонов и разбрелись по окружающей станции территории. Контролеры с матросскими фонариками в руках стали по очереди открывать двери вагонов, начиная с самого первого. В каждом из них они зачитывали фамилии пассажиров и тщательно осматривали весь багаж вплоть до содержимого узлов. Они продвигались вперед очень медленно. Мы же внимательно наблюдали за всем снаружи и по одному осторожно поднимались в уже проверенные вагоны. К утру контроль был завершен, и эшелон без промедления тронулся в путь. Мне кажется, что я и сейчас слышу, как тогда колотилось мое сердце. Через некоторое время я почувствовал, что мы переезжаем через мост. Вскоре поезд остановился. Приоткрылась дверь, и я увидел турецкого офицера со взводом солдат. Не могу описать радость, охватившую меня в тот момент. Я словно заново родился на свет. Мою душу внезапно наполнило какое-то безмятежное спокойствие. Я теперь был в Турции.

О своей жизни в Турции я продолжу писать с того места, на котором здесь остановился.

ПРИЛОЖЕНИЕ

HAYATIM

20-1-1974
ERZURUM

Kuzey Oset yanın, Digor, Bölgesinde Digori Badelyat Kabilesi Kubat Ailesinden İlyas oğlu Temir-Bulat. 1896. senesinde Eddadımızdan öz mal olarak Baba larımıza Kalan, Bu ülkenin, ors Don, Kubat, Köyünde, dünyaya geldim; » Bu gün 1974 senesi Türkiye de Erzurumda yaşamaktayım 15 Ocak günü, 78. yaşımı bastığım için Bu 78. seneyi nasıl geçirdiğimi, Talih beni, nereden, narelere götürdüğü, ne gibi yaşantıları tattırdiğini, Memleketten, Baraklara niçin ve nasıl düştüğümü; Hayatla ne gibi mücaddele, zorluklar gördüğümü, Bunları Hikâye etmek, ağızdan konuşup çok kolay geliyor; çünkü sözler hep, havaya karışıyor, ve sanki bir Rüya anlatılıyor gibi boş geliyor dinleyenların; ve dostlarına anlatıldığım zaman, çok tatlı tatlı dinlerler, hikâyeme dinler, etmemi, ısrar ederler, ama, Ben, geçirdiğim çetin ve ölüml tehlikeli, anlırı, hiç unutmuyorum. de anlatırken aynı mâzaralar karşısındayım gibi içim titriyor, Şimdi maksadım; Bu yaşa geldim, henüz vanda şükürler olsun, Kendimde bir Binalım, ve ya Takatsızlık, gibi bir şey his etmiyorum. Bu kadar çetin yümler gördüğümde rağmen, Sapa Sağlam ve dinçim; ve hulen geçirdiğim gibi saati saatına, hatırımında olduğuma, inanıyorum, Her Bunu Kondime göre, bir Dile yetirmeye çalışmaktan her zevk duyuyorum, Bakalım yara bilecek miyim. yara bildiğim kadar, Belki Torun larım, okurda eğlenirler, zaten işim yok, boşum. yoksa Bir Kitap yazmak maksadıyla değil. » Demirbolat.

Первая страница авторской рукописи воспоминаний
Темирболат Кубатиева

Турк ма цауам
Турк ма цауам... II

Ена бари цауам
Лидзга Жанама... II

Харз бон заггам
райгуран Хахдан... II

Харзбон заггам
райгуран басдан... II

Харзбон ~~Харзбон~~
на Хахда на бсда... II

Никкаут нирризут
Сымах на фсда... II

Мах уа кун цауам
дәрд бсдаме... II

Нал уам арцаудыздам
Мах фсдаме... II

Нал уа фендыздам.
Нал уа фендыздат... II

Махан на Вагетда
фәраст илди... II

Беслани Хвауай
нын рарастысда... II

Брозна ией
нын ацадысды... II

разма цауам
фсдаме Касга... II

Нал нам зиниң
на ири Хахда... II

Нал нам зиниң
на ири бсда... II

Харзбон

Текст песни «Размә цауәм, фәстәмә кәсгә», сымпровизированной Темирболатом Кубатиным на пути с родины в Турцию и частично восстановленной им по памяти (автограф, 1980 год)

ГЭГЭЙСДӨНН ЦУЧСДОН

Фэсэсэ дай, Гэгэйнсөөнн цынсөөнн
Маху сэргэйдэй, знойжы фэноногай.

Ныр хэрэвсөн, хэрэвсөн райгүрэн хэвтэж
Нал мээ фэноногүсүт, Нал үсэ фэноногүсөнн.

Эг олон цэвүрн, сөнсэ олон зынсөөнн мээ
Донсэ мээлэст мээ, сэвнэжы мээлиг мээ
Цай тэвхүдэй ийэг, үи мнн сэнхэсэвдэж
Мээ түүсэй дээг хэвэлэс, оуу суунонгой

Үи мнн ннхкөөдүжэн, црэн фэсэй вэст, црэн үнэжэжтээ
Схалармнн кээнтү црэн цэвсөөнн мээ
Вай тэвхүдэйг үи мнн суунонгойтэн
Мээ инсөөнн ал фэвэс бүүгэн өвөржэжтээ

Вай хэс нийсэрсээ Нал сэрынцэйдүжэнээ
Мээ фэвэс бөнн мээтээсэй
Нал мнн сэнхэсэвдэжтээ црэн цэвсэ тннхэй
Хэс кээнтү цэвсэ цуухээ...

ГЭГЭЙСДӨНН ИРИСДОН

Тээсэруу, Гэгэйнсөөнн иргэсөөн
Маху элвэйлэй, үзлэс фэноногай
Ныр хэрэвсөн, хэрэвсөн гэгэйнсөөнн бөтлэ
Хал мээ фэноногүсүт, хал үсэ фэноногүсөнн.

Эг олон хэвэлэст мээ нам зынсөөнн мээ
Вэвэс мээлэст, эгэсэс мээлэст
Цуу тэвхүдэйг, эи мнн өвөржэжтэн
Мээ түүсэй дээг фэвэс, оуу суунонгой

Эи мнн ннхкөөдүжэн, эи мнн ннхкөөдүжэн, иргэсэвэй иргэсэвэй
Завартан кээнтү иргэн тээсэвэй үсэ
Вуу тэвхүдэйг эи мнн өвөржэжтэн
Мээ иргэн ал фэвэс бүүгэн бөгөөтээ

Вуу мээ түүсэйг ал өвөржэжтэн
Мээ фэвэс бөнн мээтээсэй.
Хал мнн сэнхэсэвдэжтээ иргэн тннхэй
Мээ кээнтү тээсэвэй түүсэ

Текст песни «Гэгэйнсэдөнн Ирыстон», записанный Айтэком Кубатом
со слов отца кириллицей и латиницей

Слева направо стоят: Темирболат Кубатиев, его шурин Хамди Хосонов, брат Алихан ; сидят: мать Фаризат (урожденная Каражаева) и жена Фатима (урожденная Хосонова). Эрзурум, 1930 год

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абезиванов Исмаил 114.
Абисалов Алибек 407.
Абисалов Асланбек (Абе) 79, 80.
Абисалов Бедри 394, 397-399, 404, 406-411.
Абисалов Бекмирза 80.
Абисалов Ибрагим (Боря) 352, 354-366.
Абисалов Муса 166-175, 188, 189, 198.
Абисалов Сафарбек 352.
Абисалов Темирболат 355.
Абисалов Умар 38.
Абисалов Хаджумар 327.
Анзоров Мудар 111, 143, 165, 208, 216.
Анофиров (Ануфриев? Анферов?), полковник 177-179, 192, 197, 198, 211.
Астемиров Адильгери 320, 324.
Астемирова Пашахан 320, 324.
Ататюрк, см. Мустафа Кемаль-паша.
Ахберди, торговец в Цмити 49, 52-55.
- Басаев Мухар 55, 56.
Баскаев Эльмирза 40.
Бекович-Черкасский Тембот 70, 111, 174, 178, 182, 190.
Бесолов Казихан (Володя) 69, 73-75, 84, 90, 91, 98, 100.
Бесолов Татаркан 14.
Бицо, беженец из Урсдона в Ногкау 337.
Бичерахов Магомед 126, 127, 152, 154, 156, 168, 169.
Боби, сторонник большевиков в Урсдоне 82.
Боташев Касым 332.
- Ваниев Володя 323.
Врангель, генерал 63, 292, 304, 308, 318, 320, 328.
- Габуев Илас 402.
Гайтаоглу (Гайтов) Эльбрус 296.
Галаев Ванко 154, 155, 159, 165, 289.
Гасанилов, полковник 161, 228, 230, 231.
Голиев, полковник 306, 307, 320, 345.
Горскин, ротмистр 179, 189, 192.
Гуди, житель Урсдона 81.
Гурджибеков Костя 159-164.
Гусалов Бибо 322.
Гусалов Кыргыз 321-323, 325.
Гутиев Ахтемир 69, 79, 87, 99, 101, 223.
- Деникин, генерал 63, 64, 66, 165, 215, 219, 220, 320.
«Джигит», осетинский большевик 308, 310, 311, 313, 314.
Дзаболов Мирза 104, 105.
Дзаболов Хаджимирза 41.
Дзантиев Махамат 289-291.
Дзантиев Хазмат 283.
Дзантиев Ханджери 289, 290.
Дзугаев, полковник 65, 66, 83.
Дорофеев, полковник 225.
Дударов Абисал 70.
Дударов Ахмат 212, 263, 379, 381, 382, 388-390.
Дударов Дударыко 285, 287.
Дударов Налык 287.
Дударов Темирболат 213, 214.
- Елекоев Тамби 298, 301, 303.
Елоев Хаматкан 50-52, 55.
Есиев Абе 348-349, 352.
Есиев Беба 348.
Есиев, боец во 2-м Осетинском полку 103.
- Жидаев, ротмистр 116, 118, 122, 125, 131.

Зекеев Хаджумар 78, 82, 254.

Зурапов Бекир 143.
Зурапов Элькан 345, 347.
Зурапова-Суншева Ханифа 143.

Икаев, полковник 77-79.

Кабанов Тазрет 402, 404.
Казанчоков Пшимахо 188, 189.
Кази-Магомед, житель Долакова 278, 280.
Калмыков, большевистский лидер в Кабарде 171, 178.
Кантемиров Алихан 231, 298.
Кантемиров Бекир 27.
Кантемиров Мурат 397-399.
Карабугаев Абдурахман (Солтан) 69, 141, 143, 224, 226, 232, 246.
Карабугаев Аслангери 65.
Карабугаев Махамат 232, 246.
Карабугаев Осман 241, 242, 245, 246.
Карабугаев Умар 80, 257, 264, 269, 274, 276, 279.
Карабугаев Хаджимирза 61, 66, 141, 143, 162, 164.
Карабугаев Хаджимурат 311, 347.
Караев Сафар 183.
Каражаев Аслангери 74.
Каражаев Бурнац 71-74, 76.
Каражаева-Дударова Фуза 263.
Каражаева-Кубатиева Фаризат 73.
Катханов Назир 171, 174, 178-180, 187, 216.
Келеметов Ибрагим 116, 117.
Козырев Боца 339-340.
Колчак, адмирал 63.
Костенджи Адам 126, 128, 202-204, 211, 220, 227, 228, 239.
Коцев Пшимахо 119.
Кошироков Пшимахо 170.
Кубатиев Алихан 28, 29, 34, 225, 279, 285, 287, 288, 325, 369, 375, 386-389.
Кубатиев Асланбек (Мамек) 85, 86, 100, 321, 323, 347, 354, 367.
Кубатиев Асланбек (Шанге) 295.
Кубатиев Гетагаз 31.
Кубатиев Гулчуко 109.
Кубатиев Дохцуко (Доко) 299, 301, 304, 305, 320, 322-324, 345, 356, 359, 363-367, 395.
Кубатиев Заурбек 31.
Кубатиев Ибрагим 33-36, 45.
Кубатиев Илас 11, 37, 73, 214, 290, 329, 330.
Кубатиев Инал 27, 28.
Кубатиев Касполат 382-387, 400.
Кубатиев Кубади 224, 226, 234, 239, 240, 261-264, 269, 274, 276-280, 330, 331, 336, 338-344, 347, 368.
Кубатиев Махамат 101, 295.
Кубатиев Махар 44, 65.
Кубатиев Мирзабек 329, 330.
Кубатиев Мурат 212, 240, 262.
Кубатиев Сафар 17.
Кубатиев Тазрет 38, 40.
Кубатиев Умар 12, 41, 54, 65, 67, 110, 226, 290.
Кубатиев Хаджимирза 311-314.
Кубатиев Хаджитатаркан 31.
Кубатиев Хаджумар 382, 383, 385, 387.
Кубатиев Хангери 80, 81, 382, 388.
Кубатиева Рахимат 367, 372, 397, 411.
Кубатиева Хамидат 386.
Кубатиева-Анзорова Фуза 111, 112, 165, 208.
Кубатиева-Казанчокова Ася 189.
Кубатиева-Коширокова Кошерхан 170.
Кубатиева-Мистулова Диссагет 117.
Кулов, житель Хаталдона 345.
Кундухов Бекир (Кундух Бекир Самибей) 213, 342.
Кундухов Муса (Муса-паша) 342.
Кундухов, ротмистр 289, 291, 292.
Кундухова-Дударова Сахар 213, 214.
Кусов Бимболат 291.
Кусова Лёля 401.

- Лалаев, майор 130-134.
Латиф (Лате), житель Суадага 301, 302.
Ленин 24, 25, 215, 216, 242, 310, 372, 380, 381, 398.
Лугман, осетинский переселенец в Турцию 408, 409, 411.
Лютфю Фикри-бей 394-397.
- Мамсуров Махарбек 279, 280, 285.
Мамсуров Хаджимуса (Дзибусса) 404, 406.
Марзаганов Дзатте 344.
Марзагановы, владельцы магазина в Харисджине 46, 49.
Микаил, житель Долакова 266, 277-279.
Мисаков Гёкгёз 218, 229.
Мисаков Султан 207-209, 213, 214, 218.
Мисаков Хаджимирза 119, 171-173, 175-179, 183, 186, 187, 207-210, 218.
Мисакова Люся (Нефисет) 119, 171, 208.
Мистулов Асламирза 117.
Мистулов Асланбек 117.
Мистулов Гина 117.
Мистулов Дзан 117.
Мистулов Тулат 117.
Мистулов Хаджумар (Хаджи) 112-114, 117, 147, 148, 152, 158.
Мистулов Эльмирза 117.
Михаил, ротмистр 182.
Моргоев, житель Карджина 282.
Муса, житель Назрани 269, 274-278.
Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк) 298, 394, 395.
Мухтаров, «нефтяной король» в Азербайджане 260, 261.
- Наврузов, князь 182.
Николай Николаевич, великий князь 229.
Нури-паша 215.
- Огюн Гази-бей (Хосонов Казбек) 325, 326.
Пацюк, полковник 305.
Пипиков, начальник Особого отдела 357-360, 363-367.
- Романов Николай (Николай II) 17, 19.
- Серебряков (Даутоков) Заурбек (Зор) 64, 67, 69, 70, 72, 110, 119, 120, 171, 208.
Сталин (Дзугашвили, Дзугаев) 66, 252.
Суншев Маштай (Паша) 143.
Суншев Навруз 182, 183.
- Тази, житель Чиколы 73, 74.
Таутиев Амирхан 341.
Таутиев Заурбек 339, 341.
Таутиев Казбек 339, 341.
Тезиев Касболат 105.
Темирканов Аскербек 170, 171, 173, 175, 181, 186, 187, 196, 209, 329.
Тотиков Андурзак 334.
Тотиков Барысби 334-336.
Тотров Митки 315-317.
Туганов Азгери 231-233, 235-237, 243, 245-248, 255-258, 260, 377, 393.
Туганов Алихан 29, 377, 378.
Туганов Амирхан 29, 320, 395, 396.
Туганов Асланбек 29.
Туганов Афако 324.
Туганов Исмаил 29, 322, 332.
Туганов Махарбек 84, 85.
Туганов Саладин 112, 114.
Туганов Татаркан 377, 379, 393, 397.
Туганов Туган 104, 231, 313, 317, 318, 361, 377, 393.
Туганова Миде 324.
Туганова Фатима 379.
Туганова-Мухтарова Лиза 260, 261.
Тхостов Казбек 362, 366.
- Хабаев Бета 70, 111.

Хадарцев Шолох 58, 59.
Хадиковы, владельцы мельницы во Владикавказе 400.
Хаев, житель Лескена 328-331.
Хаев, поручик 327, 328, 331, 332.
Хасан, турок, боец Добровольческой армии 121, 122, 125.
Хетагуров Коста 319.
Хосонов Казбек, см. Огюн Гази-бей.
Хосонов Хаджимуса 367, 369, 371-373, 388, 389, 397.
Хосроевы, семейство в Цифгуне 76.
Хрущев 373.

Цаликов Алмахсит 345.
Цаликов Ахмат 59.
Цаликов Гоци 59.
Цаликов Дзабе 59, 302.
Цаликов Дзарахмат 59-61, 336.
Цаликов Махамат 59.
Цаликов Угалук 42, 44, 345.
Цаликов Хакясе 59, 302.

Цаликов Хасан 41.
Цопанов Кобор 315-317.
Цуров Мисост 212, 240, 262, 263-265.
Цуров Худаберди 262, 263.

Чермоев Абдул-Мажид 215.

Шакманов Асланбек 173, 176, 186.
Шакманов Умар 197, 199, 318.
Шанаев Гина 43.
Шанаев Дохцыко 279.
Шанаев Хаджимирза 69, 71-75, 84, 85, 87, 89, 90, 95, 101, 223, 224.
Шили, житель Цмити 52-55.
Шкуро, генерал 62.
Шутов, урядник 136, 137, 140.

Эльмирза, житель Фиагдона 362.
Энвер-паша 215.
Эрдели, генерал 159, 162-164, 191, 204, 207, 211, 304, 318.

УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

- Алагир 14, 41-43, 295, 316, 344.
Александровская 192.
Анзорово, см. Хату-Анзорово.
Анкара 69, 105, 244, 296, 313.
Аргудан 171, 184, 186.
Ардон 65, 83, 196, 197, 199, 295, 314, 342, 344, 345, 402.
Архонская 23, 200, 314, 342.
Архонский хутор 200.
Астемирово 319, 321, 322, 324, 325, 332, 334, 339.
Астрахань 88.
- Баку 228, 229, 231-235, 237, 238, 259, 260, 262, 270, 277, 283, 292, 370, 401, 406-409.
Баладжары 229, 230, 408, 409.
Балта 212, 213.
Батако 266.
Батум 223, 225.
Беслан 69, 154, 279-281, 307, 319, 373, 375-378, 404, 407.
Бирагзанг 384.
Бозат 367, 370, 393, 394, 397.
Брамта 120.
Брут 266, 279-281, 283, 284, 290, 292, 319, 336, 338, 340-342, 367, 368, 374-377, 392, 400.
Буан 327, 328, 333.
- Владикавказ 14, 17, 20, 45, 54, 70, 108, 109, 111, 152-154, 157, 166, 171, 191, 200, 201, 207, 211, 217, 219, 223, 224, 270, 298, 307, 308, 310, 314, 321, 324, 337, 352, 355, 362, 367, 375-378, 391, 394, 395, 397, 404.
Временный 324, 335.
- Гизель 266, 306, 314, 316, 345, 355, 389, 400.
Гори 252.
Гусура 43, 46, 57, 58, 346, 347, 361.
- Гюмри 394, 411, 412.
- Даллагкау 46, 56.
Даргкох 85, 224.
Дербент 266.
Дзарасте 70, 117, 126, 162.
Дзивгис 56.
Дзуарикау 42, 306, 316, 347, 361.
Догуат 331.
Докшоково 174.
Долаково 266, 277, 278, 280.
Дур-Дур 345.
Душет 220.
- Задалеск 79.
Заманкул 50, 280, 291, 319, 339-342, 373.
Зильга 266, 280, 319, 372, 389.
Змейская 194, 333.
- Ирикау 390.
- Кадгарон 43, 294, 295, 314, 344.
Казбек 218, 219.
Кайсын-Анзорово 183, 184.
Каккадур, см. Даргкох.
Карагач 34-36, 38, 40, 69, 75, 149, 224.
Каражаево 14, 65, 67, 71, 73, 166, 327, 333.
Каракурт 78.
Караурган 15, 394.
Карджин 282.
Карман 282, 284.
Карс 14, 393, 395, 412.
Карца 43, 45, 48, 54-56, 58, 60, 279, 336, 347, 348, 360, 368.
Кастамону 69.
Кизляр 120, 123, 125, 126, 155.
Клишбиево 178-180, 183, 184, 186, 194.
Кобан 382-386, 399.
Кожоково, см. Нижнее Кожоково.

Колонка (близ Нальчика) 179.
Кора 34, 149.
Кошироково 170.

Ларс 212, 213.
Лац 46, 47, 56.
Левокумское 87, 89, 90, 93, 102, 104, 107.
Ленкорань 233, 235-237, 251.
Лескен 327-329.

Майрамадаг 308, 316.
Мисостово 174, 183.
Москва 136, 394, 395.
Муртазово 321, 324.
Мицхета 222, 223, 239, 240.

Назарань 269, 272, 274, 277, 407.
Нальчик 64, 67, 70, 110, 111, 116, 120, 123, 140, 141, 143, 154, 157, 159, 164, 165, 170, 176, 178, 179, 182, 187-190, 200, 208, 223, 275, 289-291, 327, 328, 331, 332.
Насыр-корт 274.
Нижнее Кожоково 187, 189, 190, 192.
Новороссийск 326, 333.
Ногкау 23, 34, 36, 40-44, 48, 55, 58-61, 105, 292, 294, 297, 299, 302, 306, 314, 316, 336, 337, 345, 361, 368, 383-386, 400.

Ольгинское 266.

Поти 197, 225, 232, 318.
Прохладное 87, 154.

Редант (Фыдхуз) 17, 211, 239, 262, 265.
Ростов 321, 393, 397.

Самсун 143.

Сарыкамыш 14, 17, 254, 393, 394.
Святой Крест 86-88, 96, 101, 107.
Сивас 326.
Синдзикау 149.
Ставрополь 96.
Стамбул 29, 69, 119, 333, 377.
Стур-Дигора 82.
Суадаг 44, 292, 299, 301, 316, 342, 355.

Тарки 266.
Текатикау 398.
Тифлис 14, 17, 211, 219, 223, 232, 234, 259, 262, 270, 304, 308, 408-412.
Трабзон 197.

Урсдон 11, 61, 149, 224, 281, 391.
Утта 95.

Фиагдон 306, 314, 361.

Хамамлы 393, 398, 394.
Харисджин 46, 49, 55, 56.
Хаталдон 44, 306, 316, 344, 345.
Хату-Анзорово (Анзорово) 68, 171, 184-188, 194.
Христиановское 25, 60-62, 83, 245, 298.
Хумаллаг 266.

Царицын 111.
Цифгун 76.
Цмити 49, 56, 57.

Чикола 70, 72, 74.
Чми 212.

Эльхотово 171, 194, 319, 333, 335.
Эрзурум 11, 14, 295, 308, 325.
Эскишехир 182.

Научное издание

КУБАТИЕВ ТЕМИРБОЛАТ

ВОСПОМИНАНИЯ ОСЕТИНСКОГО ЭМИГРАНТА

ЧАСТЬ I

МОЯ ЖИЗНЬ НА КАВКАЗЕ

Перевод с турецкого языка,
предисловие и примечания **Г.В. Чочиева**

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 25.12.2014.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Печать цифровая.
Гарнитура шрифта «Myriad».
Усл.п.л. 24,1. Тираж 100 экз. Заказ №162.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павдлвский, 3